

ООО «Наука и образование»

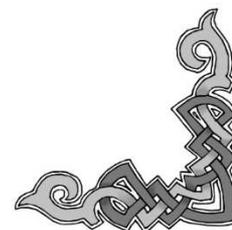
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 4
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 4

Часть 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

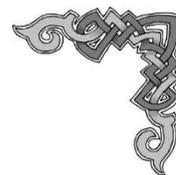
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

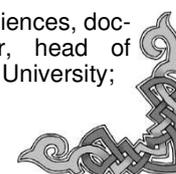
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovall, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, corresponding member REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

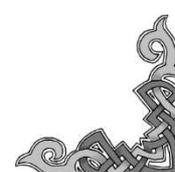
Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Демографический состав населения на Северном Кавказе	13
Аксенова В.В. Формы реализации общественного контроля в формировании комфортной городской среды	18
Арамян К.А., Панченко О.Г. Стратегии развития детского отдыха и оздоровления: приоритеты управления	24
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Метаболизация городской культуры как возможность и реальность	31
Беликова Н.Ю., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Институциональное взаимодействие религии и образования в современном российском обществе	38
Берзин А.Б. Оценка состояния и проблем среднего образования актерами образовательного пространства мегаполиса	43
Викторов А.Ш. Социология социального неравенства как научная дисциплина	48
Воробьев А.А., Великих А.С., Кладова Е.А., Рыбак А.М. Исследование возможностей метода деревьев классификации по перераспределению неопределившихся респондентов	55
Галанова К.В. Рынок труда будущего. основные тренды	59
Гафиатулина Н.Х. Гендерная картина сферы социального здравоохранения в период пандемии	63
Гречихин В.Г. Женская занятость в Хабаровском крае в условиях пандемии	68
Гришай Е.В., Люев Т.Х., Шубакин А.А. Проблемы и положительный опыт реализации основной программы профессионального обучения в период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19	73
Гущина Н.А. Специфика высшего образования в социализации современной молодежи в информационную эпоху	78
Денисова Ж.А. Классификация кадровых рисков в управлении персоналом государственной гражданской службы	82
Зенин К.А., Ишунин В.А. Особенности структуры «власть-пресса-общество» в России	87
Казибекова Н.А., Джалалова Т.Ш., Акавова Г.К., Агасиева М.Н. Роль государственного регулирования в развитии туризма в регионе	91
Каспаров А.Р., Акчурин И.С. Профессиональная этика полицейских как объект социологического анализа	94
Кильдюшева О.А. К вопросу о среднем классе в российском обществе: проблемы определения и исчисления	98
Ковалева А.В. Проблемные семьи в современном российском обществе	102
Козлов В.Г. Проблемы проведения оценки регулирующего воздействия: федеральный и региональный уровни	105

Курбатов В.И., Папа О.М. Цифровые права и цифровое гражданство в контексте цифровой глобализации	108
Курганов М.А. Проблема осыпания выборки лонгитюдных исследований в социологии	114
Кустова Н.А., Дмитриева И.С., Копылов С.И. Направления предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума	116
Лилюхин А.М., Василенко М.А., Баблюян Н.В., Лебедева Д.С. Социальное неравенство российского общества на современном этапе: особенности и ограничения в условиях пандемии COVID-19	121
Литвинова В.Ю., Борисова А.А., Телеш А.Д. Социальные мифы как средство манипуляции массовым сознанием	125
Магаррамов М.Д. Образ жизни россиян в контексте вызовов и угроз национальной безопасности	130
Мельникова Н.Е., Третьякова И.Д. Стратегии потребления студентов вузов в период пандемии: экологический фактор	137
Пусько В.С. Научно-техническая интеллигенция России в структуре современного социума	142
Романенко В.Д., Осипов О.Г., Омельченко И.В., Максимов М.В. Анализ проблем развития муниципально-частного партнерства в России	146
Ситникова В.В., Нюхтик Е.С. Развитие инклюзивного образования в России: историко-теоретические основы	150
Слесарев А.В. Оценка эффективности региональных социально-реабилитационных программ наркозависимых на примере Хабаровского края (социологический анализ)	155
Тамбиянц Ю.Г., Кушу А.М., Цыганкова М.М. Социально-экономические аспекты трудовых отношений на современных российских предприятиях	163
Тужба Э.Н. Сексуальность Средневековья и Нового времени в концепции М. Фуко: часть 2	171
Фокина Е.С. Влияние СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности	174
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахтина Т.А. Оценка работы студентов медицинского вуза в образовательном портале	177
Шамаева К.М. Трансформация ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческие различия	181
Шмарион Ю.В., Ваш Ю.Ф. Управление малым бизнесом в условиях нестабильной социально-экономической среды	184

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmax, Igor V. Omelchenko Demographic composition of the population in the North Caucasus	13
Veronika V. Aksenova Forms of public control of implementation in the formation of a comfortable urban environment	18
Karine A. Aramyan, Olga G. Panchenko Strategies for the development of children's recreation and tourism: known and unknown resources	24
Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval Urban culture metabolism as a possibility and reality	31
Natalia Yu. Belikova, Andrey V. Rachipa, Sergey I. Samygin Institutional interaction of religion and education in modern russian society	38
Andrey B. Berzin Assessment of the state and problems of secondary education by the actors of the educational space of megapolis	43
Alexander Sh. Viktorov Sociology of social inequality as a scientific discipline	48
Andrey A. Vorobyov, Alexandr S. Velikikh, Elena A. Kladova, Alexey M. Rybak Research of the possibilities of the trees classification method for restricting uncertain respondents	55
Kseniia V. Galanova Future labor market. Main trends	59
Natalya Kh. Gafiatulina Gender picture of the sphere of social health care in the pandemic period	63
Vladimir G. Grechikhin Women's employment in the Khabarovsk Territory in the context of a pandemic	68
Elena V. Grishay, Timbot Kh. Luyev, Alexey A. Shubakin Problems and positive experience in the implementation of the main vocational training program during the period of ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population in the territory of the Russian Federation in connection with the spread of the new coronavirus infection COVID-19	73
Natalya A. Gushchina Specificity of higher education in the socialization of modern youth in the information age	78
Zhanna A. Denisova Classification of personnel risks in the personnel management of the State Civil Service	82
Konstantin A. Zenin, Vladimir A. Ishunin Peculiarities of the «power-press-society» structure in Russia	87
Naida A. Kazibekova, Tatyana Sh. Dzhalalova, Gozel K. Akavova, Magrifa N. Agasieva The role of state regulation in the development of tourism in the region	91
Asker R. Kasparov, Ildar S. Akchurin Professional ethics of police officers as an object of sociological analysis	94
Anna V. Kovaleva Problem families in modern Russian society	98
Olga A. Kildyusheva On the issue of the middle class in russian society: problems of definition and number	102

Vladimir G. Kozlov Regulatory impact assessment problems: federal and regional levels	105
Vladimir I. Kurbatov, Olesya M. Papa Digital rights and digital citizenship in the context of digital globalization	108
Mihail A. Kurganov Sample attrition in sociological longitudinal studies	114
Natalia A. Kustova, Irina S. Dmitrieva, Sergey I. Kopylov Directions to prevent the exclusion of elderly people from the life of society	116
Andrey M. Lilyukhin, Marina A. Vasilenko, Nataliya V. Babloyan, Diana S. Lebedeva Social inequality of russian society at the present stage: features and limitations in the context of the COVID-19 pandemic	121
Victoria Yu. Litvinova, Anna A. Borisova, Andrey D. Telesh Social myths as a means of manipulating mass consciousness	125
Magarram D. Magarramov The way of life of Russians in the context of challenges and threats to national security	130
Nataliia E. Melnikova, Irina D. Tretyakova Consumption strategies of university students during the pandemic: an environmental factor	137
Vitaly S. Pusko Scientific and technical intelligentsia of Russia in the structure of modern society	142
Vladislav D. Romanenko, Oleg G. Osipov, Maxim V. Maximov, Igor V. Omelchenko Analysis of the problems of municipal-private partnership development in Russia	146
Victoria V. Sitnikova, Elena S. Nyukhtik Development of inclusive education in Russia: historical and theoretical foundations	150
Alexander V. Slesarev Sociological analysis of performance assessment of social rehabilitation programs for drug-addicted (regional research experience)	155
Yulian G. Tambiyants, Arsen M. Kushu, Marina M. Tsygankova Socio-economic aspects of labor relations at modern Russian enterprises	163
Emir N. Tuzhba Sexuality of the Middle, Ages and Modern Times in the Concept of M. Foucault: Part 2	171
Elena S. Fokina The influence of the media on the management of public opinion in a rapidly changing reality	174
Inna R. Shagina, Alia S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Evaluation of the work of students of a medical university in the educational portal	177
Kristina M. Shamaeva Transformation of youth value orientations: intergenerational differences	181
Yuri V. Shmarion, Yuri F. Vash Small business management in an unstable socio-economic environment	184

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
sergej.stelmax@mail.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Аннотация. В стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года дана характеристика демографической ситуации в округе. Авторами отмечается, что в последние десятилетия в результате возросшей рождаемости, снижающейся смертности и интенсивных миграционных процессов, общая демографическая ситуация стабилизировалась. В Стратегии отражена демографическая ситуация по состоянию до 2010 года. Авторы полагают целесообразным рассмотреть демографический состав населения, используя опубликованные официальные статистические данные за 2019 год.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Security
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmax

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

**DEMOGRAPHIC COMPOSITION
OF THE POPULATION
IN THE NORTH CAUCASUS**

Annotation. The strategy for the socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025 describes the demographic situation in the district. It is noted that in recent decades, as a result of increased fertility, declining mortality and intensive migration processes, the overall demographic situation has stabilized. The Strategy reflects the demographic situation as of 2010. It would be appropriate to consider the demographic composition of the population using the published official statistics for 2019.

Ключевые слова: беженец, брак, возрастная структура, временное убежище, вынужденный переселенец, городское и сельское население, демографическая нагрузка, женщины, коэффициент, миграция, мужчины, прирост, ожидаемая продолжительность жизни, плотность населения, развод, рождаемость, смертность, соотечественник.

Keywords: refugee, marriage, age structure, temporary shelter, internally displaced person, urban and rural population, demographic burden, women, coefficient, migration, men, increase, life expectancy, population density, divorce, fertility, mortality, national.

В состав Северо-Кавказского федерального округа входит 7 субъектов Российской Федерации – шесть республик и один край. На территории в 170,4 тыс. кв. км. в 2019 году проживали 9 млн 930 тыс. 933 человека, 6,767 % населения страны [2]. Численность населения Дагестана составила 3 млн 110 тыс. 858 человек, Ингушетии – 507061 чел., Кабардино-Балкарии – 868350 чел., Карачаево-Черкесии – 465528 чел., Северной Осетии-Алании – 696837 чел., Чечни – 1 млн 478 тыс. 726 чел., Ставропольского края – 2 млн 803 тыс. 573 чел.

Существует три варианта прогноза численности населения с 2021 до 2035 года.

Согласно низкого варианта, население округа должно сократиться с 9 млн 959,8 тыс. до 9 млн 854 тыс. человек. Согласно среднего варианта – должно увеличиться с 9 млн 974,9 млн до 10 млн 351,6 тыс. человек. Согласно высокого варианта – увеличиться с 9 млн 991,1 тыс. до 10 млн 737,4 тыс. человек [3].

В соответствии с этими вариантами прогноза, численность населения может быть:

– в Дагестане – 3 млн 167 тыс. чел.; 3 млн 298,8 тыс. чел.; 3 млн 402,6 тыс. чел.;

– в Ингушетии – 554,4 тыс. чел.; 573,6 тыс. чел.; 591,3 тыс. чел.;

– в Кабардино-Балкарии – 823,3 тыс. чел.; 860,7 тыс. чел.; 894,4 тыс. чел.;

– в Карачаево-Черкесии – 427 тыс. чел.; 448,6 тыс. чел.; 466,9 тыс. чел.;

– в Северной Осетии-Алании – 614,2 тыс. чел.; 645,7 тыс. чел.; 671,9 тыс. чел.;

– в Чечне – 1 млн 659,8 тыс. чел.; 1 млн. 740,1 тыс. чел.; 1 млн 792,4 тыс. чел.;

– в Ставропольском крае – 2 млн 628,3 тыс. чел.; 2 млн 784,1 тыс. чел.; 2 млн 917,9 тыс. чел.

Следует отметить, что в округе существует высокая плотность населения: 58,3 на 1 кв. км. Это – 2 ранг плотности населения по отношению к плотности населения страны [2]. Самая высокая плотность населения была в Ингушетии – 138,9 (1 ранг в федеральном округе и 5 в стране). 7 ранг в округе и 33 в стране имела Карачаево-Черкесия при плотности населения в 32,6 человека. В Дагестане плотность населения; ранги в округе и стране соответственно составили 61,9; 5; 13. В Кабардино-Балкарии – 69,6; 4; 10. В Северной

Осетии-Алании – 87,2; 3; 7. В Чечне – 94,5; 2; 6. В Ставропольском крае – 42,4; 6; 23.

В большинстве регионов Северного Кавказа преобладает городское население.

Для некоторых регионов также характерно превышение миграционного оттока населения над его естественным приростом. Однако, например, для Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Чечни, наоборот, отмечается естественный прирост над миграционным оттоком.

В округе на 1 тыс. мужчин приходилось 1104 женщины, в Дагестане – 1070, в Ингушетии – 1195, в Кабардино-Балкарии – 1128, в Карачаево-Черкесии – 1157, в Северной Осетии-Алании – 1158, в Чечне – 1028, Ставропольском крае – 1141 [4].

Возрастная структура населения включает в себя три категории населения. Население моложе трудоспособного возраста составило 24 %, трудоспособного – 58,3 %, старше трудоспособного – 17,7 %. Наиболее высокая доля населения моложе трудоспособного возраста была в Чечне (33,4 %), трудоспособного – в Дагестане (60,6 %), старше трудоспособного – в Ставропольском крае (24 %). Наиболее низкая доля населения по соответствующим возрастным группам была в Ставропольском крае (18,8 %), в Северной Осетии-Алании (56 %), в Чечне (10,3 %). На 1 тыс. человек трудоспособного возраста приходилось 717 человек нетрудоспособных возрастов, в том числе, 413 человек моложе трудоспособного и 304 человека старше трудоспособного возраста. Наибольший общий коэффициент демографической нагрузки был в Северной Осетии-Алании (786), людей моложе трудоспособного возраста – Чечне (594), старше трудоспособного – Ставропольском крае (419).

По общим коэффициентам рождаемости и смертности – числу родившихся и умерших на 1 тыс. человек населения округ занимал 1 место, Дагестан – 4 и 4, Ингушетия – 3 и 1, Кабардино-Балкария – 16 и 8, Карачаево-Черкесия – 21 и 10, Северная Осетия-Алания – 12 и 15, Чечня – 1 и 2, Ставропольский край – 37 и 22. Суммарный коэффициент рождаемости был 1,784 ребенка на одну женщину, в Дагестане – 1,800, в Ингушетии – 1,826, в Кабардино-Балкарии – 1,514, в Карачаево-Черкесии – 1,475, в Северной Осетии-Алании – 1,750, в Чечне – 2,576, в Ставропольском крае – 1,419. В стране он был равен 1,504.

По ожидаемой продолжительности жизни при рождении округ занимал 1 место для всего населения, мужчин и женщин (76,64 лет; 72,92 года; 80,05 года), Дагестан – 2 место (79,10; 76,62)

и 3 – для женщин (81,44), Ингушетия – 1 (83,40; 80; 86,27), Кабардино-Балкария – 4 (76,46), 5 (72,62), 8 (79,84), Карачаево-Черкесия – 6 (76,21), 7 (71,68), 5 (80,40), Северная Осетия-Алания – 8 (75,75), 9 (70,52), 4 (80,57), Чечня – 7 (75,88), 4 (73,61), 35 (77,97), Ставропольский край – 12 (74,66), 10 (74,10), 13 (78,90).

На 100 тыс. человек населения умерли (без показателей смертности от внешних причин) 698,9 человека, в трудоспособном возрасте – 244,1 чел., в Дагестане – 454,4 и 159,1 чел., в Ингушетии – 286,3 и 142 чел., в Кабардино-Балкарии – 787 и 280,4 чел., в Карачаево-Черкесии – 851,9 и 315,5 чел., в Северной Осетии-Алании – 984,9 и 342,5, в Чечне – 420 и 164,6, в Ставропольском крае – 1065,5 и 357,9 чел.

Существует высокий уровень младенческой смертности. Округ занимал 8 место (6,3 умерших на 1 тыс. родившихся живыми), Дагестан – 81 (7,7), Ингушетия – 69 (6), Кабардино-Балкария – 49 (4,9), Карачаево-Черкесия – 58 (5,4), Северная Осетия-Алания – 71 (6,1), Чечня – 61 (5,6), Ставропольский край – 63 (5,8). В стране коэффициент младенческой смертности равен 4,9.

Демографический состав населения включает в себя браки и разводы. В округе на 1 тыс. браков приходился 451 развод, общий коэффициент брачности на 1 тыс. человек населения равен 5,1, коэффициент разводимости – 2,3, меньше общероссийских показателей (653; 6,5; 4,2). В Ставропольском крае было наибольшее соотношение браков и разводов (674), значение коэффициента брачности (5,6) и коэффициента разводимости (3,8). В Чечне было наименьшее соотношение браков и разводов (157), Дагестане и Чечне – значение коэффициента разводимости (0,8), Ингушетии – значение коэффициента брачности (3,9).

В 2018 году 34456 детей (24,3 % от общего числа родившихся) родились у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в Дагестане – 10046 (20,9 %), в Ингушетии – 1038 (12,9 %), в Кабардино-Балкарии – 1105 (10,2 %), в Карачаево-Черкесии – 804 (16,1 %), в Северной Осетии-Алании – 2245 (24,5 %), в Чечне – 12520 (41,8 %), в Ставропольском крае – 6698 (21,8) [5].

Уменьшение рождаемости связано с абортами. Число аборт на 1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет составило 11 (19 абортов на 100 родов), в Дагестане – 7 (12), в Ингушетии – 6 (11), в Кабардино-Балкарии – 9 (17), в Карачаево-Черкесии – 11 (26), в Северной Осетии-Алании – 13 (23), в Чечне – 10 (13), в Ставропольском крае – 17 (38).

Демографический состав населения зависит от миграции. По направлениям передвижения 47,1 % мигрантов прибыли в округ из других регионов и 12,7 % из других стран, соответственно, в Дагестан – 51,4 % и 7,6 %, в Ингушетию – 58,2 % и 5,2 %, в Кабардино-Балкарию – 54,2 % и 20,5 %, в Карачаево-Черкесию – 49,2 % и 4,8 %, в Северную Осетию-Аланию – 66,4 % и 10,1 %, в Чечню – 48,6 % и 5,2 %, в Ставропольский край – 40,5 % и 17,4 % [4]. В другие регионы выбыли 55,2 % мигрантов, в другие страны – 4,3 %, из Дагестана – 62,8 %

и 1 %, из Ингушетии – 44,3 % и 1,5 %, из Кабардино-Балкарии – 69,4 % и 6,4 %, из Карачаево-Черкесии – 55,3 % и 2 %, из Северной Осетии-Алании – 77,7 % и 4,9 %, из Чечни – 57,6 % и 0,2 %, из Ставропольского края – 44,8 % и 7,1 %.

Численность вынужденных переселенцев составила 3719 человек, в том числе, в Северной Осетии-Алании – 2802 чел., в Ингушетии – 776 чел., в Ставропольском крае – 151 чел., в Дагестане – 68 чел.; беженцев – 14 человек: в Северной Осетии-Алании – 10 чел., в Дагестане – 3 чел., в Кабардино-Балкарии – 1 чел. Получили временное убежище 3438 человек, преимущественно, в Ставропольском крае (2960). 278 человек получили временное убежище в Северной Осетии-Алании, 89 чел. – в Дагестане, 54 чел. – в Карачаево-Черкесии, 44 чел. – в Кабардино-Балкарии. 9 чел. – в Чечне, 4 чел. – в Ингушетии.

В округе, начиная с 2014 года, 6518 человек стали участниками Государственной программы по оказанию содействия по переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в основном, в Ставропольском крае (6352). В Дагестане их было 141 чел., Чечне – 18 чел., в Карачаево-Черкесии – 4, в Ингушетии – 3 [2].

В международной миграции из стран СНГ в округ прибыли 19795 мигрантов, выбыли в эти страны 6926 чел., миграционный прирост составил 12869 чел. Больше всего миграционный прирост обеспечен за счет международной миграции с Арменией (3571 чел.) и Азербайджаном (3018 чел.). По регионам наибольший миграционный прирост был в Ставропольском крае (7969 чел.) и Дагестане (2876 чел.). Наибольший миграционный прирост обеспечен за счет миграционного обмена из Азербайджана, Киргизии и Дагестана (1733; 327 чел.), из Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины и Ставропольского края (3339; 56; 355; 83; 291; 1030; 1078; 1285 чел., соответственно). Из других зарубежных стран прибыли 6305 мигрантов, выбыли в эти страны 1737 чел., миграционный прирост составил 4568 чел. Наибольший миграционный прирост был в Ставропольском крае (2878 чел.) и Кабардино-Балкарии (1256 чел.). Наибольший миграционный прирост обеспечен за счет миграционного обмена с Индией (1138 чел.), с Грузией (504 чел.), Сирией (308 чел.). Из зарубежных стран в округ прибыли 1921 мигрант моложе трудоспособного возраста, 21325 чел. – трудоспособного, 2854 чел. – старше трудоспособного возраста, выбыли в эти страны 728; 6569; 1366 чел., соответственно. Миграционный прирост с зарубежными странами обеспечили российские (1674 чел.) и иностранные (15862 чел.) граждане, в том числе, граждане из стран СНГ (11302 чел.) и из других зарубежных стран (4560 чел.).

Необходимо отметить, что на демографическое развитие населения в округе и его регионах существенное влияние оказывает реализация Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, опреде-

ляющие цели, принципы, задачи, основные направления, механизмы реализации демографической и государственной миграционной политики [6; 7]. При этом проведенные ранее исследования указывают на неоднозначность оценки населением России предпринимаемых государством мер [10].

Подводя итоги, следует отметить, что улучшение демографической ситуации будет способствовать достижению цели, последовательной

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06 сентября 2010 года № 1485-р «О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 5107.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году. Статистический бюллетень. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический бюллетень. URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm
5. Демографический ежегодник России. 2019. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
6. Указ Президента Российской Федерации от 09 октября 2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009; 2020. № 40. Ст. 6245.
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ст. 2155; № 50. Ст. 7085; 2020. № 50 (ч. IV). Ст. 8215.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07 марта 2019 г. № 369-р. Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1170.

реализации задач, получению ожидаемых результатов, определенных в государственной программе Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа», Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, Стратегии развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года [1; 8; 9].

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation of September 06, 2010 № 1485-r «On the Strategy of Social and Economic Development of the North Caucasus Federal District until 2025» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2010. № 40. Art. 5107.
2. The number and migration of the population of the Russian Federation in 2019. Statistical bulletin. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm
3. The estimated population of the Russian Federation until 2035. Statistical bulletin. URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium>
4. Regions of Russia. Social and economic indicators. 2020. Statistical compilation. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm
5. Anuario demográfico de Rusia. 2019. Compilación estadística. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm
6. Decree of the President of the Russian Federation of October 09, 2007 № 1351 «On the Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period until 2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. Art. 5009; 2020. № 40. Art. 6245.
7. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 № 622 «On the Concept state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 45. Art. 6917.
8. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 309 «On Approval of the State Program of the Russian Federation» Development of the North Caucasus Federal District» // Legislative Assembly of the Russian Federation. 2014. № 18. Art. 2155; № 50. Art. 7085; 2020. № 50 (part IV). Art. 8215.
9. Order of the Government of the Russian Federation of March 07, 2019 № 369-r. Strategy for the development of tourism in the North Caucasus Federal District until 2035 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 11. Art. 1170.

10. *Понеделков А.В.* Современная российская демографическая политика в фокусе общественного мнения (региональный аспект) / А.В. Понеделков А.М. Старостин, А.В.Карпова // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Ростов-н/Д. : Донское книжное издательство, 2014. С. 13–17.

10. *Ponedelkov A.V.* Modern Russian demographic policy in the focus of public opinion (regional aspect) / A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin, A.V. Karpova // Socio-political aspects of demographic processes in modern Russia. Materials of the scientific and practical conference with international participation. Rostov-on/D. : Don Book Publishing House, 2014. P. 13–17.

Аксенова Вероника Валерьевна
аспирантка 3-го курса,
направление подготовки
«Социология управления»,
Российский государственный
социальный университет
Axenova1182@gmail.com

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу форм общественного контроля в сфере формирования комфортной городской среды. Актуальность данной темы обуславливается необходимостью привлечения граждан к управленческим практикам, обеспечивающим развитие комфортной городской среды. Общественный контроль является важнейшим инструментом, обеспечивающий учет мнения горожан при принятии управленческих решений органами власти.

В статье рассматриваются основные формы участия населения в вопросах благоустройства: мониторинг, экспертиза, проверка, общественные обсуждения и общественные слушания. Выявлены ключевые проблемы вовлечения населения в данные практики: дисфункции информационного обеспечения, низкий уровень их результативности в контексте учета мнений граждан, недоверие населения к власти. На основе проведенного анализа определены приоритетные направления развития форм участия населения в процессах благоустройства городской среды: использование цифровых технологий, расширение каналов информирования граждан, гибкие подходы к планированию и организации проводимых мероприятий, привлечение экспертов.

Ключевые слова: общественный контроль, комфортная городская среда, благоустройство, качество городской среды, городская среда, городское пространство.

Введение. В настоящее время города играют важнейшую роль в развитии общества и страны. Большая часть жителей России живет в городах, а, значит, именно состояние городской среды отражает благополучие населения.

Мегаполисы сосредоточивают в себе экономические, политические, культурные и социальные ресурсы. Многие стремятся жить и работать в крупных городах. Это обуславливает рост численности населения Москвы и других крупных городов мира. Именно поэтому власти стремятся создать

Veronika.V. Aksenova
Graduate Student of the 3rd year,
Direction of Training
«Sociology of Management»,
Russian State Social University
Axenova1182@gmail.com

FORMS OF PUBLIC CONTROL OF IMPLEMENTATION IN THE FORMATION OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

Annotation. The article is devoted to issues related to the forms of public control in the field of the formation of a comfortable urban environment. The relevance of this topic is due to the need to create favorable conditions for the life of all segments of the population. Public control is the most important tool that ensures that the opinions of citizens are taken into account when making managerial decisions to the authorities.

The article considers the main forms of public education in matters of improvement: moneytoring, expertise, verification, public opinion and public hearings. Key problems of involving the population in these practices were identified: dysfunction of information support, low level of their effectiveness in the context of taking into account the opinions of citizens, distrust of the population in power. On the basis of the analysis, priority areas were identified for the development of forms of public participation in the processes of the development of the urban environment: the use of digital technologies, the expansion of channels of information for citizens, flexible approaches to the planning and organization of events, the involvement of experts.

Keywords: public control, comfortable urban environment, improvement, quality of the urban environment, urban environment, urban space.

наиболее благоприятные условия для проживания и развития горожан.

Городская среда – это система связанных элементов города: дворовых территорий, парковых зон, социальных объектов, элементов благоустройства и т.д. [7]. Грамотное управление городской средой позволяет удовлетворить потребности населения в создании комфортных условий для жизнедеятельности и при этом не навредить окружающей среде [8].

Формирование комфортной городской среды – это главная задача благоустройства. Под благоустройством понимается комплекс мер, направленных на создание и поддержание оптимальных условий для жизни. Сюда относят работы по улучшению санитарного состояния городской территории, ее обустройству, освещению и другие работы, способствующие поднятию уровня комфортности города и его эстетической привлекательности.

Городская среда нуждается в постоянном обновлении для соответствия современным трендам [12]. Для развития города органы власти разрабатывают и реализуют различные программы в области благоустройства. Главной целью этих программ являются повышение качества городских территорий, учитывая потребности всего населения [4].

Для наиболее эффективного управления городом органы власти должны совместно с его жителями осуществлять мероприятия способствующие процветанию города. Американский социолог Д. Джейкобс в своей работе «Смерть и жизнь больших американских городов» отметила значимость жителей в создании благоприятных условий для их жизни. Горожане знают, какие проблемы необходимо решить. Кроме этого, совместная деятельность властей и жителей поднимет уровень доверия и снизит социальное напряжение [2]. Привлечение горожан в процесс благоустройства позволяет более эффективно расходовать предоставленные средства и в дальнейшем усилить общественный контроль за сохранностью элементов благоустройства. Участие в данном процессе создает чувство сопричастности и ответственности за выполненную работу [9].

Общественный контроль в сфере благоустройства мегаполиса несет не только практический, но и социологический характер. Совместная работа объединяет, создавая единое социальное пространство, что, в дальнейшем, способствует эффективному взаимодействию горожан [20]. Это позволяет изучить участие жителей мегаполиса в благоустройстве с точки зрения социологии управления.

Материалы и методы. В рамках проведения исследования были изучены научные труды в области городского благоустройства российских и зарубежных ученых. Кроме этого, были рассмотрены нормативно-правовые акты, устанавливающие право населения осуществлять общественный контроль в области городского благоустройства. Также, использовались общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение и систематизация.

Целью данного исследования является изучение существующих форм участия горожан в управлении городом, анализ их преимуществ и ограничений.

Результаты. Городская среда представляет собой пространственно-материальную структуру, которая содержит в себе различные строения, объекты благоустройства, природные составляю-

щие, подчиняющиеся экономическим, социальным и экологическим воздействиям [18]. Формирование комфортной городской среды – это главная задача органов власти города, которые должны брать во внимание интересы всех слоев населения и создавать условия для взаимодействия [1]. Только совместная работа населения и властей позволит достигнуть этой цели.

Общественный контроль в сфере городского благоустройства представляет собой деятельность, направленную на наблюдение за работой органов власти в данной области, а также – на анализ законности принимаемых ими управленческих решений и нормативно-правовых актов [6].

Контроль со стороны жителей позволяет решить такие задачи, как:

1. Осуществление взаимодействия органов власти и жителей.
2. Повышение качества деятельности органов власти.
3. Предупреждение и разрешение социальных конфликтов.
4. Повышение уровня доверия населения к власти.
5. Увеличение прозрачности работы органов власти.

Субъектом общественного контроля является каждый неравнодушный житель города, стремящийся влиять на создание комфортных условий для жизнедеятельности. В Российской Федерации общественное участие населения в сфере благоустройства регулируют такие нормативно-правовые акты, как: Жилищный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Постановление Правительства «О порядке осуществления общественного жилищного контроля», Указ Президента Российской Федерации «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет ресурса «Российская общественная инициатива» и другие. Кроме этого, в Москве данный вопрос регулируется Законами Москвы «Об обеспечении открытости информации и общественном контроле в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг» и «О благоустройстве в городе Москве».

На основании этих законов субъекты общественного контроля вправе:

1. Инициировать мероприятия в рамках общественного контроля.
2. Осуществлять общественный контроль в формах, установленных законодательством.
3. Получать необходимую информацию для реализации общественного контроля.

4. Запрашивать отчёт о реализуемых проектах.
5. При наличии нарушений сообщать уполномоченным органам власти.

Формы общественного контроля в области благоустройства можно поделить на две группы. К первой относят те, с помощью которых осуществляется контроль: мониторинг, экспертиза, проверка. Ко второй формы, связанные с взаимодействием органов власти и населения: общественные обсуждения, публичные слушания.

Общественный мониторинг представляет собой наблюдение за деятельностью органов власти [8]. Мониторинг может осуществляться систематически. Такой вид контроля могут организовать общественные инспекции, комиссии, инспекции и др. Эта процедура проводится открыто с использованием информационных систем. В результате такой проверки составляется документ, необходимый к рассмотрению органами власти. Для проведения качественного мониторинга необходимо соблюдать два условия: достоверность информации и ее актуальность.

Общественный мониторинг позволяет:

- 1) выявить наиболее эффективный способ взаимодействия горожан с органами власти;
- 2) выявить проблемы, связанные с привлечением населения к городскому управлению;
- 3) проанализировать опыт взаимодействия органов власти и общественных объединений.

По результатам проведения общественного мониторинга чиновники получают информацию об эффективности своей работы и о степени удовлетворенности населения. Так, мониторинг способствует наибольшей результативности взаимодействия власти и горожан в вопросах, связанных с разработкой и реализацией проектов по благоустройству городской территории.

Следующей формой участия населения в вопросах благоустройства городской среды выступает общественная экспертиза. Суть проведения такой проверки заключается в изучении принимаемых управленческих решений органами власти и нормативно-правовых актов независимыми экспертами. В сфере благоустройства проверке могут подвергаться различные проекты по развитию городской среды.

Общественная экспертиза подразделяется на несколько видов: правовая, культурная, правовая, экологическая, антикоррупционная.

Общественная проверка – это следующая форма участия граждан в вопросах благоустройства [15]. Под ней понимается деятельность граждан, направленная на проверку и анализ работы органов власти в сфере благоустройства, при обнаружении фактов нарушения прав и свобод жителей. Организовать общественную проверку может Общественная палата, Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам ребенка и др.

Субъект общественной проверки имеет право запросить необходимую информацию для ее анализа. По окончании проверки формируется документ, содержащий информацию о подтверждении или опровержении фактов нарушений. Этот документ направляется руководителю объекта проверки и в уполномоченные органы, а также публикуется в средствах массовой информации.

Следующими формами общественного контроля являются общественные обсуждения и общественные слушания. В ходе проведения таких собраний рассматриваются социально значимые вопросы гражданами совместно органами власти и специалистов в предметной области. Например, в вопросах, связанных с благоустройством, участвуют экологи, дизайнеры, архитекторы и т.д. Важной составляющей проведения обсуждений и слушаний является наличие полной и актуальной информации о рассматриваемой проблеме [17].

В целом, эти две формы участия похожи. Одинаковыми являются принципы проведения: открытость, возможность вносить предложения и замечания по предметным вопросам и публичность. Кроме этого, по результатам проведения публичных слушаний и обсуждений составляется протокол, размещаемый в официальных информационных системах.

Отличием общественных обсуждений от общественных слушаний является то, что первые могут проводиться в онлайн форме. Также, при проведении общественного обсуждения реализуется обмен мнениями по решению социально значимых задач. На общественные слушания выносятся вопросы, связанные с деятельностью органов власти и организаций, затрагивающие права и свободы человека [5].

Такие формы участия позволяют учитывать мнение жителей, пресечь коррупционные действия, а также повысить уровень доверия горожан к органам власти.

Обсуждения. Наиболее распространенной формой общественного участия в области благоустройства является общественные слушания и общественные обсуждения. В отличие от других форм общественного контроля, общественные слушания и обсуждения предполагают личное участие в собрании, не входя в состав общественных объединений. Общественные слушания являются важнейшей формой гражданского участия в благоустройстве. Заинтересованные жители собираются для обсуждения общественно важных вопросов. Таким образом, в ходе слушаний формируется мнение жителей по тем или иным вопросам [11]. Важно подчеркнуть, что в слушаниях принимают участия органы власти. Население высказывает своё отношение к вопросу, а решения принимают должностные лица [16]. Таким образом, высказывания горожан носят только рекомендательный характер. Хотя, законодательно закреплено, что органы власти обязаны учитывать интересы горожан при принятии управленческих решений, это делает проведение общественных слушаний малоэффективным инструментом реализации демократии [19].

Необходимо отметить, что и такие собрания не являются репрезентативными [15]. Это объясняется тем, что в общественных слушаниях принимают участие наиболее активные жители, имеющие свободное время.

Кроме этого, слушания могут происходить в несколько этапов. Положительной стороной этого является, то, что в собрании могут принять большое количество людей. Однако это усложняет путь к соглашению.

Ещё одной проблемой при проведении общественных слушаний и обсуждений является низкая вовлеченность населения. Причинами этого могут выступать:

1. Недоверие к органам власти.
2. Незаинтересованность в результатах проведения подобных собраний.
3. Неудобное время проведения собраний.
4. Низкая информированность граждан о предстоящем публичном слушании.
5. Отсутствие информации о предмете обсуждения.
6. И другие.

Выделенные проблемы показывают, что проведение общественных обсуждений и слушаний малоэффективны. Исходя из этого, необходимо оптимизировать процесс организации и проведения собраний граждан.

Развитие цифровых технологий позволяет внедрять их во все сферы жизнедеятельности и сфера городского благоустройства не является исключением [13].

Правительство Москвы для наибольшего удобства и простоты создало проект «Общественные обсуждения». Благодаря этому проекты москвичи могут осуществлять общественный контроль в формировании комфортной городской среды в онлайн режиме. Таким образом, уже реализовано 780 городских проектов [10].

Заключение. Благоустройство городской среды мегаполиса играет важнейшую роль в создании комфортных условий жизнедеятельности и формировании облика города. Так, обустроенные пешеходные дорожки в парках, ухоженные газоны, малые архитектурные формы создают благоприятные условия для прогулок и отдыха горожан [3]. Дворовые территории, имеющие спортивные площадки, повышают интерес жителей к занятиям спортом и укреплению здоровья. Благоустроенные проезды, тротуары, пешеходные переходы и другие объекты дорожного хозяйства обеспечивают безопасное перемещение горожан.

Литература:

1. *Вяткина Б.М.* Целевая реабилитация как средство управления городской средой / Б.М. Вяткина //

Уровень благополучия города и качество жизни в нем характеризуется состоянием среды. Для обеспечения этого необходимо проводить работы по созданию комфортных условий с учетом потребностей жителей [14]. Общественный контроль в данной области повышает прозрачность и эффективность проделанных работ, а также создает конструктивный диалог между органами власти и горожанами.

Право на участие горожан в вопросах городского благоустройства установлены такими нормативно-правовыми актами, как: Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Постановление Правительства «О порядке осуществления общественного жилищного контроля» и другие.

Существует несколько форм общественного контроля: мониторинг, экспертиза, проверка, общественные слушания и обсуждения. Все они являются механизмом реализации народовластия.

Общественные обсуждения и слушания являются наиболее распространенной формой общественного контроля в сфере городского благоустройства.

С одной стороны, общественные слушания необходимы для высказывания мнения горожан, защищая свои права. С другой стороны, они выступают как механизм учета интересов населения при принятии управленческих решений в вопросах благоустройства.

Выявленные проблемы требуют эффективных решений. Предлагается:

1. Информировать горожан о предстоящем слушании заранее.
2. Расширить способы информирования о публичных слушаниях.
3. Предоставить информацию о предмете обсуждения.
4. Привлекать независимых экспертов к участию в собраниях.
5. Учет мнений жителей при планировании времени проведения публичных обсуждений.

Кроме этого, необходимы современные методы решения проблем. В настоящее время процесс цифровизации проникает во все сферы жизни общества. Портал «Общественные обсуждения» предоставляет москвичам возможность строить конструктивный диалог с органами власти. На сколько эффективна будет работа портала покажет время.

Literature:

1. *Vyatkina B.M.* Target rehabilitation as a means of managing the urban environment / B.M. Vyatkina //

Известия ВУЗОВ. Инвестиции, строительство, недвижимость. 2012. № 1. С. 85–92.

2. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов / Д. Джекобс. М. : Новое издательство, 2011. 460 с.

3. *Егорова Н.Т.* Оценка качества городской среды Прокопьевского городского округа / Н.Т. Егорова, А.А. Зинковская // Вестн.КемГУ. Серия «Биологические, технические науки и науки о Земле». 2017. № 4. С. 64–68.

4. *Ильина И.Н.* Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований / И.Н. Ильина // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 5(164). С. 69–82.

5. *Князев А.П.* Общественные обсуждения и общественные (публичные) слушания как формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти и органами местного самоуправления / А.П. Князев // Административное и муниципальное право. 2015. № 9(93). С. 886–890.

6. *Коньшева Л.А.* Участие граждан в проведении работ по благоустройству территории муниципального образования / Л.А. Коньшева, А.А. Набоких // Общество. Наука. Инновации : сб. науч. работ. Киров : Вятский государственный университет, 2017. С. 4012–4015.

7. *Котова Е.А.* Понятие «городской среды». URL : http://urbanica.spb.ru/wpcontent/uploads/2011/12/2_Ponjtie_gorodcskaj_sreda.pdf

8. *Михайлов С.М.* Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды (теоретико-методологическая концепция) : автореф ... д-ра иск. М., 2011.

9. *Нефёдов В.А.* Как вернуть город людям / В.А. Нефёдов. М. : Искусство, 2015.

10. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL : <https://www.mos.ru/services/catalog/cat/118532/popular/> (дата обращения 01.03.2020).

11. *Очеретина М.А.* Становление и развитие института публичных слушаний / М.А. Очеретина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2009. Вып. 9. С. 433–443.

12. *Передельский Л.В.* Экология : учебник для вузов / Л.В. Передельский, В.И. Коробкин, О.Е. Приходченко // KnoРус. 2009. 347 с.

13. *Прохорова А.Г.* Цифровизация в ЖКХ - современный вызов / А.Г.Прохорова // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия : сб. науч. статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции : в 2-х т. 2020. с. 117–120.

Izvestiya VUZOV. Investment, construction, real estate. 2012. № 1. P. 85–92.

2. *Jacobs D.* Death and life of large American cities / D. Jacobs. M. : New Publishing House, 2011. 460 p.

3. *Egorova N.T.* Evaluation of the quality of the urban environment of the Prokopyevsky city district / N.T. Egorova, A.A. Zinkovskaya // Vestn.KemGU. Series «Biological, technical sciences and Earth Sciences». 2017. № 4. P. 64–68.

4. *Ilyina I.N.* The quality of the urban environment as a factor of sustainable development of municipalities / I.N. Ilyina // Property relations in the Russian Federation. 2015. № 5(164). P. 69–82.

5. *Knyazev A.P.* Public discussion and public (public) hearings as a form of interaction of civil society with the state authorities and bodies of local self-government / A.P. Knyazev // Administrative and municipal law. 2015. № 9(93). P. 886–890.

6. *Konyshcheva L.A.* Participation of citizens in carrying out works on the improvement of the territory of the municipality / L.A. Konyshcheva, A.A. Nabokikh // Society. The science. Innovations: collection of scientific works. Kirov : Vyatka State University, 2017. P. 4012–4015.

7. *Kotova E.A.* The concept of «urban environment». URL : http://urbanica.spb.ru/wpcontent/uploads/2011/12/2_Ponjtie_gorodcskaj_sreda.pdf

8. *Mikhailov S.M.* Design of the modern city: the complex organization of the subject-spatial environment (theoretical and methodological concept) : Abstract of dis. ... for the degree of doctor of art history. M., 2011.

9. *Nefedov V.A.* How to return the city to people / V.A. Nefedov. M. : Iskusstvo, 2015.

10. The official portal of the Mayor and the Government of Moscow. URL : <https://www.mos.ru/services/catalog/cat/118532/popular/> (date of application 01.03.2020)

11. *Ocheretina M.A.* Formation and development of the Institute of Public Hearings / M.A. Ocheretina // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2009. Iss. 9. P. 433–443.

12. *Peredelsky L.V.* Ecology : textbook for universities / L.V. Peredelsky, V.I. Korobkin, O.E. Prikhodchenko // KnoРус, 2009. 347 p.

13. *Prokhorova A.G.* Digitalization in housing and communal services – a modern challenge / A.G. Prokhorova // Structural transformations of the economy of territories : in search of social and economic balance-collection of scientific papers. articles of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference : in 2 t. 2020. P. 117–120.

14. *Стадолин М.Е.* Современные тенденции организации благоустройства территорий поселений как основы формирования комфортной городской среды / М.Е. Стадолин // Государственное и муниципальное управление в Российской Федерации: современные проблемы и перспективы развития : сб. науч. работ. М. : ГУУ, 2017. С. 140–145.
15. *Стародубов А.А.* Общественные слушания в России: реалии и проблемы / А.А. Стародубов // Власть. 2007. № 10. С. 49–51.
16. *Уваров А.А.* Местное самоуправление и гражданское общество / А.А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 15. С. 6–9.
17. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 22.07.2014).
18. *Федотов Е.С.* Социальная роль благоустройства городской среды мегаполиса / Е.С. Федотов // Социальная политика и социология. 2013. № 1–2. С. 272–284.
19. *Хмельченко Е.Г.* Роль управления благоустройством территории в формировании имиджа города Москвы / Е.Г. Хмельченко, К.И. Заиц // Вестник университета. 2017. № 4. С. 38–42.
20. *Цветкова И.В.* Социальные аспекты благоустройства города в контексте устойчивого развития / И.В. Цветкова // Вектор науки Тольятинского государственного университета. 2017. № 3. С. 152–157.
14. *Stadolin M.E.* Modern trends in the organization of improvement of the territories of settlements as the basis for the formation of a comfortable urban environment / M.E. Stadolin // State and municipal management in the Russian Federation: modern problems and prospects of development : collection of scientific works. M. : GUU, 2017. P. 140–145.
15. *Starodubov A.A.* Public hearings in Russia: realities and problems / A.A. Starodubov // Power. 2007. № 10. P. 49–51.
16. *Uvarov A.A.* Local government and civil society / A.A. Uvarov // Constitutional and municipal law. 2008. № 15. P. 6–9.
17. Federal law of 21.07.2014 № 212-FZ (red. ot 27.12.2018) «On the bases of public control in the Russian Federation» // The Official Internet portal of legal information. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of application 22.07.2014).
18. *Fedotov E.S.* The social role of urban environment improvement in megapolis / E.S. Fedotov // Social policy and Sociology. 2013. № 1–2. P. 272–284.
19. *Khmelchenko E.G.* The role of territory improvement management in the formation of the image of the city of Moscow / E.G. Khmelchenko, K.I. Zaits // Vestnik universiteta. 2017. № 4. P. 38–42.
20. *Tsvetkova I.V.* Social aspects of urban improvement in the context of sustainable development / I.V. Tsvetkova // Vector of Science of Tolyatinsky State University. 2017. № 3. P. 152–157.

Арамян Карине Арменовна

Почетный работник
высшего образования РФ,
кандидат исторических наук,
доцент,
заместитель исполнительного директора,
Международная ассоциация
участников космической деятельности
aramyan.ka@gmail.com

Панченко Ольга Григорьевна

Почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации
кандидат философских наук,
доцент,
советник руководителя
направления «Развитие детского отдыха»,
Федеральный центр детско-юношеского
туризма и краеведения
pan.45@mail.ru

**СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО
ОТДЫХА И ОЗДОРОВЛЕНИЯ:
ПРИОРИТЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Дети и молодежь это стратегический ресурс инновационного развития любого государства. В настоящее время в России формируется новый формат государственной политики в сфере отдыха и оздоровления детей и молодежи, которая должна стать фундаментом российского государства как одного из мировых лидеров и на долгосрочной перспективе позволить развивать интеллектуальный и творческий потенциал детей и юношества, кристаллизовать качественные характеристики нации, а также сформировать готовность нового поколения отвечать на запросы из будущего. Раскрытие интеллектуального и творческого потенциала детей и юношества – единственное и главное условие достижения национальных целей в России.

В статье анализируются правовые основы системы детского отдыха и оздоровления, передовой опыт организации и управленческих решений. Авторы рассматривают как ключевые следующие направления развития системы управления сферой детского отдыха: развитие государственно-частного партнерства, формирование информационной среды, создание эффективной системы кадрового обеспечения отрасли, полномасштабное использование детских оздоровительных лагерей (ДОЛ) для исполнения социальных функций, непрерывная деятельность ДОЛ (без перерыва на каникулы).

Ключевые слова: детский отдых и туризм, интеллектуальный и творческий потенциал, молодежная

Karine A. Aramyan

Honorary Worker Higher Education
of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Deputy Executive Director,
International Association
Participants in Space Activities
aramyan.ka@gmail.com

Olga G. Panchenko

Honorary Worker of Higher
Vocational Education
of the Russian Federation
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Supervisor Advisor Directions
«Development of children's recreation»,
Federal Center for Children
and Youth Tourism and Local History
pan.45@mail.ru

**STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT
OF CHILDREN'S RECREATION
AND TOURISM: KNOWN
AND UNKNOWN RESOURCES**

Annotation. Children and youth are a strategic resource for the innovative development of any state. At present, a new format of state policy in the field of recreation and health improvement of children and youth is being formed in Russia, which should become the foundation of the Russian state as one of the world leaders and, in the long term, allow developing the intellectual and creative potential of children and youth, crystallizing the qualitative characteristics of the nation, and also to shape the readiness of the next generation to respond to requests from the future. Revealing the intellectual and creative potential of children and youth is the only and main condition for achieving national goals in Russia.

The article analyzes the legal foundations of the system of children's recreation and health improvement, advanced experience of organization and management decisions. The authors consider the following areas of development of the management system for the sphere of children's recreation as key: the development of public-private partnerships, the formation of an information environment, the creation of an effective system of staffing the industry, full-scale use of children's health camps (DOL) for the performance of social functions, continuous activities of break for vacation).

Keywords: children's recreation and tourism, intellectual and creative capacity, youth policy, national goals,

политика, национальные цели, государственно-частное партнерство, информационная среда, кадровое обеспечение, непрерывная деятельность.

public-private partnership, information environment, human resources, continuous activity.

В настоящее время складывается новый формат государственной политики в сфере отдыха и оздоровления детей и молодежи, который позволит развивать интеллектуальный и творческий потенциал детей и юношества, кристаллизовать качественные характеристики нации, а также, сформировать готовность нового поколения отвечать на запросы из будущего. Все это является фундаментом для достижения нашим государством позиции одного из лидеров мира на долгосрочной перспективе. Дети и молодежь России являются стратегическим ресурсом инновационного развития страны, а раскрытие их интеллектуального и творческого потенциала – это единственное и главное условие реализации стратегии инновационного развития страны. Поэтому задача охраны детства и юношества сохраняет свою актуальность, как один из главных приоритетов национальной безопасности государства.

Основы и подходы новой концепции детского отдыха и оздоровления начали складываться в начале 2000-ых годов и впервые получили широкое обсуждение в 2012 году в рамках работы конференции «Отдых и оздоровление детей и подростков: Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», инициатором и организатором которой выступила кафедра педагогики и психологии Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (АПК и ГТПРО РФ). Модератором вебинара выступила О.Г. Панченко – руководитель образовательной программы повышения квалификации руководителей и педагогов, занимающихся вопросами отдыха и оздоровления детей и молодежи. Участники конференции познакомились с интересным опытом организации летних лагерных смен в разных регионах России, обсудили методики и формы организации летнего оздоровительного отдыха детей и подростков.

Сетевым инновационным форматом развития социального партнерства и межведомственного взаимодействия министерств, системы учреждений повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования во главе с АПК и ГТПРО РФ, территориальных органов власти, детских оздоровительных лагерей (ДОЛ), профессиональных ассоциаций и общественных организаций был определен Форум, который проходит в гибридном формате (онлайн + офлайн) и где отрабатываются направления и мероприятия «Стратегии развития детского отдыха 2020».

За прошедшее десятилетие в России был принят целый комплекс программных документов, направленных на совершенствование системы детского отдыха и оздоровления, назовем главные документы:

– Поручение Правительства Российской Федерации «Об организации детского отдыха и оздоровления» от 01 июня 2016 г. № ДМ-П12-34пр, п. 2, 7;

– Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организаций отдыха и оздоровления детей»;

– «Основы государственного регулирования и государственного контроля организации отдыха и оздоровления детей», утвержденные Распоряжением Правительства РФ от 22 мая 2017 г. № 978-р;

– Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»;

– «План мероприятий на 2017-2020 годы по реализации «Основ государственного регулирования и государственного контроля организации отдыха и оздоровления детей», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 25.10.2017 г. № 2344-р;

– Перечень поручений по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденный Президентом России 02.12.2017 года;

– «План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства», утвержденных распоряжением Правительства РФ от 06 июля 2018 г. № 1375-р;

– Ведомственная целевая программа «Развитие сферы отдыха и оздоровления детей», утверждена Распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № Р-121;

– Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;

– «План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р.

В субъектах Российской Федерации реализуются или находятся в стадии разработки долгосрочные целевые программы по развитию системы отдыха и оздоровления детей, комплексные программы, направленные на поддержку детства, включающие подпрограммы и разделы по развитию детского отдыха, а также концепции, планы мероприятий по организации полноценного детского отдыха и оздоровления. Опыт региональных управленческих решений очень важен и интересен,

поскольку позволяет учесть специфику региона, он необходим для понимания, прогнозирования и планирования дальнейших действий.

Обобщив правовые и организационные основы отдыха и оздоровления детей, методики и педагогический опыт в этой сфере, можно сформулировать шесть, на наш взгляд, приоритетов управления, обеспечивающих дальнейшее развитие системы организации отдыха и оздоровления детей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и достижение национальных целей, поставленных Президентом России в Указе от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Приоритет 1: Развитие социального и государственно-частного партнерства. Успешным примером распространения передового опыта, проведения конкурсов, инновационных программ и проектов, реализуемых в каникулярный период, является площадка Общероссийской общественной организации «Дети плюс» (далее «Дети плюс») и ее партнеров - Межрегиональной общественной организацией «Содействие детскому отдыху», Общероссийской Малой Академией наук «Интеллект будущего». Это площадка обеспечивает социальный лифт и диалог на всех уровнях общественного развития. Субъекты Российской Федерации при поддержке «Дети плюс» в г. Санкт-Петербурге, Анапе, Томске, Омске, Новосибирске, Вологде, Красноярске, Тюмень и др. ежегодно проводят межрегиональные семинары организаторов детского отдыха и оздоровления, научно-практические конференции, слеты вожатских отрядов. Реализуя решения Форума Общероссийской ассоциации общественных объединений содействия детскому отдыху и оздоровлению «ДЕТИ ПЛЮС», по инициативе ее президента Н.А. Конневской, и при ее участии в России проводятся межрегиональные семинары:

– в Калуге при поддержке Министерства здравоохранения Калужской области и Министерства по делам семьи, демографической и социальной политике Калужской области, Государственное автономное учреждение здравоохранения Калужской области Калужский санаторий «Спутник» проведен межрегиональный семинар «Детский отдых - пространство воспитания и развития ребенка в Калужской области»;

– в Вологде при поддержке Департамента образования Вологодской области Автономное образовательное учреждение дополнительного образования детей Вологодской области «Детский оздоровительно-образовательный центр «Лесная сказка» провел межрегиональный семинар «Векторы развития системы отдыха и оздоровления детей и подростков»;

– Санкт-Петербургская общественная организация руководителей и организаторов детского отдыха и оздоровления «Ассоциация «Взрослые и дети» при поддержке Комитета по образованию Санкт-Петербурга планирует провести ежегодный открытый семинар «Детский оздоровительный лагерь: сохранение, развитие – шаг вперед!»;

– в Республике Башкортостан при поддержке Министерства образования Республики Башкортостан, Общероссийской ассоциации общественных объединений содействия детскому отдыху и оздоровлению «ДЕТИ ПЛЮС», ФГАУ «Федеральный институт развития образования», ФГАУ АПК ПРО г. Москва, ГАОУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан, администрации г.Салавата, ОАО «Газпром Нефтехим Сатават» запланирована межрегиональная научно-практическая конференция «Отдых и оздоровление детей в пространстве воспитания и социализации на современном этапе».

Семинары, НПК, вебинары, сетевое пространство взаимодействия всех заинтересованных оформляют предложения по выработке механизмов развития системы детского отдыха и оздоровления детей и молодежи.

По итогам заседания рабочей группы по развитию государственно-частного партнерства в социальной сфере предложены механизмы государственно-частного партнерства при организации детского летнего отдыха, инициатором которых стало Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, обозначенных в перечне поручений Президента Российской Федерации от 20.08.2012 г. № Пр-2215, предусмотренных п. 1. Был предложен ряд комплексных мер, в частности комплекс региональных мер, связанных с разработкой «Модельной программы по развитию детского отдыха в субъектах Российской Федерации, включающих 5 направлений деятельности, исходя из специфических особенностей региона и определенных приоритетов его развития. Особо следует выделить проект «Страна детей» – модельный путь, связанный с использованием инструментов государственно-частного партнерства.

В резолюциях Форума «Стратегия детского отдыха и оздоровления 2020» было обозначено отсутствие единого исполнительного органа, отвечающего за выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование при организации детского летнего отдыха. Вопросы организации детского отдыха были переданы в ведение региональных и муниципальных властей. В результате чего отсутствуют «единые правила игры», связанные с обеспечением доступности детского летнего отдыха, что является частью административных проблем развития данной системы.

В итоге предложен проект, идея которого связана с созданием сети лагерей отдыха с уникальной инфраструктурой и качественной творческой образовательной программой. Масовость участия в проекте предполагает собрать около 10 тысяч детей в возрасте от 9 до 15 лет. Что явилось целью лагеря? Раскрытие творческого потенциала детей и молодежи, социализация за счет уникальной технологии и организацией работы с детьми и молодежью, трансляция навыков от взрослых – детям.

Приоритет 2: Формирование информационной среды. В рамках ежегодных Всероссийских

семинаров, форумов, «Всероссийского конкурса программ и научно-методических разработок», конкурса «Лучший загородный лагерь» и других мероприятий, в том числе сетевых форм взаимодействия, формируется и циркулирует огромный поток идей, данных, методических разработок, проектов и иной информации, отражающих состояние области деятельности. В экспертизе материалов этих мероприятий участвует кафедра педагогики и психологии АПК и ГТПРО РФ совместно с Московским городским дворцом и представителями экспертного совета Санкт-Петербурга, Башкортостана, Алтайского края, Вологды, Калуги, Ульяновска и др. Полученные данные и материалы не только анализируются, но систематизируются и архивируются, что позволяет говорить о формировании Центра компетенций на базе АПК и ГТПРО РФ. В дальнейшем полученные сведения и материалы используются при разработке УМК по курсам повышения квалификации специалистов детского отдыха и оздоровления, программ дополнительного образования для дальнейшей реализации их в ДОЛ. Сетевые сообщества позволяют внедрять новые форматы обучения по программам повышения квалификации курсов. Информационной базой сопровождения детской оздоровительной кампании в течение ряда лет также является журнал «Народное образование», ежегодно подготавливающий специальные выпуски, посвященные летнему оздоровительному отдыху.

Приоритет 3: создание эффективной системы кадрового обеспечения отрасли. Для сопровождения курсов повышения квалификации использовался потенциал идей, концепций, подходов, методов «Золотого фонда педагогики каникул». Среди множества традиций отечественной системы образования особняком стоит сфера каникулярного отдыха и оздоровления, досуга детей и творческого развития детей и молодежи. Эта уникальная сфера социальной жизнедеятельности современного мира детства восприняла передовые педагогические ориентиры школы в организации каникулярного досуга и отдыха: идеи гармоничного соединения с природой, романтики детства, игры и праздника, а также практической направленности деятельности детских лагерей разных типов, сочетания в них совместных коллективных начал и бережного отношения к личности каждого, сделала акцент на возможность продолжить образование и саморазвитие личности в пространстве времени каникул.

Меняется лицо образовательно-оздоровительных лагерей, но остаются незыблемыми золотые идеи педагогики каникул с опорой на 7 «О»: Оздоровление, Образование, Одухотворение, Общение, Оптимизм, Отдых, Организация инновационно-игровых форм в современной сфере досуга. Современный образовательно-оздоровительный лагерь – это детский центр, работающий по вариативным программам, где главное и определяющее – личность ребёнка. Создание малых отрядов и групп, развитие детского самостоятельного движения и самоуправления, малые и большие творческие коллективные дела, значительный выбор форм объединений (в том числе клубных) по интересам – вот лишь некоторые из

отличительных черт современного учреждения детского отдыха.

Творчески работающие педагоги думают не только над тем, созданы ли условия для развития личности каждого ребёнка в лагере, но и о том, насколько благотворно скажется их педагогическая деятельность на дальнейшей жизни ребенка после лагерной смены. Восстанавливается «иммунная система» развития личности ребёнка, позволяющая ему вернуться в свой школьный коллектив обогащенным новыми психологическими знаниями, достижениями в саморазвитии, с новыми умениями и навыками в общении, мышлении и творчестве. Это содействует дальнейшей его адаптации в коллективе. Обогащается актуальный набор социальных умений и навыков, которые востребованы и необходимы в жизни (умение мыслить не стандартно, умение саморазвиваться через игровые формы, освоение нравственно-эстетических ценностей современного трансформирующегося общества).

Сфера современного дополнительного образования обретает новое качество, поскольку дополнительное образование и оздоровление детей соединяются с необходимостью специальной подготовки к работе как в предканикулярное, так и в каникулярное время. Воспитательная ценность оздоровительных учреждений и инновационных форм отдыха и оздоровления детей в каникулярный период заключается в создании условий для педагогически целесообразного, эмоционально привлекательного досуга обучающихся, восстановления их здоровья, возможностей творческой самореализации через различные сферы самоопределения детей в период школьных каникул. Основная особенность и отличие активного отдыха в период каникул связана с неформальным характером организации и самостоятельности детей.

Вопросы взаимодействия сферы дополнительного образования детей, социально-педагогической поддержки детей и системы каникулярного отдыха и оздоровления детей освещены в работах С.В. Барканова, В.П. Бедерхановой, В.Л. Березиной, А.К. Бруднова, Г.П. Будановой, О.С. Газмана, И.Д. Демаковой, Ю.С. Константинова, А.В. Мудрика, А.А. Остаица-Свешникова, С.А. Шмакова и др.

Анализ современной научной литературы свидетельствует о серьезной проработанности педагогических идей, отдельных компонентов системы каникулярного отдыха и оздоровления детей, об оценке сформированного социального статуса детских оздоровительных учреждений. Но наша задача – выйти на взаимодействие социальных, психолого-педагогических и здоровьесформирующих условий для развития системы в целом, учитывая универсально-уникальные способности личности ребенка.

Под каникулярным отдыхом и оздоровлением детей (оздоровительной деятельностью и организованным отдыхом детей в период каникул) нами понимается комплекс условий и мероприятий, обеспечивающих развитие личности, охрану

здоровья детей, восстановление их физических и психических сил, профилактика заболеваний, текущее медицинское и санитарно-гигиеническое обслуживание, режим питания и отдыха, закаливание организма, занятия физической культурой и спортом, вовлечение в полезные формы занятости (досуга) в период каникул.

Анализ современной педагогической практики позволил выявить наличие разнообразных форм и видов организации каникулярного отдыха и оздоровления детей, в том числе: смен профильных и палаточных лагерей, лагерей с дневным пребыванием учащихся, лагерей труда и отдыха, туристических походов и экскурсий, спортивных и спортивно-технических соревнований, спартакиад, художественных, музыкальных и других творческих конкурсов и фестивалей. Следует ожидать расширения вариативных возможностей детского оздоровления и отдыха, что должно быть подчинено не столько логике внешних факторов развития системы, сколько внутренним и моментным особенностям, как пространства времени каникул, так и взрослеющей личности. Плодотворные идеи педагогики каникул отдыха и оздоровления детей как инновационного пространства – это идея культивирования, возделывания человека, создания для растущего человека определённых нравственных условий, обеспечивающих его развитие. «Сделать человека» – значит включить его, по выражению нашего выдающегося педагога В.А. Сухомлинского, в прошлое, настоящее и будущее культуры, в её движение, сделать человека культурным, причём осуществить это культурным способом. Важно понять принципы природо- и культуросообразности, понимаемых с позиций интересов и творческого потенциала педагога как наставника взрослеющей личности ребенка.

Приоритет 4: полномасштабное использование ДОЛ для исполнения социальных функций. Идеи открытости и устойчивости общества, национального согласия работают на варианты нового содержания деятельности в сфере отдыха детей и молодежи. Отдых и оздоровление детей как социальный феномен ориентированы на реализацию важнейших общественных функций: преемственность, развитие, профессионализация и социализация подрастающих поколений. Это определяет стратегическую значимость данного направления как важнейшей сферы деятельности человеческого сообщества, обеспечивающей развитие, воспроизводство и продолжение самого общества.

Все мы родом из детства. Детство – это страна, география русской души (по Н. Бердяеву), это страна, которой мы служим! Устройство детства и устройство Родины неповторимо. Надо отметить, что в наше время происходит радикально иное отношение общества к детству, которое было всегда, а особенно сегодня должно считаться колоссальным инновационным ресурсом страны. Реализация социальных функций отдыха и оздоровления предполагает не только передачу новым поколениям знаний, но и формирование у них позитивного отношения к ценностям материальной и духовной культуры социума,

стремления к их усвоению и творческому приумножению.

Особое место в системе отдыха и оздоровления детей и подростков отводится сфере педагогически целесообразной занятости детей и молодежи, связанной с трансформацией системы отдыха и оздоровления детей и молодежи в сторону усиления воспитательного потенциала, заложенного в модели организации воспитательной работы с детьми и молодежью.

Приоритет 5: создание современной инфраструктуры ДОЛ. Необходимо расширять национальную систему научно-образовательных и развивающих центров, интегрированных в общемировое информационное пространство. К данной инфраструктуре относятся: центры детского технического и художественного творчества, интерактивные площадки музеев науки, техники и космоса, игровые комнаты, технопарки, мастерские ремесел и т.д.

В этой связи интересен пример Международной школы космического образования в Армении «БЮРОКАН-Орион», организатором которой выступила Международная ассоциация участников космической деятельности (МАКД). Школа проводится в рамках российско-армянского научно-технического и инновационного сотрудничества и космического образования под патронатом ООН, Представительства Россотрудничества в Армении и Посольства России в Армении. В проекте участвуют ведущие специалисты и руководители Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН, ГК «Роскосмос», ЗАО НПП «Проект-техника»; Бюраканской астрофизической обсерватории имени В.А. Амбарцумяна НАН, Министерства транспорта и связи Республики Армения, также самые главные участники – школьники и педагоги из России, Армении, Марокко, Чехии и других стран.

В основе образовательной программы школы лежит проектный метод работы, позволяющий развивать познавательные навыки учащихся, формировать умения самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развивать критическое мышление. Применяемые педагогические технологии ориентированы не на интеграцию фактических знаний, а на их применение и приобретение новых. Так во время обучения школьники активно включаются в создание проектов, осваивают новые способы человеческой деятельности в научно-исследовательской и социо-культурной среде. Основная задача Школы: исследование детьми совместно с учителем окружающей жизни с применением и использованием результатов космической деятельности. Образовательные лаборатории Школы: Основы дистанционного зондирования Земли, ГЛОНАСС, Ракетостроение – моя первая ракета, Медико-биологический эксперимент на МКС (разработка медико-биологического эксперимента на борту космической станции), Физика космоса, Молодежный дизайн – бюро по художественной интерпретации космоснимков и астрофото. В рамках Школы также проходят встречи с летчиками – космонавтами РФ,

учеными, писателями, общественными деятелями, представителями СМИ, работающими в космической области. Лекции и практические занятия проходят в Бюраканской астрофизической обсерватории имени В.А. Амбарцумяна НАН РА. По итогам работы Школы школьники защищают свои проектные работы, подготовленные на занятиях. Лауреатам вручаются Дипломы, грамоты, призы. Образовательная программа сочетается с культурной, в частности, ребята посещают обзорные экскурсии по Еревану; Национальную галерею Армении (Ереван); Музей космоса (Ереван); всемирно известные историко-культурные памятники и природные объекты.

Приоритет 6: Непрерывная деятельность ДОЛ (без перерыва на каникулы). В современной сфере отдыха и оздоровления не может быть перерыва «на каникулы» как в воспитании, так и в развитии личности каждого ребёнка. Современной тенденцией является опора на внутренний резерв саморазвития систем организаций и творческих коллективов, направленных на реализацию международно признанного права детей на досуг, отдых, оздоровление.

Постоянно развивающиеся творческие коллективы – субъекты организации каникулярного отдыха – отличаются высоким творческим потенциалом, и поэтому следует ожидать новых идей, моделей и принципов организации и времени пространства досуга. Это стало очевидно во время традиционных слетов-форумов организаторов каникулярного отдыха детей и молодежи, которые более десяти лет проводятся на базе детских санаторно-оздоровительных лагерей в г. Анапа. Мы определяем такую форму слетов-семинаров как инновационную практику социального партнерства межведомственного взаимодействия министерств, Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, территориальных органов власти, администрации детских лагерей и общественных движений.

Все эти идеи легли в основу концепции Форума организаторов детского и молодежного отдыха и оздоровления, проводимого Общероссийской Ассоциацией общественных объединений «Дети Плюс» при поддержке Министерства спорта Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. В состав участников Форума входят более 200 представителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченных по организации и обеспечению отдыха и оздоровления детей и молодежи, руководителей и представителей учреждений отдыха и оздоровления из 32 регионов Российской Федерации.

Форум регулярно проводит мониторинг эффективности качественных показателей деятельности детских оздоровительных учреждений и организаций различных форм собственности на федеральном уровне. В анкете участников форума поставлен ряд проблемных вопросов: нормативно-правовая база сферы отдыха и

оздоровления детей, национальная рамка квалификации, сертификации руководителей учреждений, целевые программы развития сферы детского отдыха и др. Эти вопросы являются перспективными векторами развития дополнительного образования, связанного с организацией летнего отдыха и оздоровления детей. Среди прочих проблем в анкете обозначен ряд вопросов, выявляющих ценностные ориентации самих организаторов летнего отдыха, педагогов и воспитателей. Ценностные ориентиры – это важнейший элемент внутренней культуры личности, закреплённый жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний, которые определяют значимое, существенное для данного человека и незначимое, несущественное. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных установок образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности. В силу этого, ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим взаимодействие разных поколений в системе отдыха и оздоровления детей и молодежи.

Основное содержание ценностных ориентаций – политические, философские, мировоззренческие, нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, социальные принципы поведения. В результате этого в любом обществе ценностные ориентации личности оказываются предметом воспитания и самовоспитания, целенаправленного внимания. У ценностных ориентаций обязательно есть внеличностный и надличностный, а в определенных случаях и внеисторический план. Ценности всегда считались производными от бытия рода. В отдельном человеке это единство существует в форме хранимого идеала – по К.-Г. Юнгу, коллективного и индивидуального бессознательного или архетипа. Такого рода иерархия ценностей хорошо выстроена у русских философов-современников Юнга и Маслоу. Для них традиционно первичной ценностью, в которой заключена «абсолютная полнота бытия», выступал Бог и человек как Его образ и подобие. Истина, свобода, красота, добро, любовь определялись ими как «частичные абсолютные ценности» (С. Франк, Н. Бердяев). Зато общезначимой духовной ценностью обладает, по мысли русских философов, творчество и нравственное начало, прежде всего. Не случайно во всех религиях и культурах мира закрепилось в той или иной форме золотое правило нравственности. В Евангелии от Матфея сказано: «Во всем, как Вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними» (МФ7:12). Эту мысль Конфуций сформулировал так: «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды».

Принцип древнегреческой философии – «познай самого себя» - означает призыв к познанию души, сохранению и умножению богатства души, формированию добродетельной личности, что облегчает способность индивида осознавать себя в соответствии с идеалом и другими людьми и при этом сохранять свое я». Это качество выступает, считали греки, как сила, твердость характера, которые, конечно, в значительной мере

формируются у человека в процессе его воспитания.

Хотелось бы также отметить, что собрать лучшие интеллектуальные силы и вывести на качественный новый уровень детскую сферу отдыха и оздоровления возможно только при условии

Литература:

1. *Амонашвили Ш.А.* О принципах гуманной педагогики. М., 1996.
2. Антология педагогической мысли. М., 1994.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. 1993.
4. *Демакова И.Д.* Гуманизация пространства детства: теория и практика. М. : Новый учебник, 2003.
5. *Бруднов А.К.* Летний отдых школьников: преодоление противоречий / А.К. Бруднов, В.А. Березина // Народное образование. 1999. № 4–5. С. 10–13.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 1954.
7. Народное образование. Дайджест летних номеров 2000–2006. (Электронная версия).
8. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.
9. Селевко Г.К. Реализуй себя / Г.К. Селевко, А.Г. Селевко, О.Т. Левина. 2001 (Сер. Самосовершенствование личности).
10. *Субетто А.И.* Требования к развитию системы непрерывного профессионального образования как базы стратегии ноосферного развития России в начале XXI века. СПб., Кострома, 2008.
11. *Франк С.Л.* Три размышления (Духовные основы общества). М., 1992.
12. *Фридман Л.* Почему мы такие и что нам делать? 2000.

национального доверия к политической, общественной, научной деятельности и на базе государственно-частного партнерства в этой сфере. Только продуманная и последовательная государственная политика позволит привести «страну Детства» в будущее, наполненное светлыми мечтами, новыми идеями и их свершениями.

Literature:

1. *Amonashvili Sh.A.* On the principles of humane pedagogy. M., 1996.
2. Anthology of pedagogical thought. M, 1994.
3. *Berdyaev N.A.* Philosophy of freedom. The meaning of creativity. 1993.
4. *Demakova I.D.* Humanization of childhood space: theory and practice. M. : New textbook, 2003.
5. *Brudnov A.K.* Summer vacation of schoolchildren: overcoming contradictions / A.K. Brudnov, V.A. Berezina // Popular education, 1999. № 4–5. P. 10–13.
6. *Maslow A.* Motivation and personality. 1954.
7. Public education. Digest of summer issues 2000–2006. (Electronic version).
8. *Pechchei A.* Human qualities. M., 1985.
9. *Selevko G.K.* Realize yourself / G.K. Selevko, A.G. Selevko, O.T. Levina. 2001 (Series Self-improvement of personality).
10. *Subetto A.I.* Requirements for the development of the system of continuous professional education as the basis of the strategy of noospheric development of Russia at the beginning of the XXI century. SPb., Kostroma, 2008.
11. *Frank S.L.* Three reflections (Spiritual foundations of society). M., 1992.
12. *Friedman L.* Why are we like this and what should we do? 2000.

Бабинцев Валентин Павлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Галина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Жанна Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
shapoval@bsu.edu.ru

**МЕТАБОЛИЗАЦИЯ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ВОЗМОЖНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Аннотация. Статья посвящена проверке гипотезы о том, что развитие современной городской культуры может быть описано и осмыслено в категориях теории социально-экологического метаболизма. Опираясь на результаты социологического исследования, авторы приходят к заключению о том, что процесс гибридизации культуры в городах, не относящихся к мегаполисам, несмотря на объективную вовлеченность в него основной массы горожан, воспринимается и оценивается ими неоднозначно и довольно противоречиво. Выявлена специфика метаболизации культурного процесса в условиях городской среды, заключающаяся в том, что культурные установки, доминирующие на «входе», фактически нивелируются характером повседневных культурных практик, что, в конечном счете, оборачивается неконтролируемым ростом «культурного мусора». Данное обстоятельство дополнительно подтверждает необходимость государственно-общественного регулирования культурных процессов в современном городе, в плане создания инфраструктуры, поддержания инициативы, социальной рекламы,

Valentin P. Babintsev

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Social Technologies
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
shapoval@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
shapoval@bsu.edu.ru

**URBAN CULTURE METABOLISM
AS A POSSIBILITY AND REALITY**

Annotation. The article is devoted to testing the hypothesis that the development of modern urban culture can be described and understood in the categories of the theory of socio-ecological metabolism. Based on the results of a sociological study, the authors conclude that the process of cultural hybridization in cities that do not belong to megacities, despite the objective involvement of the majority of citizens in it, is perceived and evaluated by them ambiguously and rather contradictory. The specificity of the cultural process metabolism in the urban environment is revealed, which consists in the fact that the cultural attitudes that dominate at the «entrance» are actually leveled by the nature of everyday cultural practices, which ultimately turns into an uncontrolled growth of «cultural garbage». This circumstance further confirms the need for state and public regulation of cultural processes in a modern city, in terms of creating infrastructure, maintaining initiative, social advertising, and forming cultural and value orientations of the population.

формирования культурно-ценностных ориентаций населения.

Ключевые слова: город, городская культура, социобиотехническая система, культурный мусор, регулирование культурных процессов.

Keywords: city, urban culture, sociobiotechnical system, cultural garbage, regulation of cultural processes.

Современный город развивается как сложно структурированная, диссипативная система, более или менее органично объединяющая в своей эволюции социальные, технические и биологические процессы. Одной из рефлексий этой конъюнктивной по своей сути тенденции стала концепция социально-экологического метаболизма, основы которой заложили своими исследованиями западные авторы [11–14]. Эта концепция довольно активно разрабатывалась в отечественной социологии О.Н. Яницким [9; 10] и некоторыми другими учеными [4; 5]. Так, О.Н. Яницкий считал возможным рассматривать город как метаболическую систему, утверждая: «Современный город – сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «подвешен» на сетях, питающих его энергией и ресурсами, поступающими извне. Человек, создавший город и живущий в нём, не только конфликтует или договаривается, объединяется или дифференцируется» [10, с. 22]¹.

Но если принять метаболическую концепцию городского развития в качестве основания для анализа тенденций, определяющих развитие урбанизированных пространств, естественным становится вывод о том, что ее положения должны распространяться на сферы городской жизни, даже, казалось бы, на те, что имеют отдаленную связь с техникой и экологией. К числу таких сфер относится городская культура, которую мы рассматриваем как набор созданных или присвоенных горожанами артефактов и продуктов духовной деятельности, приобретающих для субъектов символическое значение и используемых ими для саморегуляции и для регулирования отношений с контрагентами.

Однако, если город представляет собой систему, то, очевидно, характеризующие ее связи и отношения должны более или менее адекватно воспроизводиться на уровне отдельных элементов. По меньшей мере, именно так трактует проблему взаимоотношений части и целого теория фрактала [3], которая, хотя и оспаривается некоторыми авторами, на наш взгляд, довольно адекватно отражает логику функционирования социальных систем, в которых:

- а) все элементы увязаны и образуют целостность;
- б) развитие осуществляется на основе цель-программы;
- в) действуют специфические закономерности.

Проверка гипотезы о том, что развитие современной городской культуры может быть описано и осмыслено в категориях «теория социально-экологического метаболизма», предполагает анализ составляющих его процессов и верификацию полученных выводов на основе эмпирических исследований. Именно это является целью настоящей статьи.

В сущности, концепция городского метаболизма сводится к двум основополагающим тезисам. Во-первых, это заключение о том, что в городе XXI века происходит интеграция различных сфер – от технико-технологической до духовной, что придает урбанизированной среде гибридный характер [11, с. 9]. Гибридность, в данном случае, рассматривается как объединение изначально разнородных элементов, ведущее к формированию нового качества. Формирование гибридных систем ведет к существенному изменению характера связей между составляющими их элементами. Они становятся неочевидными, многомерными, максимально вариативными и не прямыми [7, с. 26–27].

Во-вторых, утверждение, что социодинамику города можно описать в рамках следующего алгоритма: «вход» (аккумуляция «веществ», питающих город) – преобразование (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных «веществ») – «выход» (отходы «процессов жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду») [10, с. 21].

И если развитие городской культуры укладывается в рамки этих процессов и может быть описано в адекватных им понятиях, мы с высокой степенью уверенности можем говорить о ее метаболизации. В свою очередь, данный вывод будет иметь ряд следствий как теоретического, так и практического характера. Важнейшим среди первых является утверждение о том, что исследование социокультурных процессов в урбанизированной среде требует пересмотра методологических оснований социальных наук за счет привлечения категориального аппарата, разработанного в рамках естественно-научных дисциплин. Здесь вновь нельзя не согласиться с выводом О.Н. Яницкого, утверждавшего: «...Если мир изменяется, то и изучающие его науки тоже должны изменяться. Современный мир становится все более интегрированным благодаря процессам глобализации-информатизации ...Если гуманитарные науки не учтут этот новый уровень сложности глобальной динамики, то они рискуют выпасть из процесса его познания и регулирования» [11, с. 9].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных

констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).

К числу следствий практического порядка относится тезис о том, что метаболизация культуры востребует пересмотра управленческих практик, применяемых для регулирования культурных процессов. В частности, это означает, например, легализацию и легитимацию проблемы культурного «мусора», определения технологий работы как с его токсичными для общества и личности фракциями, так и с теми, что оказались в «мусорной корзине» в силу случайных обстоятельств и могут быть востребованы при изменении наличных условий.

Попытка проверить гипотезу о метаболизации городской культуры может быть осуществлена (и, как нам представляется, довольно успешно) на основе чисто формального подхода. По меньшей мере, это относится к аспекту ее гибридности. Не требует особых доказательств наличие тенденции, выражающейся в инкорпорации в культурную среду новейших достижений в области техники и технологий.

Так, например, исследователи отмечают активное использование информационных, прежде всего, цифровых технологий в театральном искусстве [8], мультимедийных практик в музейном деле [2], IT-разработок для реализации, в сущности, социоинженерных проектов в сфере искусства [6]. Параллельно этому процессу идет процесс осмысления, казалось бы, «несоциальных» сфер деятельности в категориях культуры, формированию в среде осуществляющих их субъектов «культуроориентированного» мышления. Это усиливает, в частности, процесс дифференциации культуры (формируются инженерная, экологическая, технологическая и иные культуры как самостоятельные области знания и практической деятельности).

Однако процесс метаболизации должен, на наш взгляд, рассматриваться более глубоко и анализироваться через диспозиции осуществляющих его акторов, которые, в сущности, являются (или, по меньшей мере, могут являться) его главными агентами, с одной стороны, интегрируя («гибридизируя») городскую среду; с другой стороны, придавая ее развитию метаболическую динамику – движение от аккумуляции веществ до продуцирования «мусора» и его возможной последующей переработки.

Метаболизация урбанизированной культуры (если она, разумеется, имеет место) представляет собой результат сознательных или неосознанных действий городских жителей, отражающих их диспозиции в отношении культурной среды и приемлемых с точки зрения социальных (правовых, нравственных и конвенционально принятых) норм поведения в ней. Именно поэтому для понимания специфики метаболических процессов важна диагностика этих диспозиций.

Такую диагностику мы попытались осуществить в ходе социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем (СБТ-систем)», проведенного в городах Белгородской области в январе 2020 года. Исследование

включало в себя анкетный опрос городского населения по методике квотной выборки, где в качестве квот выступали место жительства, пол и возраст респондентов ($n = 500$), экспертный опрос ($n = 30$), при этом критериями отбора экспертов выступали наличие ученой степени в области социально-гуманитарных наук, а также – публикаций по проблемам культуры; 3 фокус-группы (работники сферы культуры, городских СМИ и молодежь).

Необходимо учитывать, что исследование осуществлено в городах, не относящихся к мегаполисам, поэтому полученные выводы имеют ограниченное распространение. Однако они любопытны тем, что позволяют осмыслить ситуацию применительно к провинциальным регионам, репрезентирующим большую часть России. Существенно и то, что в ходе исследования диагностировались представления, бытующие на уровне массового сознания, поэтому выводы касаются главным образом масс-культурных практик. Однако, очевидно, трудно отрицать, что именно на этом уровне гибридность культуры могла бы быть наиболее масштабной, а ее социодинамика – максимально интенсивной и открытой внешней среде. Элитарные культурные практики носят более приватный характер, и логика их развития по преимуществу детерминирована потребностью в самовыражении автономной личности, что зачастую мало соотносится с внешними процессами.

Подчеркнем, что участие в исследовании экспертов не означает попытки прояснить специфику элитарной диспозиции. Между элитой и экспертным сообществом существуют значительные различия. Они связаны с тем, что первая контролирует какие-либо ресурсы власти и, используя их, способна принимать значимые для общества решения. Единственный ресурс экспертов – профессиональные знания. И он практически никогда не трансформируется во властные полномочия.

Исследование выявило, что вопреки некоторым ожиданиям, идея гибридности культуры, как следствия ее технологизации и экологизации, присуща в большей степени представителям научного сообщества, чем широким массам городских жителей.

Так, рассматривая тенденции изменения городской субкультуры, абсолютное большинство экспертов (80 %) согласилось с мнением, что в настоящее время происходят ее качественные изменения. При этом к основным проявлениям таких изменений ими были отнесены: реализация культурных процессов через массовое использование информационных технологий и гаджетов (40 %), потребительско-развлекательный характер культурной деятельности (36,7 %), виртуальный характер культурных практик (26,7 %).

Среди основных факторов, определяющих развитие городской культуры, экспертами было отмечено, наряду с городскими традициями (средний балл оценки фактора 7,37 при 10 максимально возможных), коммерциализацией (6,43), характером культурных запросов населения (6,40), государственной политикой в сфере культуры (6,33),

развитие современных информационных технологий (6,33). Правда, значение фактора экологизации было оценено заметно ниже – 4,63 балла.

Однако, если эксперты довольно отчетливо фиксируют тенденцию технологизации городской культуры, то в сознании общей массы горожан этот процесс реплицируется не столь отчетливо. Даже достаточно хорошо информированные о культурных процессах в городе работники СМИ в ходе фокус-группового интервьюирования обращали больше внимание на увеличение культурного разнообразия городской культурной среды, чем на внедрение в нее техники и технологий. Типичны были следующие оценки культурных процессов: *«Появилось много независимых производителей культурных смыслов: театров, культурных площадок, различных заведений»* (Никита, работник СМИ, 30 лет). *«Производители культурных продуктов стали больше прислушиваться к запросам, предлагать продукт, который знаком аудитории и в котором она нуждается. Культура становится более адресной. Производители представляют конкретного потребителя, для которого они делают свой культурный продукт, а не просто какое-то абстрактное культурное мероприятие»* (Анастасия, работник СМИ, 26 лет).

Примечательно и то, что техническая подготовка и «экологоориентированность» не отнесены горожанами к числу нормативных качеств культурного человека. В состав этих качеств 60 % респондентов включили хорошие манеры. Еще 46,2 % отнесли к ним общительность, открытость к людям; 48,2 % правильную речь, то есть способности, которые с полным правом можно причислить к коммуникативным качествам. Отметим в данной связи: именно способность и готовность к коммуникации, по мнению большинства респондентов, отличают человека, которого они могли бы назвать «культурным». Среди лидирующих позиций большинство выборов (52,8 %) получило лишь одно формально «некоммуникативное» качество – ум (знания).

При этом способности, которые можно рассматривать как ответ на вызовы гибридации культуры, были отмечены значительно меньшей долей участников исследования. Только 15 % полагают, что неизменным качеством культурного человека является техническая грамотность; 18,4 % – забота об окружающей среде.

Нам представляется, что причины расхождения между экспертными оценками и ориентациями, распространенными в массовом сознании, в данном случае, связаны с различными «горизонтами» конструирования социального хронотопа, представляющего собой мыслительную конструкцию, с помощью которой люди интерпретируют эволюцию общественных пространств в рамках прошлого, настоящего и будущего. В нашем случае речь идет об эволюции городской культуры. Для экспертов (как и для репрезентируемого ими интеллектуального сообщества) наиболее важным является олицетворяющая будущее тенденция ее интеграции с другими сферами, и они, вольно или невольно, экстраполируют ее на

современные реалии, хотя и осуществляют подобный перенос более или менее осторожно. Так, треть из них (33,3 %) полностью согласилась с утверждением о превращении современного города в сложную социобиотехническую систему под влиянием процессов глобализации и информатизации, еще 56,7 % согласилась частично, оговаривая, что все зависит от специфики города.

К основным проявлениям превращения городов в СБТ-системы, оказывающим существенное влияние на культурный процесс и ведущим к его гибридации, экспертами были отнесены:

– усложнение и интенсификация внутренних коммуникаций (50 %);

– возрастание значения сетевых форм самоорганизации жизни (50 %);

– усиление взаимного влияния социальных, биологических, технических и технологических факторов (43,3 %).

На уровне массового сознания фиксируются иные тенденции эволюции культуры. Они, как правило, связаны с модификацией поведения субъектов, реализующих культурные практики, и в целом безотносительны к гибридации культуры. Изменения также связываются с ожидаемым переходом количества проводимых культурных мероприятий в рост качества культуры горожан (*«Мне сложно прогнозировать, но возможно, чем больше будет проводиться культурных мероприятий, тем изменения будут заметнее в культуре горожан»* – Татьяна, работник сферы культуры, 38 лет), появлением более качественных культурных продуктов (*«Люди становятся более требовательными. У детей стартовая площадка уже лучше, чем была у нас. Они будут еще более требовательными к качеству культурного продукта. И культуре придется к этому подстраиваться, соответствовать, чтобы она продавалась»* – Ольга, работник СМИ, 39 лет), а также, в росте гуманности культуры (*«У меня есть брат, который младше меня ровно на поколение, ему уже не нужно об этом думать, он с друзьями не обсуждает такие вопросы. Они уже сразу более толерантны, в хорошем смысле – это «базовая» настройка. Поэтому делаю вывод, что они уже чуть гуманстичнее изначально»* – Ольга, работник СМИ, 39 лет).

«В последние годы мы наблюдаем у белгородцев огромный интерес к самым разным формам культурного досуга. Особенно ярко это проявляется во время проведения таких всероссийских культурных акций, как «БиблиоНочь», «Ночь музеев», «Ночь искусств», «Культурный минимум» и других. Горожане почувствовали вкус к культурному времяпрепровождению, к камерным мероприятиям, клубным формам. Думаю, эта тенденция будет продолжаться. Также, как и тяга горожан к различным формам оупен-эйров. Здесь можно вспомнить и «Бел-МелФест», и мероприятия на набережной Везёлки, и симфонические оупен-эйры филармонии, и «НеслуЧайные встречи» в БотсадуБелГУ.

Думаю, появятся и другие формы привлечения горожан на открытые площадки, тем более что многие из них (Горсад, Есенинский сквер, пешеходная зона от парка Ленина до Свято-Троицкого бульвара, рекреационная зона на Левобережье) нуждаются в «оживлении» и творческом наполнении» – Наталья, работник сферы культуры, 42 года).

Идея технологизации культурного процесса формируется у горожан преимущественно в контексте возникающих в данной связи рисков, на которые обращали особое внимание участники фокус-групп. Они, чаще всего, связывали их с переходом сферы культуры в виртуальное пространство («Основным фактором риска сегодня является распространение вирусных заболеваний. Онлайн-трансляции мероприятий не могут заменить живого восприятия искусства, участия в интерактивных формах. Поэтому мероприятия на открытом воздухе в теплое время года могут, хотя бы частично, удовлетворить потребность населения в культурном общении» – Наталья, работник сферы культуры, 42 года; «За счет использования цифровых технологий изменится спрос на контент культурных мероприятий. Возрастет спрос на виртуальные мероприятия. Позитивные последствия из-за большего вовлечения людей. Негативные, из-за потери истоков традиционной русской культуры и вливания зарубежного контента» – Наталья, работник сферы культуры, 25 лет).

Таким образом, процесс гибридизации урбанизированной культуры в городах, не относящихся к мегаполисам, воспринимается и оценивается населением неоднозначно и довольно противоречиво. И, несмотря на то, что объективно основная масса горожан вовлечена в него, хотя бы через соцсети и гаджеты, в какой-то мере через обсуждение экологических проблем, гибридизация не рассматривается ею как реальность сегодняшнего дня.

Исследование в данном случае выявило противоречие, детерминирующее специфику метаболизации культурного процесса в условиях городской среды. Оно заключается в том, что установки, доминирующие на «входе», фактически, нивелируются характером повседневных культурных практик и, в конечном счете, это оборачивается неконтролируемым ростом «культурного мусора».

Выбор культурных практик, означающий «вход» культурного процесса, детерминирован преимущественно установкой на нормы морали (45,6 % респондентов). Данный вариант ответа значительно опережает по числу выборов все остальные критерии. Так, 32 % участников опроса ориентируются в ходе данного выбора на ресурсную доступность; по 29,8 % – на соответствие эстетическим нормам и соответствие традиции; 22,2 % – на развлекательность; 20,8 % – новизну, необычность и даже провокационность; 21 % – на соответствие традиции. Все другие критерии выбора имеют заметно меньшее значение. Так, на рекомендации авторитетных людей обращают внимание 15,2 % горожан; на соответствие культурных

предпочтений моде – 12,6 %; на официальное одобрение – 6,6 %.

Совершив этот выбор, горожанин оказывается перед проблемой его реализации в рамках сложившейся культурной среды, которая, по мнению респондентов, несмотря на большую доступность и демократичность, характеризуется коммерциализацией (27 %), низким эстетическим уровнем (25,4 %); засильем попсы (23,4 %). Эти особенности городской культуры были определены участниками исследования как наиболее неприемлемые для них. Но именно они в значительной степени определяют участие горожан в культурном процессе, которое обычно принимает потребительско-развлекательные формы, необходимые, но, как представляется, не предназначенные быть приоритетными.

Подобные практики стимулируют массовое распространение городского «культурного мусора», представляющего собой потенциально, либо реально деструктивные продукты жизнедеятельности городского сообщества, сформировавшиеся в социокультурной сфере (социальных институтов, социокультурных практик и феноменов сознания), которые в конкретных условиях не могут быть использованы для воспроизводства города и городского сообщества на основе принципа социальной конъюнкции, в силу этого остаются не востребованными большей частью горожан и не рассматриваются ими в качестве ценности. «Культурный мусор» – явление неизбежное в культурном, как и в любом метаболическом процессе. Корректность использования данного понятия признают 73,3 % экспертов, но лишь 36,7 % отмечают, что в настоящее время действуют более или менее четкие критерии, позволяющие отделить городскую культуру от «культурного мусора», а 50 % придерживаются мнения, что таких критериев нет. Сами эксперты склонны применять следующие критерии: низкое эстетическое содержание феноменов культуры (40 %), деструктивное воздействие на общество (30 %) и неспособность обеспечить развитие личности (26,7 %).

Однако отсутствие четких критериев не снимает самой проблемы, суть которой в том, что большинство жителей не в состоянии определить «мусорные», по сути, культурные явления и процессы, последствия воздействия которых на личность могут быть разрушительными. О токсичности этого мусора предупреждал Ж. Бодрийяр, считавший необходимым «модифицировать и расширить» понятие «отбросы» применительно к городской среде, отмечая: «Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах – это, всего лишь, симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия, очевидным образом, символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений» [1].

Чрезмерное разрастание «мусорного потока» в сфере культуры, прежде всего, его деструктивных фракций, способно существенно ограничить (и уже ограничивает) возможности ее формирования и развития как гибридной социобиотехнической системы, фактически, «обнуляя» потребности, доминирующие у акторов городской среды на «входе» метаболического потока.

Осознание данного обстоятельства дополнительно подтверждает необходимость регулирования культурных процессов в современном городе, которое должно носить государственно-общественный характер. Такое регулирование наиболее актуально в плане создания инфраструктуры, поддержания инициативы, социальной рекламы, формирования культурно-ценностных ориентаций населения города, но без давления на культурные течения, если они не выходят за рамки закона.

Литература:

1. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть / Ж. Бодрийяр // Логос. 1997. № 9. С. 107–116.
2. *Григорьева Е.Д.* Использование мультимедийных квестов в музейной педагогике / Е.Д. Григорьева, А.А. Смолин // Культура и технологии. 2019. Т. 4. Вып. 1. С. 16–23.
3. *Деменов С.Л.* Фрактал: между мифом и ремеслом. СПб. : ООО «Ринвол», Академия исследований культуры, 2011. 296 с.
4. *Ермолаева П.О.* Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив / П.О. Ермолаева [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80–94.
5. *Ермолаева П.О.* Социально-экологический метаболизм городов: концептуализация, научные школы, современные зарубежные исследования / П.О. Ермолаева // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3(11). С. 34–50.
6. *Никонова А.А.* Гуманитарные ориентиры техногенной среды / А.А. Никонова // Культура и технологии. 2017. Т. 2. Вып. 2–3. С. 38–43.
7. *Тaleb Н.* Risking his own skin. Hidden asymmetry of everyday life. М. : КоЛибри, Азбука Atticus, 2018. 384 с.
8. *Чепурова О.А.* Цифровые технологии как инструмент реконструкции театрального события / О.А. Чепурова // Культура и технологии. 2017. Т. 2. Вып. 4. С. 97–104.
9. *Яницкий О.Н.* К проблеме модернизации гуманитарного знания / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 7–22.

Однако субъекты регуляции, выстраивая свои действия, должны понимать все сложности регулирования гибридных систем, требующие:

- во-первых, выявления и использования предельно широкого круга причинно-следственных связей, многие из которых являются опосредованными;
- во-вторых, выстраивания долгосрочных стратегий, что обусловлено длительным характером социокультурных изменений;
- в-третьих, установки на диалог с носителями идей и субъектами практик в сфере культуры, результатом чьих действий и может быть социобиотехническая система (СБТ-система);
- в-четвертых, допущения управленческого реверса, выражающегося в том, что некоторые фракции «культурного мусора» в прошлом могут быть востребованы в настоящем и будущем.

Literature:

1. *Baudrillard J.* City and hate / J. Baudrillard // Logos. 1997. № 9. P. 107–116.
2. *Grigorieva E.D.* The use of multimedia quests in museum pedagogy / E.D. Grigorieva, A.A. Smolin // *Kulturaitekhologii*. 2019. Vol. 4. Iss.1. P. 16–23.
3. *Demenov S.L.* Fractal: between myth and craft. St. Petersburg: LLC «Rinvol», Academy of Cultural Studies, 2011. 296 p.
4. *Ermolaeva P.O.* Socio-ecological «sustainability through changes» of Russian cities: search for theoretical and methodological perspectives / P.O. Ermolaeva [et al.] // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2019. № 2. P. 80–94.
5. *Ermolaeva P.O.* Socio-ecological metabolism of cities: conceptualization, scientific schools, modern foreign studies / P.O. Ermolaeva // *Sociological science and social practice*. 2015. № 3(11). P. 34–50.
6. *Nikonova A.A.* Humanitarian guidelines of technogenic environment / A.A. Nikonova // *Culture and technology*. 2017. Vol. 2. Iss. 2–3. P. 38–43.
7. *Taleb N.* Risking his own skin. Hidden asymmetry of everyday life. М. : KoLibri, Azbuka Atticus, 2018. 384 p.
8. *Chepurova O.A.* Digital technologies as a tool for reconstruction of a theatrical even / O.A. Chepurova // *Culture and technology*. 2017. Vol. 2. Iss. 4. P. 97–104.
9. *Yanitsky O.N.* On the problem of modernization of humanitarian knowledge / O.N. Yanitsky // *Sociological science and social practice*. 2018. Vol. 6. № 1 (21). P. 7–22.

10. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.

11. *Codohan N.* The metabolism of neighbourhoods / N. Codohan, C.A. Kennedy // ASCE Journal of Urban Planning and Development. 2008. № 134(1). P. 21–31.

12. *Cui X.* How can cities support sustainability: a bibliometric analysis of urban metabolism / X. Cui // Ecol. Indic. 2018. № 93. P. 704–717.

13. *Kennedy C.E.J.* Urban Metabolism and the Energy Stored in Cities / C.E.J. Kennedy, D. Bristow // Journal of Industrial Ecology. 2013. Vol. 17. Iss. 5. (дата обращения 17.02.2021).

14. *Liu N.* The material metabolism characteristics and growth patterns of the central cities of China's Beijing-Tianjin-Hebei region / N. Liu, Y. Zhang, B.D. Fath // Ecological Modelling. 2021. № 448(3).

10. *Yanitsky O.N.* Metabolic concept of the modern city / O.N. Yanitsky // Sociological science and social practice. 2013. № 3. P. 16–32.

11. *Codohan N.* The metabolism of neighbourhoods / N. Codohan, C.A. Kennedy // ASCE Journal of Urban Planning and Development. 2008. № 134(1). P. 21–31.

12. *Cui X.* How can cities support sustainability: a bibliometric analysis of urban metabolism / X. Cui // Ecol. Indic. 2018. № 93. P. 704–717.

13. *Kennedy C.E.J.* Urban Metabolism and the Energy Stored in Cities / C.E.J. Kennedy, D. Bristow // Journal of Industrial Ecology. 2013. Vol. 17. Iss. 5. (date of application 17.02.2021).

14. *Liu N.* The material metabolism characteristics and growth patterns of the central cities of China's Beijing-Tianjin-Hebei region / N. Liu, Y. Zhang, B.D. Fath // Ecological Modelling. 2021. № 448(3).

Беликова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Кубанский государственный
технологический университет
belikova.2003@mail.ru

Рачипа Андрей Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
социологии, истории и политологии,
Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах
Южного федерального университета,
профессор-совместитель
кафедры 109 «б»,
Московский авиационный институт
(Национальный
исследовательский университет)
rachipa@sfedu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИИ
И ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В статье исследуется проблема институционального взаимодействия религии и образования в современном российском обществе. Осуществляется сравнительный анализ понимания задач преподавания религии в российском и западном контексте. Отмечается, что проблема религиозного образования в России имеет два аспекта: знакомство с религиоведческим и религиозным знанием в общеобразовательной школе и формирование полноценной системы религиозного образования. Учитывая негативное историческое наследие, связанное с прерыванием религиозных традиций, вторая задача для России гораздо актуальнее первой.

Ключевые слова: религия, образование, постсекулярное общество, ислам, российское общество, православие, школа.

Natalia Yu. Belikova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
Of History and Philosophy,
Kuban State Technological University
belikova.2003@mail.ru

Andrey V. Rachipa

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of Department Sociology,
History and Political Science,
Institute of Management in Economic,
Environmental and Social Systems
Southern Federal University,
Part-time Professor
Departments 109 «b»,
Moscow Aviation Institute
(National Research University)
rachipa@sfedu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department Human
Resources Management and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**INSTITUTIONAL INTERACTION
OF RELIGION AND EDUCATION
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The article examines the problem of institutional interaction of religion and education in modern Russian society. A comparative analysis of the understanding of the tasks of teaching religion in the Russian and Western contexts is carried out. It is noted that the problem of religious education in Russia has two aspects: acquaintance with religious studies and religious knowledge in a general education school and the formation of a full-fledged system of religious education. Given the negative historical legacy associated with the interruption of religious traditions, the second task for Russia is much more urgent than the first.

Keywords: religion, education, post-secular society, Islam, russian society, orthodoxy, school.

Рост влияния института религии в последней четверти XX – начале XXI вв. поставил на повестку дня проблему религиозного образования. Эта необходимость обусловлена переходом к постсекулярному состоянию общества и актуализации институционального взаимодействия религии и образования в современном российском обществе. Мировоззренческий кризис делает невозможным исключение религиозных идей из информационного пространства института образования и культуры. Религия признается нормальным и легитимным явлением, и, как таковое, нуждается в системе социокультурного воспроизводства [1, 2].

С другой стороны, современные светские государства не могут брать на себя функцию института религиозного образования, поскольку это подрывает основы принципа светскости и потенциально чревато конфликтами [3, 4].

Проблема преподавания религии в школах актуализирована и по причине усложнения конфессиональной структуры современных секулярных обществ в результате процесса иммиграции и возникновения в рамках западных обществ анклавов религий, не традиционных для них – прежде всего, ислама. Это обостряет проблему межкультурного диалога, выходящего за пределы собственно мировоззренческих вопросов [5], поскольку ислам подразумевает определенный образ жизни, не всегда сочетающийся с образом жизни, принятым в секулярных обществах.

Осмысление путей развития института религиозного образования и выработка стратегий его развития в западных обществах начинается в 2000-е годы. В 2007 году был принят и опубликован документ под названием «Толедские руководящие принципы преподавания знания о религиях и верованиях в государственных школах», разработанный экспертами в рамках ОБСЕ. Этот документ имеет рекомендательный характер и ориентирован, в первую очередь, на страны, входящие в ОБСЕ (это 57 стран, включая Россию, США, и Канаду). В основе рекомендаций лежат два положения: позитивная ценность образования, подчеркивающего право каждого на свободу религии и убеждений, и преподавание знаний о религиях может нивелировать предубеждения и стереотипы, препятствующие взаимопониманию и диалогу.

Речь должна идти не о преподавании основ той или иной религии, но о преподавании знания о религии. Такой подход к религиозному образованию не предполагает доминирования той или иной точки зрения, не требует от педагогов и учеников какой-либо религиозной принадлежности. Знакомство с религиями имеет нейтральный характер. В «Толедских принципах» отмечается большая роль педагогов в построении учебного процесса в соответствии с принципами взаимоуважения, взаимопонимания и уважения прав и свобод личности. Педагоги должны обладать соответствующими компетенциями и пользоваться поддержкой соответствующих должностных лиц. В документе отмечается, что «образовательные программы, сосредоточенные на преподавании

религий и убеждений должны обращать внимание на ключевые исторические и современные процессы относительно религии и убеждений, а также отражать глобальные и локальные вопросы. Они должны быть чуткими к различным локальным проявлениям религиозного и секулярного плюрализма, присутствующего в школах и сообществах, которые ими обслуживаются. Такая чуткость поможет учесть вопросы учащихся, родителей и других заинтересованных сторон в сфере образования» [6].

Однако «Толедские принципы» вызвали критические замечания. Некоторые эксперты отмечали, что знание о религии само по себе еще не ведет к терпимости и взаимоуважению. А. Динхем, в частности, отмечал, что основная проблема коренится в том, что в секулярных обществах сложилось определенное отношение к институту религии, например, под влиянием угрозы религиозного терроризма [7]. Помимо страха, вызываемого этой угрозой, существует и некоторое недоумение в отношении данного института со стороны тех, кто довольно долго привык обходиться без нее.

Подобную реакцию отторжения мы можем наблюдать и в российском обществе, где противоречивая постсоветская десекуляризация привела не только к широкому распространению православной идентичности в качестве культурно-национальной, но и росту критического отношения к институту религии со стороны ряда представителей общественности. Динхем полагает, что в такой ситуации речь должна идти не столько о передаче знания о религии, сколько о специфической «религиозной грамотности», которая исходит из признания и принятия современного религиозного многообразия. Однако не совсем понятно, как формировать эту «религиозную грамотность».

Некоторые критики «Толедских принципов» отмечают, что религию следует изучать в рамках института образования в ряду традиционных дисциплин – таких как история, литература, социальные науки. Причем изучать ее следует во всем многообразии современных религиозных исследований, учитывая антропологию религии, психологию религии и т.д.

Даже с учетом ориентации «Толедских принципов» на защиту толерантности и свободы совести, они вызывают критику в связи с угрозой этических, юридических, педагогических проблем. Например, готовы ли ученики, имеющие религиозную принадлежность, воспринимать знания о религии, в том числе «своей», преподносимые нейтрально, то есть с позиции внешнего и привилегированного наблюдателя? И можно ли – в контексте обучения религиям – рассматривать «нейтральность» по отношению к разным системам верований действительно как нейтральную мировоззренческую позицию?

Институт религии затрагивает практически все аспекты человеческого существования – сложно представить, как в рамках образовательного процесса можно отразить весь комплекс явлений и

процессов, связанных с религией в современных обществах, а ориентация преимущественно на историю религии не позволит понять нынешних проблем [8].

Таким образом, несмотря на осознание необходимости знакомить учеников с многообразной религиозной реальностью, до сих пор не очень понятно, как именно это следует делать, хотя базовые принципы очевидны: нейтральность, свобода выбора религий и убеждений, ориентация на выработку толерантности и уважения, инклюзивность. Поскольку в рамках этих принципов возможно множество педагогических стратегий, и даже сами эти принципы носят рекомендательный характер, в разных обществах проблема преподавания знания о религии решается по-разному.

Интересно обратиться к российскому опыту.

Религиозная ситуация в постсоветской России заметно отличается от ситуации в секулярных западных обществах. Главное отличие заключалось в том, что современному религиозному плюрализму предшествовало несколько десятилетий атеистической государственной политики, нацеленной на уничтожение института религии. Степень радикальности антирелигиозных установок советской власти менялась, однако атеизм никогда не переставал быть официальной позицией государства, исключая лишь последние годы, предшествующие распаду СССР.

Поскольку государство было заинтересовано в ослаблении института религии, никакого религиозного образования в институте государственного образования существовать не могло. Даже сохранившиеся религиозные организации имели крайне ограниченные возможности для собственно религиозного образования духовенства. Знание о религии существовало лишь в форме научного – в рамках истории, филологии, специфически советского научного направления – «научного атеизма». Это знание было либо узкоспециализированным и доступным только специалистам, либо популярным, но крайне идеологизированным. И то, и другое было доступно тем, кто сам проявлял интерес к религиям. Большинство же советского населения существовало в пространстве безрелигиозной культуры, и религия, как и религиозное образование практически не присутствовали в их жизни.

Бурное религиозное возрождение, сопровождавшее последние годы существования СССР и начало постсоветского периода, оказалось противоречивым. Восстановление экономической базы доминирующих религий и рост числа верующих не привели, как показали исследования, к глубокому проникновению религиозных ценностей в жизнь большинства российского населения. Однако была осознана важность института религии для идеологических целей. В ситуации мировоззренческого вакуума, слабой легитимности власти и кризиса коллективной идентичности институт религии оказался востребованным, прежде всего, для преодоления этих проблем. Осознание необходимости религиозного образования в

российских образовательных учреждениях было связано, скорее, с решением этих задач, а не со стремлением к обеспечению толерантности и межрелигиозного диалога. Так возникла идея школьного курса «Основы православной культуры», хотя сразу же появились вопросы о том, что такое «православная культура». На деле первые учебники по «Основам православной культуры» представляли собой краткое изложение основ православного вероучения, а также сведения о религиозной символике, ритуальной практике и религиозном искусстве (естественно, не современном религиозном искусстве). Таким образом, первые учебники были ориентированы не столько на светское знакомство с религиями, сколько на катехизацию.

Первый общероссийский учебник по «Основам православной культуры» был написан методистом Московского Института переподготовки работников образования Московского комитета образования А.В. Бородиной и вышел в 2002 году. Исходя из лексики и тематики, учебник предназначался, прежде всего, для русских учеников, роль православия в истории России рассматривалась как определяющая, и, в принципе, учебник носил скорее апологетический, чем собственно образовательный характер. Этот учебник, как и более ранние, подвергался критике. Для нас интересно отметить именно четко осознаваемую авторами подобных учебников проповедническую в широком смысле задачу – они ставили своей целью не только знакомство с содержанием и историей православия, но создание определенной интерпретации отечественной истории, где доминировала одна конфессия. Всё это, конечно, довольно далеко от тех задач, которые авторы «Толедских принципов» пытались поставить перед изучением религий в западных постсекулярных обществах.

Задачей предмета «Основы православной культуры» было ознакомление обучающихся с историей, культурой и основными ценностями православного христианства. При этом предмет вводился как светский и преподавали его светские учителя (наличие соответствующей подготовки у которых тоже вызывало много вопросов). Этот предмет не превратился в некий инструмент тотального «воцерковления» российских учащихся, чего опасались критики этого проекта.

Курс «Основы православной культуры» был только частью более широкого курса «Основы религиозных культур и светской этики», предполагавшего выбор из нескольких модулей: «Основы православной культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Модули выделялись в соответствии с законодательно выделенными традиционными для России конфессиями, модуль, посвященный светской этике, обеспечивал свободу выбора вне религиозного этического образования.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на информационный шум, критику и даже страхи, связанные с «клерикализацией» общества,

собственно институту религии в российском образовании уделяется не так уж много места. Сложно однозначно судить о том, хорошо это или плохо. С одной стороны, российское общество поликонфессионально, религиозные организации и группы верующих достаточно активно заявляют о себе в публичном пространстве. Потому вероятность конфликтов на религиозной почве существует, и действительно время от времени можно наблюдать конфликты, связанные с религией, однако зачастую они носят не столько реальный, сколько символический характер.

В постсоветской России сформировалась система религиозного образования, нацеленная на подготовку духовенства.

Система духовного образования в РПЦ в Российской Федерации – многоуровневая и включена в Болонский процесс, что говорит об её интегрированности в общее русло развития современного европейского образования. С другой стороны, духовное образование регулируется государственным образовательным стандартом высшего образования.

Первый уровень высшего духовного образования – бакалавриат, окончание образовательного курса завершается написанием дипломной работы и присвоением звания бакалавр богословия. С 2010 года все духовные семинарии осуществляют образовательную подготовку в соответствии с государственным стандартом по специальности «Теология» Специальность «Теология» преподается также в ряде светских вузов.

Образование второго уровня, подготовка магистров богословия, осуществляется Духовными академиями, но также и рядом других учебных учреждений, где имеется соответствующая база.

Третий, высший уровень – это трехгодичная аспирантура при Духовных академиях, обучение в которой завершается подготовкой кандидатской диссертации, в дальнейшем возможна подготовка докторской диссертации.

Большое значение для российского общества и обеспечения национальной безопасности имеет развитие системы исламского образования. В 90-е гг. XX века именно низкий уровень религиозного образования в мусульманских республиках Северного Кавказа (обусловленный политикой

советского государства), привел к распространению в регионе фундаменталистских версий ислама, принесенных иностранными проповедниками. Был сделан ряд важных шагов в направлении формирования системы российского исламского образования. В 2005 г. был создан духовный Совет по исламскому образованию и разработан единый образовательный стандарт по специальности «Исламское религиозное образование» и разработан ряд учебных программ. К 2007 г. в России насчитывалось около 200 исламских учебных заведений, из которых 26 давали высшее образование. По распоряжению Правительства РФ, в 2007 был принят План мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама (преподавателей, священнослужителей и др.) для противодействия распространению экстремизма и радикализма. Однако специалисты отмечают, что российская система исламского образования всё еще находится в процессе институционального становления, а значительная часть молодых людей стремится получить образование в зарубежных учебных учреждениях. Так, М.А. Сапронова и А.Л. Чевишиников отмечают, что «исламское образование за рубежом по-прежнему остается привлекательным для молодежи. По информации полпреда президента в Приволжском федеральном округе, только из регионов ПФО во второй половине 2017 г. около 500 человек училось в исламских учебных заведениях за рубежом, а за пять предшествующих лет такое обучение прошли более 2,5 тыс. человек. Число выпускников отечественных исламских вузов пока невелико, и лишь единицы работают по специальности» [9, 10].

Таким образом, проблема религиозного образования в российском обществе имеет два аспекта: знакомство с религиозно-этическим и религиозным знанием в образовательном процессе и формирование полноценной системы религиозного образования [10]. Учитывая негативное историческое наследие, связанное с прерыванием религиозных традиций, вторая задача для России актуальнее первой. Если в сфере православия эта проблема подготовки образованных священнослужителей и преподавателей практически решена, то для других российских традиционных религий – формирование эффективной системы религиозного образования всех уровней – еще не решенная задача.

Литература:

1. Белов М.Т. Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи / М.Т. Белов, Н.Х. Гафиятулина, С.И. Самыгин // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д., 2019. С. 186–193.
2. Belikova N.Yu. Spiritual and moral values as the sense basis and the factor of improving the quality of management of the education system / N.Yu. Belikova [et al.] // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. № S4. P. 16.

Literature:

1. Belov M.T. Management of religious landmarks in the minds of modern youth / M.T. Belov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Economic problems of Russia and the region. Scholarly notes. Rostov State University of Economics. Rostov-on/D., 2019. P. 186–193.
2. Belikova N.Yu. Spiritual and moral values as the sense basis and the factor of improving the quality of management of the education system / N.Yu. Belikova [et al.] // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. № S4. P. 16.

3. *Kasyanov V.V.* Religious orientations of modern youth and the national policy. *Advances in Intelligent Systems and Computing* / V.V. Kasyanov [et al.]. 2020. Vol. 1100 AISC. P. 601–613.

4. *Брусенцева Д.М.* Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина. Ростов-н/Д., 2018.

5. *Bortsov Y.S.* Regional Environment in the Context of Regional Differences in the Russian Society / Y.S. Bortsov [et al.] // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9. № 5. P. 20.

6. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools. URL : <https://www.osce.org/odihr/29154>

7. *Dinham A.* Public Religion in an Age of Ambivalence: Recovering Religious Literacy after a Century of Secularism, in L.G. Beaman, L. Van Arragon (eds) *Issues in Religion and Education. Whose Religion? International Studies in Religion and Society*. Leiden, Boston : Brill, 2015 Vol. 25. P. 20.

8. *Гафиатулина Н.Х.* Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // *Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет*. Ростов-н/Д., 2019. С. 217–224.

9. *Сапронова М.А.* Исламское образование в России – собственная модель / М.А. Сапронова, А.Л. Чечевишников // *Право и образование*. 2019. № 6. С. 4–14.

10. *Гафиатулина Н.Х.* Духовно-нравственная безопасность современной молодежи / Н.Х. Гафиатулина // *Вестник института истории, археологии и этнографии*. 2017. № 1(49). С. 134–144.

3. *Kasyanov V.V.* Religious orientations of modern youth and the national policy. *Advances in Intelligent Systems and Computing* / V.V. Kasyanov [et al.]. 2020. Vol. 1100 AISC. P. 601–613.

4. *Brusentseva D.M.* A model of counteracting coverage of the activities of a terrorist organization in the media space / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulina. Rostov-on/D., 2018.

5. *Bortsov Y.S.* Regional Environment in the Context of Regional Differences in the Russian Society / Y.S. Bortsov [et al.] // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9. № 5. P. 20.

6. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools. URL : <https://www.osce.org/odihr/29154>

7. *Dinham A.* Public Religion in an Age of Ambivalence: Recovering Religious Literacy after a Century of Secularism, in L.G. Beaman, L. Van Arragon (eds) *Issues in Religion and Education. Whose Religion? International Studies in Religion and Society*. Leiden, Boston : Brill, 2015 Vol. 25. P. 20.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Religious attitudes as an element of managing the value orientations of modern youth / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // *Economic problems of Russia and the region. Scholarly notes. Rostov State University of Economics*. Rostov-on/D., 2019.

9. *Sapronova M.A.* Islamic education in Russia – its own model / M.A. Sapronova, A.L. Chechevishnikov // *Law and Education*. 2019. № 6. P. 4–14.

10. *Gafiatulina N.Kh.* Spiritual and moral safety of modern youth / N.Kh. Gafiatulina // *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2017. № 1(49). P. 134–144.

Берзин Андрей Борисович
аспирант,
Уральский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
berzinandrey@gmail.com

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ АКТОРАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА МЕГАПОЛИСА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования профессиональной общности «учительство» в условиях мегаполиса, некоторые характерные черты взаимодействия, взаимосвязи общности родителей и учащихся с учительским сообществом в образовательном пространстве г. Екатеринбурга. В системе факторов, негативно влияющих на качество образования, автором выделяются: слабая заинтересованность родителей в том качестве образования, которое дает современная школа, низкий уровень интереса школьников к существующим формам учебы, проблемы организации учебного процесса. Во всех обследованных общностях выявлено достаточно критичное отношение к ЕГЭ, а также к дистанционному обучению.

Ключевые слова: общность, «учительство», родители, учащиеся, мегаполис, качество образования, ЕГЭ, дистанционное обучение.

Постоянное реформирование системы среднего образования, продолжающееся в нашей стране с конца XX в., привело её к кризисному состоянию, проявлением которого выступает наличие проблем с качеством образования, снижением авторитета учителей, слабой мотивацией школьников к учебе. Все эти проблемы требуют углубленного анализа состояния и путей дальнейшего развития профессиональной общности «учительство».

Немаловажное влияние на роль школы, учительства оказывает развитие информационного пространства, дистанционных форм обучения. Появление и быстрое «врастание» их в повседневную жизнь частью родителей и учащихся школ воспринимается как некая альтернатива традиционным формам обучения, «размывает» представление о школе как о единственном источнике знаний.

Значение этих проблем особенно обострилось в период пандемии и, прежде всего, в крупных

Andrey B. Berzin
Postgraduate Student,
Ural Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
berzinandrey@gmail.com

ASSESSMENT OF THE STATE AND PROBLEMS OF SECONDARY EDUCATION BY THE ACTORS OF THE EDUCATIONAL SPACE OF MEGAPOLIS

Annotation. The article deals with the features of the functioning of the professional community «teaching» in the conditions of a megalopolis, some characteristics of interaction, the relationship of the community of parents and students with the teacher community in the educational space of Yekaterinburg. In the system of factors that negatively affect the quality of education, the following stand out: a weak interest of parents in the quality of education provided by a modern school, a low level of interest of schoolchildren in existing forms of study, problems of organizing the educational process. In all the surveyed communities, a rather critical attitude to the Unified State Exam, as well as to distance learning, was revealed.

Keywords: community, teachers, parents, students, metropolis, quality of education, exam, distance learning.

городах, которые являются основными центрами образовательного пространства страны и территориальными общностями.

В отечественной и зарубежной научной литературе анализ общностей в урбанизированном обществе базируется, как правило, на нескольких подходах: выделяется типологический (классический и неоклассический), экологический, системный, конфликтологический, интегративный [12].

В типологическом подходе к исследованию общностей в городе для нас интересны два основных направления.

Первое направление – город как некое образовательное пространство, в котором находятся люди, предметы (вещи), здания т.д. Анализ явлений городской жизни с этой точки зрения был заложен представителями так называемой Чикагской школы (Э. Берджес, Л. Вирт, Р. Парк и др.), которые считали, что пространство, среда обитания накладывают свой специфический отпечаток на жизнедеятельность людей, их образ жизни.

Второе направление было заложено такими известными социологами как М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис. Для них главным является образ жизни горожан, особенности их взаимодействия [10, с. 11–13].

В данной статье мы будем исходить из понимания города как пространства, в котором происходит взаимодействие людей, образующих те или иные социальные общности (по месту проживания или работы, профессии, интересам, политическим ориентациям) и который признается таковым его современниками [7, т. 1, с. 79]. А под общностью мы понимаем взаимосвязь множества индивидов, обусловленную схожим образом жизни, менталитетом и условиями окружающей их среды.

Город – это пространственное скопление жилья, вещей и людей – такое краткое определение дает Е.Н. Заборова в своей книге «Городское управление» и выделяет 5 функций городской среды: интенсификации, разнообразия, концентрирования, интегрирования и дифференцирования как определяющих систему функционирования города [3, с. 8].

Существует множество подходов к классификации городов: по функциям, численности, образу жизни, формальному статусу, перспективам развития, размеру территории и т.д.. Если отдельно выделять мегаполисы из числа крупных по численности городов, то исследователи отмечают как доминирующие следующие тенденции: дальнейшее продолжение урбанизации, новое качество жизни, повышение комфортности жилья, отсюда – и рост привлекательности этих городов для людей, и снижение удельного веса коренного населения городов [1, с. 24].

Мы согласны с мнением Е.В. Власовой, что мегаполис обладает не только географическими и социально-демографическими характеристиками, но также является неким ментальным пространством, появившимся, благодаря своеобразию исторического, культурного развития конкретной территории и обладающего специфичным мегаполисным сознанием и идентичностью [2, с. 10].

И.Н. Трофимова считает, что сознание жителей мегаполисов отличается большим прагматизмом, рационализмом, склонностью к ярко выраженному индивидуализму. Им присуще разнообразие ценностей и своеобразный набор одновременно противоположных по своей сути социальных установок и ценностных ориентаций социалистического, консервативного и либерального направлений. На первое место для жителей мегаполиса выходят ценности работы и бизнеса, затем «справедливое общество», «семья», «образование», «самореализация», и «карьера», что весьма отличает их по структуре ценностей от жителей других типов поселений [11].

Предметом нашего анализа образовательного пространства мегаполиса является Екатеринбург, основанный в ноябре 1723 года и состоящий в настоящее время из 7 городских районов и более 20 сельских населенных пунктов [9].

В 2020 году в Екатеринбурге работало 18 вузов, более 25 колледжей и техникумов, около 200 общеобразовательных организаций (в том числе гимназий и лицеев).

В школах города обучается около 165 тыс. чел [4, с. 35–36]. Из них во вторую смену учится более 45 тыс. чел.

Число учащихся за последнее десятилетие увеличилось в 1,5 раза, количество педагогов в школах города превышает 7,8 тыс. чел, большинство из них – учителя первой и высшей категории [4, с. 39].

В связи с этим, достаточно остро стоит вопрос по вводу новых учебных мест, обеспечению школ необходимым материально-техническими ресурсами, подготовкой учительских кадров.

Для решения этих задач в Екатеринбурге реализуется 2 муниципальных программы: «Создание новых мест в общеобразовательных организациях муниципального образования «г. Екатеринбург» на 2016–2025 годы» и «Развитие системы образования и создание условий для организации труда, отдыха и оздоровления детей в муниципальном образовании «г. Екатеринбург» на 2017–2022 годы» [8].

Среди задач, стоящих перед органами управления городом и профессиональной общностью «учительство», следует выделить:

- развитие сети дошкольного образования;
- реконструкцию и строительство новых школ;
- повышение профессионального уровня учителей в соответствии с утвержденными стандартами;
- реализацию федеральных государственных образовательных стандартов [ФГОС] на всех уровнях образования, повышение качества образования через совершенствование процедур оценки [5, с. 4–5].

В стратегическом плане развития г. Екатеринбурга до 2030 г. поставлена весьма амбициозная задача – создать современное многоуровневое, непрерывное образовательное пространство в городе, отвечающее требованиям как российских, так и международных критериев [6, с. 4].

Структуру профессиональной общности «учительство» можно охарактеризовать по нескольким критериям:

1. Организационно-административный критерий – в администрации города за образование «отвечает» специально созданный департамент, которому функционально подчинены семь районных управлений образования, т.е., городская профессиональная общность по формальным признакам состоит из нескольких субобщностей, дислоцированных в каждом из районов города. При этом внутри района каждое образовательное учреждение (школа) также может рассматриваться как некая профессиональная субобщность, которая,

в свою очередь, состоит из нескольких сообществ (например, методических объединений по предметам).

2. Предметно-содержательный фактор – объединение педагогов по преподаваемым ими предметам (в городе работает 27 ассоциаций, которые также можно рассматривать как профессиональные субобщности) или исполняемым сходным функциям (классное руководство, например).

3. Объединение учителей, вызванное ситуативными мотивами, интересами, потребностями, ценностными ориентациями, например, ассоциация молодых педагогов; форумы по различным проблемам образования и т.п.

К этой же группе следует отнести и виртуальные сообщества педагогов, объединенных по своим представлениям, оценкам, мнениях о процессах, происходящих в системе среднего образования.

На оценку ситуации в профессиональной общности «учительство» большое влияние оказывает взаимодействие с двумя другими социальными общностями, включёнными в образовательное пространство мегаполиса – это, прежде всего, сами учащиеся, и, конечно, их родители. Для изучения особенностей каждой из этих общностей, а также их взаимодействия в течение 2016–2019 гг. научной группой УрФУ и Уральского института управления РАНХиГС с участием автора был проведен ряд исследований, в ходе которых было опрошено 529 педагогов системы среднего образования, 1520 родителей учащихся и 1085 выпускников школ. В исследованиях были представлены 49 школ г. Екатеринбурга из всех семи районов мегаполиса.

Предметом анализа было изучение позиций каждой общности относительно реформирования школьного образования. Приведем некоторые итоги, полученные в процессе исследования.

1. Исследование общности «учительство» показало, что при сравнении оценок учителей из всех семи районов мегаполиса выделились районные сообщества педагогов с выраженной критичной установкой на восприятие действительности или, наоборот, стремящиеся к сохранению существующего порядка вещей. Например, достаточно заметно отличаются районы по отношению к обновлению содержания образования. В Верх-Исетском районе считают, что его надо менять кардинально – 33,5 % опрошенных, в Железнодорожном – только 8,6 %.

Критический настрой учителей Верх-Исетского района проявляется в отношении к отчётности (нужен только один отчет по успеваемости 1 раз в год – так считает 40,8 % опрошенных учителей, в то время как, по требованиям Минпросвещения РФ на 2021 год, существует 7 видов отчетности), в оценке оснащённости школ учебным оборудованием (неудовлетворен каждый четвертый), в отношении к качеству программ повышения квалификации (неудовлетворен каждый пятый), в позиции к профориентации учащихся (23,7 %

опрошенных в районе учителей считают, что это дело родителей).

2. Неоднозначны позиции рассматриваемых общностей в отношении к системе образования, все они, по своим оценкам, разделились на несколько субобщностей.

Среди факторов, влияющих на качество образования, педагоги выделили слабую заинтересованность родителей – 66,2 % опрошенных, низкий уровень мотивации учащихся (55,8 %), недостаточное материально-техническое обеспечение учебного процесса (38,6 %). Родители на первое место поставили низкий уровень мотивации учащихся (40% опрошенных), и неэффективное руководство системой образования (39,7 %). Выпускники школ – низкий уровень заинтересованности учащихся в учебе (67,6 % опрошенных) и неэффективную организацию учебного процесса (56 %). Следует сказать, что из восьми предложенных факторов преподаватели и родители учащихся занимают схожие позиции по пяти, а выпускники школ с учителями и родителями – только по одной из позиций: с учителями по позиции «недостаточное материально-техническое снабжение учебного процесса», а с родителями – «неэффективное руководство системой образования».

3. Сообщество педагогов разделилось по некоторым наиболее заметным «точкам» реформирования школы. Так, треть опрошенных учителей считает возможным переломить ситуацию в школах со стабильно низкими результатами, 70 % опрошенных педагогов считают, что это возможно только при оказании внешней, специально направленной помощи.

Если говорить о таком нашумевшем «явлении», как Единый государственный экзамен (ЕГЭ), то позиции по его полной поддержке совпадают у всех – около 6 % (родителей, учащихся, педагогов) резко отрицательно высказались против ЕГЭ, среди выпускников школ около 49 % опрошенных, среди родителей – 33 %, учителей – 18 %.

Исследование выявило дифференцированную позицию среди учителей начальной, основной и полной средней школы по отношению к дистанционной форме обучения (особенно актуален этот вопрос стал в 2020 году в связи с пандемией COVID-19 и связанным с ней переходом на онлайн-обучение). В начальной школе каждый третий учитель считает, что ее не должно быть, в средней школе, по мнению учителей, дистанционное обучение должно занимать менее половины времени учебы (28 %), в основной школе – незначительную часть времени (54,3 %). Единичные учителя своим отношением к необходимости такого вида обучения лишь в чрезвычайных ситуациях (более 90 %).

В целом можно сказать, что в образовательном пространстве города Екатеринбурга достаточно успешно функционирует профессиональная общность «учительство», которую объединяют общие цели, схожий менталитет. Однако в зависимости от ряда объективных и субъективных причин эта

профессиональная общность подразделяется на несколько субобщностей – в зависимости от качества управления в отдельных территориях

Литература:

1. *Богомолова И.В.* Крупные города как социально-экономические системы: особенности, тенденции и перспективы устойчивого развития / И.В. Богомолова, С.А. Богомолов // *Социология города*. 2016. № 3. С. 16–27.
2. *Власова Е.В.* Мегалополис как семанτικο-символическая культура : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 23 с.
3. *Заборова Е.Н.* Городское управление : учеб. пособие / Е.Н. Заборова; науч. ред. Ю.Р. Вишнеvский; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. университета, 2014. 296 с.
4. Итоги социально-экономического развития Екатеринбурга в 2019 году // Департамент экономики Администрации г. Екатеринбурга. 2019. 165 с. URL : <https://ekaterinburg.rf/dlyaraboty/ekonomika/razvitiye/itogi> (дата обращения 06.01.2021).
5. Материалы Августовского совещания руководящих и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2017 года. Екатеринбург: МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2017. 252 с. URL : <https://sites.google.com/view/sborniky/materiалы-августовского-совещания?authuser=0> (дата обращения 20.12.2020).
6. Материалы августовского совещания руководящих и педагогических работников системы общего образования города Екатеринбурга 2018 года Екатеринбург: МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2018. 252 с. URL : <https://sites.google.com/view/sborniky/materiалы-августовского-совещания?authuser=0> (дата обращения 24.12.2020).
7. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 томах / Б.Н. Миронов; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук. СПб. : Дмитрий Буланов (ДБ), 2014. Т. 1. 896 с.
8. Муниципальные программы. URL : <https://ekaterinburg.rf/zhiteljam/obrazovanie/proekty/programmy/mp> (дата обращения 05.01.2021).
9. Население Екатеринбурга по данным Росстат. URL : <https://rosinfostat.ru/naselenie-ekaterinburga/> (дата обращения 04.01.2021).
10. Социальное пространство современного города / Под. ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. университета, 2015. 252 с.
11. *Трофимова И.Н.* «Мегалополис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и

(районах), от позиции, занимаемой учителями по отношению к процессам, происходящим в системе образования.

Literature:

1. *Bogomolova I.V.* Large cities as socio-economic systems: features, trends and prospects for sustainable development / I.V. Bogomolova, S.A. Bogomolov // *Sociology of the city*. 2016. № 3. p. 16–27.
2. *Vlasova E.V.* Megapolis as a semantic-symbolic culture : author. dis. ... cand. philos. sciences. M., 2013. 23 p.
3. *Zaborova E.N.* City administration: Textbook. manual / E.N. Zaborova; scientific. Ed. Y.R. Vishnevsky; Ministry of Education and Science Ros. Federation, Ural. Feder. un-t. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2014. 296 p.
4. Results of socio-economic development of Yekaterinburg in 2019 // Department of Economics of the Administration of Yekaterinburg. 2019. 165 p. URL : https://ekaterinburg.rf/for_work/economics/development/togi (date of application 01/06/2021).
5. Materials of the August meeting of leading and pedagogical workers of the general education system of the city of Yekaterinburg in 2017. Yekaterinburg: MBU IMC «Yekaterinburg Teacher's House», 2017.252 p. URL : <https://sites.google.com/view/sborniky/materiалы-августовского-совещания?authuser=0> (date of application 12/20/2020).
6. Materials of the August meeting of leading and pedagogical workers of the general education system of the city of Yekaterinburg in 2018 Yekaterinburg: MBU IMC «Yekaterinburg Teacher's House», 2018. 252 p. URL : <https://sites.google.com/view/sborniky/materiалы-августовского-совещания?authuser=0> (date of application 12/24/2020).
7. Mironov BN Russian empire: from tradition to modernity : in 3 vol. / BN Mironov; St. Petersburg State un-t, St. Petersburg Institute of History of the Russian Acad. sciences. SPb. : Dmitry Bulanov (DB), 2014. Vol. 1. 896 p.
8. Municipal programs. URL : <https://ekaterinburg.rf/zhiteljam/obrazovanie/proekty/programmy/mp> (date of application 01/05/2021).
9. Population of Yekaterinburg according to Rosstat. URL : <https://rosinfostat.ru/naselenie-ekaterinburga/> (date of application 01/04/2021).
10. Social space of a modern city / ed. G.B. Korablёva, A.V. Merenkova. Yekaterinburg : Ural Publishing House. university, 2015. 252 p.
11. *Trofimova I.N.* «Megapolis» and «hinterland» as models of value orientations and political attitudes of

политических установок россиян / И.Н. Трофимова // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3(7). С. 60–78.

12. *Larry Lyon*. The Community in Urban Society: Second Edition, Waveland Press, INC, long grove, Illinois / Larry Lyon, Robyn Driskell, 2012. 282 p.

Russians / I.N.Trofimova // Sociological science and social practice. 2014. № 3(7). P. 60–78.

12. *Larry Lyon*. The Community in Urban Society: Second Edition, Waveland Press, INC, long grove, Illinois / Larry Lyon, Robyn Driskell, 2012. 282 p.

Викторов Александр Шагенович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных технологий
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aviktorov@bk.ru

Социология СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуальных основ социологии социального неравенства как научной дисциплины. Автором представлен анализ различных причин (объективных, субъективных), которые актуализируют значимость проблемы социального неравенства в современном обществе и непосредственно связаны с формированием новой структуры социологического знания и определением особенностей предметной области социологии социального неравенства. В работе отмечается важность теоретических положений П. Сорокина и Б. Латура в конструировании новой структуры знания и выделения критериев предметной области социологии социального неравенства. В работе поставлен не только вопрос об изменении отношения к социологии как к целостному знанию, состоящему из трех частей, и сделан вывод о том, что социология социального неравенства – это самостоятельная дисциплина (с особой предметной областью) и специальная социологическая теория (базируется на нескольких концептуальных положениях).

Ключевые слова: социальное неравенство, социология, новая структура, предметная область, интеллектуальный империализм, европоцентризм, дифференциация, группы, научная дисциплина.

В современных противоречивых условиях глобальных структурных изменений, неоднозначной направленности социальных процессов и кризисного состояния социальных институтов (образование, здравоохранение) необходимо признать, что существующее социально-гуманитарное знание (концепции, понятия, подходы, идеи, принципы) в исследовании феномена социального неравенства оказывается неспособным адекватно решать проблему его углубления и роста. Как отмечалось в материалах различного рода международных документов, с одной стороны, слишком часто понятие «неравенство» остается в рамках доминирования категорий экономики и оказывается неспособным разрешать системные проблемы и еще больше усугубляет неравенство [1], а, с другой – единодушия по

Alexander Sh. Viktorov
Doctor in Sociological Science,
Professor,
Professor of the Department
of Social Technologies,
Faculty of Sociology
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
aviktorov@bk.ru

SOCIOLOGY OF SOCIAL INEQUALITY AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE

Annotation. The article is devoted to the consideration of the conceptual foundations of the sociology of social inequality as a scientific discipline. The author presents an analysis of various reasons (objective, subjective) that actualize the significance of the problem of social inequality in modern society and are directly related to the formation of a new structure of sociological knowledge and the definition of the features of the subject area of the sociology of social inequality. The paper notes the importance of the theoretical provisions of P. Sorokin and B. Latour in the construction of a new structure of knowledge and the selection of criteria for the subject area of the sociology of social inequality. The work raised not only the question of changing the attitude towards sociology as a holistic knowledge, consisting of three parts, and concluded that the sociology of social inequality is an independent discipline (with a special subject area) and a special sociological theory (based on several conceptual provisions).

Keywords: social inequality, sociology, new structure, subject area, intellectual imperialism, europocentrism, differentiation, groups, scientific discipline.

вопросу неравенства никогда не произойдет, поскольку не существует одной научной истины относительно идеального уровня неравенства [2].

Целью статьи является раскрытие нового подхода к осмыслению социологии социального неравенства как научной дисциплины через призму выделения двух моментов:

– выявления различных причин (кризисное состояние современной упрощение бимодальной стратификации в обществе и др.) в формировании новой структуры социологического знания;

– определения критериев особенностей предметной области социологии социального неравенства.

Методологической основой исследования является теоретический анализ специальной социологической литературы российских (Д.В. Иванов) и зарубежных социологов (П. Сорокин, Б. Латур, С. Алатаас) и материалов практических исследований (Э. Голдстейн).

Социология как самостоятельная наука об обществе сложилась к началу XX века, но впоследствии, в силу различных объективных и субъективных обстоятельств, стала утрачивать свой предмет исследования; ее знание все более политизировалось, а большинство социологов, в силу своей зависимости (материальной и социальной) и идеологических (мировоззренческих) предпочтений, вместо поиска истины встали на защиту той или иной системы (интересов правящих властных структур), то есть, когда научные теории и интеллектуальный потенциал были ориентированы на доказательство необходимости социального неравенства и неравномерного распределения общественных благ, оправдывая, тем самым, хищническую и паразитическую основу современного капитализма.

Современная Россия, в этом контексте, уже не входит в число ведущих мировых центров, определяющих научно-технический и общественный прогресс. Здесь безусловными лидерами являются США и страны Западной Европы (включая, отчасти, Китай, Индию, Японию), где доминирует либеральная или социалистическая идеология социально-гуманитарного знания о преимуществах развития капиталистического общества. Эта тенденция характерна и для России, но только в своем специфическом проявлении – усиления роли госкорпораций и роста авторитарного консервативного начала в общественной жизни. Например, если в 1990-е годы наука получала в 30 раз меньше субсидий от государства, чем церковь, то сегодня, по-прежнему, на первый план выходят не социальные, а «инновационные, оборонные и спортивные проекты», создающие имидж благополучного социального государства, но далекие от модернизационных процессов, не говоря уже о злободневной проблеме реформирования академической науки и системы высшего образования, направленной не на фундаментальные исследования и качество подготовки будущих специалистов, а связанной с иными целями. Также отметим, что в современных условиях реформации образования нарушено равновесие между различными научными дисциплинами, ибо во главу угла поставлены экономика, право и др., а социологии отведено второстепенное положение. Достаточно зайти в любой книжный магазин и сравнить стеллажи для каждой дисциплины: «Социология» – это всего лишь одна полка в отличие от «Экономика», «Юриспруденция», «Психология», «Бизнес. Менеджмент. Маркетинг». Из этого следует неравенство социологии как науки по отношению к другим дисциплинам. Это свидетельствует о том, что современной власти социология как наука критическая и творческая малоинтересна (она в ней не нуждается), поэтому перед социологами открывается поле возможностей для доказательства значимости дисциплины в своей учебно-научной деятельности.

Сегодня весь мир науки, как некое целое, принято разделять на три вида:

– первый мир – США (разрабатываются высокие технологии, включая гуманитарные, управления человеческим обществом);

– второй мир – Европа;

– третий мир – азиатские страны, которые имеют свою национальную специфику в производстве научного знания.

Остальные страны используются ими и как научное сырье («утечка мозгов», нереализованные научные идеи, патенты и др.), и как природно-сырьевая база (Россия), и как сборочный цех ведущих держав (Китай) и др.

На этом фоне социология, зачастую, стала заниматься «научной рекламой рынка и политики». Это находит выражение в соответствующей продукции знаний:

– «топ» – как высший уровень социально-гуманитарной рефлексии для избранного круга людей;

– «шоу» – живущего по закону шоу-бизнеса как средство добывания денег;

– «фэйк» – одни и те же события определяются противоположными понятиями в течение одного поколения и могут реально ничего обозначать.

На взгляд некоторых авторов, современная социология занимается производством «симулякров» и «глэмов» капитализма, где социология теряет свой реальный предмет изучения, а логика «глэма» капитализма способствует трансформации социальной структуры с измененной бимодальной стратификацией различных статусных групп, ориентированных на потребление [3, с. 10–13; 24].

Отсюда, современная социальная дифференциация неравенства находится в зависимости от уровня дохода, потребления, образования, квалификации, а не определяется принадлежностью к классу, клану, сословию, стране, т.е., является на уровне видимости результатом индивидуальных достижений, имеющих противоречивый контекст. Как показывает социальная историческая практика, только высший (рантье, наследственные аристократы) и низший (получатели социальной помощи) слои как два традиционных (постоянных) и ярко выраженных противоположных элемента в социальной структуре неравенства никогда между собой не пересекались (и не пересекутся), а остальные – верхний средний и низкий средний, – несмотря на свою неоднородность, имеют возможность как вертикальной, так и горизонтальной социальной мобильности, т.е., изменения своего социального статуса.

К тому же, если раньше экономические кризисы рассматривались в позитивном отношении (как процесс «созидательного разрушения»), которые преодолевались, благодаря финансовым институтам, средствам (транснациональные банки и корпорации, валюты) для диверсификации

рисков (повышение эффективности производства), где конкуренция, мобильность определялись уровнем неравенства разных социальных субъектов, то сегодня глобальный финансовый кризис не преодолевает, а закрепляет социальное неравенство в рамках формирования новой модели мирового порядка. Ее отличительная черта заключается в том, что идея либеральной глобализации фактически разделила мир на две части: на «золотой миллиард» как избранное меньшинство и остальное большинство, которое можно эксплуатировать и уничтожать. Поэтому на уровне сути (согласно либеральной идеологии – «старой», «новой») подобная неоднозначность содержания социального неравенства делает практически невозможным консолидацию (политическую, социальную) на уровне класса, слоя, страны, т.е., проблема существующего (установленного) социального порядка, как бы, выносится за рамки поля научного интереса.

В самом общем плане, люди на генетическом уровне всего лишь на 1–2 % отличаются от некоторых представителей животного мира, но на 100 % отличаются друг от друга своими физиологическими признаками (отпечатки пальцев, роговицы глаз и др.), не говоря уже об индивидуально-личностных качествах, имеющих различную жизненную траекторию (пять внуков, одни родители, но у всех разные поведенческие стратегии). Но особое место среди них занимают не индивидуальные (физиологические, психологические), а социальные различия, поскольку человек – это, прежде всего, социальное существо. И она (социальность) невозможна без социальных групп, социальной общности, социальных отношений, социальных институтов и др., которые изначально задают и определяют его различные жизненные стартовые позиции и возможности. И эти социальные различия (как, впрочем, и индивидуальные) не означают неравенство людей между людьми, хотя, оно начинает сразу же проявляться в их субъективных действиях и ценностных предпочтениях и тех объективных условиях (не зависящих от них), которые как светодор, установленный и регулируемый абстрактным обществом, обеспечивает «автоматически» неравное социальное развитие и социальную самореализацию человека в режиме: да – нет – ожидание.

Существующая ныне человеческая цивилизация как совокупность современных обществ (развитых и развивающихся) и функционирует на основе этого «автоматического режима», который связан не только с изменением параметров, критериев работы, но и в выяснении: кто его установил и кто проверяет (причем конкретно). Это – с одной стороны, а с другой, она (цивилизация) по своему содержанию – преимущественно материальное образование, а потому, изначально исторически сложившаяся доминирующая философская и социологическая рефлексия социального неравенства – разный доступ к общественным благам. Если на заре «советского» социализма это был лозунг: «Кто не работает, тот не ест», то на закате капитализма это – социальная триада: социальное государство, материальное богатст-

во, социальное уважение (престиж, карьера). Историческая динамика этой триады трансформировала ее определенные (в зависимости от характера развития общества) системы социального неравенства, где элемент триады структурирует свою подсистему, образуя, тем самым, те или иные целостные структуры системы социального неравенства. Субъектами действия в ней выступают условные (но реально существующие) социальные группы: высшая, средняя и низшая.

Высшая – в любом обществе – это наименьшая по численности группа, которая отличается особой групповой солидарностью и групповыми интересами самосохранения. Она в наибольшей степени сопрягает или репрезентирует вышеназванные элементы триады, что находит выражение в соответствующем образе жизни, в сознании и мышлении (по словам российского миллионера: «Кто не имеет миллиона, тот несостоявшийся человек – лузер»). Так, например, сегодня, в США – 5 % населения владеет 74,2 % всего богатства страны, в России – 110 семей владеют 35 % всего богатства страны.

Средняя группа, в зависимости от уровня экономического развития общества, различается по своей численности (в развитых она доминирует, а в развивающихся – вторая по числу) и включает в себя тех, кто пытается наиболее полно сопрягать один или два элемента триады. Разный уровень возможностей или степень ее выражения делает эту группу наиболее разнородной в социальном, культурном, политическом и религиозном планах. Эта группа есть конгломерат разных групп с общими национальными предпочтениями, но с различными социальными связями (например, принадлежностью к силовым структурам) Она также отличается особой социальной мобильностью и креативностью.

Низшая группа – по численному составу: в развитых странах – меньшинство (мигранты, молодежь); в развивающихся странах – подавляющее большинство. К ней относится та часть коренного населения страны, которая не имеет возможности или не желает сопрягать ни одного элемента триады. Ее основная целевая задача – индивидуальное или групповое самовывживание, имеющее разные социальные формы отклонения от принятых норм (аномия). Как правило, эта группа, включающая бедные и беднейшие слои населения, лишенная равных возможностей и исключенная из общественной жизни, чаще всего обвиняется в агрессии и насилии, хотя бедные в развитых и в развивающихся странах – это относительно разные группы людей: одни борются за воспроизводство своей бедноты, а другие находятся на грани вымирания.

В условиях современного экономического кризиса произошел некий дисбаланс между средней и низшей группами, который обрел не только новое качественное обозначение неравенства между инсайдерами (работающими) и аутсайдерами (неработающими), но и выделил своеобразный аналог пролетариата индустриального общества, названного «прекариатом». Он состоит из малообеспеченных людей, безработных или

перебивающихся случайными заработками, без видимых перспектив на будущее. Причем, появление этого социально опасного класса напрямую связывается с глобализацией, экономическим кризисом и неспособностью развитых обществ справиться с социальным неравенством [4, с. 35].

Согласно Э. Голдстейну, эти группы на протяжении истории определяли структуру любого общества и имели несовместимые цели. Если цели высших – это самосохранение себя в определенном пространстве, а цели средних – занять место высших, то цель низших – отменить все различия и создать общество, где все люди равны. Из всех групп только низшие никогда не достигали своей цели. Но никакие социальные изменения (реформы, революции, демократии, благосостояния и др.), проводимые другими группами, не приблизили человечество к равенству, на основании чего следует вывод о том, что исторические социальные изменения – это всего лишь смена хозяев высших, а потому неравенство выступает неизменным законом человеческой жизни, где необходимость иерархического строя – это доктрина высших, которую поддерживала церковь. Причем, если «средние» в борьбе за власть всегда прибегают к словам «свобода, равенство, справедливость, братство, т.е., к технологии демагогии» (пример: из листовки кандидата в мэры Москвы в августе 2013 г.: «Честная власть, европейский уровень жизни, умеем побеждать воровство, честный бюджет, власть как сервис и др.»), то высшие – к технологии двоемыслия мышления, связанного с переделкой ценностных смыслов прошлого. Для них война – это мир, свобода – это рабство, незнание – это сила, черное – это белое. Поэтому здесь самое главное – не только что-то обозначить, но и заставить поверить в это и забыть то, что когда-то думал иначе [5].

В методологическом плане это – теория «когнитивного диссонанса», чьи принципы нашли практическое применение как в маркетинге с целью реализации той или иной продукции, так и в СМИ (технология манипуляции общественным сознанием). В свое время, известный европейский философ Б. Спиноза метафорически заметил, что всякая власть есть, в конечном счете, непосредственное господство над душами людей – «potestas clavium» (власть ключей) или «авторитарность», т.е., она направлена на привитие чувства повиновения определенному авторитету (власти). Если его не будет, то произойдет крушение этой власти, поэтому с необходимостью встает вопрос об изменении отношения к самой науке, научному знанию как социальному институту, определяющему общественный прогресс, так и проблеме формирования новой парадигмы (структуры) социологического знания (шире социально-гуманитарного) и обозначения предметной области социологии неравенства как специальной теории и дисциплины.

В начале двадцатых годов прошлого столетия П. Сорокин достаточно четко обозначил предмет социологической науки, которая «ставит своей главной и конечной задачей объяснить жизнь, поведение и судьбу определенных людей и целых

народов... изучая общество с трех главных точек зрения:

– его строения и состава, т.е., структуры и элементов;

– процессов и жизнедеятельности, т.е., социальные процессы жизнедеятельности;

– происхождение и развитие общества и общественной жизни» [6, с. 8; 14].

Причем, вся эта предметная область социологии обозначается им понятием «социальное пространство», имеющим горизонтальные и вертикальные параметры, в котором происходит процесс социальной дифференциации различных слоев на основе социального равенства или неравенства [7, с. 297–307]. Эти рассуждения П. Сорокина не утратили своей методологической важности, поскольку любая состоявшаяся наука обладает своей концептуальной основой, благодаря чему, она конструирует новые объяснительные модели и понятийные категории, позволяющие ей отграничиться от других специальных отраслей научного знания и не заниматься компиляцией эмпирических данных.

Если исходить из концептуального тезиса Б. Латура, что социология как наука об обществе – это социология социального [8, с. 12–20], то социальное неравенство можно рассматривать как специальную социологическую теорию и значимый элемент в структуре целостного современного социологического знания о социальных отношениях (взаимодействиях), социальной дифференциации (структурной стратификации) и социальных процессах, которая состоит из трех основных частей (глобальная, национальная, гражданская).

Глобальная социальная социология, предметом изучения которой являются глобальные социальные проблемы человеческого общества, где проблема социального неравенства выступает как ключевая, решение которой будет направлено на процесс изменения существующего социального миропорядка в условиях формирования или перехода к новой глобальной социальной структуре. Она будет включать в себя разработку общей социальной теории глобализма, содержащей три аспекта с обоснованием:

– перехода к новой модели социального мироустройства, где глобальная миросистема будет рассматриваться не через призму развития рыночной экономики, а через воспроизводство традиционных и новых форм социального неравенства;

– критической рефлексии классических и неклассических парадигм социально-гуманитарного знания, связанного с доминированием евроцентризма;

– сравнительного анализа новых социальных моделей и программ будущего развития мирового сообщества.

Национальная (не либерально-консервативная и не религиозная) социология, ее предмет –

социально-национальные проблемы общества (немецкого, французского, российского, китайского, японского, американского и др.), где проблема социального неравенства определяет характер их жизнеспособности через дифференциацию отношений между обществом и государством, обществом и человеком, человеком и государством и между различными социальными группами в контексте отношений к частной собственности, соблюдения законности и социальной справедливости. Как известно, понятие «социальное государство» было введено в середине XIX века немецким правоведом и экономистом Лоренцом фон Штейном, чьи научные взгляды формировались под воздействием немецкой классической философии, французских социалистических учений и классовой борьбы в Германии. Он полагал, что идея государства заключается, с одной стороны, состоит в восстановлении утраченного равенства, свободы и в поднятии низших классов до уровня богатых и сильных, с другой – в должном осуществлении экономического и общественного прогресса всех членов общества. В дальнейшем в самом общем плане сложились два подхода в понимании сути социального государства. Если первый рассматривает государство в рамках понятия «социальная справедливость», которое закреплено в конституции и предполагает справедливое распределение шансов и реальное обеспечение основных прав, то второй – связывается с экономической эффективностью, дающей положительную мотивацию действий в справедливо организованном обществе. Как отмечают некоторые авторы, современная модель социального государства (в странах Евросоюза) была заложена в середине XIX века и процесс его формирования еще не закончен, а потому оно находится в состоянии приспособления к социальным изменениям глобального мира. Причем, в нынешних условиях оно (государство) превратилось в распределительную машину, которая негативно воздействует и на экономику и на социальное благополучие граждан [9].

Гражданская (гуманистическая, не либеральная, не медийная) и креативная социология, ее предмет образование и воспитание человека, где проблема социального неравенства решается в преодолении социальных различий через приоритет ценностной значимости человеческой жизни (ее качества) и раскрытие его творческого потенциала.

Исходя из того, что социальное неравенство выступает структурообразующим элементом современного социологического знания, то возникает необходимость выделения социологии социального неравенства в отдельную дисциплинарную область и разработки ее как специальной социальной теории. Иначе возникает некий парадокс: предмет изучения есть, а сама научная дисциплина отсутствует, несмотря на ее актуальную значимость и практическую востребованность в современном обществе и социально-гуманитарном знании.

Достаточно сказать, что если в поисковых системах интернета словосочетание «социология

неравенства» насчитывает более 500 тысяч ссылок, где оно рассматривается в различных контекстах: гендерных отношениях, в системе господства и подчинения, отождествляется с общественной стратификацией, депривацией или как одна из тем в общем курсе по социологии, и только одно, близкое по смыслу, но очень краткое определение: «Как частная дисциплина, которая насчитывает полтора столетия», то понятие «социология социального неравенства» насчитывает несколько миллионов, но все эти ссылки, в подавляющем большинстве своем, связаны с презентацией этого словосочетания, а не с определением его предметной области.

К тому же, нельзя не отметить факт сложившегося европоцентризма в концептуальном понимании и решении социальных проблем общества, которое разделяется большинством современного научного этоса в форме гуманитарного и интеллектуального империализма. В первом случае, речь идет об обосновании интересов доминирующего в обществе слоя в имперском государстве с главными интересами государства – обеспечения повиновения, когда интеллектуальная культура отрицает или оправдывает преступления прошлого и настоящего ради «славного будущего».

Во втором случае ставится проблема о несостоятельности социальной науки, социологических знаний вне европейских университетов, которые были выработаны на европейское восприятие ситуации, существовавшей несколько десятилетий назад, когда европейская и американская общественная наука воспринимались как некий абсолют и образец для подражания. Это доминирование в науке поддерживается как воспроизводством западной интеллектуальной парадигмы, способов мышления, видения, понимания, так и контролем за содержанием учебников и литературы по социальным наукам, подавлением и дискредитацией других интеллектуальных традиций [10].

Согласно С. Алатасу (профессору социологии Сингапурского национального университета, введшего в оборот термин «интеллектуальный империализм»), в современном социальном знании доминируют два типа научного мышления:

– европоцентризм (американские и европейские социальные теоретики), породивший множество описаний о доминировании Европы в различных сферах общественной жизни (бюрократизм, прогресс капитализма, развитие демократии), которые всегда выступали как благо и являлись результатом специфических талантов европейцев. Более того, социальные науки в неявной форме исходят из того, что современное капиталистическое общество в Европе – это оптимальная форма организации экономики, жизни общества и соответственно к нему должны прийти и другие страны;

– ориентализм – это стиль мышления, который обуславливает отчуждение социальных ученых от локальных и региональных научных традиций и определяет содержание и образование таким

образом, что происхождение социальных наук и альтернативных точек зрения не входят в число рассматриваемых тем.

Поэтому интеллектуальный империализм аналогичен политическому и экономическому империализму и выражается в доминировании одних людей над другими в сфере их мышления и проявляется в контроле западными экспертами потоков социально-политического знания [11, с. 87–89].

Исходя из этого, выделение социологии неравенства в самостоятельную предметную область социологического знания можно рассматривать как основу для формирования национальной социологии, которая имеет целый ряд значимых критериев, а именно:

- Исторический – это выделение трех периодов (классический, неклассический, постклассический) в становлении социологии неравенства, точнее, социологических теорий о неравенстве в зарубежной и российской социологии. Если классические теории неравенства базируются на положениях марксизма (обусловленных социально-экономической природой капитализма) и структурном функционализме (воспроизводство или нарушение социального порядка), а неклассические исходят из разных идеологем его ценностной значимости (позитивной или негативной), то в современных условиях неравенство рассматривается как глобальная проблема, требующая конкретных социально-экономических и политических решений.

- Онтологический – это социально-философское и социологическое осмысление сущности неравенства, которое сводится к свойству и качеству устройства общественной системы, проявляющихся в ее жизнестойкости и жизнеспособности. Согласно принципу Бора, для нас существует лишь то, что способны измерить и оценить.

- Гносеологический – это особенности познания форм социального неравенства в современном обществе в условиях социальных изменений, выделение значимых рациональных и нерациональных методов и принципов познания.

- Институциональный – это организационно-нормативные аспекты формирования социологии неравенства, его предметных границ как специального, научного дисциплинарного знания о социальном неравенстве в современном обществе.

- Ценностный – это гуманитарная и общественная значимость социологии неравенства в решении социальных проблем современного общества, где на первом месте находятся потребности, права и интересы развития человека, общества, народа, нации и сохранения самостоятельности и независимости страны и государственности.

Социология неравенства как самостоятельная дисциплина и специальная социологическая теория может базироваться на следующих положениях:

1. Ее появление есть выражение глобальных изменений в мире трансформацией современных

обществ, вызванных усложнением социальных процессов и недостаточностью имеющихся знаний в решении проблемы социального неравенства.

2. Ее объектом являются сфера структурных взаимодействий людей и социальная дифференциация их отношений, связанных с появлением новых и воспроизводством прежних форм социального неравенства.

3. Предметное поле социологии социального неравенства включает в себя анализ изменения функционирования социальных институтов семьи, частной собственности, государства, образования и др., а также, выявление основных субъектов неравенства и социальных механизмов (мобильность, миграция, коммуникация), которые определяют характер отношений неравенства на разных уровнях социальной системы.

4. В самом широком понимании, социология социального неравенства включает в себя три взаимосвязанных уровня знания:

- общеметодологическое (раскрытие неравенства как целостного неоднородного социального явления);

- специально-теоретические выявления общих и специфических форм социального неравенства и динамики его изменения;

- прикладные исследования отношений неравенства в разных социальных группах (странах, слоях) социальной структуры.

5. Целевая задача социологии социального неравенства – это решение теоретических и практических проблем, связанных с формированием целостного знания о феномене неравенства в современном обществе, с разработкой общей и специальной теоретико-методологической основы изучения неравенства (категории, понятия, принципы и методы познания и др.) и с определением качественных и количественных критериев социального неравенства (общих и специфических).

6. Социология социального неравенства есть базовый элемент общесоциологического знания о социальной структуре, социальной дифференциации и социальных процессах в современном обществе.

7. Социология социального неравенства как специальная социологическая теория изучает особые формы, сферы проявления социального неравенства и закономерности его развития и функционирования. Она рассматривает их не только на уровне реального общественного бытия и общественного сознания, но и на уровне конкретных социальных институтов (государство, частная собственность, образование и др.) и разных систем с их общими и специфическими связями неравенства.

Таким образом, на основе проведенного нами теоретического анализа различных материалов российских и зарубежных социологов можно сделать вывод о том, что проблема актуализации

социологии социального неравенства как самостоятельной научной дисциплины и специальной социологической теории вызвана:

– во-первых, формированием новой структуры социологического знания, обусловленного рядом причин (в первую очередь, кризисом и неадекватностью современной социологии);

Литература:

1. Human development report. 2019. URL : <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (date of application 12.04.2021).
2. World inequality report. 2018. P. 8. URL : <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (date of application 12.04.2021).
3. Иванов Д. Глэм-капитализм: Общество потребления в XXI веке / Д. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 10–13, 24.
4. О'Райли Ж. Управление в условиях неопределенности: Кризис, его последствия и глобальная рабочая сила / О'Райли Ж. [и др.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. РЖ. М., 2013. № 3. С. 35.
5. Голдстейн Э. Теория и практика олигархического коллективизма / Э. Голдстейн. URL : <https://thenewneandertalien.wordpress.com/2017/03/21/the-theory-and-practice-of-oligarchical-collectivism-in-russian/> (дата обращения 12.04.2021).
6. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М. : Наука, 1994. С. 8, 14.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат. 1992. С. 297–307.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики. 2020. С. 12–20.
9. Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М. : Весь Мир, 2011.
10. Хомский Н. Гуманитарный империализм: новая доктрина имперского права. URL : <https://gtmarket.ru/library/articles/2739> (дата обращения 12.04.2021).
11. Алатас С. Преподавание социальной теории как альтернативный дискурс / С. Алатас // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Наукоеведение. РЖ. 2013. № 4. С. 87–89.

– во-вторых – выделением критериев ее особой предметной области;

– в-третьих – необходимостью системного теоретического и практического изучения неравенства как значимого элемента социальной структуры современного общества и социологического знания.

Literature:

1. Human development report 2019. URL : <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (date of application 12.04.2021).
2. World inequality report 2018. P. 8. URL : <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (date of application 12.04.2021).
3. Ivanov D. Glam-capitalism: Consumption Society in the 21st Century / D. Ivanov // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2011. Vol. 14. № 5. P. 10–13; 24.
4. O'Riley J. Managing in Uncertainty: The Crisis, Its Consequences, and the Global Workforce / O'Riley J. [et al.] // Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology. RJ. M., 2013. № 3. Page 35.
5. Goldstein E. Theory and practice of oligarchic collectivism / E. Goldstein. URL : <https://thenewneandertalien.wordpress.com/2017/03/21/the-theory-and-practice-of-oligarchical-collectivism-in-russian/> (date of application 12.04.2021).
6. Sorokin P.A. A publicly available textbook of sociology: Articles of different years. M. : Science, 1994. P. 8; 14.
7. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. M. : Politizdat. 1992. P. 297-307.
8. Latour B. Peresbork social: an introduction to actor-network theory / B. Latour; transl. from english I. Polonskaya; Ed. S. Gavrilenko. – 2nd ed. M. : Publishing House of the Higher School of Economics. 2020. P. 12–20.
9. Social Europe in the 21st century. Ed. M.V. Kargalova. M. : The whole world, 2011.
10. Chomsky N. Humanitarian imperialism: a new doctrine of imperial law. URL : <https://gtmarket.ru/library/articles/2739> (date of application 12.04.2021).
11. Alatas S. Teaching social theory as an alternative discourse / S. Alatas // Social and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 8. Science. RJ. 2013. № 4. P. 87–89.

Воробьев Андрей Анатольевич

кандидат технических наук,
доцент,
Академия Федеральной службы охраны
Российской Федерации, г. Орел
awa@mail.ru

Великих Александр Сергеевич

кандидат технических наук,
воинская часть № 63166, г. Москва
forvel@mail.ru

Кладова Елена Андреевна

сотрудник,
Академия Федеральной службы охраны
Российской Федерации, г. Орел
4kladov@mail.ru

Рыбак Алексей Максимович

сотрудник,
Академия Федеральной службы охраны
Российской Федерации, г. Орел
aleshar1999@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
МЕТОДА ДЕРЕВЬЕВ КЛАССИФИКАЦИИ
ПО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЮ
НЕОПРЕДЕЛИВШИХСЯ
РЕСПОНДЕНТОВ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема прогнозирования на основе социологических данных с различными типами пропусков. В результате анализа существующих подходов для восстановления пропусков с использованием математических методов был выбран метод деревьев классификации. С использованием метода деревьев классификации предложена методика, основными этапами которой являются: приведение не случайных пропусков к случайным путем отбора независимых переменных, коррелируемых с зависимой переменной («Кандидат»); построение дерева классификации; подсчет пропусков по разным сочетаниям групп; построение прогнозных оценок с учетом перераспределения не определившихся респондентов. Проведенные в работе эксперименты, подтвердили возможность повышения точности прогнозирования с использованием предложенной методики.

Ключевые слова: социологические данные, не определившиеся респонденты, восстановление пропусков, метод дерева классификации, статистический эксперимент.

Andrey A. Vorobyov

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Academy of the Federal Security Service
Russian Federation, Orel
awa@mail.ru

Alexandr S. Velikh

Candidate of Technical Sciences,
military unit № 63166, Moscow
forvel@mail.ru

Elena A. Kladova

Employee,
Academy of the Federal Security Service
Russian Federation, Orel
4kladov@mail.ru

Alexey M. Rybak

Employee,
Academy of the Federal Security Service
Russian Federation, Orel
aleshar1999@mail.ru

**RESEARCH OF THE POSSIBILITIES
OF THE TREES CLASSIFICATION METHOD
FOR RESTRICTING UNCERTAIN
RESPONDENTS**

Annotation. The article deals with the problem of forecasting based on sociological data with various types of gaps. As a result of the analysis of existing approaches for the restoration of gaps using mathematical methods, the method of classification trees was chosen. Using the method of classification trees, a technique is proposed, the main stages of which are: reduction of non-random gaps to random by selecting independent variables correlated with the dependent variable («Candidate»); building a classification tree; counting gaps for different combinations of groups; construction of forecast estimates taking into account the redistribution of undecided respondents. A number of experiments carried out in this work have confirmed the possibility of increasing the accuracy of forecasting using the proposed methodology.

Keywords: sociological data, undecided respondents, restoration of passé, method of classification trees, statistical experiment.

Введение. Для объективного анализа и прогнозирования социально-экономических и общественно-политических отношений в субъектах Российской Федерации проводятся социологические опросы. Точность сведений, полученных путем сбора общественного мнения, во много зависит от качества (репрезентативности) выборок социологических данных. Однако в последние годы происходит их снижение за счет роста количества пропусков, которые возникают при ответах респондентов, закодированных как «затрудняюсь ответить» (неопределившиеся респонденты).

Теоретический анализ существующих методов и выбор актуальных для восстановления пропусков в социологических данных.

Для повышения точности прогнозирования избирательных кампаний на основе социологических данных с пропусками (неопределившимися респондентами) предложен ряд подходов с использованием методов мультиномиальной логистической регрессии (МЛР) [1] и множественной импутации (МИ) [2]. В результате их анализа, выявлены следующие ограничения при использовании:

– для МЛР: возможность прогнозирования только явки респондентов на выборах и требование к количеству (не более двух) независимых переменных из-за высоких накладных расходов при работе программного модуля [6];

– для МИ: перераспределение неопределившихся респондентов осуществляется только с использованием одной фиктивной переменной, т.е., не может учитываться взаимосвязь двух и более независимых переменных, которая может существенно оказать влияние на точность прогнозирования [3].

В работе предлагается рассмотреть в качестве альтернативы рассмотренным выше методам – метод деревьев классификации (ДК). Это предположение связано с анализом результатов работы [4], а именно, возможности восстановления данных с помощью метода ДК полностью случайных пропусков (MCAR)[5]. Однако в случае восстановления данных с другими видами пропусков: неслучайных (NMAR) и случайных (MAR), которые были выявлены в исследуемых в работе социологических данных [7] с помощью t-критерия Стьюдента (уровень значимости 0,01) [8] потребовал дополнительных исследований.

Результаты экспериментов по использованию метода деревьев классификации для восстановления пропусков в социологических данных.

Известно, что для корректного применения математических методов для восстановления пропусков в социологических данных большинство из

пропусков должны быть случайными (MAR) [5]. Как правило, MAR случайно распределены не по всем переменным в массиве данных, а только внутри каких-либо определенных подгрупп переменных. Поэтому в работе была сформулирована гипотеза, что значения пропущены не случайно в зависимой переменной («Кандидат»), а ввиду некоторых закономерностей и могут быть скомпенсированы другой имеющейся в выборке информацией. Анализ исходных данных [7], проведенный посредством первичного построения ДК, выявил статистически значимые независимые переменные по критерию Хи-квадрат Пирсона, а затем, среди них с использованием подхода, изложенного в [8], осуществлялся анализ и отбор подгрупп переменных, в которых присутствуют одинаковые элементы пропусков в данных. В результате, были выбраны независимые переменные: «К какой социальной группе вы относитесь?», измеренные в порядковой шкале и: «Работаете ли Вы в настоящее время?» в дихотомической шкале. Таким образом, присутствие в наборе данных о социальной принадлежности и работе респондентов позволяет объяснить повышенную вероятность пропусков (неопределившихся респондентов) и применять математические методы для восстановления пропусков.

С использованием двух выбранных ранее независимых переменных было выполнено повторное построение ДК. Для оценки пригодности полученной модели дерева необходимо использовать показатель «Риск» [4] и, в результате эксперимента, проведенная оценка риска показала, что примерно в 43–44 процентах неверно будут предсказываться наблюдения, что является допустимым показателем (менее 50 %).

После построения модели дерева необходимо сформировать таблицу сопряженности по отобранному независимым переменным. В качестве исходных данным выбираются только те строки массива, которые содержат неопределившихся респондентов. Далее, путем перебора всех комбинаций вариантов ответов независимых переменных отбираются комбинации, имеющие наибольшее число неопределившихся респондентов. После нахождения этих комбинаций и сопоставления с нужным узлом модели ДК, полученное количество неопределившихся респондентов перераспределяется в процентном соотношении по кандидатам узла (зависимой переменной). На исследуемых данных после подсчета и перераспределения пропусков количество неопределившихся респондентов сократилось на 68 %.

В результате проведенных исследований, была предложена методика восстановления пропусков в социологических данных с использованием метода ДК (рис. 1).

Рисунок 1 – Методика восстановления пропусков в социологических данных с использованием метода деревьев классификации

Для оценки возможности использования ДК по повышению точности прогнозирования, по сравнению с методом МИ, были использованы данные социологических опросов по 10 субъектам. Оценка точности восстановления зависимой переменной в работе была осуществлена путем использования показателя: максимальная ошибка (МО), вычисляемый согласно выражению 1:

$$MO = \sup_i (|r_i - R_i|), \quad (1)$$

где r_i – процент, набранных i -ой категорией зависимой переменной по данным с восстановленными значениями; R_i – процент, набранных i -ой категорией зависимой переменной в исходных данных.

Результаты проведенного эксперимента представлены в таблице 1, где использование метода ДК позволило повысить точность прогнозирования по сравнению с методом МИ по сумме МО всех субъектов и по МО в шести из десяти субъектах.

Таблица 1

Сравнение результатов, полученных с использованием методов МИ и ДК

Субъект РФ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	сумма
МО, % методика с использованием МИ	4,43	5,06	2,86	7,53	2,67	4,88	6,39	5,21	4,32	5,47	$\sum 48,82$
МО, % методика с использованием ДК	4,12	5,10	1,21	6,04	2,68	4,96	4,08	4,8	4,72	3,53	$\sum 41,24$
Улучшение прогноза	+	–	+	+	–	–	+	+	–	+	

Заключение. В результате проведенного исследования нами разработана методика, позволяющая перераспределить не определившихся респондентов с использованием метода деревьев классификации (ДК) и включающая в себя – процедуры:

- анализа зависимой переменной («Кандидат») на наличие пропусков MCAR, MAR и NMAR;
- приведения пропусков NMAR к MAR путем отбора независимых переменных с использованием подхода [8];

- построения дерева классификации;
- подсчета пропусков по разным сочетаниям групп и построения прогнозных оценок с учетом перераспределения не определившихся респондентов.

Для оценки возможности использования ДК по повышению точности прогнозирования проводился ряд экспериментов, которые показали следующие результаты: количество неопределившихся респондентов сократилось на 68 %; суммарная МО с использованием метода ДК по сравнению с методом МИ уменьшилась на 7,58 %

Литература:

1. *Афанасьев В.В.* Алгоритм перераспределения неопределившихся респондентов на основе мультиномиальной логистической регрессии / В.В. Афанасьев, В.А. Благий, А.А. Воробьев // Вестник Евразийской науки. 2019. № 3. URL : <https://esj.today/PDF/30ITVN319.pdf> (доступ свободный).
2. *Воробьев А.А.* Исследование возможностей математических методов по восстановлению пропусков в номинативных социологических данных / А.А. Воробьев [и др.] // Системы управления и информационные технологии. 2020. № 2(80). С. 93–97.
3. *Ротмистров А.Н.* Логистическая регрессия с категориальными предикторами и эффектами взаимодействия и CHAID: сравнительный анализ на эмпирическом примере / А.Н. Ротмистров, П.А. Жидкова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2016. № 43. С. 63–99.
4. *Жучкова С.В.* Возможность работы с пропущенными данными при использовании CHAID: результаты статистического эксперимента / С.В. Жучкова, А.Н. Ротмистров // Социология: 4М. 2018. № 46. С. 85–121.
5. *Зангиева И.К.* Проблема пропусков в социологических данных: смысл и подходы к решению / И.К. Зангиева // Социология: 4М. 2011. № 33. С. 28–56.
6. *Воробьев А.А.* Программный модуль обработки результатов социологических исследований и построения прогнозных оценок на основе метода логистической регрессии / А.А. Воробьев, В.А. Благий (дата регистрации 18.06.2019).
7. ВЦИОМ. URL : <https://bd.wciom.ru/prognozy>
8. *Enders C.* Applied Missing Data Analysis / C. Enders // Methodology in the Social Sciences, 2010. 377 p.

Literature:

1. *Afanasyev V.V.* Algorithm for the redistribution of undecided respondents based on multinomial logistic regression / V.V. Afanasyev, V.A. Blagiy, A.A. Vorobiev // Bulletin of Eurasian Science. 2019. № 3, <https://esj.today/PDF/30ITVN319.pdf> (free access).
2. *Vorobiev A.A.* Investigation of the possibilities of mathematical methods to restore gaps in nominative sociological data / A.A. Vorobiev [et al.] // Control systems and information technology. 2020. № 2(80). P. 93–97.
3. *Rotmistrov A.N.* Logistic regression with categorical predictors and interaction effects and CHAID: comparative analysis on an empirical example / A.N. Rotmistrov, P.A. Zhidkova // Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. 2016. № 43. P. 63–99.
4. *Zhuchkova S.V.* Ability to work with missing data when using CHAID: results of a statistical experiment / S.V. Zhuchkova, A.N. Rotmistrov // Sociology: 4M. 2018. № 46. P. 85–121.
5. *Zangieva I.K.* The problem of gaps in sociological data: meaning and approaches to solution / I.K. Zangieva / Sociology 4M. 2011. № 33. P. 28–56.
6. *Vorobyov A.A.* Program module for processing the results of sociological studies and constructing forecast estimates based on the logistic regression method / A.A. Vorobyov, V.A. Blagiy (registration date 18.06.2019).
7. VTsIOM. URL : <https://bd.wciom.ru/prognozy>
8. *Enders C.* Applied Missing Data Analysis / C. Enders // Methodology in the Social Sciences, 2010. 377 p.

Галанова Ксения Владимировна
аспирантка
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ksenia-galanova@mail.ru

РЫНОК ТРУДА БУДУЩЕГО. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В ближайшие десять лет рынки труда и экономический уклад будут формироваться под воздействием ключевых трендов, оказывающих влияние на устройство занятости в мировой экономике и продолжающих стимулировать дальнейшие существенные изменения в среднесрочной перспективе. В данной статье описаны основные тренды, формирующие будущий рынок труда. Приведена подробная характеристика и описание текущих трендов и процессов, которые оказывают наибольшее влияние на формирование глобального рынка труда, а также - на структуру квалифицированного персонала компаний. Представлен анализ каждого отдельного тренда и дан прогноз их влияния и возможные изменения структуры рынка труда будущего.

Ключевые слова: персонал, развитие персонала, подготовка рабочих кадров, система обучения.

В ближайшие десять лет рынки труда и экономический уклад будут формироваться под воздействием ключевых трендов, оказывающих влияние на устройство занятости в мировой экономике и продолжающих стимулировать дальнейшие существенные изменения в среднесрочной перспективе.

Геополитические тренды. Через 5 лет Российская Федерация будет конкурировать на гораздо менее централизованном глобальном рынке, чем сейчас. Роль доступа к международным рынкам и глобализации останется главной для развития экономики. Нарастание неравенства, замедление роста населения и социокультурные особенности ускорят регионализацию.

Меняется характер глобализации:

- Во внутренней политике большинства государств прослеживается тенденция протекционизма: за 2015 год страны G20 ввели 644 ограничительные торговые меры. Также, из-за этого прямые иностранные инвестиции в развитых странах снизились на 40 % ниже пикового значения до финансового кризиса, а чистый приток инвестиций на развивающиеся рынки стал отрицательным впервые с 1988 года [1].

Kseniia V. Galanova
Graduate Student
of the Faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
ksenia-galanova@mail.ru

FUTURE LABOR MARKET. MAIN TRENDS

Annotation. Over the next ten years, labour markets and economic patterns will be shaped by key trends that affect employment in the global economy and continue to stimulate further significant changes in the medium term. This article describes the main trends shaping the future labor market. Provides a detailed description and description of current trends and processes that have the greatest impact on the formation of the global labor market, as well as on the structure of qualified personnel in companies. An analysis of each individual trend is presented and a forecast of their impact and possible changes in the structure of the future labor market is presented.

Keywords: labor market, personnel, personnel development, personnel qualifications.

- С точки зрения миграционных потоков государства закрываются друг от друга. К примеру, Мальтийская декларация, принятая в 2017 году, призвана установить контроль над внешней границей ЕС и обеспечить контроль и предотвращение незаконных миграционных потоков в ЕС.

- Происходит децентрализация власти и экономик: Brexit (выход Великобритании из ЕС), курс на импортозамещение в Российской Федерации и так далее – наиболее яркие примеры регионализации.

Продолжает расти расслоение внутри стран и между ними при том, что неравенство признано глобальной угрозой мировой стабильности. Сегодня 1 % самых богатых людей контролируют 50 % мирового благосостояния, в 2010 году – 43 %. В США реальные заработные платы 70% работников не увеличивались последние 40 лет. Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах, включая Российскую Федерацию, где реальные доходы населения уменьшаются с 2014 года.

Демографические тренды. Для занятости в отраслях, которые требуют более низкой квалификации, вероятно, будет характерен рост конкуренции за рабочие места. При этом будет постоянно увеличиваться нагрузка на высококвалифици-

цированных работников. Через 5 лет основные черты конкуренции за кадры значительно изменятся из-за старения населения и выхода молодых работников поколения Z на рынок труда.

Население мира продолжает расти. Но этот рост в основном обеспечивается за счет экономически слаборазвитых государств с высокой рождаемостью, молодым населением (медианный возраст – 21 год), и низким уровнем развития человеческого капитала (Индекс человеческого развития едва достигает отметки 0,412).

Численность пожилого населения государств, в которых Индекс человеческого развития превышает 0,913, увеличится через 5 лет на 20 %, при этом численность трудоспособного населения сократится ориентировочно на 5 %. Такая пропорция в возрастной структуре развитых государств может привести к росту демографической нагрузки на население в трудоспособном возрасте почти на 50 %.

По причине быстрого развития информационных технологий, опыт и знания старших поколений будет наименее, чем когда-либо в истории человечества, полезен для более молодых поколений. Через 5 лет поколение Z (рожденные с 1997 года по 2012) будет составлять ориентировочно 25 % всей рабочей силы [2]. Это – люди, которые имеют неограниченный доступ к информации и с рождения пользуются цифровыми технологиями (digital natives). Баланс работы и личной жизни, а также – личный рост для них приоритетнее карьеры и финансового вознаграждения. На контрасте предыдущих поколений, поколение Z склонно достаточно часто менять и работодателей, и сферы деятельности. Весьма часто они обладают более развитыми цифровыми компетенциями, в сравнении с их учителями и руководителями. В борьбе за новых работников предприятиям придется подстраиваться под их ценности.

Технологические тренды. Совместно с демографическими и геополитическими тенденциями наибольшее влияние на глобальный рынок труда в горизонте ближайших пяти лет окажут изменения в технологии. Они будут постепенно изменять действующую структуру рынка, устройство отдельных предприятий и целых отраслей и, следовательно, требования к подготовке сотрудников и их уровню компетенций.

«Всеобщая подключенность»: 46 % населения Земли (3,5 млрд человек) в конце 2016 года уже являлись пользователями глобальной сети Интернет. За последние 20 лет это число возросло почти в 70 раз. Распространение Всемирной паутины продолжается: по прогнозам через 5 лет процент пользователей Интернетом по всему миру достигнет 80 % [3]. Данный факт продолжит влиять на трансформацию форм занятости в экономике:

- Удаленная работа и фриланс становятся нормой для большого количества профессий в развитых государствах, и их процент продолжает расти. Развитие информационных технологий будет фундаментом для построения и рас-

пространения трансграничной удаленной занятости, для которой будут отсутствовать миграционные барьеры.

- Цифровые трансформации и развитие технологий удаленного интерактивного взаимодействия трансформируют и сферу образования, предоставляя возможность обучения независимо от местонахождения обучающегося и ставя под угрозу традиционные формы обучения.

- Самозанятость, стремительно развивающаяся, благодаря появлению платформенных решений, позволяющих взаимодействовать поставщикам и потребителям услуг без посредников.

Перспективы автоматизации профессий. Столь быстрое развитие технологий, в том числе машинного обучения и искусственного интеллекта, вызывает следующий вопрос: «Могут ли алгоритмы и роботы заменить человека? Если да, то когда это произойдет?» Сегодня нет единого мнения по этому вопросу. К примеру, в 2013 году ученые Карл Фрей и Майкл Осборн определили, что вероятность автоматизации 47 % профессий в США достаточно высока в ближайшие 10–20 лет [4].

Эксперты Всемирного экономического форума, проанализировав 15 развивающихся и развитых экономик мира, сделали вывод, что 7,1 млн рабочих мест, из которых 66 % относятся к офисно-административной функции, исчезнет в начале 30-х годов [5]. В Российской Федерации это явление получило название «лишние люди» – потенциально безработные люди, у которых базовый уровень навыков не позволит освоить более сложные профессии.

При оценке последствий автоматизации конкретных задач, а не всего цикла бизнес-процесса результаты более консервативные: согласно отчету Организации экономического сотрудничества и развития, только 9 % сотрудников могут быть заменены с помощью автоматизации процессов [6].

Степень влияния технологий на рынок труда оценивается и в Российской Федерации. В рамках проекта «Атласа новых профессий» – совместной работы МШУ «Сколково» и Агентства стратегических инициатив – дается прогноз, что исчезнет 57 «традиционных» профессий и появится 186 новых к 2030 году [7].

Цифровизация бизнес-процессов. По разным оценкам, автоматизация/ цифровизация бизнес-процессов ставит под угрозу исчезновения от 9 до 50% всех существующих ныне профессий в ближайшие 10 лет. При этом содержание у сохранившихся «традиционных» профессий в корне изменится, соединив в себе новые технологии.

В ближайшее десятилетие произойдет поляризация уровня квалификации: востребованными станут профессии наиболее низкого и высокого уровня квалификации. При этом количество рабочих мест среднего уровня квалификации будет подвержено наибольшему влиянию со стороны новых технологий.

Цифровизация бизнес-процессов будет являться стимулом к общему усложнению всех профессий. Это приведет, с одной стороны, к высвобождению времени работников для решения более творческих и сложных задач, а с другой стороны, к существенному повышению требований к уровню из знаний и навыков. В следствии увеличения доли автоматизированных бизнес-процессов, будет происходить переориентация потребностей рынка труда на творческое начало, на ценностные, культурные аспекты взаимодействия, на «человеческое в человеке» – все то, что алгоритмы не могут реализовать.

Роботизация. Роботизация рассматривается в качестве отдельного тренда, отделенного от автоматизации бизнес-процессов, при этом эти два явления тесно связаны. Причиной разделения является тот факт, что для полноценной роботизации процессов необходимо в среднем более длительные и существенные инвестиции, чем в цифровую трансформацию бизнес-процессов. Поэтому полноценное влияние данного тренда мы увидим позднее, нежели эффект от автоматизации.

В 2017 году совокупное число эксплуатируемых роботов в мире достигло 1,6 млн, по оценкам, в ближайшие 5 лет их количество вырастет до

Литература:

1. Harvard Business Review. «The Globalization Backlash is Reverberating Through Boardrooms». URL : <https://hbr.org/2016/10/the-globalization-backlash-is-reverberating-through-boardrooms>
2. Яшкова Е.В. Поколение z: проблемы, возможности, перспективы на рынке труда / Е.В. Яшкова [и др]. 2018.
3. *Oliwer Wyman*. «Digital revolution. New customer experiences, new business models, new transformations». URL : https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/global/en/2016/jan/Oliver%20Wyman%20_%20Digital%20Revolution.pdf
4. *Frei Osborn*. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? URL : https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf?link=mktw
5. World Economic Forum. «The Future of Jobs». URL : <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>
6. *Arntz M*. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers / M. Arntz, T. Gregory, U. Zierahn. 2016. № 189. Paris : OECD Publishing.
7. Атлас новых профессий. URL : <https://new.atlas100.ru>
8. «Ведомости». «Роботы не приживаются на российских заводах». URL : <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya>

2,5 млн. Это происходит за счёт снижения стоимости роботизированных решений, однако, она остается достаточно высокой на данный момент.

Для Российской Федерации роботизация до сих пор остается в диковинку: в 2017 году на 10 тысяч сотрудников компаний приходился 1 промышленный робот (Южная Корея – 531, США – 176, Китай – 49). В данной тренде, по оценкам, наша страна отстает от передовых стран на 7–10 лет [8].

В ближайшее десятилетие всеобщее распространение роботов, которые способны работать за человека, в первую очередь, угрожает потерей работы сотрудникам наименьшей квалификации. По оценкам, 19 % всех работников могут быть заменены роботами на 81 % [9].

Ключевым из последствий технологических трендов на глобальном рынке труда становится распространение явления, так называемых, «лишних людей» – тех сотрудников, чей базовый уровень квалификации не позволит сохранить рабочее место в конкуренции с автоматизацией. «Лишние люди» в условиях современной экономики могут пополнять ряды неформальной занятости, или даже стать источником социальной напряженности.

Literature:

1. Harvard Business Review. «The Globalization Backlash is Reverberating Through Boardrooms». URL : <https://hbr.org/2016/10/the-globalization-backlash-is-reverberating-through-boardrooms>
2. *Yashkova E.V*. «Pokolenie z: problemy, vozmozhnosti, perspektivy na rynke truda / E.V. Yashkova [et al.]. 2018.
3. *Oliwer Wyman*. «Digital revolution. New customer experiences, new business models, new transformations». URL : https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/global/en/2016/jan/Oliver%20Wyman%20_%20Digital%20Revolution.pdf
4. *Frei Osborn*. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? URL : https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf?link=mktw
5. World Economic Forum. «The Future of Jobs». URL : <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>
6. *Arntz M*. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers / M. Arntz, T. Gregory, U. Zierahn. 2016. № 189. Paris : OECD Publishing.
7. Atlas novyh professij. <https://new.atlas100.ru>
8. «Vedomosti». «Roboty ne prizhivayutsya na rossijskih zavodah». URL : <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya>

9. РБК. «Лишние люди XXI века». URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/01/20/58806fe19a794712678e210e>

9. RBC. «Lishnie lyudi XXI veka». URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/01/20/58806fe19a794712678e210e>

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА СФЕРЫ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

**GENDER PICTURE OF THE SPHERE
OF SOCIAL HEALTH CARE
IN THE PANDEMIC PERIOD**

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу гендерной картины и гендерных проблем в сфере социального здравоохранения в период пандемии. Приводятся гендерные аспекты во взаимосвязи с проявлениями гендерного неравенства, анализируются причины сохранения гендерного разрыва и гендерных диспропорций в оплате труда. Автор приходит к выводу о том, что проведение мер по обеспечению равенства и преодолению т.н. «гендерных развилок» в системе здравоохранения – одна из важнейших проблем и ключевых задач, стоящих перед сообществом.

Annotation. The article is devoted to the sociological analysis of the gender picture and gender problems in the social health care system during the pandemic. Gender aspects in relation to manifestations of gender inequality are given, the reasons for the persistence of the gender gap and gender disparities in wages are analyzed. The author concludes that the implementation of measures to ensure equality and overcome the so-called. «Gender forks» in the health care system is one of the most important problems and key tasks facing the community.

Ключевые слова: гендерная картина, гендерные диспропорции, гендерное неравенство, пандемия, социальное здравоохранение.

Keywords: gender picture, gender imbalances, gender inequality, pandemic, social health.

В последние годы в обиход все чаще проникает категория «гендерная картина мира» как «модель отношения к положению женщины и мужчины» во всех сферах общественной жизнедеятельности, постепенно обретающая научный статус и применяемая в теоретических и эмпирических исследованиях [1, с. 117]. Предтечей возникновения данной категории явилось социологическое описание картины мира М. Вебером, полагавшим, что картина мира зиждется на определенном оценочном отношении окружающей социальной действительности.

Структуру гендерной картины мира, согласно исследованиям Н.А. Нечаевой, составляют гендерные идеалы, гендерные диспозиции и ситуационные гендерные установки [1, с. 120].

Гендерную картину мира формируют общественно-исторические события, связанные с представлениями о типично мужском и типично женском, которые претерпевают трансформационные изменения даже в рамках одного и того же социума. И, как показывает ситуация, связанная с таким эпохальным кризисным событием, как вспышка пандемии в мировом сообществе в целом, и российском, в частности, усилились гендерные стереотипы, углубились гендерные диспропорции, умножилось гендерное неравенство в главных социальных сферах, что отразилось на социальном иммунитете российского общества, в том числе и в гендерном разрезе [2].

Раскрывая цель и содержательное наполнение данной статьи, необходимо остановиться на понятии «гендер».

Как известно, категория «гендер» была введена в профессиональный язык социологов американской феминисткой Джоан Скотт в середине 1980-х гг. [3]. Понятие «гендер» (gender) делает упор на специфических особенностях мужчин и женщин, которые возникают у них в результате их общественной деятельности, в отличие от термина «пол», который означает исключительно биологические различия. Гендер – значимый маркер социальной и экономической уязвимости, которая, «наряду с прочим, выражается в различии позиций мужчин и женщин как производителей и потребителей медицинских услуг» [4, с. 15].

Кроме того, гендер – один из параметров социальной идентичности. Гендерный дискурс и социальная идентичность находятся в состоянии постоянного взаимовлияния. Гендерные стереотипы инструментально задействованы в

формировании социальной идентичности, а социальная идентичность, в свою очередь, «детерминирует гендерные стереотипы, поддерживает их содержание или выносит на повестку дня необходимость гендерной репрезентации социального субъекта» [5, с. 324].

В современном обществе все социальные институты признают различия между мужчиной и женщиной, не составляет исключения и институт социального здравоохранения, который напрямую столкнулся с проблемами «перестройки системы здравоохранения с учетом новых вызовов» в сложной пандемической ситуации [6, с. 103].

Социальное здравоохранение, наряду со сферой социального обслуживания, общественного питания, торговлей и системой всех ступеней образования, является наиболее феминизированной сферой российского общества, тем самым указывая на существование гендерных диспропорций на рынке труда в сфере социального здравоохранения. Так, согласно официальным данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), женщины составляют 70 % работников сферы здравоохранения во всем мире и в значительной степени участвуют в предоставлении первичной помощи [7].

Согласно данным Европейского регионального бюро, гендерное неравенство в системе здравоохранения в период пандемии не просто по-прежнему присутствует, но женщины составляют гораздо большую часть кадрового ресурса сектора здравоохранения в Европейском регионе. И, несмотря на то, что цифры от года к году меняются, однако на март 2020 г. лишь 19 % министров здравоохранения государств ЕС – женщины; налицо снижение этого показателя, который в августе 2019 г. (до объявления пандемии) доходил до 34 %. При этом женщины составляют до 90 % штатных сотрудников сферы здравоохранения стран, входящих в состав Организации экономического сотрудничества и развития [8].

По данным статистики, как указывает Н.М. Римашевская, «женщины, занятые в здравоохранении, составляли 11,9% от общего числа работающих женщин и 81% занятых в здравоохранении». Но существующие статистические показатели «не позволяют обнаружить всю совокупность гендерных диспропорций на рынке труда медицинских работников» [4, с. 65].

Гендерные индикаторы – это важный инструмент мониторинга и оценки политики в сфере социального здравоохранения. Посредством гендерных индикаторов представляется возможным своевременно идентифицировать трансформационные «изменения в социальном, экономическом и правовом статусе женщин и мужчин под воздействием государственного вмешательства, оценить продвижение к гендерной справедливости в конкретной области здравоохранения» [4].

Гендерный мейнстримопределен в документах ООН в качестве основной глобальной стратегии содействия гендерному равенству. Поэтому ставится задача инкорпорации гендерного подхода

во все практики и сферы общественной жизнедеятельности, и в социальное здравоохранение, в частности. С этой целью, как указывают Н.С. Григорьева и Т.В. Чубарова, актуализируется необходимость фиксации ситуаций гендерных развилочек в системе здравоохранения, «где применение гендерного подхода позволит выявить», как именно нужно «по-разному воздействовать» на решение основных задач политики социального здравоохранения [9, с. 59]. Т.е. введение категории «гендерные развилки» призвано указать путь в направлении достижения гендерного равенства в системе социального здравоохранения, особенно в период пандемии. Гендерное равенство представляет собой равенство женщин и мужчин в отношении прав, ресурсов и власти. В данном случае «принцип равенства включает в себя и право на различное отношение» [9, с. 59].

В информационно-разъяснительной записке ВОЗ от 14.05.2020г. по гендерным вопросам и пандемии COVID-19 указываются следующие гендерные аспекты во взаимосвязи с проявлениями гендерного неравенства [10]:

- повысился уровень насилия по отношению к женщинам, задействованным в сфере социального здравоохранения в рамках мер по борьбе с пандемией;

- медицинские и социальные работники женского пола в период пандемии оказались в ситуации повышенного риска и уязвимости;

- в период пандемии женщины столкнулись с неравенством в доступе к информации, профилактике, помощи, экономической и социальной защите;

- медицинские работники женского пола ощутили на себе нарушение трудовых прав в период пандемии, так, например, у них возросла трудовая нагрузка, их увольняют, переводят на сокращенный рабочий день, заработная плата не соответствует увеличившемуся объему работы;

- усилилась стигматизация и дискриминация женщин, что, в свою очередь, осложнило реализацию эффективных противозидемических мероприятий в период разгара пандемии.

Так, например, о проблемах стигматизации медицинских работников во время пандемии, преимущественно женского пола, пишут отечественные исследователи С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец, Е.В. Листопадова и М.В. Сокольская в своей статье «Социальная стигматизация в период пандемии». Авторы обращаются к опыту медицинского персонала в первую очередь среднего звена (медицинских сестер), подвергшегося стигматизации. Ссылаясь на опыт зарубежных исследователей, авторы подчеркивают, что стигма – это существующая сегодня проблема среди наименее защищенных работников здравоохранения, «связанных с инфекционными заболеваниями из-за ее механизма воздействия» [11, с. 17].

Пандемия усилила и гендерный разрыв в оплате труда в сфере здравоохранения. Под гендерным разрывом в оплате труда понимается разница

между средним заработком мужчин и женщин в процентах от заработка мужчин. В силу неадекватности системы распределения финансовых ресурсов заработная плата медицинских работников высшего, среднего и низшего звена не компенсирует трудовые затраты.

Для наглядности обратимся к российскому анализу. Так, в 2004 г. среднемесячная номинальная заработная плата в здравоохранении составляла 69 % к среднероссийскому уровню и имела стойкую тенденцию к снижению, а заработки женщин были в среднем на 27 % ниже, чем у мужчин. Ситуация, связанная с пандемией, еще больше усугубила данную тенденцию [12, с. 2]. Что же касается зарубежной повестки, то по данным ООН, женщины во всем мировом сообществе «зарабатывают 77 центов от каждого доллара, зарабатываемого мужчинами за труд равной ценности, при этом разрыв в заработной плате для женщин с детьми еще больше. При нынешних темпах потребуется 70 лет, чтобы ликвидировать глобальный гендерный разрыв в оплате труда», в особенности в сфере социального здравоохранения [12, с. 2]. Можно предполагать, что в разных секторах здравоохранения этот разрыв будет сохраняться.

Причем, как подчеркивает ростовский исследователь Н.А. Вялых, узловая проблема российской системы здравоохранения – «распространение платных медицинских услуг и практик неофициальной оплаты помощи лично врачам и медсестрам» [13, с. 128].

Согласно данным, представленным департаментом многостороннего экономического сотрудничества Министерства экономического развития России, причинами сохранения гендерного разрыва и гендерных диспропорций в оплате труда являются:

- дискриминация по половозрастному признаку (3 %);
- наличие гендерных стереотипов и предрассудков при найме сотрудников;
- решения об оплате (удельный вес составляет 39 % гендерного разрыва в оплате труда);
- вынужденные перерывы в профессиональной карьере женщин (25 %);
- неоплачиваемый труд, в том числе домашняя работа по уходу за членами семьи (17 %) [12, с. 2].

Действительно, работа системы социального здравоохранения в очень значительной степени определяется женщинами – в том числе и выступающими в качестве лиц, осуществляющих уход на неформальной основе, главным образом за детьми и пожилыми людьми. Данные Европейского союза свидетельствуют о том, что гендерное неравенство, выражающееся в виде отсутствия оплаты труда по уходу, не только по-прежнему существует, но и значительно возрастает [8].

Продолжающаяся пандемия, таким образом, стала новым фактором роста не только социально-экономического, но и гендерного неравенства, в том числе и в сфере социального здравоохранения [14]. В этой связи преодоление гендерного неравенства и проведение мер по обеспечению равенства и преодолению т.н. «гендерных развилок» в системе здравоохранения – одна из важнейших проблем и ключевых задач, стоящих перед мировым сообществом.

Большинство предлагаемых международными организациями моделей измерения гендерных диспропорций в сфере социального здравоохранения приспособлены для оценки прогресса в реализации глобальных программ и перспективных планов, принятых в рамках конференций ООН. Данные модели позволяют фиксировать соблюдение странами положений основополагающих международных документов – таких, например, как Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», Социальная хартия, Международные пакты о правах человека, антидискриминационные конвенции Международной организации труда.

Структура ООН по вопросам гендерной картины мира и преодоления гендерного неравенства, а также расширения прав и возможностей женщин призывает правительства принять ряд конкретных мер, в числе которых [15]:

- необходимость учитывать все потребности младшего медицинского персонала, медицинских сестер и женщин-врачей, задействованных в ответных мерах по борьбе с пандемией;
- обеспечение бесперебойной работы горячих линий и доступ к службам, которые должны оставаться открытыми для оказания помощи женщинам, работающим в секторе здравоохранения и подвергающимся насилию, стигматизации и дискриминации;
- обеспечение мер по преодолению разрыва в оплате труда мужчин и женщин, соблюдение принципа гендерного равенства при распределении финансовых ресурсов;
- организация пакетов антикризисной экономической помощи, (которые должны включать средства на обеспечение социальной защиты с учетом определенных обстоятельств, в которых оказываются женщины);
- работа по преодолению всей совокупности гендерных диспропорций на рынке труда в сфере социального здравоохранения.

В целом, необходим комплексный гендерный подход к сфере социального здравоохранения, формирующий партнерство между женщинами и мужчинами как профессионально-социальными группами – с одной стороны, и государством – с другой. К проблемам и потребностям женщин и мужчин в сфере здравоохранения необходимо подходить дифференцированно, учитывая, что

принцип равенства призван гарантировать реализацию данных потребностей. Для достижения гендерного равенства требуется широкий

диапазон стратегических мер в зависимости от конкретных обстоятельств в системе социального здравоохранения.

Литература:

1. *Нечаева Н.А.* Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры / Н.А. Нечаева // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 114–133.

2. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.

3. *Блохина Н.А.* Понятие Гендера: становление, основные концепции и представления / Н.А. Блохина // Летняя школа «Общество и гендер». 2003.

4. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / Под общ. ред. Н.М. Римашевской; Редакция: Е.А. Баллаева [и др.]. М., 2007. 240 с.

5. *Бакланова О.А.* Гендерные трансформации в современном российском обществе / О.А. Бакланова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 323–325.

6. *Вялых Н.А.* Факторы социального самочувствия профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии нового коронавируса / Н.А. Вялых // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 1. С. 102–110.

7. Delivered by women, led by men: a gender and equity analysis of the global health and social workforce. Human Resources for Health Observer Series № 24 Geneva: World Health Organization; 2019. URL : <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311322> (по состоянию на 28.04.2020).

8. URL : <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/sexual-and-reproductive-health/news/news/2020/3/where-do-we-stand-on-womens-health-in-2020>

9. *Григорьева Н.С.* Гендерные развилки здоровья и здравоохранения в России / Н.С. Григорьева, Т.В. Чубарова // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 55–71.

10. Гендерные вопросы и COVID-19. Информационно-разъяснительная записка. 14.05.2020. URL : https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?page=1&*=LFw1XpJw7SaOIAQXdU8ViqN1UPN7InVybcI6lmh0dHBzOi8vYXBwcy53aG8uaW50L2lyaXMvYmI0

11. *Туркулец С.Е.* Социальная стигматизация в период пандемии / С.Е. Туркулец [и др.]. // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25.

12. Женщины в экономике. Обзор международной и российской повестки. Март, 2021. 16 с. URL : <https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?page=>

Literature:

1. *Nechaeva N.A.* Gender picture of the world: to the definition of the concept and its structure / N.A. Nechaeva // St. Petersburg sociology today. 2019. № 12.

2. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasjanov, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 147–158.

3. *Blokhina N.A.* The concept of Gender: formation, basic concepts and ideas / N.A. Blokhina // Summer School «Society and Gender». 2003.

4. Health and health care in a gender dimension / Under the general editorship of N.M. Rimashevskaya; Editorial Board: E.A. Ballaeva [et al.]. M., 2007. 240 p.

5. *Baklanova O.A.* Gender transformations in modern Russian society / O.A. Baklanova // Theory and practice of social development. 2015. № 12. P. 323–325.

6. *Vyalykh N.A.* Factors of social well-being of the professional medical community in the context of a new coronavirus pandemic / N.A. Vyalykh // Humanitarian of the South of Russia. 2021. Vol. 10. № 1. P. 102–110.

7. Delivered by women, led by men: a gender and equity analysis of the global health and social workforce. Human Resources for Health Observer Series № 24 Geneva: World Health Organization; 2019. URL : <https://apps.who.int/iris/handle/10665/311322> (as of 28.04.2020).

8. URL : <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/sexual-and-reproductive-health/news/news/2020/3/where-do-we-stand-on-womens-health-in-2020>

9. *Grigorieva N.S.* Gender forks of health and healthcare in Russia / N.S. Grigorieva, T.V. Chubarova // Woman in Russian society. 2019. № 3. P. 55–71.

10. Gender and COVID-19. Advocacy note. 05/14/2020. URL : https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?page=1&*=LFw1XpJw7SaOIAQXdU8ViqN1UPN7InVybcI6lmh0dHBzOi8vYXBwcy53aG8uaW50L2lyaXMvYmI0

11. *Turkulets S.E.* Social stigmatization during a pandemic / S.E. Turkulets [et al.] // Sociodynamics. 2020. № 5. P. 11–25.

12. Women in the economy. Review of the international and Russian agenda. March, 2021. URL : <https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?page=>

1&* =2aEuxH7St3hZB%2FDJaTUueGbgxN97InVy b
Cl6l mh0dHBzOi8vd3d3LmVjb25vbXkuZ2

13. *Вялых Н.А.* Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг / Н.А. Вялых // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 126–132.

14. *Гафиатулина Н.Х.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М., 2020.

15. Организация Объединенных наций. COVID-19: ответные действия. URL : <https://www.un.org/ru/coronavirus/gender-equality-time-covid-19>

1&* =2aEuxH7St3hZB%2FDJaTUueGbgxN97InVy b
Cl6l mh0dHBzOi8vd3d3LmVjb25vbXkuZ2. 16 p.

13. *Vyalykh N.A.* Factors of Reproduction of Social Inequality in the Sphere of Consumption of Medical Services / N.A. Vyalykh // Sociological Research. 2015. № 11. P. 126–132.

14. *Gafiatulina N.Kh.* Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the covid-19 pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et al.]. M., 2020.

15. United Nations Organization. COVID-19: Response. URL : <https://www.un.org/en/coronavirus/gender-equality-time-covid-19>

Гречихин Владимир Григорьевич
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
истории и теории социологии,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
poltava41@yandex.ru

Vladimir G. Grechikhin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of Department of History
and Theory of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
poltava41@yandex.ru

ЖЕНСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

WOMEN'S EMPLOYMENT IN THE KHABAROVSK TERRITORY IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Аннотация. Основательные изменения, происшедшие на рынке труда в условиях распространения коронавирусной инфекции, коснулись большинства регионов нашей страны. В обстановке нарастающего экономического кризиса, который был вызван повсеместным закрытием предприятий, уменьшением потребительского спроса, ростом безработицы, решающее значение имеет разработка эффективных мер государственной поддержки, которая была направлена на стабилизацию как экономики, так и отдельных групп хозяйствующих субъектов. В частности, пандемия нанесла серьезный урон женскому рынку труда. В рассматриваемой теме будет рассмотрена динамика ситуации женского рынка труда в пандемию 2020 года на примере Хабаровского края.

Annotation. Fundamental changes in the labor market in the context of the spread of coronavirus infection have affected most regions of our country. In the context of the growing economic crisis, which was caused by the widespread closure of enterprises, a decrease in consumer demand, and an increase in unemployment, it is crucial to develop effective measures of state support, which was aimed at stabilizing both the economy and individual groups of economic entities. In particular, the pandemic has seriously damaged the women's labor market. In this topic, the dynamics of the situation of the women's labor market in the pandemic of 2020 will be considered on the example of the Khabarovsk Territory.

Ключевые слова: женская занятость, пандемия, экономический кризис, безработица, рынок труда, рабочая сила, государственная поддержка, центр занятости.

Keywords: women's employment, pandemic, economic crisis, unemployment, labor market, labor force, state support, employment center.

Новая коронавирусная инфекция стала причиной гибели многих людей. Также, под ударом оказалась российская экономика из-за закрытия государственных границ. Государствами были предприняты все меры по предотвращению распространения злокачественного вируса. Разумеется, все эти ограничения не могли не отразиться на рынке труда.

Согласно данным Росстата, общая рабочая сила, по состоянию на март 2020 года в России составляла 74,9 млн граждан. Количество занятых приравнивалась к 71,4 млн человек. Число безработных составляло 3,5 млн. Однако, если заметить именно с начала марта в России начали вводить ограничительные меры.

Рынок труда – это часть системы рыночной экономики, которая определяет объем занятых и безработных в экономике. Рынок, имеет большое количество людей, разных специализаций, квалификаций. Людей, которые желают найти применение своему труду, а также огромным количество фирм и предприятий.

Особенно остро еще до пандемии стоял вопрос проблематики трудоустройства женщин. Главные проблемы занятости женщин были сформированы на всех исторических этапах. В XX веке женская занятость испытала глобальные преобразования. Характерными условиями этих изменений стали:

Рынок труда тесно взаимосвязан от ситуации на рынке товаров, услуг, а также денежного рынка. Именно от данных факторов зависит насколько будет востребована та, или иная продукция, а также какой объем трудящихся получит задачу ее выпуска и т.д.

- вовлечение в организованный труд большинства женщин;
- большой спрос квалифицированного труда;
- отсутствие границ между мужскими и женскими сферами занятости;
- создание новой структуры женской занятости.

На сегодняшний день женский рынок труда составляет половину занятых, уровень трудовой активности сравним с уровнем трудовой активности мужского населения.

В условиях современности качество занятости считается многомерным показателем. На этот показатель оказывает воздействие огромное количество условий, такие, как [4, с. 105]:

- заработная плата;
- социальные гарантии;
- продолжительность и условия трудового договора;
- рабочее время;
- интенсивность труда;
- возможность карьерного роста;

За период ограничений, которые были введены во время пандемии, каждая пятая женщина в России заявила о потере работы. Больше всего это коснулось женщин в диапазоне от 18–24 лет. Женщины в возрасте от 25–34 лет говорили о том, что в поиске работы мешало наличие ребенка. Опрошенные в возрасте от 45 лет заявили причиной свой возраст.

За время ограничений у 61 % работающих женщин был снижен ежемесячный доход.

Пандемия коронавирусной инфекции нанесла значительный удар по работающим женщинам, которые в этом году стали терять работу гораздо

чаще, чем мужчины. В первую очередь пострадали такие индустрии как: розничная торговля, общепит, гостиничное дело. Многие женщины были вынуждены оставить работу, потому как школы и детские сады были переведены на карантин, что также ощутимо ударило по карману россиянок.

Если учитывать предыдущие кризисы, то российская экономика сталкивалась с трудностями в вопросах спроса, то на данный момент идет двойной удар, со стороны предложения.

Сначала, шоком было введение карантина, что впоследствии сказалось на оплате труда.

На Дальнем Востоке одна из самых острых проблем это недостаток рабочих рук, но пандемия нанесла еще больший вред ситуации, потому как в связи с ограничениями трудовая деятельность, а соответственно и экономика стали жить несколько месяцев в неподвижном состоянии. Несмотря на то, что в регионе на 1 вакантное место претендует 30 безработных, то в момент пандемии и рынок труда застыл на несколько месяцев, что не могло не ударить по карману дальневосточников.

Хабаровский край один из развитых территорий Дальневосточного округа. Край включает в себя 17 районов и два города краевого подчинения. Экономическое увеличение численности рабочих мест привел к введению свыше 400 тыс. рабочих мест, из них 40 % в сфере малого бизнеса. Численность населения по состоянию на 01 января 201 года составляет 1321473 человека.

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
10–14	35318	33766	27682	26444	7636	7322
15–19	3578	29660	27335	24423	8023	5237
20–24	42108	32015	30836	26516	11272	5499
25–29	57409	48146	47202	42880	10207	5266
30–34	62856	58167	51838	49749	11018	8418
35–39	54541	53258	44659	44801	882	8457
40–44	48495	50479	39823	41927	8672	8552
45–49	42609	46741	35246	3884	7363	7757
50–54	35235	40861	28807	33917	6428	6944
55–59	3221	46175	29617	37673	7604	8502
60–64	31856	47062	24966	2466	38446	680
65–69	27088	45631	22020	38471	5068	7160
70 и более	32001	7748	27961	67275	4640	10223
трудоспособное	409199	353021	330128	298346	26812	25558

Хабаровский край является одним из самых молодых и динамичных регионов на Дальнем Востоке России, который имеет в своём расположении значительное количество природных ресурсов. Отличительными чертами края является его выгодное положение в географическом ракурсе, а также высокий научный потенциал, и развитость промышленной и транспортной инфраструктуры.

Регион также имеет высокую заинтересованность со стороны международного экономического сотрудничества. Пограничное положение, наличие морских портов, которые могут осуществлять морскую перевозку, а также международные

перевозки через Транссибирскую и Дальневосточную железнодорожную магистрали.

Экономика края в своем большинстве развивается за счет промышленности. Специфика проявляется в значительно высоких затратах на строительство и транспорт, а также, переработкой сырья(лесная и горнорудная промышленность).

Отягощающее влияние на развитие Хабаровского края оказывает влияние централизованной экономики, целью которой являлось развитие экономики регионов в интересах страны, а не дальневосточных территорий.

По численности вовлеченных в малом бизнесе и работе на микропредприятиях край занимает первое место по Дальневосточному региону.

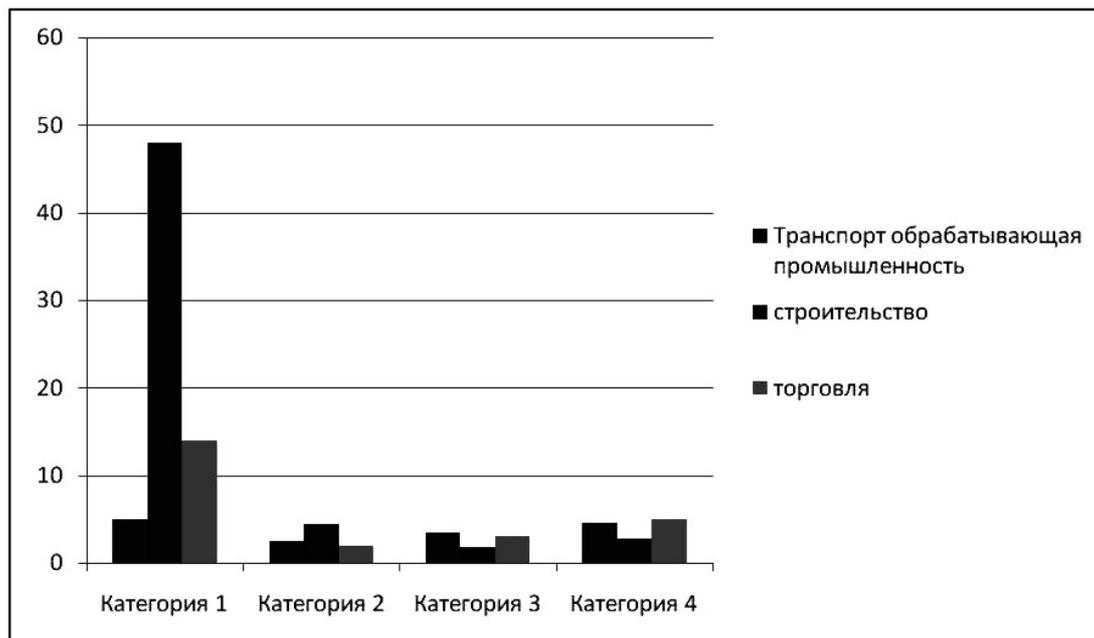
Хабаровский край находится на 5 строчке в рейтинге. Доля работников на вышеописанных предприятиях составляет 21,8 %, что на 1,3 % больше чем в Москве.

По состоянию на 2019 год край занимает первое место в ДФО по доле занятых граждан имеющих высшее и среднее образование (58 %).

Значимую роль на рынке труда региона также занимает иностранная рабочая сила. Согласно

установленным квотам на 2019 год, в крае было привлечено 26.2 тыс. работников. Основными отраслями, куда был привлечен персонал данной категории это строительство, торговля, добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность и транспорт.

По статистике «Центра занятости населения Хабаровска и Хабаровского района» с начала 2020 года по октябрь 2020 в Хабаровске зарегистрировано – 5500 безработных, из них – 4100 выявлено только за время карантина. Под угрозой оказались такие профессии как повара, бармены, официанты, кондитеры, работники туристического бизнеса и культуры.

по информации Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края по состоянию на 31.12.2019 г. количество безработного населения в Хабаровском крае составило 6428 человек. Из этого числа, количество безработных женщин составило 13,1 %.

С началом пандемии и введения ограничений в России, которая коснулась, Хабаровский край в конце марта 2020 г. многие работодатели перевели своих сотрудников на удаленный режим работы. Однако, именно с этого периода выделяется рост числа безработных. Несмотря, на то, что государством, а также отдельными регионами были предприняты попытки по снижению роста заболеваемости, затрагивая ограничениями

различные сферы, это не дало положительного воздействия на рост числа безработных.

Так, по данным за I квартал 2020 года численность занятого женского населения Хабаровского края составила – 47,6 %. Численность безработных женщин составила – 54,7 %.

За первое полугодие 2020 года число граждан поставленных на учет по безработице в Хабаровском крае составило – 1650 человек, что составляет – 86,0 %. Из этого количества женщин составило – 1191 человек, что составляет – 62,1 %. Это не плохой показатель по состоянию на июнь 2020 года, так как рост заболеваемости стал снижаться, предприятия частично открываться, а соответственно рост безработицы падать.

Численность женской рабочей силы в Хабаровском крае

	2018	2019
занятые	342,9	326,0
безработные	11,6	13,1

Сопоставив данные приведенные в таблице и данные количества безработных женщин в Хабаровском крае, можно отметить, что число увеличилось примерно на 42 %.

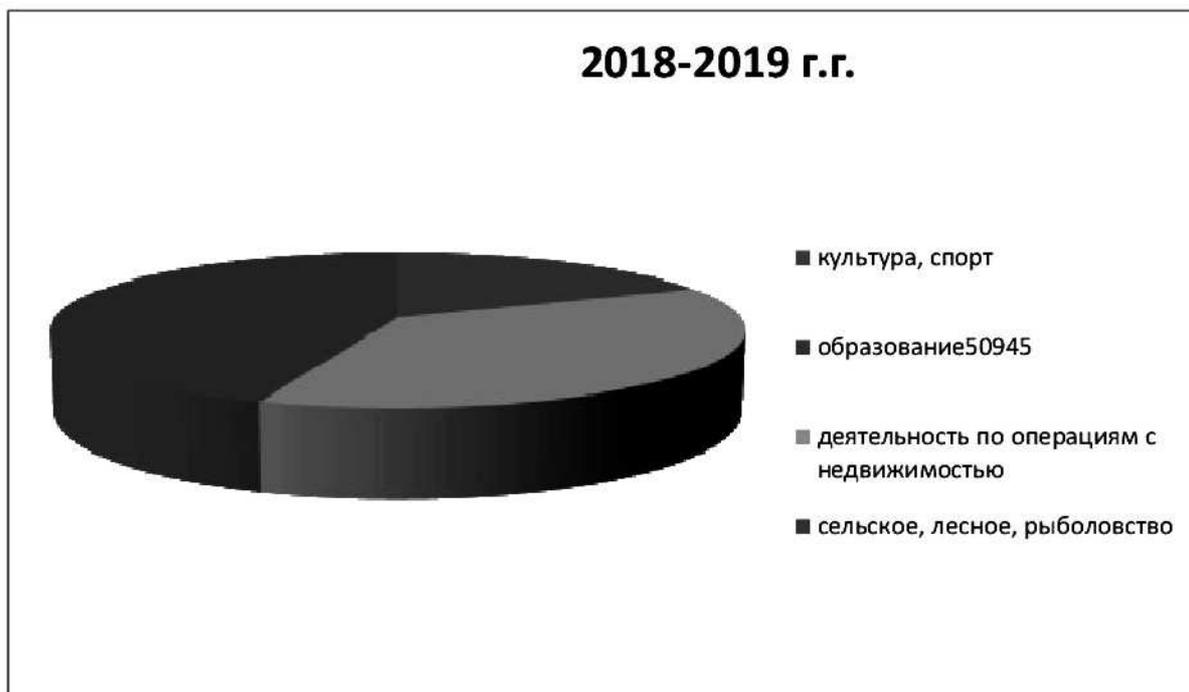
В конце первого полугодия 2020 года стало наблюдаться смещение спроса на некоторые виды деятельности и профессии. Так повысился спрос на водителей, медицинский персонал, в первую очередь, а также, специалистов в области

онлайн-образования. В связи с дополнительной поддержкой государства в период пандемии, а именно, малого и среднего бизнеса, большой спрос стали иметь самозанятые граждане. Данное обстоятельство зависело от того, что большинство компаний работодателей стали сокращать количество рабочего персонала, в связи с неблагоприятной финансово-экономической ситуацией, а также общего падения доходности в бизнесе. Таким образом, на территории Хабаровского края сложилась следующая картина. Нашедших работу граждан составило 443 человека. Из них женщин – 271 человек, из которых 2 женщины стали являться самозанятыми. На

профессиональную переподготовку было отправлено 5 человек.

Самыми востребованными профессиями, среди женщин в Хабаровском крае оказались администратор, архивариус, библиотекарь, кондитер, лаборант химического анализа, младший воспитатель, медицинские сестры различной специализации и.д. То есть, фактически те должности, которые в период пандемии перешли на дистанционную работу.

В таблице приведены данные, какие должности пользовались спросом в 2018–2019 г.г.

Из таблицы мы видим, что основным видом занятости среди женщин в до введения ограничений была сфера сельского, рыболовного и лесного хозяйства.

В целях оптимизации рабочих ресурсов многие работодатели стали сокращать доход сотрудников путем отмены премий, сокращений рабочих часов, а также, вывод работников в неоплачиваемые отпуска.

Наиболее распространённый вид занятости, который приобрел особую популярность во всем мире, стал такой вид работы, как «дистанционная», «удаленная». В принципе и до пандемии такой вид занятости существовал. Такая деятельность в основном используется в сфере образования. Ученики по всей стране, для того, чтобы не терять время на карантине государством были предприняты меры по обучению в системе «Zoom». Также по такому же способу стали использовать услуги репетиторов. Так, на май 2020 года в сфере образования на территории Хабаровского края трудилось 48800 человек, в то время как в 2019 году по состоянию на декабрь в образовательной деятельности трудилось 50241 человек. Разумеется, большую часть

преподавательского состава занимают женщины. В период пандемии большинство граждан, которые подвергались опасности заражения инфекцией, а именно инвалиды, пенсионеры 65+, были сокращены, либо уволены по собственному желанию. Большинство преподавателей, которые имели пенсионный возраст, попали под сокращение, в связи с тем, что у них отсутствовали необходимые знания для работы по новой, удаленной системе обучения.

По состоянию на октябрь 2020 года, в органы ЦНС Хабаровского края, было подано 4799 заявлений, из них 3149 обращений по содействию в поиске подходящей работы. В составе поставленных на учет граждан 2047 обращений составляло от женской половины населения, из которых 41 человек являлись инвалидами. По программе самозанятости было трудоустроено 4 женщины, нашли работу 542 человека. На переподготовку было направлено 9 человек, из них 3, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком [2, с. 133].

Приведенные данные показывают, что основная масса безработных женщин приходится на второе полугодие 2020 года.

Число безработных женщин

	2019	2020
январь	5998	5900
Февраль	6794	6237
Март	7010	6011
Апрель	723	8132
Май	6898	13906
Июнь	6695	17743
июль	6530	21577
август	6303	25226
Сентябрь	6035	26793
октябрь	5661	23817
ноябрь	5575	21168
декабрь	5848	16180

Одной из способов, поддерживающих занятость в условиях пандемии, являлось создание временных рабочих мест. Так по программе временного трудоустройства граждан было трудоустроено 34 человека, из их них 12 женщин [2, с. 165].

Таким образом, в среде женского рынка труда Хабаровского края, наблюдаются относительная

стабильность. С наступлением пандемии именно с марта месяца отслеживается подъем численности женщин потерявших работу, и обратившихся за помощью в службу занятости. Во время кризиса, люди без государственной помощи не могут найти работу. Государственная поддержка не дала гражданам, а особенно мамочкам голодать во время пандемии.

Литература:

1. Хабаровский статистический сборник. Хабаровск, 2019.
2. Хабаровский статистический сборник. Хабаровск, 2018.
3. *Романовский Г.Б.* Гендерные аспекты безработицы на регионально рынке труда / Г.Б. Романовский, Е.С. Тарханова // *Общественные науки.* 2012.
4. *Строева Г.Н.* Основные тенденции развития регионального рынка труда / Г.Н. Строева // *Региональная экономика: теория и практика.* 2015.

Literature:

1. Khabarovsk statistical collection. Khabarovsk, 2019.
2. Khabarovsk statistical collection. Khabarovsk, 2018.
3. *Romanovsky G.B.* Gender aspects of unemployment in the regional labor market / G.B. Romanovsky, E.S. Tarkhanova // *Social Sciences.* 2012.
4. *Stroeva G.N.* Main trends in the development of the regional labor market / G.N. Stroeva // *Regional economy: theory and practice.* 2015.

Гришай Елена Владимировна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Люев Тимбот Хабасович

старший преподаватель
кафедры деятельности
органов внутренних дел
в особых условиях,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Шубакин Алексей Алексеевич

преподаватель
кафедры административной
деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
ev-grishay@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ
ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНОЙ
ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБУЧЕНИЯ В ПЕРИОД
ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-
ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ РФ В СВЯЗИ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НОВОЙ
КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ
COVID-19**

Аннотация. В данной статье анализируется проблема и положительный опыт реализации основной программы профессионального обучения в период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Занятия с обучающимися проходят в дистанционном формате во всех образовательных организациях, находящихся в ведении системы МВД РФ.

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Timbot Kh. Luyev

Senior Lecturer
Department of Activity
of Internal Affairs Bodies
in Special Conditions,
North Caucasus Institute
Advanced Training
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel
ev-grishay@mail.ru

Alexey A. Shubakin

Teacher
Department of Administrative
ATS Activities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police lieutenant Colonel
ev-grishay@mail.ru

**PROBLEMS AND POSITIVE
EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION
OF THE MAIN VOCATIONAL TRAINING
PROGRAM DURING THE PERIOD
OF ENSURING THE SANITARY
AND EPIDEMIOLOGICAL WELL-BEING
OF THE POPULATION IN THE TERRITORY
OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN CONNECTION WITH THE SPREAD
OF THE NEW CORONAVIRUS
INFECTION COVID-19**

Annotation. This article analyzes the problems and positive experience of implementing the main vocational training program during the period of ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population on the territory of the Russian Federation in connection with the spread of the new coronavirus infection COVID-19. Classes with students are held in a distance format in all educational organizations that are in the introduction of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Ключевые слова: эпидемия, новая коронавирусная инфекция, санитарно-эпидемиологическое благополучие, дистанционное обучение, новые образовательные технологии.

Keywords: epidemic, new coronavirus infection, sanitary and epidemiological welfare, distance learning, new educational technologies.

Вспышка пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 была объявлена всемирной организацией здравоохранения 11.03.2020 года. В целях обеспечения специальных санитарных правил и норм для поддержания здоровья населения на территории РФ в связи с распространением эпидемии (COVID-19) и в соответствии со статьёй № 80 Конституции РФ Президентом В.В. Путиным обозначен перечень необходимых комплексных мер, позволяющих установить нормальную «санитарно-эпидемиологическую обстановку» в регионе, включая период «введения режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации» на местах [1].

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией, Министерство образования и науки России вынесло ряд рекомендаций российским вузам по организации переход на частичную и полную дистанционные форматы обучения в зависимости от конкретной санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе. Высшим учебно-образовательным организациям необходимо организовать проведение в полном объеме учебных программ (пункт 1.3 приказа Мин. образования и науки РФ от 14 марта 2020 года № 397) [2] и учесть в обязательном порядке:

– в случае необходимости предоставление внеочередных каникул для учащихся, перевода их на индивидуальный вид обучения при особых обстоятельствах;

– организацию полноценной совместной работы педагогических работников и обучающихся учебных заведений и исключительно в электронной информационно-образовательной среде;

– применение таких образовательных технологий, которые бы позволили обеспечить взаимодействие обучающихся и педагогических работников на расстоянии, то есть с применением «электронного обучения и дистанционных образовательных технологий», (п/п. 1.2 приказа Министерства образования и науки России от 14 марта 2020 № 397) [2].

Изменение формата образовательного процесса повлияло абсолютно на все образовательные организации, в том числе и на образовательные организации системы МВД Российской Федерации. Такие государственные институты как Правительство РФ, Министерство внутренних дел РФ и Департамент государственной службы и кадров МВД Российской Федерации приняли ряд управленческих решений, которые способствовали обеспечению специальных санитарных правил и норм для поддержания здоровья населения РФ. Так, на основании распоряжения МВД Российской Федерации от 18.03.2020 г. № 1/2947 «Проведение дополнительных организационных и профилактических мероприятий в организациях,

занимающихся образовательной деятельностью и относящихся к системе МВД РФ» руководящему составу территориальных органов МВД РФ, к чьему ведомству относятся «центры профессиональной подготовки», руководителям учебных заведений МВД РФ приказано принять меры к обеспечению реализации учебных программ в полном объеме [3].

А именно, занятия курсантов по прохождению учебы по системе «профессиональной подготовки» с присутствием в учебном заведении положено осуществлять в дистанционной форме, а повышение профессиональных навыков (исключая дополнительное обучение специалистов МВД, которые выполняют задачи служебно-оперативного характера в Северо-Кавказском регионе РФ) проводятся в текущем году первом полугодии (2020 года) обязательно в дистанционном режиме с соблюдением законодательства о режиме секретности. 19.03.20 г. МВД РФ был дан к исполнению «План неотложных мероприятий», для срочной реализации МВД РФ, по стабилизации эпидемии COVID-19, в котором ДГ СК МВД Российской Федерации была поставлена задача о разработке до 23.03.2020 г. системы перевода обучающихся дистанционным способом в образовательных организациях, которые находятся в введении системы МВД РФ. «Поручением Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации - Руководителя Аппарата Правительства РФ» от 25.03.2020 г. № ДГ-П17-2301 кв. руководству органов исполнительной власти рекомендовано осуществлять обучение и повышение квалификации сотрудников исключительно дистанционно с использованием дистанционных образовательных платформ и методов.

Распоряжением министра внутренних дел, от 03.04.2020 г. № 1/3768 привлечение сотрудников к прохождению изучения программ профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в очной форме обучения (исключая программы повышения квалификации служащих внутренних дел, которые выполняют специальные задания в Северо-Кавказском регионе РФ) временно приостановлен в целях предотвращения развития коронавирусной инфекции COVID-19 между служащими МВД РФ. Данным документ также предписывает обеспечение продолжения осуществления профессиональной подготовки вновь поступивших на службу в органы внутренних дел по профессии «Полицейский» в дистанционном режиме без присутствия в учебном заведении, с завершением образовательного процесса до 18.02.2020 года для лиц, завершивших прохождение более 3/4 частей программы учебного материала и в случае заочной формы обучения, освоивших менее 1/4 части образовательной программы учебного материала [4].

В соответствии с пунктом 7 распоряжения МВД Российской Федерации от 23.04.2020 г. № 1/4548 «Особенности приема для прохождения обучения в образовательных учреждениях, в ведении МВД Российской Федерации, в 2020 году» ДГ СК МВД России направил в образовательные организации системы МВД Российской Федерации для освоения в образовательном процессе основные положения программы профподготовки для граждан, которые были впервые зачислены на службу в органы внутренних дел РФ, на должность «Полицейского» (в период установления специальных санитарных правил и норм для поддержания здоровья населения на территории РФ из-за быстрого распространения эпидемии (COVID-19) [5]). Учитывая данное предписание, департамент также обратил внимание на то, что данная программа является «многопрофильной» и проводится дистанционно независимо от категории, должности и ранга по дистанционному методу прохождения обучения.

Ситуация с быстрым распространением инфекции (COVID-19) вызывала необходимость быстрого реагирования для осуществления комплекса организационно-управленческих задач территориальными органами МВД РФ, включающих в себя центры профподготовки и образовательными организациями МВД РФ для введения учебных программ «профессионального обучения» кадров личного состава внутренних дел:

- 1) обеспечить легитимность решения возможности обучения в дистанционном режиме;
- 2) обеспечить методическими материалами во всех видах исполнения всех обучающихся в разных формах обучения (очно, дистанционно) по освоению профподготовки и повышению навыков;
- 3) обеспечить дистанционное и временное разделение ученика и преподавателя одновременно или по отдельности;
- 4) создать контакт преподавателя и обучаемого благодаря дистанционным образовательным технологиям, учитывая что, коммуникация в этом случае может быть одновременной или неодновременной;
- 5) оптимизировать решение вопросов, связанных с технологическими и организационно-техническими задачами по вопросу перевода образовательного процесса в дистанционную форму обучения (обеспечить подключение слушателей и профессорско-преподавательского состава к сервисам информационной и образовательной электронной системы; актуализировать методические материалы в электронном виде для участников процесса; создать контрольно-проверочные задания, в дистанционном формате; проработать и подготовить план проведения промежуточных и итоговых экзаменационных работ в дистанционном режиме; утвердить специалиста, консультирующего использование инструментов ЭИОС; назначить другие сроки по прохождению образовательных программ, которые по своей

специфике не входят методы дистанционного обучения и т.д.).

Вышеуказанные задачи внесли необходимость актуализировать оперативный повсеместный ввод в образовательных организациях системы МВД Российской Федерации педагогической системы с использованием различных технологий. Использование современных технологий представляет собой формант, «online» и «offline» обучения. В таких форматах традиционные педагогические технологии интегрированы в электронное и дистанционное обучение. В условиях «online» и «offline» обучения преподаватель должен активизировать, заинтересовать и поощрять слушателей для автономной и самостоятельной работы, обязательно учитывая специфику таких видов обучения. Проведя анализ новой образовательной парадигмы, можно с уверенностью сказать, что при настоящей эпидемиологической ситуации, этот учебный процесс является оптимально необходимым и возможным для прохождения обучения.

При введении дистанционного способа образовательного процесса в учебных заведениях, находящихся в ведении системы МВД Российской Федерации, появилась необходимость формирования особого алгоритма освоения образовательных программ – «занятия в режиме Онлайн и занятия, совмещающие очную и дистанционную формы». Высшие учебные заведения выявили ряд проблем при реализации задач по изменению формы обучения с очного на дистанционное для профессиональной подготовки (без присутствия в учебном заведении). У всех служащих, замещавших различные должности независимо от звания при заочной форме обучения независимо от их категории в области профессиональной подготовки в период установления специальных санитарных правил и норм для поддержания здоровья населения, в период распространения эпидемии (COVID-19) не возникло вопросов и сложностей, так как ДГ СК МВД Российской Федерации разработал специализированную примерную программу обучения. Профессорско-преподавательским составом факультета профессиональной подготовки оперативно была разработана основная программа специального обучения «Профподготовка вновь принятых лиц на службу в органы внутренних дел РФ», на должность служащего «Полицейский» (в период установления специальных санитарных правил и норм для поддержания здоровья населения на территории РФ в период распространения эпидемии (COVID-19)). Обучающиеся в рамках данной программы имеют полный доступ к методическим материалам, методическим разработкам по ним, а также к расписанию учебных занятий.

Для обучения по программе дистанционного способа получения образования разрабатывается специальный электронный курс образовательной программы.

Он представляет собой систему образовательных мероприятий по всей программе обучения в дистанционной форме электронные методические материалы, «электронные информационные

ресурсы, скомплектованные и введенные в ЭИОС учебного заведения». Университет обеспечивает доступ к ресурсам ЭИОС при помощи информационно-телекоммуникационной сети «Internet».

Создание ЭИОС осуществляется путем дистанционной системы обучения:

– разработчики программно-образовательного материала систематизируют и размещают «содержательный контент»;

– педагогический работник планирует свою педагогическую деятельность: выбирает из имеющихся или создает нужные для обучающихся ресурсы и задания;

– руководящий состав учебного заведения, работники методических кабинетов, педагогические работники, обучающиеся обеспечиваются доступом к полной и достоверной информации о ходе получения знаний, промежуточных и итоговых результатах, благодаря автоматическому фиксации указанных позиций в информационной среде;

– обучающиеся выполняют задания, предусмотренные программой, при необходимости имеют возможность обратиться к преподавателям за помощью; все результаты обучения сохраняются в ЭИОС.

Учебные занятия и проверка итоговых знаний осуществляется способом видеосвязи, в режиме компьютерного тестирования, в режиме обмена файлами (с использованием системы дистанционного обучения или электронной почты) или обмена сообщениями в форумах или чатах.

Обучающиеся по программе имеют возможность получить всю необходимую литературу и методические материалы в электронном виде в ЭИОС учебного заведения, содержащей полнотекстовые документы.

Доступно пользование ресурсами электронной библиотеки, с возможностью неограниченного доступа к литературе юридических, гуманитарных и общественных дисциплин.

Проблемы организационно-технического характера возникли в процессе программ профессионального обучения, т.к. зачисление учащихся прошло до издания распоряжения МВД Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 1/3768, следовательно, учебный план был реализован по очной форме с освоением менее 1/4 учебного материала. Обучение должно проходить с обязательным применением дистанционных технологий без прибытия в учебное заведение. Разъяснений из ДГ СК МВД Российской Федерации по переводу с очной формы обучения на дистанционную в этот период не поступало. Таким образом реализация дистанционного обучения и его юридическое оформление были возложены на территориальные органы МВД Российской Федерации и образовательные организации системы МВД Российской Федерации.

Практическая реализация перевода сформировала свой алгоритм действий, разработанный руководством и сотрудниками Краснодарского университета МВД Российской Федерации, который был реализован в данной образовательной организации. Суть его заключается только во внесении дополнений и некоторых изменений в положения образовательных программ, проходящих в очной форме обучения по указанию начальника КрУ МВД Российской Федерации по итогам их обсуждения методическим и ученым советом учебного заведения, проводимого в online-формате, а также в местном нормативном акте – «Порядок применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в учебном заведении», введенным приказом КрУ МВД Российской Федерации от 08.04.2020 г. № 454. В локальные нормативно – правовые акты университета «Порядок применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в университете» были внесены ряд изменений и дополнений. Так, в пункте 5 нормативного акта указывается, что полная или частичная реализация дистанционного обучения с применением электронно-дистанционных технологий проводится как по соответствующей образовательной программе, так и в случаях ЧС или карантинных мерах по месту нахождения учебного заведения. В случае ввода особого правового режима, обучение осуществляется на основании рекомендаций или утвержденных актов МВД Российской Федерации, Министерства образования и науки России, Министерства Просвещения РФ нормативным документом учебного заведения утверждается «перечень образовательных программ или их частей с указанием даты начала их реализации в университете с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» (пункта 6. Порядка). В случае ввода особого режима профессиональная подготовка сотрудников происходит по месту их службы по заочной форме обучения, с сохранением всего учебного плана и нагрузки. Промежуточные и итоговые аттестации по соответствующим учебным дисциплинам, проводится только в рамках дистанционного обучения по составленному и утвержденному плану (графику) учебных занятий. По согласованию с соответствующими подразделениями, осуществляющих отправку сотрудников на обучение, проводятся итоговые и зачетные проверки физической и стрелковой подготовке (пункт 12 Порядка).

В сложившейся в РФ санитарно-эпидемиологической ситуации концепция такого обучения в образовательных организациях системы МВД РФ должна быть использована повсеместно, как обеспечивающая процессы обучения и получения профессиональных навыков разнолинейными методами, с использованием различного электронного оборудования и дистанционных образовательных технологий. Следить и проводить управление ходом учебных программ, быстро приспосабливаться к новшествам через разные структуры образовательного процесса помогает

эффективное использование такого вида обучения. Адаптировать институциональные системы, сотрудников и слушателей к быстро меняющимся реалиям.

Проанализировав такой формат образовательного процесса, позволили успешно апробировать, и принять наилучшие организационно-контролирующие варианты по ведению и усвоению учебного процесса в сложившейся ситуации.

Литература:

1. Конституция РФ (Основной закон). Ст. 80. М., 1993.
2. Приказ Министерства высшего образования и науки РФ от 14 марта 2020 года № 397. Пункт 1.3.
3. Распоряжение МВД Российской Федерации от 18.03.2020 г. № 1/2947 «Проведение дополнительных организационных и профилактических мероприятий в организациях, занимающихся образовательной деятельностью и относящихся к системе МВД РФ.»
4. Распоряжение министра внутренних дел от 03.04.2020 г. № 1/3768.
5. Распоряжение МВД Российской Федерации от 23.04.2020 г. № 1/4548 «Особенности приема для прохождения обучения в образовательных учреждениях, в ведении МВД Российской Федерации, в 2020 году».

На наш взгляд все вышеперечисленные мероприятия положительно повлияли на осуществление образовательными организациями не только системы МВД РФ, но и другими образовательными организациями Министерства образования и науки РФ всех способов изменений ведения учебного процесса в случае различных социальных ситуаций.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (Basic Law). Art. 80. M., 1993.
2. Order of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation on March 14, 2020 № 397. P. 1.3.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 18.03.2020 № 1/2947 «Conducting additional organizational and preventive measures in organizations engaged in educational activities and belonging to the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».
4. Order of the Minister of the Interior dated 03.04.2020 № 1/3768.
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 23.04.2020 № 1/4548 «Specialities of admission for education in educational institutions, administered by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, in 2020».

Гущина Наталья Александровна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономики и управления,
Анапский филиал
Московского педагогического
государственного университета
Milena.555@mail.ru

Natalya A. Gushchina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department
of Economics and Management,
Anapa branch
Moscow Pedagogical State University
Milena.555@mail.ru

СПЕЦИФИКА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

SPECIFICITY OF HIGHER EDUCATION IN THE SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH IN THE INFORMATION AGE

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты роли высшего образования в социализации молодежи. Анализируются особенности социального института образования в современной информационной эпохе, новшества и проблемы современного образовательного процесса. Раскрывается социальная, политическая и экономическая значимость высшего образования в социализации молодых людей.

Ключевые слова: образование, социальный институт, молодежь, социология, политика, экономика, информационное общество, ценности.

Annotation. The article examines various aspects of the role of higher education in the socialization of young people. The peculiarities of the social institute of education in the modern information age, the innovations and problems of the modern educational process are analyzed. The social, political and economic significance of higher education in the socialization of young people is revealed.

Keywords: education, social institution, youth, sociology, politics, economics, information society, values.

Современная молодежь значительно отличается от молодого поколения конца XX века. Ежегодно появляются новые аспекты и практики интеграции молодежи, что ведет к стремительным переменам в жизнедеятельности молодых людей. Немаловажную роль в этом играют такие социальные процессы, как заражение и подражание, чему способствуют уже имеющиеся в обществе готовые формы социального поведения. Такие условия позволяют молодежи приобретать личный субъективный опыт и опираться на избранные ими средства и методы для достижения своих жизненных целей [1]. При этом значимую роль в социализации молодежи играют традиционные социальные институты, одним из которых является образование.

Самообразование, и, особенно, высшее, является институтом социальной мобильности и имеет значимый потенциал для социальной динамики молодежи. Современное общество требует от образования специалистов не только знающих свою профессию, но и способных разбираться в проблематике смежных отраслей, имеющих возможность брать на себя ответственность за принятие решений и реализовывать эффективную работу. Немаловажным остается и способность к постоянному развитию молодого специалиста в своей отрасли деятельности и в целом как личности. Это обуславливает высокие требования

общества к системе образования в частности и к образованию как к социальному институту, в общем, что приводит современное образование к периоду модернизации, однако сохраняет и ряд противоречий в образовательном процессе [2, с. 65]. Примером такого противоречия может являться высокий и продолжающий расти уровень требований к личности специалиста и несоответствие этих требований с самой системой подготовки специалистов. Социальный порядок цифровой эпохи становится неприемлемым условием новой коммуникативной реальности.

Являясь одним из ключевых социальных институтов, образование обеспечивает не только передачу социокультурного опыта от старшего поколения к младшему, но и имеет весомое значение в формировании ценностной системы молодых людей, позволяет реализовывать самоактуализацию и самовыражение индивида, способствует саморазвитию, приобретению новых знаний и умений, раскрытию творческих способностей, что позволяет, в результате, сформировать всесторонне развитую личность [3, с. 187].

С точки зрения государства, одна из основных целей современного института образования заключается в обеспечении интеграции молодежи в реальную взрослую жизнь, создание условий для их экономической, политической и социальной

стабильности, что должно в свою очередь соответствовать и удовлетворять фундаментальные потребности общества, а именно – социализации индивидов, их подготовку и распределение по социальным ролям и позициям в обществе [4].

Эффективность и перспективность высшего образования играет огромную роль в построении парадигмы жизнедеятельности современных молодых людей. Это влияние осуществляется как в сам период получения высшего образования, так и в дальнейшей жизни, оказывая свое воздействие на множество сфер и видов деятельности уже повзрослевшей образованной молодежи. Значимость высшего образования занимает приоритетное место в ценностной системе молодежи, что связано с такими аспектами, как понимание цели получения образования, выбор вуза, выбор специальности, и дальнейшим видением своей жизни. Современный мир превратил образование в фактическую ценность не только для молодых людей, но и для государства, отдавая образованию ключевую роль в формировании человеческого капитала в условиях современной информационной действительности [5].

Условия современного мира ставят перед государством задачи активного развития интеллектуального потенциала молодежи, что отражено в ряде исследований. Исследования показывают, что уровень образованности молодых людей продолжает расти по целому ряду видов образования, несмотря на то, что традиционная важность получения высшего образования теряет свои позиции в системе потребностей молодежи. Так, несмотря на традиционное для России отношение к образованию как терминальной и инструментальной ценности, следует отметить тенденцию на снижение оценки значимости высшего образования. По данным ВЦИОМ, в 2008 г. с утверждением о ведущей роли высшего образования для карьеры и достижения жизненных целей не согласилось 19 % респондентов, тогда как в 2018 г. доля ответивших так составила уже 34 % [6]. Современные молодые люди, в отличие от представителей старшего поколения, полагают, что наличие высшего образования сегодня не является обязательным компонентом достижения жизненных целей и карьерных вершин. На 2019 год скептический настрой в отношении высшего образования как обязательного условия успешной карьеры чаще всего фиксируется среди респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (о завышении значимости высшего образования среди них говорят 74 %). Что направляет систему образования на поиски унифицированной модели формирования образовательных стратегий.

Нынешнее высшее образование отвечает не столько параметрам специальности, сколько требованиям универсальности, что выражается в оценивании образования не как суммы знаний, а как наличием спектра компетенций и возможности их реализации в жизни, в частности в условиях современной экономики [7].

Структурно-функциональный анализ позволяет выделить две главные функции высшего образования, первая из которых реализуется в

обеспечении социализации подрастающего поколения и транслировании ему знаний и умений [8], а вторая – обретение молодежью определенного образовательного и социального статуса [9, с. 21].

Очевидно, что данные функции имели место и в прошлом и активно реализуются в нынешнем образовании, однако открытым остается вопрос о том, какая из них является первичной и более важной для современной молодежи: получение конкретных знаний, обретение полезных умений, и в итоге, получение самой профессии, либо обретение социального статуса от получения высшего образования, пусть и чисто формального [10].

Интерес представляет и процесс перехода от образования к труду, который предстаёт в виде процесса чередования учебы и работы или выражается в виде параллельного процесса и того и другого, в ходе чего молодые люди накапливают как теоретические знания, так и имеют возможность подкрепить их практическим опытом. Это сопровождается получением различных справок, сертификатов и прочих документов, подтверждающих наличие знаний и умений у индивида относительно какой-либо отрасли и специальности, а главным принципом подобного перехода от образования к труду является непрерывность как образовательной, так и профессиональной траекторий [11].

Здесь следует понимать, что подлинная ответственность специалиста заключается в обладании твердыми теоретическими знаниями и конкретным практическим опытом, что в совокупности определяет возможность и способность индивида к эффективной деятельности на производстве не только в рамках минимальных требований и задач, но и с перспективой на развитие и инновацию в трудовой деятельности. Однако сложность современной системы образования состоит в том, что обучение, основанное зачастую на абстрактных примерах, не дает необходимых прикладных знаний, что ведет к необходимости доучиваться или вовсе осваивать профессию заново, исходя из реалий трудового процесса. Недостаточность эффективной практики в образовательном процессе, безусловно, является одной из проблем образования, с одной стороны делая его менее эффективным, с другой – нанося определенные психологические травмы индивиду и способствуя негативному опыту, как в плане самой трудовой деятельности, так и в отношении образования в целом. Так, очевидным становится вопрос формирования особых методов и технологий в стандарте образования, а также необходимость организации образовательного процесса так, чтобы человек в период разных этапов получения образования мог по своему усмотрению выбирать образовательную траекторию и при этом, был максимально информирован о фактических требованиях специальности у работодателей, государства, в реальной жизни.

В современном обществе выпускники образовательных учреждений среднего звена имеют некоторую прагматичность в отношении к

дальнейшему образовательному процессу, связывая его с достижением материального благополучия. Однако при этом высшее образование для молодежи является прочной основой для последующего формирования как своей профессиональной компетентности, так и социального роста и обеспечения своих жизненных потребностей. Основными проблемами остаются недостаточность практического опыта работы и противоречия с работодателем в плане оценки собственной компетентности. Основным ориентиром в образовательной и трудовой деятельности у молодежи зачастую является потребность в социальном и материальном благополучии, при этом само профессиональное развитие отходит на второй план [12, с. 121].

При рассмотрении статистических данных опросов в молодежной среде и авторских исследований двух последних десятилетий явно

Литература:

1. *Белинская Д.В.* Формы партисипации молодежи в социокультурном пространстве / Д.В. Белинская // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 11 (115).
2. *Абрамов Р.Н.* Профессия после солидарности ... микросоциология профессий Э. Эббота / Р.Н. Абрамов; Под ред. В.А. Мансурова // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М., 2007. 65 с.
3. *Пахомова Е.В.* Институт образования как фактор формирования личности / Е.В. Пахомова // Альманах современной науки и образования. 2007. № 1. С. 186–188.
4. *Яковлева И.П.* Роль института образования в формировании регионального рынка труда (на примере Краснодарского края) / И.П. Яковлева, Е.В. Миронец // Образование и общество. Российское общество социологов; Институт социологии РАН; Академия труда и социальных отношений. М., 2009.
5. *Задонская И.А.* Инновационно-образовательная среда регионального классического университета / И.А. Задонская // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 10(90).
6. *Чудновская И.Н.* Агенты социально - коммуникативного воздействия на формирование образовательных стратегий нового поколения молодежи России / И.Н. Чудновская, М.Е. Липатова // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11(67). С. 50–58.
7. *Удальцова М.В.* Четыре среза занятости: ценности, мотивация, доходы, мобильность / М.В. Удальцова, Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина // СОЦИС. 2005.
8. *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М., 2012.

прослеживается мнение о том, что образование служит для россиян, преимущественно, инструментом успешного трудоустройства, построения карьеры, а также, собственного совершенствования как профессионала. В итоге мы можем констатировать, что современное высшее образование имеет значимую и все возрастающую роль в социализации молодежи. Ценность фундаментальных знаний особенно высока в условиях современной глобализации и информационной эпохи, что возводит социальный институт образования, и особенно высшее образование, на вершину социализационной пирамиды для молодежи. Наряду со значимостью образования, растет и количество его проблемных аспектов, что обусловлено высокими требованиями к образовательному процессу и самому институту образования, как со стороны государства, так и со стороны самой молодежи.

Literature:

1. *Belinskaya D.V.* Forms of youth participation in the socio-cultural space / D.V. Belinskaya // Bulletin of the Tambov University. Humanities series. Tambov, 2012. Iss. 11 (115).
2. *Abramov R.N.* Profession after solidarity ... E. Abbott's microsociology of professions / R.N. Abramov, ed. by V.A. Mansurov // Social dynamics and transformation of professional groups in modern society. M., 2007. 65 p.
3. *Pakhomova E.V.* Institute of Education as a factor of personality formation / E.V. Pakhomova // Almanac of Modern Science and Education. 2007. № 1. P. 186–188.
4. *Yakovleva I.P.* The role of the Institute of Education in the formation of the regional labor market (on the example of the Krasnodar Territory) / I.P. Yakovleva, E.V. Mironets // Education and society. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Academy of Labor and Social Relations. M., 2009.
5. *Zadonskaya I.A.* Innovation and educational environment of the regional Classical University / I.A. Zadonskaya // Bulletin of the Tambov University. Humanities series. Tambov, 2010. Iss. 10 (90).
6. *Chudnovskaya I.N.* Agents of social and communicative influence on the formation of educational strategies of the new generation of youth in Russia / I.N. Chudnovskaya, M.E. Lipatova // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2019. № 11(67). P. 50–58.
7. *Udal'tsova M.V.* Four slices of employment: values, motivation, income, mobility / M.V. Udaltsova, N.M. Volovskaya, L.K. Plyusnina. 2005.
8. *Cherednichenko G.A.* Educational trajectories and professional careers (based on the materials of sociological research of youth). Moscow, 2012.

9. Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. СПб., 2001. 21 с.

10. Терентьев К.Ю. Высшее образование в структуре образовательных и профессиональных стратегии современной молодежи / К.Ю. Терентьев // Научный электронный журнал: Непрерывное образование: XXI век. Вып. 2. 2014.

11. Зборовский Г.Е. Профессиональное образование и рынок труда / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Социологические исследования. 2003. № 4.

12. Экономика и общество: проблема социальной справедливости / Отв. ред. Ю.В. Веселов. СПб., 2012. 121 с.

9. When the time of choice comes (The aspirations of youth and the first steps after graduation from educational institutions) / Ed. by G.A. Cherednichenko. St. Petersburg, 2001. 21 p.

10. Terentyev K.Yu. Higher education in the structure of educational and professional strategies of modern youth / K.Yu. Terentyev // Scientific electronic journal: Continuous education: XXI century. Iss. 2. 2014.

11. Zborovsky G.E. Professional education and the labor market / G.E. Zborovsky, E.A. Shuklina. 2003. № 4.

12. Economy and society: the problem of social justice / Ed. by Yu.V. Veselov. SPb., 2012. 121 p.

Денисова Жанна Александровна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
Институт технологий управления,
МИРЭА – Российский
технологический университет
denisova@yandex.ru

Zhanna A. Denisova
Candidate of Sociological Sciences
Associate Professor
of the Department
of Organizational and Personnel work
in Government Bodies,
Institute of Management Technologies,
MIREA – Russian Technological University
denisova@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ КАДРОВЫХ РИСКОВ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

CLASSIFICATION OF PERSONNEL RISKS IN THE PERSONNEL MANAGEMENT OF THE STATE CIVIL SERVICE

Аннотация. В статье предложена классификация кадровых рисков в управлении персоналом государственной гражданской службы в зависимости от этапов управления персоналом и входящих в него процедур. Показано, что на этапах комплектования (формирования), использования, развития и высвобождения персонала государственной гражданской службы есть определенная вероятность проявления кадровых рисков, имеющих свою специфику, но обязательно оказывающих негативное воздействие на деятельность гражданских служащих и органа государственной власти.

Annotation. The article proposes a classification of personnel risks in personnel management of the civil service depending on the stages of personnel management and procedures included in it. It is shown that at the stages of recruitment (formation), use, development and release of civil service personnel, there is a certain probability of the manifestation of personnel risks, which have their own specifics, but necessarily have a negative impact on the activities of civil servants and public authorities.

Ключевые слова: кадровые риски, классификация кадровых рисков комплектования (формирования), использования, развития, высвобождения персонала государственной гражданской службы.

Keywords: personnel risks, classification of personnel risks of recruitment (formation), use, development, release of civil service personnel.

Кадровый риск в управлении персоналом государственной гражданской службы – «это вероятность неблагоприятного события, связанного с решениями, неправомерным поведением или бездействием персонала, влиянием внешней среды, и представляющего угрозу негативного воздействия на обеспечение государственными гражданскими служащими исполнения полномочий органа государственной власти по организации и регулированию общественных отношений, решению задач по реализации интересов личности, социальных общностей, государства и общества» [1, с. 95].

как технологии, процесса и системы [2, с. 139], [3, с. 59], [4, с. 98], [5, с. 229–231], [6, с. 83–84] [7], и может быть использован, на наш взгляд, в том числе, для классификации кадровых рисков в управлении персоналом государственной гражданской службы.

На наш взгляд, наиболее конструктивно классифицировать кадровые риски управления персоналом государственной гражданской службы в зависимости от этапа и входящих в него процедур и различать группы рисков, связанных с комплектованием (формированием), использованием, развитием и высвобождением персонала.

На любом этапе управления персоналом государственной гражданской службы есть определенная вероятность проявления кадровых рисков, имеющих свою специфику, но обязательно оказывающих негативное воздействие на деятельность служащих и органа власти:

Такой подход с различной степенью учета количества этапов и процедур применяется рядом отечественных ученых при исследовании кадровых рисков управления персоналом организаций

Кадровые риски комплектования персонала гражданской службы представляют собой угрозу формирования кадрового состава, количественные и качественные характеристики которого не соответствуют потребностям органа государственной власти.

Кадровые риски использования персонала гражданской службы, представляют собой угрозу недобросовестного выполнения персоналом своих должностных обязанностей, отсутствия ответственности и приверженности целям, задачам и в

целом предназначению органа власти в государственном управлении и обществе.

Кадровые риски развития персонала гражданской службы представляют собой угрозу формирования незаинтересованности гражданских служащих в профессиональном росте и освоении необходимых для выполнения полномочий органа государственной власти компетенций.

Кадровые риски высвобождения персонала гражданской службы представляют угрозу снижения

качества кадрового потенциала, проявления кадровых коррупций, разглашения государственной тайны, ухудшения имиджа органа государственной власти.

Каждая из этих групп представляет собой композицию кадровых рисков, связанных с соответствующими процедурами управления персоналом. Например, в процессе комплектования персонала вероятны кадровые риски подбора (привлечения), отбора, адаптации и формирования организационной культуры (табл. 1).

Таблица 1

Кадровые риски комплектования персонала государственной гражданской службы

Кадровые риски подбора персонала государственной гражданской службы
<p>Формирование некачественного состава претендентов на замещение вакантной должности, вызывающее дополнительные временные и денежные затраты на отбор.</p> <p>Вероятность преступных наклонностей и/или имевшихся проблем с правосудием у претендентов на замещение вакантной должности.</p> <p>Наличие у претендентов на замещение вакантной должности реализованных коррупционных возможностей в прежней профессиональной деятельности.</p> <p>Коррупционная мотивация у претендентов на замещение вакантной должности</p>
Кадровые риски отбора персонала государственной гражданской службы
<p>Отбор кандидатов, несоответствующих базовым и/или функциональным квалификационным требованиям к должности.</p> <p>Избыточная или недостаточная численность персонала гражданской службы.</p> <p>Фальсификация кандидатами своей квалификации, уровня профессионализма и стажа работы для повышения вероятности занятия должности.</p> <p>Отбор кандидатов, имеющих деструктивные, разрушительные и преступные установки.</p> <p>Обращение «отсеянных» кандидатов в суд с обвинениями нанимателя в дискриминации при отборе по профессиональным, национальным, гендерным и т.д. признакам.</p> <p>Несоответствие личных целей кандидатов целям деятельности органа власти.</p> <p>Кадровые коррупции и конфликт интересов, способствующих отбору кандидатов по личным пристрастиям, а не по профессиональной пригодности</p>
Кадровые риски адаптации персонала государственной гражданской службы
<p>Организационная дезадаптация (непонимание гражданским служащим своей роли и места в организационной структуре подразделения, в котором работает, и органа власти в целом).</p> <p>Профессиональная дезадаптация (дезориентация гражданского служащего в собственных должностных обязанностях, расхождение ожиданий и реальной работы, которую приходится выполнять).</p> <p>Психофизиологическая дезадаптация (большие интеллектуальные и психологические нагрузки, нарушение режимов труда и отдыха).</p> <p>Социально-психологическая дезадаптация (противоречие между предварительными позитивными представлениями государственного служащего о месте службы, коллективе и реальной ситуацией).</p> <p>Социально-экономическая дезадаптация (неудовлетворенность уровнем заработной платы, несоизмеримостью затрат и оплаты труда).</p> <p>Высокая текучесть персонала гражданской службы в течение испытательного срока или первого года работы.</p> <p>Снижение производительности и качества труда коллектива по вине новых работников</p>
Кадровые риски формирования организационной культуры
<p>Слабая организационная культура.</p> <p>Формирование субкультур и контркультур.</p> <p>Формирование неблагоприятного морально-психологического климата в коллективе</p>

При использовании персонала проявляются кадровые риски мотивации, аттестации и

поддержания организационной культуры (табл. 2).

Таблица 2

Кадровые риски использования персонала гражданской службы

Кадровые риски мотивации персонала гражданской службы
<p>Снижение производительности и качества труда.</p> <p>Нарушения служебной дисциплины.</p> <p>Халатное и безответственное отношение к выполнению должностных обязанностей при имитации бурной деятельности.</p> <p>Снижение качества предоставляемых государственных услуг.</p> <p>Неготовность персонала гражданской службы к работе в согласии с ценностями служения государству и обществу.</p> <p>Отсутствие приверженности гражданских служащих органу власти.</p> <p>Коррупционное поведение.</p> <p>Формирование эффекта профессионального «выгорания».</p> <p>Высокая текучесть персонала гражданской службы.</p> <p>«Старение» персонала гражданской службы</p>

Кадровые риски аттестации персонала гражданской службы
<p>Несоответствие показателей профессиональной деятельности гражданского служащего требованиям и стандартам его должности, вызванный формальной и субъективной оценкой.</p> <p>Неудовлетворенность персонала итогами аттестации, не отражающими реальные результаты деятельности гражданских служащих, их потенциал для развития, место и роль в обеспечении исполнения полномочий государственного органа.</p> <p>Демотивация персонала, вызванная отсутствием, задержкой или несоответствием результатам аттестации кадровых решений по перемещению персонала.</p> <p>Кадровые коррупции, проявляющиеся в разных стандартах оценки деятельности для «своих» и «чужих» гражданских служащих без учета их объективных профессиональных компетенций, результатов труда.</p> <p>Намеренное использование аттестации как инструмента кадровой коррупции с целью устранения неугодного служащего или замены его «нужным» человеком</p>
Кадровые риски поддержания организационной культуры
<p>Неблагоприятный морально-психологический климат в коллективе.</p> <p>Игнорирование персоналом гражданской службы ценностей организационной культуры органа власти.</p> <p>Нарушение персоналом гражданской службы норм профессиональной этики государственной службы.</p> <p>Несоблюдение персоналом гражданской службы норм, правил и традиций организационного поведения.</p> <p>Высокий уровень конфликтности в коллективе</p>

Развитие персонала как процесс, направленный на непрерывное обновление знаний, умений и навыков, улучшение возможностей персонала к занятию новых должностей и решению новых

задач, включает следующие компоненты: обучение, ротацию, управление карьерой, формирование и подготовку кадрового резерва, изменение организационной культуры (табл. 3).

Таблица 3

Кадровые риски развития персонала гражданской службы

Кадровые риски обучения персонала гражданской службы
<p>Несоответствие содержания образовательных программ подготовки, повышения квалификации и переподготовки персонала гражданской службы потребностям органа власти.</p> <p>Нецелевое использование времени государственных служащих и бюджетных средств, потраченных на обучение персонала.</p> <p>Низкая мотивация персонала гражданской службы к обучению и развитию.</p> <p>Неэффективное использование гражданскими служащими полученных знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности.</p> <p>Использование приобретенных гражданскими служащими знаний, умений и навыков в другом органе власти или организации</p>
Кадровые риски ротации персонала гражданской службы
<p>Возникновение конфликта интересов, то есть ситуации, при которой у субъекта управления, осуществляющего ротацию, и ротируемым государственным служащим, могут возникнуть или возникают противоречия, связанные с профессиональными или личными интересами.</p> <p>Кадровая коррупция, связанная с незаконным использованием должностными лицами, ответственными за ротацию, своих полномочий по перемещению государственных служащих, сопряженная с получением выгоды.</p> <p>Невыполнение государственных гарантий, предусмотренных гражданскому служащему в процессе ротации.</p> <p>Низкая мотивация гражданских служащих к участию в процедурах ротации кадров.</p> <p>Возникновение служебных, материальных, жилищных, социальных, бытовых, семейных и т.д. проблем у переведенного в порядке ротации гражданского служащего.</p> <p>Слабая адаптация гражданского служащего к новой должности</p>
Кадровые риски управления карьерой
<p>Низкий уровень профессионализма гражданских служащих на руководящих должностях органа государственной власти.</p> <p>Демотивация служащих к карьерному росту.</p> <p>Высокая текучесть кадров</p>
Кадровые риски формирования и подготовки кадрового резерва
<p>Несоответствующий потребностям органа власти качественный состав резерва, отобранных не по профессиональным и личностным качествам, а субъективным оценкам руководства.</p> <p>Неадекватная цели создания кадрового резерва мотивация кандидатов в кадровый резерв, обусловленная главным образом, мотивами карьерного роста и повышения материального благополучия.</p> <p>Избыточное количества резервистов, состав которых сформирован без учета кадровых потребностей и перспектив развития органа власти.</p> <p>Отсутствие активного интереса персонала государственной гражданской службы к формированию кадрового резерва.</p> <p>Формальное обучение гражданских служащих, входящих в кадровый резерв.</p> <p>Неудовлетворенность гражданских служащих, входящих в кадровый резерв задержкой или отсутствием карьерного роста, вызывающая конфликты и стрессы.</p> <p>Положительная реакция гражданских служащих, входящих в кадровый резерв, на «переманивание» в коммерческие структуры</p>
Кадровые риски изменения организационной культуры
<p>Сопrotивление персонала гражданской службы изменениям ценностей, норм и требований организационной культуры.</p> <p>Ухудшение социально-психологического климата</p>

Существенное влияние на вопросы безопасности и рисков ситуаций различных структур

оказывает высвобождение сотрудников, которые увольняются по различным причинам: по

инициативе администрации, по собственному желанию, в связи с объективными причинами (переезд, армия, болезнь, рождение ребенка и т.д.), массовые высвобождения (сокращения), выход на пенсию.

Процедура высвобождения гражданского служащего связана с прекращением службы, расторжением служебного контракта и прописана в статьях 33–41 Главы 6. «Основания и последствия

прекращения служебного контракта» № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8].

Рисковые ситуации высвобождения персонала гражданской службы связаны, прежде всего, с расторжением контракта и увольнением государственных служащих по инициативе представителя нанимателя (табл. 4).

Таблица 4

Кадровые риски высвобождения гражданских служащих по инициативе нанимателя.

Кадровая коррупция должностного лица, незаконно или неправомерно уволившего гражданского служащего, для замены его другим сотрудником с извлечением от этого личной выгоды
Увольнение сотрудника, обладающего высокой квалификацией и показывающего более высокие результаты деятельности, в сравнении с другим (и) работником (ами) при сокращении штатов органа власти
Обращение уволенного гражданского служащего в суд с целью доказательства незаконного его увольнения, восстановления на должности, компенсации материального и морального ущерба
Разглашение уволенным гражданским служащим сведений, отнесенных к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе и в коррупционных целях
Допущение уволенным гражданским служащим публичных высказываний, суждений и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещал должность гражданской службы
Ухудшение имиджа органа государственной власти как работодателя и структурной единицы государственного управления

При высвобождении гражданского служащего по собственной инициативе зачастую возникает риск увольнения востребованного высоко квалифицированного специалиста, обладающего необходимыми для выполнения полномочий органа власти знаниями, умениями и навыками. В этом случае, риски разглашения государственной тайны и негативные публичные высказывания также представляют угрозу деятельности и имиджу органа государственной власти.

Необходимо отметить, что процессы комплектования, использования, развития и высвобождения персонала не являются линейными, в зависимости от состояния внутренней и внешней среды они могут осуществляться параллельно, составляя непрерывный, повторяющийся цикл, опережать друг друга во времени. Соответственно, и риски реализуются в таком же порядке.

Предложенная классификация позволяет:

– Во-первых, выбрать предпочтительные подходы и методологию для планирования

Литература:

1. Казакова Н.Д. Кадровые риски в управлении персоналом государственной гражданской службы / Н.Д. Казакова, Ж.А. Денисова // Власть, 2019. № 2. С. 93–100.
2. Капустина Н.В. Риски управления персоналом / Н.В. Капустина // Экономика образования. 2008. № 4. С. 139–142.
3. Галешова Е.И. Кадровые риски в системе управления рисками современной организации /

деятельности по управлению кадровыми рисками.

– Во-вторых, четко идентифицировать кадровые риски, способные повлиять на деятельность органов власти и персонала гражданской службы, и документировать их характеристики.

– В-третьих, по результатам качественного анализа определить и описать причины и факторы, влияющие на уровень каждого вида кадрового риска, а по итогам количественной оценки ранжировать кадровые риски по степени их воздействия на деятельность органа власти и объемы непредвиденных затрат, и, соответственно, установить приоритетные направления управления рисками.

– В-четвертых, выбрать адекватные для устранения или минимизации кадровых рисков мероприятия и составить выполнимые планы их реализации. В-пятых, установить состоявшиеся, реализуемые и ожидаемые кадровые риски в процессе контроля и мониторинга.

Literature:

1. Kazakova N.D. Personnel risks in personnel management of the civil service / N.D. Kazakova, Zh.A. Denisova // Power, 2019. № 2. P. 93–100.
2. Kapustina N.V. Risks of personnel management / N.V. Kapustina // Economics of Education. 2008. № 4. P. 139–142.
3. Galeshova E.I. Personnel risks in the risk management system of a modern organization / E.I. Gale-

Е.И. Галешова // Вестник Полоцкого государственного университета. 2010. Серия D. С. 54–61.

4. Кузнецова Н.В. Управление кадровыми рисками современной организации / Н.В. Кузнецова // Вестник ЗабГУ. 2013. № 7. С. 94–100.

5. Митрофанова А.Е. Классификация кадровых рисков в системе управления персоналом организации / А.Е. Митрофанова // Вестник ГУУ. 2013. № 7. С. 228–232.

6. Борзунов А.А. К вопросу о сущности понятия «кадровый риск» / А.А. Борзунов // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 40. С. 80–85.

7. Пантелеева Т.А. Систематизация кадровых рисков в контексте их влияния на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов / Т.А. Пантелеева // Вестник евразийской науки. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-kadrovyyh-riskov-v-kontekste-ih-vliyanija-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-hozyaystvuyuschih-subektov> (дата обращения 05.04.2021).

8. Федеральный закон «О государственной гражданской службе» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (последняя редакция). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221593&fld=134&dst=100370,0&rnd=0.18699977798010936#0> (дата обращения 03.03.2021).

shova // Bulletin of Polotsk State University. 2010. Series D. P. 54–61.

4. Kuznetsova N.V. Human resource risk management in a modern organization / N.V. Kuznetsova // Bulletin of ZabGU. 2013. № 7. P. 94–100.

5. Mitrofanova A.E. Classification of personnel risks in the organization's personnel management system / A.E. Mitrofanova // Vestnik GUU. 2013. № 7. P. 228–232.

6. Borzunov A.A. On the question of the essence of the concept of «personnel risk» / A.A. Borzunov // Economics and modern management: theory and practice. 2014. № 40. P. 80–85.

7. Panteleeva T.A. Systematization of personnel risks in the context of their impact on the economic security of business entities / T.A. Panteleeva // Bulletin of Eurasian Science. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-kadrovyyh-riskov-v-kontekste-ih-vliyanija-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-hozyaystvuyuschih-subektov> (date of application 05.04.2021).

8. Federal Law «On State Civil Service» dated July 27, 2004 № 79-FZ (last edition). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221593&fld=134&dst=100370,0&rnd=0.18699977798010936#0> (date of application 03.03.2021).

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
Milena.555@mail.ru

Ишунин Владимир Андреевич
соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ «ВЛАСТЬ-ПРЕССА-ОБЩЕСТВО» В РОССИИ

Аннотация. Становление масс-медиа как механизма осуществления политической коммуникации было практически невозможно при ранее действующем в СССР режиме полного контроля за деятельностью СМИ. В статье рассматриваются особенности взаимодействия между государством, обществом и представителями СМИ в условиях демократического строя Российской Федерации. Авторами был проведен анализ структуры коммуникации власти и населения посредством медийных технологий.

Ключевые слова: масс-медиа, СМИ, государство, аудитория, влияние, политическая коммуникация.

С распадом СССР и изменением традиционного уклада жизни российских граждан в различных сферах общества произошли многочисленные процессы трансформации, реорганизации привычных моделей деятельности. То же самое можно сказать и о кардинальном изменении характерных черт российских средств массовой информации, которые приобрели новые форматы и типы, как деятельности, так и организации.

Первое, что нужно отметить, это становление масс-медиа как механизма осуществления политической коммуникации, которая была практически невозможна при ранее действующем режиме полного контроля за деятельностью СМИ. Следующая, не менее важная черта современных издательств, это активное создание собственной структуры ценностей и стандартов, правил профессионального поведения и целенаправленной политики деятельности, что в совокупности формирует совершенно уникальную корпоративную культуру современного журналиста. При рассмотрении второго процесса в развитии современных СМИ следует отметить, что представители издательств разрабатывают собственные норма-

Konstantin A. Zenin
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Nevinnomyssky State
Institute of Humanities and Technology
Milena.555@mail.ru

Vladimir A. Ishunin
Applicant,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
Milena.555@mail.ru

PECULIARITIES OF THE «POWER-PRESS-SOCIETY» STRUCTURE IN RUSSIA

Annotation. The formation of mass media as a mechanism for political communication was almost impossible under the former regime of full control over the media in the USSR. The article examines the features of interaction between the state, society and media representatives in the conditions of the democratic system of the Russian Federation. The article analyzes the structure of communication between the authorities and the population through media technologies.

Keywords: mass media, mass media, state, audience, influence, political communication.

тивные акты, которые имеют целью не только структурировать работу журнала или радио, но и обозначить вектор отношений как с обществом или аудиторией, так и с государственными органами. Однако существенным недостатком, который выделяется при анализе первой выделенной характерной черты, является недостаточно высокий уровень политической культуры граждан нашей страны, что не позволяет им выступать на политической арене как полноправным участникам процесса управления страной.

Российское медиапространство отличается противоречивым характером политической коммуникации. Усугубление данного момента ведёт не только к дисбалансу сил в правительственных структурах, но и к созданию напряжённого настроения в обществе, снижению доверия народа, как к СМИ, так и к государству, а также - дальнейшему снижению политической культуры страны.

Известный исследователь взаимовлияния государства, СМИ и народа, профессор В.Ф. Кузнецов, отмечает: «От степени развитости политической коммуникации в обществе зависит и степень

влияния различных источников информации (в том числе и СМИ) на формирование политических взглядов. Опора лишь на старый багаж политических технологий может привести к проигрышу в достижении намеченных социальных целей. Именно поэтому так необходимы творческая переработка накопленного опыта, формирование теоретических основ проектирования успешных интегрированных политических коммуникативных технологий, а также, взвешенная их практическая реализация. Кроме того, в процессе формирования действенного социального государства в России должен определиться такой механизм интегрированных политических коммуникаций, который обеспечит и его динамическую устойчивость, и стабильность российского общества как целого» [1].

Современное общество, как и на первоначальных этапах своего формирования, развития и функционирования, нуждается в осуществлении межлического общения. В нашем мире, в котором происходят различные массовые глобальные процессы, в том числе, и в социальной сфере, формируются новые модели коммуникации между людьми. Если раньше основными факторами преемственности поколений считались традиционные семья и церковь, то сейчас роль указанных социальных институтов, в большей степени, на себя берут информационные потоки и индустрия массовых развлечений.

СМИ в современном мире выполняют функции распространения информации к большому количеству людей. И информация эта имеет различный характер: от принятия нового закона до выпуска очередной серии популярного ситкома. Анализируя публикуемые влиятельными изданиями материалы, сравнивая и изучая наиболее востребованные в тот или иной промежуток времени темы для обсуждения, можно охарактеризовать исследуемое общество во всём его многообразии. Проследить изменение интересов народа, формы правления и экономических тенденций государства, увидеть отношения его народа к традиционным ценностям и современной поп-культуре. Таким образом, можно сделать вывод о том, что СМИ сейчас действительно являются средством сохранения преемственности между поколениями.

Любое современное государство обладает собственной спецификой построения отношений в схеме «власть-пресса-общество», обуславливающую политическую коммуникацию. История изучения данных взаимоотношений (от работ Ю. Хабермаса до современных исследований) изучает две основные модели:

1. Традиционная политическая коммуникация, при которой инициатором взаимоотношений выступает власть. Данный тип коммуникации зачастую не требует обратной связи от народа и использует СМИ как средство распространения властных решений политиков.

2. При альтернативной модели роль инициатора взаимоотношений берут на себя общественные объединения граждан. При таком типе

коммуникации обратная связь является обязательным элементом структуры, а СМИ обретают более весомое значение. Данная модель распространена в демократических странах.

Так как политическая коммуникация является частью информационно-коммуникативной системы политического процесса, можно указать, что её основной функцией является распространение информации, как по вертикали, так и по горизонтали. При этом субъектами её осуществления являются не только СМИ, но и представители партий, пресс-центры, группы и т.д. При недостаточном уровне развития политической коммуникации развивается нестабильность всей системы. Для России характерна вторая модель её осуществления, однако она до сих пор носит несколько нестабильный характер.

В современном развитом демократическом государстве активно действуют специализированные политические СМИ. Их главной целью является осуществление не пропагандистской, как может показаться на первый взгляд, а, в первую очередь, информационной функции. Данные организации действуют не в интересах партии или общественного объединения, а представляют собой относительно нейтральные структуры, аудиторией которых является весь народ суверенного государства. Такие СМИ являются независимыми от государственного аппарата управления, партий или оппозиционно настроенных сил. Они имеют признаки некоммерческого юридического лица. Материалом для таких изданий служат проблемные вопросы и дискуссии на их счёт, при этом мнение самого издания может не совпадать с общей позицией или политикой органов власти.

Разберём место граждан (или аудитории) в схеме «власть-пресса-общество». Много критериев влияют на то, какая роль будет отведена гражданам в вопросах осуществления политической коммуникации:

– от интеллектуального уровня и заинтересованности, развития политической культуры;

– доступа к информационным потокам не только своей страны, но и всей мировой индустрии журналистики;

– менталитета и желания принимать участие в политической жизни своего государства.

От активности аудитории зависят способы работы СМИ, которые заинтересованы в получении обратной связи. При качественном её осуществлении СМИ становятся инструментом в руках народа по управлению политическими решениями, что позволяет формировать нормально действующее гражданское общество.

СМИ, благодаря специфике своей деятельности, имеют огромное влияние на массовое сознание. Они регулируют то, как информация подаётся, в каком размере, как эмоционально окрашена и другие не менее важные вопросы, влияющие на отношение аудитории к различным вопросам. Не редки случаи, когда профессиональный журналист своими материалами настраивал зрителей на определённый лад.

С научно-техническим прогрессом СМИ получили возможность использовать в своей деятельности интерактивность, которая характерна для эфирной журналистики. Масс-медиа России активно задействуют её при проведении телевизионных программ, как для новостных сегментов, так и в развлекательном жанре. Привлечение живой аудитории позволяет зрителям почувствовать себя частью происходящего на экране, что даёт возможность для оказания различных эффектов влияния.

Как известно, находясь в рамках жёсткой конкуренции, СМИ вынуждены бороться за свою аудиторию с представителями других издательств. В связи с этим, одной из угроз для журналистов является стремление угодить вкусам потребителей и часто бывает, что СМИ, в буквальном смысле, «скатывается» на уровень так называемой «жёлтой прессы». Начинается соревнование за обладание сенсационными новостями, качество материала стремительно снижается и на первый план выходит эмоциональная окраска события, а не его фактический анализ. Данным процессом активно пользуются представители экономического сегмента общества и политики, используя влияние СМИ на общество для продвижения своих товаров или идей. Уже сейчас можно заметить, как серьёзные телепрограммы, посвящённые анализу и дискуссиям по поводу актуальных политических событий, превращается в цирк и балаган.

Яркий пример приводит в своей работе В.И. Захарова: «Общемировая тенденция упрощения подачи новостей присуща и российским СМИ. В условиях эпатажного освещения событий продюсеры радиоканала «Дождь», скандального проекта «Дом 2», пытались удержать рейтинги, учитывая, прежде всего, эмоциональный фактор влияния на аудиторию. Однако, по результатам эксперимента, можно сделать выводы о том, что внедрение, так называемой, теории 5 С (секс, скандал, страх, смерть, слезы и т.д.), присущей американской журналистике, оказалось также эффективным и для российского теле-пространства» [2].

Делая прогноз по поводу будущих тенденций развития СМИ как некоего связующего звена между властью и обществом, можно сделать вывод о необходимости более тщательного изучения потребностей и интересов новых поколений. По различным оценкам, в будущем зрители всё меньше будут интересоваться политикой, поэтому, чтобы сохранить нормально действующий аппарат политической коммуникации, российским журналистам следует привлекать внимание зрителей к данному вопросу.

Литература:

1. Кузнецов В.Ф. Интегрированные политические коммуникации в процессе формирования социального государства в современной России / В.Ф. Кузнецов // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 6.

Это важно для сохранения баланса в информационной удовлетворённости общества. Благодаря этому, развиваются демократические институты и социальные факторы обеспечения нормальной жизни общества, ведь в таком случае, человек получает возможность влиять на политические решения государственных органов власти. Этим и обуславливается стремление СМИ к независимости и свободе слова, а жителей России к получению доступа к различным источникам информации. В свою очередь, государству выгодно поддерживать доброжелательные отношения с журналистами благодаря уже описанному выше их влиянию на общественное мнение.

Современный потребитель находится в двух противоречивых состояниях. С одной стороны – на его сознание оказывает давление «информационный шум», который провоцирует стресс и угнетение способностей мозга к усваиванию информации. С другой стороны – «информационная проблема», заключающаяся в постоянном поиске знаний и выражающаяся в информационных запросах. Такой поиск является подсознательным и обуславливает способность человека к саморазвитию. Поэтому попытки некоторых государственных деятелей создать вокруг народа информационный «вакуум» (в условиях демократического государства и научно-технического прогресса) могут усугубить существующие государственные проблемы. Возникают предпосылки роста недоверия властью, желания изменить политический режим, недоверия политическим лидерам.

В любом обществе отношения между властью и средствами массовой информации складываются непросто. Существуют объективные причины для определенных коллизий и конфликтов, поскольку интересы сторон часто не совпадают, если не противоречат друг другу. Средства массовой информации, прежде всего, ориентируются на интересы общества, а не власти, поэтому уже в этом заложены элементы их оппозиционности к институтам. В демократическом правовом обществе общественное одобрение или общественное порицание имеют большое значение не только для рядового гражданина, но, прежде всего, для представителя любой властной ветви, поскольку он, этот представитель, находится на службе у общества, чувствует ответственность перед ним и стремится в его глазах всегда иметь положительный имидж. В этом смысле, СМИ мощный медиатор отношений между государством и гражданским обществом. СМИ не только контролируют власть и делают ее прозрачной для общественной реакции, но и ставят перед властью неудобные вопросы, артикулируя тем самым настроения населения.

Literature:

1. Kuznetsov V.F. Integrated political communications in the process of forming a social state in modern Russia / V.F. Kuznetsov // *Social Sciences and Modernity*. 2002. № 4. P. 6.

2. Захарова В.И. Средства массовой информации как медиатор между властью и обществом / В.И. Захарова // Коммуникология. 2014. № 6. С. 5.

2. *Zakharova V.I.* Media as a mediator between government and society / V.I. Zakharova // *Communicology*. 2014. № 6. P. 5.

Казибекова Наида Аликулиевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Джалалова Татьяна Шейхонна

кандидат экономических наук,
генеральный директор,
ООО «Эскулап-М»
naida_econom@mail.ru

Акавова Гозель Касымовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической географии,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Агасиева Магрифа Нугутдиновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

**Роль государственного
регулирувания в развитии
туризма в регионе**

Аннотация. Туристическая отрасль является одной из наиболее бурно развивающихся отраслей экономики многих стран мира, которые используют свои преимущества, такие как, природно-рекреационные, географические, экологические, инфраструктурные и иные для привлечения туристов. В статье авторы анализируют состояние региональной туристической отрасли и отмечают роль государственного регулирования развития туризма. При этом отмечается, что оптимальное сочетание механизмов государственного регулирования и свободной конкуренции в сфере туристского рынка Дагестана возможно лишь на основе четкого разграничения управленческих функций между нынешними основными владельцами фондов туризма в республике.

Ключевые слова: туристическая отрасль, государственное регулирование, туристская инфраструктура, дома отдыха.

Туристическая отрасль является одной из наиболее бурно развивающихся отраслей

Naida A. Kazibekova

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Tatyana Sh. Dzhalalova

Candidate of Economic Sciences,
General Director,
LLC «Aesculap-M»
naida_econom@mail.ru

Gozel K. Akavova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Geography,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Magrifa N. Agasieva

Candidate of Economic Sciences,
Associate
Professor of the Department
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

**THE ROLE OF STATE REGULATION
IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM
IN THE REGION**

Annotation. The tourism industry is one of the fastest growing industries in many economies in the world, which use its advantages, such as natural and recreational, geographical, environmental, infrastructure and others to attract tourists. In the article, the authors analyze the state of the regional tourism industry, and note the role of state regulation of tourism development. At the same time, it is noted that the optimal combination of mechanisms of state regulation and free competition in the field of the tourist market of Dagestan is possible only on the basis of a clear division of managerial functions between the current main owners of tourism funds in the republic.

Keywords: tourism industry, state regulation, tourist infrastructure, holiday homes.

экономики многих стран мира, которые используют свои преимущества, такие как, природно-

рекреационные, географические, экологические, инфраструктурные и иные для привлечения туристов.

Перед российской и региональной туристической отраслью стоит глобальная задача создания современного, рентабельного и конкурентоспособного комплекса, который удовлетворял потребности в туристических услугах отечественных и зарубежных туристов. Справиться с этой задачей возможно лишь при проведении определенной государственной политики в области туризма, при государственной поддержке и содействии развития туристических организаций, обустройству туристической инфраструктуры, принятию программ развития отрасли.

Одним из перспективных направлений в активизации государственного регулирования развития сферы туристско-рекреационных услуг стало бы принятие закона о включении расходов на санаторно-курортное лечение в себестоимость выпускаемой продукции промышленных, сельскохозяйственных и других отраслей, что дало бы возможность работодателям законным путем больше средств расходовать на оздоровление своих работников. Подобное решение стало бы выгодным с одной стороны самим работникам, а с другой стороны, санаториям, базам отдыха и здравницам, которые получили бы клиентов для отдыха и оздоровления не только в летний сезон, а круглый год. Тем более, что в связи с сокращением ставки единого социального налога у работодателей будет оставаться больше свободных средств.

Управление рыночной моделью с элементами государственного регулирования развития туризма на федеральном и региональном уровнях в современных условиях осуществляется через два основных механизма:

– во-первых, через рыночное саморегулирование путем достижения равновесия спроса и предложения;

– во-вторых, через введение определенных механизмов государственного управления и координации.

Причем, во втором случае речь идет как о государственном регулировании, так и о самоорганизации хозяйствующих субъектов через создание туристских объединений и ассоциаций.

Основное назначение государственного регулирования развития туризма в Республике Дагестан нам видится в разумном сочетании элементов этих двух механизмов, так как современное экономическое положение страны и Дагестана делает невозможным в обозримом будущем бюджетное финансирование строительства крупных гостиничных комплексов, домов отдыха и других объектов туристской инфраструктуры. В этих условиях основным источником инвестиций в туризм становятся внебюджетные средства – прибыль, остающаяся в распоряжении предприятий и организаций, а также – средства внебюджетных фондов республиканских министерств и ведомств. При этом следует принимать во

внимание хорошо известные в мировой практике источники инвестирования сферы туризма – это гранты, создаваемые государством; госзаймы, получаемые специально под конкретные туристские проекты; займы от международных финансовых институтов; программы помощи экономическому развитию от международных организаций и финансовых институтов, а также частные финансовые вложения.

На сегодняшний день Республика Дагестан обладает уникальными природными и рекреационными ресурсами, памятниками истории и культуры, значительным потенциалом для развития туризма, санаторного и курортного лечения. Туристов привлекают в основном г. Дербент (крепость Нарын-Кала, Джума мечеть), отдых на пляжах, с. Кубачи, с. Унцукуль и другие достопримечательности [2]. Огромный интерес у туристов имеют новые перспективные направления по маршрутам Сулакский каньон, рыбное хозяйство «Главрыба», Гуниб – Чох – Гамсутль, Хунзах – Ирганайское водохранилище – водопад Тобот и др.

По данным Министерства по туризму и народным художественным промыслам РД, в 2020 году Дагестан посетили более 840 тыс. туристов, в 2021 году ожидается рост притока на 20–30 %, который может превысить 1 млн человек [3].

Однако в региональной туристической отрасли имеются определенные проблемы, связанные с многоукладностью форм собственности, требующие серьезного осмысления и принятия решений. В ходе проведенной в стране приватизации из-за нерегулируемой продажи государственной собственности в туристической сфере, новые собственники оказались не в состоянии обеспечить приток инвестиций в отрасль, что привело к обветшанию имеющейся материальной базы, к нехватке средств на реконструкцию и строительство новых объектов, что, в свою очередь, затормозило развитие туристической отрасли [1].

Оптимальное сочетание механизмов государственного регулирования и свободной конкуренции в сфере туристского рынка Дагестана возможно лишь на основе четкого разграничения управленческих функций между нынешними основными владельцами фондов туризма в республике – Министерством по туризму и народным художественным промыслам РД, Министерством по имущественным и земельным отношениям и Федерацией профсоюзов РД. Очевидно, что укреплению существующей тенденции формирования ассоциаций владельцев (частных, коллективных и ведомственных) разнообразных домов отдыха и здравниц, специализирующихся на приеме отдыхающих, должны способствовать организационные структуры государственного регулирования. Ими, в первую очередь, являются Министерство по имущественным и земельным отношениям и Федерация профсоюзов РД, располагающие в настоящее время крупными долями фондов въездного туризма, особенно в приморской части республики.

Общественно-политическая и экономическая ситуация в Дагестане диктует новые требования к

республиканской концепции развития туризма и массового оздоровительного отдыха. Необходимо все большая ориентация системы обслуживания туристов, как на местное население, так на гостей, у которых достаточно высокие потребности как в обычном туристском, так и в оздоровительном отдыхе на республиканских курортах. В Дагестане сейчас проживает свыше 3,1 млн человек, большинство из которых отдыхают на Родине, не выезжая за пределы республики. К тому же, в условиях международных санкций, сокращению реальных доходов населения российские

курорты, в том числе, и дагестанские, стали более привлекательными для россиян.

Учитывая это обстоятельство, есть смысл стимулировать строительство в республике малых рекреационных учреждений (баз отдыха) с расчетом, прежде всего, на недорогие услуги туризма. Причем, ближе к городам целесообразно возводить объекты для отдыхающих со средним достатком. В удалении от городов выгодно строительство крупных домов отдыха и здравниц с сервисом более высокого уровня.

Литература:

1. *Алиев М.А.* Организационно-экономический механизм развития рынка туристских услуг : монография / М.А. Алиев, Т.Ш. Джалалова. Санкт-Петербург, 2008. С.48–49.
2. *Казибекова Н.А.* Создание бренда туристического центра / Н.А. Казибекова, И.М. Казибеков, Р.М. Гаджиабдулаев // Европейский журнал социальных наук. 2018. № 4.
3. URL : <http://dagtourism.com/news/item/2341>

Literature:

1. *Aliev M.A.* Organizational and economic mechanism of development of the tourist services market : monograph / M.A. Aliev, T.Sh. Dzhahalova. Saint-Petersburg, 2008. P. 48–49.
2. *Kazibekova N.A.* Creating a brand of a tourist center / N.A. Kazibekova, I.M. Kazibekov, R.M. Gadji-abdulaev // European Journal of Social Sciences. 2018. № 4.
3. URL : <http://dagtourism.com/news/item/2341>

Каспаров Аскер Робертович
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
mr.kasparov.01@mail.ru

Акчурин Ильдар Сабирович
заместитель начальника ОМВД России
по Красногвардейскому району,
начальник Полиции МВД
по Республике Адыгея,
подполковник полиции
mr.kasparov.01@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОЛИЦЕЙСКИХ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье отмечается, что в условиях глубоких социальных трансформаций российского общества происходит активное реформирование полиции. В этой ситуации на передний план выходит профессиональная этика российских полицейских, которая позволяет преодолеть многие дезорганизационные аспекты в работе полиции, добиться добровольного, осознанного следования сотрудниками в своей деятельности не только требованиям норм права, но и морали. Социология стремится посредством, прежде всего эмпирических исследований, провести всесторонне описание профессиональной этики российских полицейских на современном этапе, определить основные тенденции ее динамики.

Ключевые слова: общество, социальный институт, реформа, полиция, профессиональная этика, морально-нравственные принципы, социологический анализ.

В условиях реформирования МВД России важное значение приобретают различные факторы, связанные с духовной жизнью общества. В частности, в последние годы все большее внимание уделяется профессионально-этическим аспектам деятельности сотрудников полиции. Научная и социально-управленческая мысль все больше солидаризируются в том, что в трансформирующемся российском обществе XXI в. устоявшиеся алгоритмы реагирования на различные реформируемые аспекты деятельности полиции, вряд ли, возможны. Соответственно, основной задачей социологической науки становится анализ характеристик происходящих процессов и выработка рекомендаций для государственного управления.

Asker R. Kasparov
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
mr.kasparov.01@mail.ru

Ildar S. Akchurin
Deputy Head of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Krasnogvardeisky district,
Chief of Police of the Ministry
of Internal Affairs in the Republic of Adygea,
Police Lieutenant Colonel
mr.kasparov.01@mail.ru

PROFESSIONAL ETHICS OF POLICE OFFICERS AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. The article notes that in the conditions of deep social transformations of the Russian society, the police are actively being reformed. In this situation, the professional ethics of Russian police officers comes to the fore, which makes it possible to overcome many disorganizing aspects in the work of the police, to achieve voluntary, conscious compliance by employees in their activities not only with the requirements of law, but also morality. Sociology seeks, first of all, through empirical research, to carry out a comprehensive description of the professional ethics of Russian police officers at the present stage, to determine the main trends in its dynamics.

Keywords: society, social institution, reform, police, professional ethics, moral principles, sociological analysis.

Следует обратить внимание на то, что морально-этические аспекты правоохранительной деятельности, важное место в которой принадлежит полиции, весьма сложно регулируются посредством нормативно-правовых установлений, потому что этика связана с духовной жизнью общества, а право, в большей мере – с социально-политической сферой – во всяком случае, с позитивным правом, устанавливаемым государством и поддерживаемым силой его принуждения. Именно поэтому усилия государства и его правовой системы для формирования морально-этического облика полицейских недостаточно. В данной ситуации должны быть задействованы и альтернативные механизмы, инструменты, способные формировать и поддерживать морально-этичес-

кие стандарты, эталоны в работе полицейских. Очевидно, что центральную роль здесь играет такой фактор макросреды, как духовная культура общества, формирующая, в свою очередь, духовный облик личности в процессе ее социализации, воспитания, инкультурации. В случае стабильно функционирующего института духовной культуры морально-этический облик сотрудников полиции, в целом, обеспечивается. Напротив, при возникающих дисфункциях института духовной культуры (в современном российском обществе, столкнувшемся с экспансией массовой культуры потребления Запада, сложилось именно такая ситуация) важное значение имеют и иные аспекты.

Рассуждая о профессиональной этике, следует отметить, что, в данном случае, речь идет о широком диапазоне воздействий на личность со стороны социокультурной системы, непосредственно связанных с особенностями духовной жизни того или иного общества на определенном историческом этапе его развития. Именно поэтому профессиональную этику, с объективной научной точки зрения, было бы некорректно рассматривать как обособленный, полностью самостоятельный элемент социокультурного бытия.

Немаловажное значение в современных условиях трансформирующегося общества имеет и тот широкий социальный контекст, в рамках которого существует профессиональная этика, развивается, совершенствуется, модернизируется. Социальная действительность дифференцируется на множество пластов, связанных, в том числе, и с социально-профессиональными слоями, группами. Этот аспект также важно учитывать при анализе особенностей профессиональной этики.

Рассмотрение профессиональной этики полицейских предполагает учет уникальных особенностей данного социально-профессионального и социокультурного образования. Очевидно, что показатели профессиональной этики по ряду критериев сходны во всех трудовых, производственных, служебных коллективах; в то же время, именно у сотрудников полиции, вследствие особых условий их службы, формируется уникальная профессиональная этика, что стало предметом исследования ученых – представителей различных общественных наук.

Важную роль в процессе формирования профессиональной этики, в том числе, и сотрудников полиции, играет институт образования. Л.В. Елагина отмечает: «В условиях кардинальных изменений, происходящих в социокультурных, социально-экономических отношениях мире и в нашей стране в условиях глобализации и информатизации общества, перед профессиональным образованием стоит задача повышения его качества, предполагающая, в результате, высокий уровень культуры профессиональной деятельности выпускников учебных заведений системы МВД, соответствие их профессионализма требованиям постиндустриального общества, готовность к самообразованию и самосовершенствованию» [3].

А.М. Николаевская обращает внимание на феномен профессиональной морали. Как полагает

исследователь: «Профессиональная мораль представляет собой вид духовно-практического освоения действительности, отграниченного рамками творческой профессиональной деятельности и, имеющего своим смыслом, регуляцию взаимоотношений участников трудового процесса с точки зрения утверждения гуманистического назначения профессиональной деятельности, общечеловеческих нравственных ценностей. Глубинный смысл профессиональной морали заключается в социально-чувствительном отношении личности к ожиданиям и запросам общества, предъявляемым к ней как к представителю определенной профессиональной общности» [6, с. 6].

Одной из важнейших проблем становления профессиональной этики, по мнению А.М. Николаевской, является поиск специфических сочетаний профессиональных и этических элементов, которые бы максимально «сотрудничали» между собой. Наличествует некий набор (система) нравственных качеств, составляющих социальность индивида, идущих от общества в качестве своего рода социально-исторического заказа и образующих этику профессионала любой из «этичных» профессий. Но есть качества социально-нравственного свойства, которые «идут», в решающей мере, именно от профессии. Эти качества специфичны уже в том, что они в полной мере выражают уникальность, особенность данной профессиональной сферы и только для данной профессии имеют заверченный характер [6, с. 9].

Таким образом, этика, так или иначе, сопровождает множество профессий, «пронизывает» их. Взаимосвязь профессий с этическими принципами позволяет достичь определенного социокультурного фундамента в профессиональной деятельности, институционализировать ее. Не является здесь исключением и профессиональная этика полицейских.

Исследователи обращают внимание на ключевую роль профессиональной этики в создании образа полиции в общественном мнении россиян. Как отмечается, «современный российский полицейский должен быть профессионально компетентным, обладать знанием социальных проблем общества, быть приверженцем идеи демократических свобод, прав человека и гражданина, соблюдать нормы служебного поведения и профессиональной этики» [2].

По мнению Н.В. Ерошенкова и Е.И. Ерошенковой: «В правоохранительной деятельности имеют особо ценное, специальное значение нормы справедливости, беспристрастности, долга, ответственности, нетерпимости к злу и борьбы с ним и др. Есть нормы и узкопрофессиональные, представленные:

а) нормами служебного этикета при обращении к гражданам, обращении граждан к сотруднику, при приеме населения, общении с гражданами, общении с коллегами, с начальником, при телефонных переговорах и др.;

б) профессионально-деонтологическими нормами, регламентирующими действия и поступки

сотрудников ОВД. Перечисленные нормы отражены в служебных документах – уставах, положениях, наставлениях, директивах, инструкциях и т.п.» [4].

Для социологической науки, особенно её эмпирической составляющей, важное значение имеет разработка системы непротиворечивых индикаторов (признаков), позволяющих объективно оценить уровень профессиональной этики сотрудников полиции. Объясняется это тем, что нормативно-правовые (формализованные) индикаторы во многих случаях оказываются неприменимыми ввиду более тонкой, «чувствительной» системы оценок, а неформальные индикаторы далеко не всегда оказываются валидными проблемной ситуации.

Как полагает И.П. Исаевой: «Главными критериями оценивания этики полицейского является профессиональный долг и честь сотрудников ОВД, моральная ценность их профессиональной деятельности. Нравственный долг любого сотрудника всей системы правоохранительной деятельности – это уважение человеческого достоинства и справедливого отношения к человеку. Непременным условием законности его деятельности является четкое усвоение требований нравственности при решении вопроса о применении тех или иных действий» [5].

Социологический анализ профессиональной этики российских полицейских должен и учитывать и комплекс факторов, влияющих на формирование и последующее развитие профессионально-этических принципов. Следует отметить, что профессиональная этика сотрудников полиции формируется посредством воздействия широкого комплекса факторов. Здесь важную роль играют как факторы внешней, так и внутренней социальной среды. Кроме того, в различных странах, под влиянием разнообразных национальных культур, профессиональная этика сотрудников полиции может существенно образом меняться. Сказываются и социально-политические особенности общества, прежде всего, тот политический режим, который господствует и оказывает непосредственное влияние на морально-нравственный облик полицейских. Именно поэтому анализ профессиональной этики сотрудников полиции должен учитывать социально-исторический, социально-политический и социокультурный контекст, в котором эта этика существует.

В свою очередь, Е.А. Вызулин убежден в том, что профессионально-этическая культура сотрудников правоохранительных органов формируется под влиянием ряда факторов:

– внешних (государственной политики; степени усвоения ценностей; специфики социально-профессиональных отношений; отдельных аспектов социальной стратификации общества; идеологии; степени развития научного знания и его отражение в системе образования);

– внутренних (социального и культурного пространства профессии, что создает определенные ограничения или возможности; специфику

отношений со смежными узкими специальностями; отдельных аспектов информационно-коммуникативной деятельности профессионалов; индивидуального профессионального опыта);

– субъективных (общей культуры; мотивации личности к получению дополнительного профессионального образования; склонности к социальной практике по специальности);

– объективных (общих тенденций образования; состояние системы образования и качества образования; культуры образовательной организации; престижа профессии в обществе) [1].

Таким образом, профессиональная этика сотрудников российской полиции имеет глубокие социокультурные основы. Этика – элемент духовного бытия социума. В силу тесной взаимосвязи этики и духовной культуры, в том числе, и различных элементов этики, связанных с деятельностью людей, групп, классов, социальных и профессиональных организаций. Именно этика непосредственно связана с господствующей в социуме моралью. Именно поэтому профессиональная этика российских полицейских тесным образом взаимосвязана с:

1) общей этикой общества;

2) обусловлена конкретными социально-профессиональными особенностями (применительно к сотрудникам полиции: закрытость, экстремальный, стрессовый характер труда, жесткая формализация взаимоотношений, глубокое взаимопроникновение норм права и морали в процессе несения службы).

Профессионально-этические требования к российским полицейским, и в этом проявляется их несомненная уникальность, охватывают широкий временной промежуток, в который, помимо служебного (рабочего) времени, входит и неслужебное. Следовательно, сложность социального статуса полицейского проявляется в том, что, в отличие от представителей других профессий, полицейский обязан и в свободное от работы время соответствовать высоким морально-этическим нормам. Безусловно, не все сотрудники полиции морально и физически готовы к такой высокой ответственности, чем и объясняются, время от времени возникающие девиации в их поведении. Исследователи, зачастую, связывают проблемы девиаций в поведении полицейских с нарушениями при отборе кандидатов, в психологической работе с ними и т.п. Вместе с тем, сама специфика службы, ее условия также способствуют обострению данной проблемы.

В этой связи, очевидно, что социологический анализ профессиональной этики российских полицейских обладает несомненными сильными сторонами. Прежде всего, в отличие от психологии, именно социологическая наука способна осуществлять масштабные количественные проекты, охватывающие одновременно множество субъектов РФ, где несут службу полицейские, и предоставлять статистически значимую репрезентативную информацию о специфике профес-

сиональной этики – как, в общем контексте, так и в региональном аспекте. В то же время, именно социология обладает широкими возможностями анализа морально-этического облика полицейских посредством качественных методик и техник, что позволяет не только осуществлять всестороннее описание этих социокультурных элементов, но и получать верифицированную картину с применением количественных методов. И,

Литература:

1. *Вызулин Е.А.* Компоненты модели и факторы формирования профессионально-этической культуры сотрудников полиции в условиях дополнительного профессионального образования / Е.А. Вызулин // Прикладная юридическая педагогика: от теории к практике. Н. Новгород, 2017. С. 20–24.
2. *Гордиенко В.В.* Полицейская этика: научно-правовой и исторический аспект / В.В. Гордиенко, Л.М. Колодкин, Д.К. Нечевин // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3. С. 3–12.
3. *Елагина Л.В.* Формирование культуры профессиональной деятельности будущего специалиста на основе компетентностного подхода: методология, теория, практика : дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2009.
4. *Ерошенко Н.В.* Сущность и специфика профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России / Н.В. Ерошенко, Е.И. Ерошенко // Научные ведомости. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 24. С. 134–140.
5. *Исаева И.П.* Полицейская этика и служебный этикет сотрудника полиции в XXI в. / И.П. Исаева // Наука и образование сегодня. 2019. № 6.
6. *Николаевская А.М.* Проблемы формирования профессиональной морали молодого специалиста: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Харьков, 1992.

наконец, именно в социологической науке всесторонне разработана соответствующая методология анализа – для этих целей служат отраслевые «социология культуры» и «социология духовной жизни». Именно поэтому актуальность и перспективность социологического изучения профессиональной этики российских полицейских как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, не вызывает сомнений.

Literature:

1. *Vyzulin E.A.* Components of the model and factors of formation of professional and ethical culture of police officers in the conditions of additional professional education / E.A. Vyzulin // Applied legal pedagogy: from theory to practice. N. Novgorod, 2017. P. 20–24.
2. *Gordienko V.V.* Police ethics: scientific, legal and historical aspect / V.V. Gordienko, L.M. Kolodkin, D.K. Nechevin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3. P. 3–12.
3. *Elagina L.V.* Formation of the culture of professional activity of the future specialist on the basis of the competence approach: methodology, theory, practice : dis. ... doctor of pedagogical sciences. Chelyabinsk, 2009.
4. *Eroshenkov N.V.* The essence and specificity of professional morality of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / N.V. Eroshenkov, E.I. Eroshenkova // Humanities Series. 2015. № 24. P. 134–140.
5. *Isaeva I.P.* Police ethics and service etiquette of a police officer in the XXI century. 2019. № 6.
6. *Nikolaevskaya A.M.* Problems of formation of professional morals of a young specialist: sociological analysis : dis. ... cand. of social sciences. Kharkiv, 1992.

Кильдюшева Ольга Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
истории государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саранск
kaf_prav@mail.ru

Olga A. Kildyusheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy,
Central Volga Institute (branch)
of All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia), Saransk
kaf_prav@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СРЕДНЕМ КЛАССЕ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
И ИСЧИСЛЕНИЯ**

**ON THE ISSUE OF THE MIDDLE CLASS
IN RUSSIAN SOCIETY: PROBLEMS
OF DEFINITION AND NUMBER**

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальному для современной отечественной социологии вопросу определения понятия среднего класса и его численности. На основе работ отечественных и зарубежных исследователей в статье рассматриваются исторические аспекты возникновения понятия среднего класса и его понимания. Особое внимание уделяется изучению подходов к определению среднего класса и критериев его отграничения. Опираясь на имеющиеся по данной тематике результаты исследований, а также свойства современного среднего класса, автор указывает на невозможность в современных условиях выработки единого подхода к пониманию среднего класса и его количественного определения.

Annotation. This article is devoted to the question of defining the concept of the middle class and its number, which is relevant for modern Russian sociology. Based on the work of domestic and foreign researchers, the article examines the historical aspects of the emergence of the concept of the middle class and its understanding. Particular attention was paid to the study of approaches to the definition of the middle class and the criteria for its delimitation. Based on the research results available on this topic, as well as the properties of the modern middle class, the author points out that it is impossible in today's conditions to develop a unified approach to understanding the middle class and its quantitative definition.

Ключевые слова: социальная стратификация, средний класс, социальная структура, общественные процессы, классовый статус, классовая ситуация, профессиональный статус, имущественный статус, материальное благосостояние, уровень душевого дохода, самоидентификация, индекс развития человеческого потенциала.

Keywords: social stratification, middle class, social structure, general processes, class status, class situation, class status, property status, material well-being, per capita income, self-identification, human development index.

Понятие среднего класса является ключевым в теории социальной стратификации и одновременно одним из самых неоднозначных. Его содержание известно всем как слоя, занимающего положение между высшим и низшим классами, или между богатыми и бедными. Однако это понятие весьма дискуссионное, поскольку остаются открытыми вопросы о численности среднего класса, его отграничении от других классов, его собственной структуры и т.д.

отмечалось его базисное значение для государства: «Лишь средний класс для города опора; он законам покорствуеет и власти» [1, с. 56].

Почему же столь широко употребляемое понятие хранит в себе большое количество проблемных аспектов? Но самый главный вопрос – «Что не позволяет поставить точку в однозначном толковании этого термина?»

Несмотря на столь раннее историческое возникновение научное изучение среднего класса началось лишь в XIX в. До этого существовали лишь обыденные представления о данном явлении. Так, в Новое время средний класс имел широкую трактовку: к нему относились те, кто могли обеспечить себе пищу и проживание.

Понятие «средний класс» появилось еще в эпоху Античности (Еврипид, Аристотель), и уже тогда

Развитию научного знания о среднем классе способствовали развивающиеся идеи социализма и всеобщий интерес к влиянию экономики на общественные процессы. Теория конфликта К. Маркса позволила по-иному взглянуть на всю структуру общества. Согласно этой теории все общественные отношения сводятся к борьбе за ресурсы,

имеющиеся в природе в ограниченном количестве (пища, земля, богатство и власть), что дает начало трем классам общества: наемные рабочие, капиталисты и собственники земли. На ряду с основными тремя классами имели место множество промежуточных слоев, создаваемых разделением общественного труда: групп чиновников и людей умственного труда, квази-классовых образований крестьян, ремесленников и лавочников, классовых фрагментов люмпен-пролетариата и др. Однако ввиду развития капитализма, классовой борьбы и концентрации средств производства, промежуточные классы находятся в постоянном движении и склонны к полярности, то есть классовые образования постоянно разводятся по двум основным полюсам. Этими полюсами выступают капиталисты и наёмные рабочие. Маркс считал, что только этим двум полярным классам открыта возможность создать новый социальный порядок, поскольку промежуточные классы не обладают ни инициативой, ни историческим динамизмом [2, с. 457–458]. Потому как таковой средний класс представляет лишь промежуточный этап между этими полярностями, и вскоре из-за действующих сил экономики исчезнет.

Дальнейшее развитие идей о среднем классе, уже более детализировано содержится в трудах М. Вебера, который подчеркивал, что для всех представителей среднего класса присущи: классовый статус, материальный достаток, условия жизни и удовлетворенность ими. Основными характеристиками среднего класса для Вебера является: владение собственностью или профессиональный капитал. Они могут рассматриваться как в совокупности, так и независимо друг от друга. Однако употребление понятия «средний класс» к идеям Вебера несколько условно, поскольку он не определяет средний класс как четко обозначенную часть общества, для него средний класс – это «классовая ситуация» для совершения экономических действий (приобретение товара, получение доходов). При этом М. Вебер подчеркивает неоднородность среднего класса, выделяя «низший» и «высший» средний класс. К низшему относят крестьян, ремесленников и мелких торговцев, к высшему – специалистов, чиновников, интеллектуалов, администраторов. Но, в отличие от К. Маркса, средний класс, по Веберу, в будущем должен увеличиваться количественно и качественно за счет бюрократии, значимой для функционирования рыночного общества [3; 4].

Современные научные исследования берут начало с 1967 года, с работы П. Блау и О. Данке «Структурная занятость в Америке» [5]. Новым витком в рассмотрении среднего класса, благодаря этому труду, явилось выделение не только количества собственности, но и профессиональный статус или престижность профессии. Несмотря на то, что этот признак не является ключевым сейчас, он предложил несколько иное понимание среднего класса и оказал влияние на возможность освобождения от предрассудков и социальной оценки источника дохода.

В настоящее время европейская, американская и российская социология единодушно относят к основному критерию выделения среднего класса

размер располагаемых материальных благ, т.е. имущественный статус и уровень доходов. Такая перемена связана с иной системой распределения общественных благ, позволяющей разбогатеть быстрее.

При попытке отграничения среднего класса от других классов неизбежно возникает ряд практических вопросов, которые либо вовсе опускаются учеными при анализе данной темы, либо в теории не находят четко сформулированного подхода. В последнем случае рассмотрим подходы к определению среднего класса.

Объективный подход. Включает в себя две подкатегории, охватывающие разные, но в то же время идентичные усредненные критерии.

Первая основывается на уровне материального благосостояния. Ее критериями являются уровень душевого дохода, наличие дорогостоящего имущества и возможность приобретения платных социальных услуг. Вместе с тем, рассмотрение уровня душевого дохода в качестве единственного экономического критерия представляется не столь эффективным, чем рассмотрение его в совокупности с покупательной способностью и динамикой цен.

Вторая подкатегория – ресурсная. В ней кроме статистических экономических показателей, акцентируется внимание на рассмотрении типа и структуры капитала человека (в редких случаях), профессиональных прослоек. Так, основатель подхода Э. Гидденс, предложил деление среднего класса на «старый средний класс» (мелкие предприниматели) и «новый средний класс» (наемные работники, занятые интеллектуальным трудом, имеющие соответствующий уровень дохода). Старый средний класс значительно сокращается в количественном отношении, а новый средний класс – увеличивается. Вместе с тем новый средний класс также не однороден, а включает высший слой – менеджеров и высококвалифицированных специалистов и низший класс – учителя, врачи, офисные служащие.

Следует отметить, что проецируя в совокупности эти 2 подхода на российские реалии, можно утверждать, что первый подход будет более «объективным». В странах Европы прослеживается взаимосвязь между уровнем образования (квалификации) и средним классом, для России это не так. Врачи, учителя и ученые принадлежат даже к низшему уровню среднего класса, кроме отдельных их представителей. В основном, он увеличивается за счет служащих властных структур.

Субъективный подход отходит от статистических данных, беря за основу личностно-психологическое отождествление человека себя с средним классом. Среди необходимых черт обычно выделяют ощущение стабильности, возможность путешествовать и наличие постоянного и легального дохода. В этом подходе прослеживается четкая взаимосвязь социологии и психологии. Вместе с тем, личные ощущения людей часто коррелируют с данными статистики.

Смешанный или комбинированный подход. Включает все вышеперечисленные подходы, особое значение отдавая образованию, имущественно-доходным характеристикам и в меньшей степени берется во внимание самоидентификация индивида. Наименьшее значение самоидентификации в данном подходе можно объяснить наличием у людей разных структур личности и разными акцентуациями, в силу которых они могут иметь искаженное представление относительного уровня своего достатка. Потому акцент смещается больше в сторону научности и объективности, но отчасти все же учитывая личное отношение граждан к своему материальному положению. Также увеличение значения самоидентификации индивида может выявить недостоверность официальных статистических данных, которые порой могут завышаться для демонстрации мировому сообществу более лучшей финансовой ситуации.

Использование объективного и субъективного подхода представляется оправданным в том смысле, что рассматривая средний класс сквозь призму «объективности», мы имеем представление об эталонном его состоянии, применяя субъективный – культурные, исторические особенности конкретного социума и получаем данные приближенные к реальности. Потому применение комбинированного подхода представляется наиболее целесообразным.

Перечисляя имеющиеся подходы к разграничению и определению среднего класса отчасти затрагиваются основные его признаки, поскольку каждый из подходов берет за основу один из них:

1. Наличие стабильного дохода, стабильной работы, вследствие чего имеет место экономическая независимость. У представителей среднего класса достаточно располагаемого дохода, чтобы позволить себе незначительные предметы роскоши, такие как отпуск или рестораны, но они также полагаются на займы для приобретения дорогостоящих вещей, таких как дома и автомобили.
2. Наличие профессии, требующей специального образования.
3. Определенная система ценностей, окружение, разделяющее ценности трудолюбия и поощряющее профессиональное и личностное развитие, что позволяет себя идентифицировать с такой социальной группой, как средний класс.

В чем же заключается заинтересованность государства в развитом среднем классе, о котором говорили еще в Античности? Чем больше по численности средний класс, тем меньше граждан, находящихся за чертой бедности. Недостаток денег на предметы первой необходимости и отсутствие стабильности часто являются основой для криминальных явлений: хищения чужого имущества, неуплата налогов, незаинтересованность в результатах труда. Развитые страны стремятся к тому, чтобы класс общества, который заинтересован в поддержании и укреплении своего положения, составлял более половины всего населения государства. Это гарантирует действующей

власти стабильность в политической сфере через готовность электората голосовать за правительство, которое создало для населения условия, в которых возможно реализовать имеющийся человеческий потенциал.

Для продолжения аналогии необходимо привести еще один критерий деления общества на группы – индекс развития человеческого потенциала, разработанный в последнее десятилетие XX в. экономистами во главе с Махбубом Уль-Хаком на основании трудов Амартии Сена. Он отражает сравнительный анализ уровня жизни стран и их регионов, беря за основу уровень жизни, грамотность, образование и долголетие населения. Градация стран по данному критерию находит корреляцию со списком стран с развитым средним классом. Страны с развитым средним классом имеют высокий индекс человеческого развития. Здесь прослеживается взаимовыгодное сотрудничество государства и населения: государство предоставляет все необходимые условия и ресурсы, а население в свою очередь использует эти ресурсы, создает развитую стабильность и реализует свой потенциал.

В рамках рыночной экономики средний класс – это структура необходимая и максимально поощряемая в рамках развитого общества, что, конечно, идет в разрез с идеями марксистов, рассмотренных ранее. Но вместе с тем их воззрения отчасти совпадают с нашей действительностью, особенно это прослеживается в периоды кризиса и экономической нестабильности. В такой ситуации одни слои общества становятся богаче, другие же, отнесенные ранее к среднему классу оказываются за чертой бедности. Наблюдается своеобразная социальная мобильность. Именно это утверждение является почвой для представлений марксизма о спорном положении среднего класса. Оставаясь на одном уровне, средний класс никогда не постоянен и в нем происходят преобразования и миграция. Движение возможно как вверх, так и вниз.

В рамках субъективного подхода ключевым критерием было наличие стабильного дохода, что ставится под угрозу в периоды кризиса. Средний класс потому является как самой базовой и устойчивой структурой, так и самой нестабильной. Особенно четко это прослеживается в период пандемии коронавирусной инфекции. Нельзя утверждать, что большая часть среднего класса поменяла потребительские стандарты, многие сохранили привычное потребление благодаря «подушке безопасности», но впервые за долгие годы большой процент среднего класса перешел сразу в бедность.

Обращаясь к данным различных исследований и статистическим показателям сложность рассматриваемых вопросов увеличивается. Численность среднего класса в России с использованием различных методик (Организации экономического сотрудничества и развития, Всемирного банка, группы ученых во главе с Н.Е. Тихоновой и др.) варьируется от 7 % до 70 %. Очевидным остается тот факт, что все исследования отмечают уменьшение численности среднего класса. При этом на

тенденцию поляризации населения по уровню доходов ученые активно указывают последние 10 лет. Подобный процесс характерен не только для среднего класса России. Так, Джесси Икс и Фан и Хуа Зан пришли к выводу о том, «что размер американского среднего класса определенно сокращался в период с 1988 по 2015 год» [6]. К аналогичным выводам пришли и ученые из Германии Г. Бош, Т. Калина из Университета Дуйсбург-Эссен в статье «Разрушение немецкого среднего класса» [7].

Таким образом, средний класс, представляя промежуточное положение, остается объектом научных дискуссий. В настоящее время выделено большое количество критериев и признаков для отграничений среднего класса, но наиболее эффективным выступает комплексный подход к анализу ситуации, с основным акцентом на финансовом критерии. Остальные признаки могут служить вспомогательными элементами для изучения каждой отдельно взятой ситуации. Рассмотрение престижности профессии как критерия отграничения среднего класса не представляется целе-

сообразным. Он эффективен лишь для выделения определенных групп в самом среднем классе. Это позволит избежать категоричного и искусственного сокращения среднего класса, поскольку в наше быстро изменяющееся время стало возможным иметь достаток, позволяющий отнести тебя к среднему классу, не имея при этом специального образования или престижной профессии. Подобное стало возможным благодаря социальной ориентированности большого количества государств и возникновению новых профессий. Самоидентификация индивида поможет выявить недостоверность официальных статистических данных, которые порой могут завышаться для демонстрации мировому сообществу лучшей финансовой ситуации. Потому из-за динамичности общественных процессов, экономики в целом, в настоящее время не представляется возможным поставить точку в анализе среднего класса. Не вызывает сомнений только углубление социальной дифференциации, нарастание социального неравенства и процесс сокращения численности среднего класса.

Литература:

1. Еврипид. Трагедии : в 2 т. Литературные памятники. М. : Наука, Ладомир, 1999. Т. 1. 644 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. С. 907. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 907 с.
3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социол. исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
5. Blau P. & Duncan O. The American Occupational Structure. With the Collaboration of A. Tyree. New-York, London, Sydney, J. Wiley & Sons, Inc. 1967. XVII. 520 p.
6. Fan J.X., Zan H. The Decline of the American Middle Class: Evidence from the Consumer Expenditure Surveys 1988–2015. J Fam Econ. 2020. Iss. 41, 187–199. URL : <https://doi.org/10.1007/s10834-019-09651-1>
7. Bosch G. The Erosion of the German Middle Class / G. Bosch, Th. Kalina // Intereconomics. 2016. Vol. 51. Number 2. P. 73–77.

Literature:

1. Euripides. Tragedies : in 2 vol. Literary Monuments. M. : Science, Ladomir, 1999. Vol. 1. 644 p.
2. Marx K. Capital. Criticism of political economy. Vol. I. Book 1. Capital Production Process / K. Marx, F. Engels. Soch. 2nd ed. Vol. 23. P. 907. M. : State Publishing House of Political Literature, 1960. 907 p.
3. Weber M. Selected works / M. Weber; Translation from German; Compiler, general edition and after-care of Yu.N. Davydov; Preface by P.P. Gaidenko. M. : Progress, 1990. 808 p.
4. Weber M. Basic concepts of stratification / M. Weber // Sociol. research. 1994. № 5. P. 147–156.
5. Blau P. & Duncan O. The American Occupational Structure. With the Collaboration of A. Tyree. New-York, London, Sydney, J. Wiley & Sons, Inc. 1967. XVII. 520 p.
6. Fan J.X., Zan H. The Decline of the American Middle Class: Evidence from the Consumer Expenditure Surveys 1988–2015. J Fam Econ. 2020. Iss. 41, 187–199. URL : <https://doi.org/10.1007/s10834-019-09651-1>
7. Bosch G. The Erosion of the German Middle Class / G. Bosch, Th. Kalina // Intereconomics. 2016. Vol. 51. Number 2. P. 73–77.

Ковалева Анна Владимировна
кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
lagrima777@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Семья является одним из самых устойчивых институтов, индикатором благосостояния и стабильности общества. Большое внимание к ней объясняется ее основополагающей ролью в формировании личности человека и как следствие формирование будущего общества. Проблема внутрисемейных отношений всегда была и остается актуальной. В последнее время наблюдается усиление деструктивных процессов, связанных с институтом семьи, одной из причин которого является ухудшение социально-экономических условий в стране, в частности плохое обеспечение социальными услугами, ухудшающееся материальное положение, потеря работы. В контексте современных социально-экономических условий все больше становится неблагополучных семей с открытой и скрытой формой неблагополучия, с нарушением структуры отношений членов семьи и воспитания. В данной статье автором рассмотрены некоторые аспекты, связанные с проблемными семьями в современном российском обществе.

Ключевые слова: проблемная семья, общество, зрелая семья, неблагополучная семья, форма неблагополучия, аморальные семьи, конфликтные семьи.

Семья является одним из самых устойчивых институтов, индикатором благосостояния и стабильности общества, с ее помощью создаются необходимые условия для жизнедеятельности человека. Большая часть людей считают семью основой своего личного счастья, свое благополучие, гармонию и стабильность связывают именно с семьей. В современном российском обществе, отмечается потеря устойчивости многих социальных институтов, утрата ими некоторых функций, затронули эти изменения и российские семьи, испытывающие различные трудности в силу естественных преобразований в жизни общества.

В современном обществе происходит усиление деструктивных процессов, связанных с институтом семьи. В частности, больше половины браков распадаются, дети рождаются и растут в неполных семьях, множество пар живут в режиме «сожительства», распространены ранние беременности, алкоголизм и т.д. Причинами таких

Anna V. Kovaleva
Candidate of Sociological Sciences,
Department of Social Work
and Psychology,
Pacific State University
lagrima777@yandex.ru

PROBLEM FAMILIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. The family is one of the most stable institutions, an indicator of the well-being and stability of society. Much attention to it is explained by its fundamental role in the formation of a person's personality and, as a result, the formation of the future society. The problem of intra-family relations has always been and remains relevant. Recently, there has been an increase in destructive processes associated with the institution of the family, one of the reasons for which is the deterioration of socio-economic conditions in the country, in particular, poor provision of social services, deteriorating financial situation, and job loss. In the context of modern socio-economic conditions, there are more and more dysfunctional families with an open and hidden form of disadvantage, with a violation of the structure of relations between family members and upbringing. In this article, the author considers some aspects related to problem families in modern Russian society.

Keywords: problem family, society, mature family, dysfunctional family, form of disadvantage, immoral families, conflict families.

процессов можно назвать снижение внутрисемейных связей, ухудшение материального положения, связанное, прежде всего, с потерей работы по независящим от граждан причинам (пандемия коронавирусной инфекции), для большинства российских семей основной целью становится выживание в сложившихся условиях.

С точки зрения В. Сатир семьи можно разделить на два типа: зрелую и проблемную. Зрелая семья, по мнению В. Сатир, это место, где человек может получить положительные эмоции, поддержку, отдых, в ней есть логические действия, открытость и простота, близкие стараются помочь, любят и уважают друг друга. Проблемная семья иначе может быть названа как: деструктивная, неблагополучная, семья группа риска, негармоничная, дисфункциональная и т.д.

Проблемная семья не в состоянии выполнять свою главную функцию по воспитанию и

развитию морально здорового человека она не может удовлетворить такие потребности своих членов как: чувство безопасности, поддержку, ощущение тепла, своей значимости. Некоторые специалисты в отношении рассматриваемого типа семьи используют термин «дисфункциональные семьи». С. Минухин выделил несколько особенностей, характерных для проблемной семьи [5]:

- наличие в семье проблем отрицается;
- в отношениях ощущается недостаток интимности;
- сложившаяся в течение долгого времени неприязнь/ненависть членов семьи друг к другу или к отдельному члену семьи;
- мотиватором поведения является чувство вины и стыда;
- редкое проявление юмора в семье, нет открытых искренних разговоров, конфликты проходят в скрытой форме;
- ригидность семейных ролей;
- забота друг о друге не развита или слабо проявлена, уровень общения членов семьи находится на низком уровне;
- во имя семьи, в ее жертву бросаются потребности отдельных членов семьи.

Проблемной называют семьи, в которых нарушена структура отношений членов семьи, воспитания, нормы принципов и морали потеряли свою ценность и не выполняют основополагающих функций. Можно выделить два типа рассматриваемых семей: со скрытой формой неблагополучия и с открытой.

Открытая форма неблагополучия проблемной семьи выражается в наличии фактов морального и физического насилия, наркотической или алкогольной зависимости, фактов криминала. Если в открытой форме неблагополучия проблемной семьи в современном российском обществе налицо проблемы, возникающие внутри семьи, то в скрытой форме в семье на первый взгляд царит покой, гармония и благополучие, однако реальное поведение родителей далеко от принятых в обществе моральных и социальных норм. Следствием воспитания детей в неблагополучной семье становится развитие чаще всего аморальной личности, имеющей дефекты в воспитании и серьезные психологические проблемы.

Рассматривая каждую отдельно взятую семью, необходимо оценивать ее гражданский статус, с позиции типа супружества, наличия детей, состояния здоровья членов семьи, их психологического состояния. В современном российском обществе можно выделить несколько типов проблемных семей:

1. Аморальные семьи. Поведение членов семьи такого типа далеки от нравственных и моральных норм поведения, принятых в обществе. Частое

явление здесь наличие у родителей алкогольной или наркотической зависимости, связи с криминалом. Дети, воспитанные в таких семьях с раннего детства имеют негативные привычки, и, что самое главное, считают это нормой поведения, зачастую состоят на учете в полиции.

2. Деструктивные семьи. Здесь характерно повышение в семье уровня агрессии и тирании, взаимодействие членов семьи находится на низком уровне. В конфликтных семьях часто один из родителей (преимущественно отец) является абьюзером, который своим поведением морально и физически может унижать и ущемлять права других членов семьи. Следствием подобного воспитания является развитие неустойчивых морально личностей, асоциальных, аморальных, всю обиду и злость эти «жертвы» вымещают на окружающих их людей.

3. Некомпетентные семьи в педагогическом плане. В таких семьях заметно проявление повышенной или пониженной опеки, моральной ответственности, стыда, эмоциональное отвержение, причиной чему служат родительская некомпетентность, низкие знания в области психологии и педагогики. В таких семьях опека родителей над детьми либо гипертрофирована, либо заметно ее отсутствие, задачи, выставляемые перед детьми, часто носят нереальный к исполнению характер. В результате ребенок вырастает с заниженной самооценкой, замкнутый и неуверенный.

Проблемные семьи со скрытой формой проявления неблагополучия можно определить по ориентации на успех любой ценой, повышенной подозрительностью к окружению; ценность поддержки, заботы и т.д. сведена к нулю.

В виду того, что само понятие «проблемность» достаточно сложное, имеющее разные аспекты, можно выделить несколько видов проблемных семей: семьи, в которых есть инвалиды, неполные семьи и семьи, имеющие психологические проблемы. Рассматривая такие категории семей как семьи группы риска, неблагополучные семьи, становится понятно, что данные категории не имеют четких границ. Семьи, наделенные одними и теми же факторами, могут быть отнесены в разные социальные категории. Важно точно распознавать главные решающие факторы, влияющие на дестабилизацию семейного благополучия, а также определять сопутствующие обстоятельства, фазы развития семейной ситуации и т.п. В результате на основе комплекса данных можно делать индуктивное заключение о семейной ситуации и подбирать оптимальные методы работы с данной семьей.

В современном российском обществе отмечается тенденция роста неполных семей, рождений ребенка вне брака, вследствие чего ухудшается социализация ребенка, снижается стабильность семей. Остро стоит вопрос материального достатка, увеличивается расслоение по имущественному признаку. В тех семьях, где материальный достаток находится на низком уровне, многие базовые потребности не реализуются.

Статистика утверждает, что семьи, имеющие детей – наименее обеспеченная часть населения страны, самостоятельный доступ к различным услугам становится менее доступен из-за резкого увеличения цен на рынке услуг. Вседозволенность, пропаганда ложных ценностей, неблагоприятный психологический климат, социально-экономический кризис может привести к тому, что семья перестанет, в конечном счете, быть защитой человека от общественных кризисов, потеряет свою ценность, вырастет беспризорность, увеличится преступность и количество проблемных семей.

Литература:

1. *Аверина А.И.* Эволюция социальных институтов «семья» и «брак» / А.И. Аверина // *E-Scio*. 2020. № 7(46). С. 605–609.
2. *Горшкова В.В.* Исследование особенностей семейных отношений в период пандемического кризиса / В.В. Горшкова // *Инновационная наука*. 2020. № 6. С. 174–175.
3. *Лунева Е.В.* Институт семьи: тенденции трансформации в современных Российских условиях / Е.В. Лунева, Д.П. Кивелев, О.Н. Брызгалова // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2019. № 2(42). С. 72–77.
4. *Махнач А.В.* Тенденции в изучении семьи и характеристик состава, связанных с ее жизнеспособностью / А.В. Махнач // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2019. № 2. С. 37–50.
5. *Минухин С.* Технологии семейной терапии / С. Минухин, Ч. Фишман. М., 1998.
6. *Сатир В.* Психотерапия семьи. СПб. : Ювента, 1999. 284 с.
7. *Polyushkevich O.A.* Family history as social practice / O.A. Polyushkevich // *Sociology*. 2019. № 3. P. 88–92.
8. *Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. Chicago : Aldene Pab, 1969. 269 p. Direct text.
9. *Jackson J.* Gender Differences in Marital Satisfaction: A Meta-analysis / J. Jackson, R. Miller, M. Oka, R. Henry // *Journal of Marriage and Family*. 2014. P. 76; P. 105–129.

Понимание природы и источников появления неблагополучия семьи дает возможность определить направления укрепления и развития института семьи, сохранения и восстановления традиционных семейных ценностей, улучшения положения семей с несовершеннолетними детьми, повышения уровня семейного благополучия, улучшения демографической ситуации в стране, разрешения проблемы социального сиротства. Важно вовремя и верно диагностировать имеющиеся в семье предпосылки к деформирующим процессам. Главным в остановке дестабилизационного процесса и повороте его вспять является своевременная помощь семье.

Literature:

1. *Averina A.I.* Evolution of social institutions «family» and «marriage» / A.I. Averina. 2020. № 7(46). P. 605–609.
2. *Gorshkova V.V.* Study of features of modern relations during the pandemic crisis / V.V. Gorshkova // *Innovative science*. 2020. № 6. P. 174–175.
3. *Luneva E.V.* Institute of the Family: transformation trends in modern Russian conditions / E.V. Luneva, D.P. Kivelev, O.N. Bryzgalova // *Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University*. 2019. № 2(42). P. 72–77.
4. *Makhnach A.V.* Trends in the study of the family and the characteristics of the composition associated with its viability / A.V. Makhnach // *Bulletin of the RSUH. Series «Psychology. Pedagogy. Education»*. 2019. № 2. P. 37–50.
5. *Minukhin S.* Technologies of family therapy / S. Minukhin, Ch. Fishman. M., 1998.
6. *Satyr V.* Family psychotherapy. SPb. : Juventa, 1999. 284 p.
7. *Polyushkevich O.A.* Family history as a social practice / O.A. Polyushkevich // *Sotsiologiya*. 2019. № 3. P. 88–92.
8. *Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. Chicago : Aldene Pab, 1969. 269 p. Direct text.
9. *Jackson J.* Gender Differences in Marital Satisfaction: A Meta-analysis / J. Jackson, R. Miller, M. Oka, R. Henry // *Journal of Marriage and Family*. 2014. P. 76; P. 105–129.

Козлов Владимир Геннадьевич
аспирант,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
nashlt@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Аннотация. Оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) лежит в основе государственного регулирования практически во всех странах мира. В процессе ОРВ оцениваются все позитивные и негативные допустимые и возможные эффекты и результаты в ходе реализации предлагаемых инициатив. В данной статье проводится анализ проблем и сложностей проведения оценки регулирующего воздействия ОРВ в нашей стране как на федеральном, так и на региональном уровнях. Автором определяются критерии лучших практик проведения ОРВ для разработки направлений развития правового регулирования осуществления ОРВ, предлагаются векторы развития правового регулирования исследуемого вопроса.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, проблемы, лучшие практики, результативность.

Оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) лежит в основе государственного регулирования практически во всех странах мира. В процессе ОРВ оцениваются все позитивные и негативные допустимые и возможные эффекты и результаты в ходе реализации предлагаемых инициатив.

Цель ОРВ – рост качественного государственного регулирования, снижение отрицательных воздействий на экономику и иные отрасли хозяйств в результате принимаемых проектов нормативных правовых актов. Ее результативность определяется критериями, содержание и количество которых менялись на всем протяжении истории проведения ОРВ.

Как указывает В.В. Злобин, сегодня критериями лучших практик ОРВ в регионах наличие альтернативных вариантов достижения цели в проектах, проведение «качественных» публичных консультаций, открытость процедуры ОРВ и ее результатов (публичность), применение дифференцированного подхода в зависимости от значимости проектов актов, а также использование

Vladimir G. Kozlov
Postgraduate Student,
Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
nashlt@gmail.com

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT PROBLEMS: FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

Annotation. Regulatory impact assessment (more – PRS) is at the heart of government regulation in almost all countries of the world. The ODS process assesses all positive and negative allowable and possible effects and results in the implementation of proposed initiatives. This article analyzes the problems and difficulties of conducting a regulatory impact assessment; analyzes the difficulties of RIA in different historical periods in our country both at the federal and regional levels; defines the criteria for the best practices of RIA for developing directions for the development of legal regulation of the implementation of RIA; suggests the vectors of development of legal regulation of the issue under study.

Keywords: regulatory impact assessment, problems, best practices, effectiveness.

количественных методов при оценке регулирующего воздействия [3].

Однако достижение цели ОРВ всегда затруднялось определенными проблемами (сложностями) как на федеральном, так и на региональном уровне.

Так, по мнению В.В. Колегова, основными проблемами проведения ОРВ в период становления этого института в нашей стране, явились недостаточный уровень представлений об ОРВ и опыта в осуществлении исследуемой процедуры, сопряженной с отсутствием убеждения в ее целесообразности значимости [4]. Усугублялась ситуация сложившимся менталитетом и представлениями о принятии управленческих решений, его инерционным и принудительном характере. Кроме того, в стране отсутствовала политическая конкуренция, способная нести значимое воздействие на руководящие слои власти и лоббирование собственных интересов.

Следует отметить, что для периода становления ОРВ в России указанные проблемы были

характерны как для федерального, так и для регионального уровня.

По мнению С.А. Кочетковой, для процедуры ОРВ на федеральном уровне ввиду специфики ее проведения в нашей стране (проводится в отношении проекта нормативно-правового акта на этапе его согласования) характерны две проблемы [5]. Так, существуют сложности с жесткими сроками проведения оценки, что не позволяет более глубоко и детально рассмотреть суть решения проблемы, и имеется ограниченность времени проведения публичных консультаций. По мнению этого ученого, на региональном уровне процедура ОРВ затруднена пробелами в нормативно-правовом закреплении института ОРВ, несистематичности проведения ОРВ, отсутствием институтов ОРВ на муниципальном уровне, недостаточным взаимодействием с представителями бизнес-сообществ.

А.А. Волошинская к региональным проблемам ОРВ также относит формальность ее осуществления или полное отсутствие ее использования при принятии нормативно-правового регулирования, а также необеспеченность инфраструктурными ресурсами [2].

В регионах не осуществляется комплексный и обоснованный анализ последствий правового регулирования, а также, не оцениваются должным образом все альтернативные варианты государственных решений. Именно такое мнение было высказано Т.В. Радченко [6].

В ходе проведенного в 2015 году опроса среди регионов об эффективности инструмента ОРВ для целей государственной политики и о некоторых проблемах его внедрения было выявлено [7]:

Отсутствие четко определенной предметной области ОРВ.

1. Для устранения проблемы предлагается, во-первых, сузить предметную область, во-вторых, предоставить регионам право самостоятельно уточнять (толковать) предметную область с учетом приоритетов экономической политики, определяемых субъектом Российской Федерации, а также особенностями экономики региона, в-третьих, распространить применение ОРВ на проекты актов, которые готовят депутаты.

2. Наличие проблем с локализацией предметной области.

Для устранения проблемы предлагается:

– определить сферы, в отношении которых ОРВ не должна проводиться;

– предусмотреть механизм с установленными критериями, который позволял бы исключать из процедуры ОРВ отдельные проекты актов, которые лишь по формальным признакам относятся к предметной области ОРВ;

– упростить процедуру ОРВ для проектов, связанных с приведением региональных НПА в соответствие с документами федерального уровня;

3. Низкая заинтересованность бизнес-сообщества в участии в оценке и разобщенность экспертного сообщества.

Для устранения проблемы предлагается внесение в соглашения о взаимодействии, заключаемые Минэкономразвития России с общественными организациями предпринимателей, представителями экспертного сообщества, пунктов об их участии в проведении ОРВ на региональном уровне.

Также, существуют ряд других проблем, связанных с процедурой ОРВ. Для минимизации негативных эффектов предлагается внести ряд изменений в региональное законодательство:

1) сделать опционной возможность проведения процедуры публичных консультаций по обсуждению идеи (концепции) предлагаемого правового регулирования;

2) закрепить в нормативных документах взаимосвязь содержания отчета об ОРВ и степени регулирующего воздействия (в ряде случаев степень воздействия вообще не определяется);

3) формировать основания для привлечения уполномоченного по защите прав предпринимателей к участию в процедуре ОРВ;

4) закрепить в регламентирующих документах рабочие дни вместо календарных;

5) расширить основания для проведения оценок выгод и издержек для большего числа групп - для бизнеса, для региона, для граждан.

Кроме того, для устранения проблемы предлагается внести ряд изменений в федеральное законодательство. В том числе:

1) локализовать предметную область;

2) закрепить в федеральном законодательстве за субъектами РФ полномочия в части методического обеспечения проведения ОРВ органами местного самоуправления;

3) закрепить статус заключения об ОРВ (необходимость и (или) возможность его учета при доработке проекта акта).

Анализ практики проведения ОРВ в регионах следует указать на типовые ошибки, допускаемые органами, осуществляющими ОРВ и экспертизу:

– уведомление о проведении публичных консультаций, свод предложений, сводный отчет, пояснительная записка не размещаются на едином официальном сайте государственных органов;

– для участия в публичных консультациях привлекаются организации и индивидуальные предприниматели, чьи интересы непосредственно затрагиваются правовым регулированием;

– опыт правового регулирования не анализируется и не учитывается при подготовке проектов нормативных правовых актов;

содержание проблемной ситуации, на решение которой направлено правовое регулирование, цели правового регулирования в сводном отчете определяются неверно;

– издержки субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и бюджета не рассчитываются, баланс издержек – выгода не оценивается;

– при разработке проектов нормативных правовых актов и экспертизе действующих нормативных правовых актов не учитывается возможность получения требуемых органами власти документов в порядке межведомственного информационного взаимодействия;

– в пояснительной записке не указывается информация, предусмотренная порядком проведения ОРВ и экспертизы, в том числе, сведения об оценке расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, связанных с необходимостью соблюдать обязанности, возлагаемые на них правовым регулированием.

Литература:

1. Арзамасов Ю.Г. Оценка регулирующего воздействия и риски в праве: опыт России и континентальной Европы / Ю.Г. Арзамасов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 4–31.
2. Волошинская А.А. Оценка регулирующего воздействия в России и в мире: одно сходство и семь различий / А.А. Волошинская // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 52–71.
3. Злобин В.В. Роль и значение института оценки регулирующего воздействия в современных условиях / В.В. Злобин. URL : <http://economy.permkrai.ru/upload/Презентация.pdf>
4. Колегов В.В. ОРВ в России: текущее состояние и перспективы развития / В.В. Колегов. URL : https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=127865
5. Кочеткова С.А. Методологические подходы к оценке регулирующего воздействия / С.А. Кочеткова. URL : <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2016/11>
6. Радченко Т. Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории / Т. Радченко, Е. Паршина // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 36–60.
7. Результаты опроса регионов об эффективности инструмента ОРВ для целей государственной политики и о некоторых проблемах его внедрения. URL : <https://ac.gov.ru/files/content/6227/radchenko-orr-preza-2-regiony-15-09-2015-ac-pdf.pdf>

По мнению Ю.Г. Арзамасова, негативным моментом является то, что региональные эксперты, в отличие от федеральных, при экспертизе применяют не комплексные методики ОРВ, а, в основном, количественные, что значительно сужает исследовательские возможности и соответственно результаты исследования [1].

Для устранения вышеуказанных проблем предлагается обеспечить пересмотр всей системы проведения ОРВ, начиная с особенностей процедуры проведения и заканчивая требованиями к опыту и знаниям специалистов, ответственных за ее результаты. Важно придать ОРВ статус блокирующей, а не информирующей процедуры, четко определить перечень должностных обязанностей и компетенций специалистов, участвующих в проведении ОРВ, расширить применение ОРВ в отношении стратегически важных сферы отраслей экономики, при этом исключительно в отношении проектов, подразумевающих высокую социально-экономическую нагрузку. Эти мероприятия повысят эффективность управления отдельными областями, кластерами народного хозяйства.

Literature:

1. Arzamasov Yu.G. Assessment of regulatory impact and risks in law: the experience of Russia and Continental Europe / Yu.G. Arzamasov // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 5. P. 4–31.
2. Voloshinskaya A.A. Assessment of regulatory actions in Russia and in the world: one similarity and seven differences / A.A. Voloshinskaya // State Administration. Electronic bulletin. 2015. № 49. P. 52–71.
3. Zlobin V.V. The role and significance of the Institute of regulatory impact assessment in modern conditions / V.V. Zlobin. URL : <http://economy.permkrai.ru/upload/Presentation.pdf>
4. Kolegov V.V. ODS in Russia: current state and prospects of development / V.V. Kolegov. URL : https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=127865
5. Kochetkova S.A. Methodological approaches to the assessment of regulatory impact / S.A. Kochetkova URL : <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2016/11>
6. Radchenko T. Regulatory impact assessment in Russia: practical application and conclusions from the theory / T. Radchenko, E. Parshina // Economic policy. 2014. № 3. P. 36–60.
7. Results of the survey of regions on the effectiveness of the RIA tool for the purposes of state policy and on some problems of its implementation. URL : <https://ac.gov.ru/files/content/6227/radchenko-orr-preza-2-regiony-15-09-2015-ac-pdf.pdf>

Курбатов Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Южно-Российский филиал
социологического центра
Российской Академии наук
kurbashy@list.ru

Папа Олеся Михайловна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социальных технологий,
Южный федеральный университет
olesyapapa@list.ru

**ЦИФРОВЫЕ ПРАВА
И ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО
В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. Цифровизация как глобальное явление открывает новые возможности и одновременно порождает новые вызовы и риски, к которым можно отнести ограничение прав пользователей Интернета, в соответствие с чем, актуальными становятся вопросы осмысления глобальных цифровых прав, так называемого, цифрового гражданства, которые трактуются современными исследователями как новые социально-гуманитарные категории, характеризующие новые отношения, возникающие в глобализирующемся информационном обществе. В статье систематизируются различные исследовательские подходы, характеризующие осмысление указанных категорий.

Ключевые слова: глобальная цифровизация, права пользователей Интернета, глобальные цифровые права, цифровое гражданство.

Цифровизация экономики и всех сторон общественной жизни является глобальным процессом, во всяком случае, именно об этом говорят различные аналитические исследования [1]. Цифровая глобализация отличается не только количественным умножением глобального информационного взаимодействия, но и качественным изменением всех структур и институтов глобального информационного общества, способов его функционирования, его оперативной эффективности, быстроедействия.

Отечественные и зарубежные исследователи, такие как Л.В. Баева, Б.Б. Коваленко, А.В. Тимофеев, И.Г. Шестакова, Ж. Бугин, Дж. Вутцель, Д. Дхингр, а С. Лунд, Дж. Манейка, К. Стаменов, Р. Стрэндж, М. Флери, Л. Чен и другие отмечают,

Vladimir I. Kurbatov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Chief Scientific Officer,
South Russian branch
Sociological Center
Russian Academy of Sciences
kurbashy@list.ru

Olesya M. Papa

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Social Technologies,
Southern Federal University
olesyapapa@list.ru

**DIGITAL RIGHTS
AND DIGITAL CITIZENSHIP
IN THE CONTEXT
OF DIGITAL GLOBALIZATION**

Annotation. Digitalization as a global phenomenon opens up new opportunities and at the same time generates new challenges and risks, which include the restriction of the rights of Internet users, in accordance with which the issues of understanding the global digital rights of the so-called digital citizenship, which are interpreted by modern researchers as new social and humanitarian categories, become relevant. characterizing new relationships emerging in the globalizing information society. The article systematizes various research approaches that characterize the understanding of these categories.

Keywords: global digitalization, Internet user rights, global digital rights, digital citizenship.

что цифровая глобализация представляет собой новую форму глобализации в истории человеческой цивилизации [2].

В настоящее время возникли и стали развиваться идейные тренды, связанные с государственным и национальным регулированием Интернета, его суверенизации, содержательной и идейной цензурой контента, что характеризуют трансформацию прав пользователей и, как следствие, возникновение тренда, связанного с провозглашением необходимости выработки новой концепции прав человека, в частности, цифровых прав. Концепция цифровых прав, которую уже называют новой Декларацией прав человека предполагает право доступа к информации, не только защиту персональных данных, но и такое

качество, которое выражается в праве на реализацию своих информационных потребностей на различных электронных платформах, в различных сетевых комьюнити и социальных сетях, которое трактуется исследователями как цифровое гражданство.

Изучение трансформации прав человека в информационную эпоху, его цифровых прав и цифрового гражданства является важной и актуальной исследовательской задачей, поскольку это связано с новыми горизонтами развития гражданского общества и его взаимоотношения с государством. Рассмотрение становления исследовательских представлений о цифровых правах и цифровом гражданстве в контексте цифровой глобализации является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Методологией анализа в настоящей статье является системный и концептуальный анализ и систематизация исследовательских подходов, согласно которым цифровые права и цифровое гражданство являются новыми категориями, раскрывающие современные смыслы сочетания моделей и темпов социально-технологического обновления в глобализирующемся обществе и отражения их в исследовательских подходах, согласно чему, конкретизация понимания цифровых прав и цифрового гражданства являются новыми вызовами информационной эпохи, ориентирами складывающейся общественной практики и познавательными задачами социально-гуманитарного знания.

Цифровые права – это категория, отражающая человеческие и юридические права, на основе которых люди осуществляют доступ к информации, используют, формулируют и делают публичным свой личный цифровой контент на различных электронных платформах с помощью различных гаджетов, а также, участвуют в деятельности различных виртуальных комьюнити.

Как отмечают современные исследователи такие, как А. Пикок, Н. Ревенлов, Р. Хут и другие, что цифровые права – это не столько набор юридических прав, сколько формулирование цивилизационной ценности, характеризующей свободу выражения мнений и право на личную безопасность и неприкосновенность частной жизни в виртуальной цифровой среде [3].

Цифровые права, пишут такие исследователи как Д. Бойд, С. Ливингстон, Э. Марвик, А. Сорт и другие выражают изменение представлений о конфиденциальности, приватности, публичности и персональных данных и обусловлено тем, что информационная эпоха приводит к «универсализации» пользователя как субъекта глобальных форм информационно-коммуникационного взаимодействия в глобальном цифровом пространстве [4].

Цифровые права включает в себя целую систему отношений, среди которых нужно выделить следующие:

– Само цифровое право, которое касается электронной ответственности за действия и поступки в цифровой среде.

– Цифровой доступ к информационным ресурсам.

– Цифровую коммерцию, которая связана с правом ведения предпринимательской деятельности в виртуальной сфере с помощью различных электронных платформ.

– Цифровую коммуникацию, характеризующуюся правом на ведение информационно-коммуникационного взаимодействия.

– Цифровую грамотность и цифровую зрелость.

– Цифровой этикет.

– Цифровую безопасность.

– Цифровое здоровье и благополучие, выражающееся в праве на физическое и психологическое благополучие в мире цифровых технологий.

– Цифровое гражданство [5].

Гражданство традиционно понимается как отношения между конкретными людьми и соответствующим национальным государством, в связи с чем, как подчеркивал Б.Ланс, в соответствии, с чем формулируется понятие «гражданин» [6].

Самые ранние исследовательские подходы к пониманию цифрового гражданства были, в основном, связаны, как отмечают В. Вильям, Т. Сайлт, С. Хтионг, Д. Шерман и другие авторы, с понятиями цифрового неравенства, цифрового разрыва и поисками их преодоления [7].

Далее, в дискурсе на данную тему возникло представление, которое выделили С. Вивиен, А. Джонс и А. Мак-Кокер, онтологически эксплицируя гражданство как отношение с кем-либо или чем-либо – будь то сообщество, платформа или национальное государство [8].

Х. Дженкинс и Н. Карпентер добавили к этому то, что цифровое гражданство можно и нужно определять как элемент цифрового права во всем его перечисленном выше многообразии, а также, нужно определять и как гражданскую ответственность. Но, по их мнению, и этого недостаточно: цифровое гражданство, где предикатом является термин «цифровое» должно характеризоваться как такое отношение, которое обуславливает облегчение доступа к коммуникации и информационному взаимодействию посредством цифровых ресурсов, которые открывают новые разные виды коллективности, а именно, виртуальные комьюнити, социальные сети, цифровые диаспоры и т.п. [9].

В теоретическом рассуждении, как отмечают тот же Х. Дженкинс и с ним С. Шершова, Л. Гамьер-Томсон, Н. Клиндер-Виленчик и А. Циммерман, цифровой гражданин – это своеобразный идеальный конструкт (в данном случае, виртуальный конструкт); в практическом же отношении

цифровой гражданин – актер новых типов отношений, а именно, глобальных информационно-коммуникационных отношений и новых типов социальности в глобальном информационном пространстве в виде присутствия в сетевых сообществах, социальных сетях и цифровых диаспорах. В связи с этим, отмечают они, формулирование понятия «цифровое гражданство» есть переосмыслении трансформации современного социума, вступившего в фазу глобального информационного развития [10].

Цифровые технологии создают не только возможность для всех пользователей Интернета безгранично реализовывать свои информационные потребности, но и открывают новые технологические возможности для более полноценного участия людей в общественной, гражданской, политической и иных видах деятельности, чем существенно трансформируют социальные и политические институты общества, развивая его.

Трансформируются многие ранее устойчивые понятия, в том числе и понятие «гражданство». Кроме традиционной принадлежности определенному национальному государству со всеми соответствующими правами и обязанностями, пользователь Интернета, благодаря глобальной и трансграничной информационной среде, получает еще и персональную принадлежность к цифровым проявлениям этой глобальной сферы. Он, как бы, становится еще и гражданином мира – глобального информационного мира, членом сетевого сообщества, виртуального комьюнити, что также дает ему определенные права и налагает некоторые обязанности. Он становится цифровым гражданином цифрового мира.

Современные исследователи, например, С. Де-Витт, А. Дэйли, М. Манн, С. Озалп, Р. Саре и другие показывают, что цифровые граждане все меньше ориентируются на национальное государство, особенно в условиях, когда национальные государства и транснациональные ИТ-корпорации предпринимают законодательные усилия для ограничения прав пользователей, введения цензуры и управления Интернетом [11].

На вопрос о том, какие преимущества содержит цифровое гражданство, систематический ответ дали такие исследователи, как М. Андрежевич, И. Вобик, М. Милославлевич, Л. Пангражио и Дж. Сеттон-Грин, говоря, что цифровое гражданство характеризуется следующими чертами:

- расширяется масштаб социально-информационного взаимодействия;
- существенно возрастает оперативность этого взаимодействия;
- благодаря цифровым действиям, возникают новые возможности использования потоков локальной и глобальной информации;
- расширяется взаимодействие граждан с обществом и государством на цифровом уровне;
- социальная, в том числе, политическая активность приобретает новые формы и новые

возможности, в частности в ее включаются действия граждан не только через традиционные социальные и политические институты, но и через новые формы голосования, выражения общественного мнения посредством цифровых форумов;

– глобализируется человеческое измерение воздействия информационных цифровых технологий на социальную трансформацию;

– интернационализируется глобальный социальный мир, чем в некоторой степени преодолеваются национально ограниченные межгосударственные противоречия [12].

Исследователи, в частности, Э. Исин, Э. Раппер, М. Чиччоне и другие отмечают, что, как и любое социальное явление, цифровое гражданство имеет как позитивную, так и негативную стороны. К негативным сторонам этого процесса можно отнести усиление зависимости от Интернета, возрастающее влияние цифрового неравенства, нарастание негативного контента Интернета, киберзапугивание, безответственное использование социальных сетей и общее отсутствие знаний о том, как безопасно пользоваться Интернетом [13].

Причинами предпочтения цифрового гражданства исследователи такие, как Т. Витчже, Дж. Дик, П. Шэйн и другие называют следующие:

– различные разочарования в эффективности результатов традиционной политической деятельности;

– нарастание социально-политической апатии и отчуждения результатов традиционных форм политической активности;

– ограничение возможностей выразить свое мнение и социально-политическое предпочтение традиционным способом;

– разочарование в возможностях современных СМИ и политических кампаний [14].

Анализ исследовательских подходов в исследовании цифрового права показывает, что глобальные цифровые права человека должны трактоваться как человеческие и юридические права, которые позволяют людям получать доступ, использовать, создавать и публиковать цифровой контент на устройствах, развиваемых посредством новейших цифровых технологий как продукт индивидуально-личностного и общественного творчества, как результат социального развития и саморазвития и реализацию цифровых потребностей индивида и общества как важнейший элемент глобального цифрового права и важнейшее достижение человеческой цивилизации.

При этом цифровое гражданство – это новая категория, характеризующая принадлежность субъекта не только, вернее, не столько исторически сложившемуся национально-государственному пространству, а пространству информационному, глобальному, наднациональному и поэтому

трансграничному. Данная категория характеризует новую грань права человека, его цифрового права – право на участие в жизни информационного общества посредством реализации своих индивидуальных и социальных информационных потребностей в таких новых социально-информационных структурах, как социальные сети; право на реализацию своих информационных

Литература:

1. Глобальная цифровизация: Люди роста. URL : https://ludirosta.ru/post/globalnaya-tsifrovizatsiya_2225 (дата обращения 16.09.2019); Цифровизация: Академик. URL : <https://official.academic.ru/29422/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 16.09.2019).

2. *Баева Л.В.* Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей : монография. Астрахань, 2008. С. 182–196; *Коваленко Б.Б.* Цифровая глобализация: возможности и риски стратегического развития бизнес-организаций / Б.Б. Коваленко, Е.Г. Коваленко // Глобальный научный потенциал. 2017. № 10(79). С. 140–142; *Тимофеев А.В.* Трансформация системы ценностей в эпоху цифровизации / А.В. Тимофеев // Научное мнение. 2019. № 9. С. 22–25; *Шестакова И.Г.* Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило / И.Г. Шестакова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 20–29. DOI: 10.18721; *Manyika J., Bughin J., Woetzel J., Stamenov K., Dhingra D.* Digital globalization: The new era of global flows. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (date of treatment 02.24.2016); *Strange R.* Special Issue: The Impact of Digital Technologies on Firms' International Strategies / R. Strange, M.T. Fleury // Special. URL : <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-international-management/call-for-papers/the-impact-of-digital-technologies> (date of treatment 01.31.2021).

3. *Hutt R.* What are your digital rights? / R. Hutt // World Economic Forum. 2015. URL : <https://www.weforum.org/agenda/2015/11/what-are-your-digital-rights-explainer/> (date of treatment 10.11.2015); Peacock A. Human rights and the digital divide. 2019. Routledge. URL : <https://doi.org/10.4324/9781351046794>; Reventlow N. Digital rights are human rights. 2017. Vol. 12. № 10. Retrieved from <https://digitalfreedomfund.org/digital-rights-are-human-rights/> <https://nanijansenreventlow.medium.com/digital-rights-are-human-rights-aba7fa62eb48> (date of application 12.10.2017).

4. *Livingstone S.* Children and young people's rights in the digital age: An emerging agenda / Livingstone S. & Third A. New Media & Society. 2017. Vol. 19(5). P. 657–670. URL : <https://doi.org/10.1177/1461444816686318>; *Marwick A.E., & Boyd D.* Networked privacy: How teenagers negotiate context in social

потребностей на различных электронных платформах, в различных сетевых комьюнити, в цифровых диаспорах и в виртуальных сообществах, которые организуются и самоорганизуются в соответствии информационными потребностями людей, в которых отсутствует вертикально-государственные структуры управления, традиционная социальная иерархия и стратификация.

Literature:

1. Global digitalization: People of growth. URL : https://ludirosta.ru/post/globalnaya-tsifrovizatsiya_2225 (date of application 16.09.2019); Digitalization: Academician. URL : <https://official.academic.ru/29422/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (date of application 16.09.2019).

2. *Baeva L. V.* Information era: metamorphosis of classical values: monograph. Astrakhan, 2008. P. 182–196; *Kovalenko B. B.* Digital Globalization: Opportunities and Risks of Strategic Development of Business Organizations / B. B. Kovalenko, E. G. Kovalenko // Global Scientific Potential. 2017. № 10(79). P. 140–142; *Timofeev A. V.* Transformation of the system of valuable networks in the era of digitalization / A. V. Timofeev // Scientific opinion. 2019. № 9. P. 22–25; *Shesta I. G.* The new tempo of digital civilisation: the future has already come / I. G. Shestakova // Scientific and technical statements of St. Petersburg State Pedagogical University. Humanities and Social Sciences. 2019. T. 10. № 2. P. 20–29. DOI: 10.18721; *Manyika J., Bughin J., Woetzel J., Stamenov K., Dhingra D.* Digital globalization: The new era of global flows. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (date of application 02.24.2016); *Strange R.* Special Issue: The Impact of Digital Technologies on Firms' International Strategies / R. Strange, M. T. Fleury // Special. URL : <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-international-management/call-for-papers/the-impact-of-digital-technologies> (date of application 01.31.2021).

3. *Hutt R.* What are your digital rights? / R. Hutt // World Economic Forum. 2015. URL : <https://www.weforum.org/agenda/2015/11/what-are-your-digital-rights-explainer/> (date of treatment 10.11.2015); Peacock A. Human rights and the digital divide. 2019. Routledge. URL : <https://doi.org/10.4324/9781351046794>; Reventlow N. Digital rights are human rights. 2017. Vol. 12. № 10. Retrieved from <https://digitalfreedomfund.org/digital-rights-are-human-rights/> <https://nanijansenreventlow.medium.com/digital-rights-are-human-rights-aba7fa62eb48> (date of application 12.10.2017).

4. *Livingstone S.* Children and young people's rights in the digital age: An emerging agenda / Livingstone S. & Third A. New Media & Society. 2017. Vol. 19(5). P. 657–670. URL : <https://doi.org/10.1177/1461444816686318>; *Marwick A. E., & Boyd D.* Networked privacy: How teenagers negotiate context in social

media. *New Media & Society*. 2014. Vol. 16(7). P. 1051–1067. URL : <https://doi.org/10.1177/146144481454399>

5. Nine elements of digital citizenship. URL : <https://waccglobal.org/nine-elements-of-digital-citizenship/> (date of application 13.05.2017).

6. *Lance B.W.* Changing Citizenship in the Digital Age». Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Edited by W. Lance Bennett. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 1–24. DOI: 10.1162/dmal.9780262524827.001

7. *Syellte T.* Cultural Differences in the Impact of Social Support on Psychological and Biological Stress Responses / T. Syellte, S. Httjung, W. William, D. Sherman // *Psychological Science*. 2004. № 18(9). P. 831–837. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01987.x

8. *McCosker A.* Negotiating Digital Citizenship. Rowman & Littlefield / A. McCosker, S. Vivienne, A. Johns. 2016.

9. *Jenkins H.* Theorizing participatory intensities: A conversation about participation and politics. University of Southern California, USA. Nico Carpentier Vrije Universiteit Brussel, Belgium; Charles University in Prague, Czech Republic See all articles by this author Search Google Scholar for this author First Published / H. Jenkins, N. Carpenter. 2013. April 23. URL : <https://doi.org/10.1177/1354856513482090>

10. *Jenkins H.* By Any Media Necessary: The New Youth Activism / H. Jenkins, S. Shresthova, L. Gamber-Thompson, N. Kligler-Vilenchik, A. Zimmerman New-York : New York University Press, 2016.

11. *Ozalp S.* Unlawful data access and abuse of metadata for mass persecution of dissidents in Turkey: The by-lock case. In A. Daly, S.K. Devitt, & M. Mann (Eds.), *Good Data* (p. 117–134). Institute of Network Cultures. 2019; Sarre R. Metadata retention: A review of policy implications for Australians. Justice and Social Democracy Conference. 2015.

12. *Andrejevic M.* Automated Media. Routledge. 2020. URL : <https://tidsskrift.dk/mediekultur/article/view/122584>; Milosavljevic, M., & Vobic, I. (2019). Human still in the loop. Editors reconsider the ideals of professional journalism through automation. *Digital Journalism*, 7(8), P. 1098–1116. URL : <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1601576>; Pangrazio L., Sefton-Green J., Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference? // *Journal of New Approaches in Educational Research*, 10(1) j 2021 j <https://doi.org/10.7821/naer.2021.1.616> (date of application 12.01.2021).

13. *Ciccone M.* Digital Citizenship Is About a Whole Lot More Than Online Etiquette. URL : <https://www.edweek.org/technology/opinion-digital-citizenship-is-about-a-whole-lot-more-than-online-etiquette/2020/08> (date of treatment 20.08.2020; Isin E., & Rupper E. Being Digital Citizens. Rowman & Littlefield. 2015.

media. *New Media & Society*. 2014. Vol. 16(7). P. 1051–1067. URL : <https://doi.org/10.1177/146144481454399>

5. Nine elements of digital citizenship. URL : <https://waccglobal.org/nine-elements-of-digital-citizenship/> (date of application 13.05.2017).

6. *Lance B.W.* Changing Citizenship in the Digital Age». Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Edited by W. Lance Bennett. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 1–24. DOI: 10.1162/dmal.9780262524827.001

7. *Syellte T.* Cultural Differences in the Impact of Social Support on Psychological and Biological Stress Responses / T. Syellte, S. Httjung, W. William, D. Sherman // *Psychological Science*. 2004. № 18(9). P. 831–837. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01987.x

8. *McCosker A.* Negotiating Digital Citizenship. Rowman & Littlefield / A. McCosker, S. Vivienne, A. Johns. 2016.

9. *Jenkins H.* Theorizing participatory intensities: A conversation about participation and politics. University of Southern California, USA. Nico Carpentier Vrije Universiteit Brussel, Belgium; Charles University in Prague, Czech Republic See all articles by this author Search Google Scholar for this author First Published / H. Jenkins, N. Carpenter. 2013. April 23. URL : <https://doi.org/10.1177/1354856513482090>

10. *Jenkins H.* By Any Media Necessary: The New Youth Activism / H. Jenkins, S. Shresthova, L. Gamber-Thompson, N. Kligler-Vilenchik, A. Zimmerman New-York : New York University Press, 2016.

11. *Ozalp S.* Unlawful data access and abuse of metadata for mass persecution of dissidents in Turkey: The by-lock case. In A. Daly, S.K. Devitt, & M. Mann (Eds.), *Good Data* (p. 117–134). Institute of Network Cultures. 2019; Sarre R. Metadata retention: A review of policy implications for Australians. Justice and Social Democracy Conference. 2015.

12. *Andrejevic M.* Automated Media. Routledge. 2020. URL : <https://tidsskrift.dk/mediekultur/article/view/122584>; Milosavljevic, M., & Vobic, I. (2019). Human still in the loop. Editors reconsider the ideals of professional journalism through automation. *Digital Journalism*, 7(8), P. 1098–1116. URL : <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1601576>; Pangrazio L., Sefton-Green J., Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference? // *Journal of New Approaches in Educational Research*, 10(1) j 2021 j <https://doi.org/10.7821/naer.2021.1.616> (date of application 12.01.2021).

13. *Ciccone M.* Digital Citizenship Is About a Whole Lot More Than Online Etiquette. URL : <https://www.edweek.org/technology/opinion-digital-citizenship-is-about-a-whole-lot-more-than-online-etiquette/2020/08> (date of treatment 20.08.2020; Isin E., & Rupper E. Being Digital Citizens. Rowman & Littlefield. 2015.

14. *Dijck J.V.* Users like you? Theorizing agency in user-generated content. *Media, Culture & Society*, 2009. 31(1): 41–58.; *Witschge T.* Online deliberation: possibilities of the internet for deliberative democracy. In Shane P.M. eds. *Democracy Online. The Prospects for Political Renewal through the Internet.* New-York : Routledge, 2004. P.109–122.

14. *Dijck J.V.* Users like you? Theorizing agency in user-generated content. *Media, Culture & Society*, 2009. 31(1): 41–58.; *Witschge T.* Online deliberation: possibilities of the internet for deliberative democracy. In Shane P.M. eds. *Democracy Online. The Prospects for Political Renewal through the Internet.* New-York : Routledge, 2004. P.109–122.

Курганов Михаил Александрович
аспирант,
Государственный академический
университет гуманитарных наук
voicm@list.ru

ПРОБЛЕМА ОСЫПАНИЯ ВЫБОРКИ ЛОНГИТУДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В статье представлен обзор трудов, посвящённых поискам решения проблемы осыпания выборки, с которой сталкиваются исследователи при проведении лонгитудов. Было выявлено, что за счёт концептуально-методологических и процедурных решений отток респондентов удаётся предотвратить. На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что привлечение людей, сожительствующих с респондентом в одном домохозяйстве, положительно сказывается на оттоке респондентов, уменьшая его темпы. Также, действенным как с научной, так и с финансовой точки зрения методом является почтовая рассылка респондентам в период между двумя волнами проведения опросов.

Ключевые слова: лонгитудные исследования, осыпание выборки, панельные исследования.

Лонгитудные исследования уже более полувека являются одним из самых актуальных и востребованных инструментов для изучения изменений, происходящих в обществе, они используются в самых разных сферах социальных наук: социология, политология, экономика, психология и т.д. [1, с. 189]. Однако ценность данных, полученных в результате этих исследований, зависит от того, насколько выборке удаётся сохранить свою репрезентативность с течением времени, а именно – минимизировать отток респондентов, «осыпание» выборки. Необходимость изучения данного феномена обусловлена сразу несколькими причинами: поддержанием размеров выборки, экономией на проведении полевого этапа исследования. Но и сама проблема неоднородна и часто зависит от конкретной специфики отдельно взятого лонгитюда. Отсюда, и большой перечень причин, по которым респонденты либо отказываются принимать дальнейшее участие в исследовании, либо просто не выходят на связь: тут и географические, и социально-экономические причины, и элементарная потеря интереса.

Во многих лонгитудных исследованиях учёные всё чаще прибегают к комплексным методам сбора данных [4, с. 187]. В подобных исследованиях применяется последовательная процедура сбора данных, где используется телефонный

Mihail A. Kurganov
Postgraduate Student,
State Academic
University of Humanities
voicm@list.ru

SAMPLE ATTRITION IN SOCIOLOGICAL LONGITUDINAL STUDIES

Annotation. This paper provides an analytical review of literature that addresses attrition problem, which is a common problem in longitudinal researches. It was found that the problem of keeping in touch with respondents is being dealt with both during the stage of creating research design (with the usage of mixed-mode methods and new methods, such as CAPI) and established retention procedures. It is shown that contacting people, who are living together with respondent in one household, proves to be useful in minimizing effects of sample's attrition. Furthermore, mailings also came out to be effective in encouraging sample members to keep in touch with researchers between two waves of study.

Keywords: longitudinal studies, sample attrition, panel studies.

опрос с последующим очным интервью в тех случаях, если респондент не ответил на звонок. При этом существуют различные вариации подобной процедуры. Например, в случае, когда респондент не отвечает на звонок, исследователи порой вместо попыток встретиться с респондентом лично, могли по тому же телефону опрашивать других членов домохозяйства. При этом результаты исследований на предмет степени отсева выборки показывают, что в случаях, когда опрашивались сожители респондента, при последующих волнах проведения опросов, респонденты чаще отвечали на запросы исследователей повторно, нежели в случаях, когда производились попытки встретиться с респондентом очно. Следует отметить, что разница в этих процедурах достаточно существенна, поскольку она напрямую влияет на бюджет лонгитудного исследования, поскольку приветствуется вариант развития событий, когда дело не доходит до очной встречи респондента и исследователя. Впрочем, эффективность подобного метода опроса ограничивается одним фактором. Практически невозможно заранее определить, какие члены выборки будут охотнее реагировать на тот или иной вариант проведения опроса.

Любопытно также и влияние использования Интернета на темпы осыпания выборки. Так, Стэнли

Прессером и его коллегами было выявлено, что переход от телефонного метода к онлайн-опросу приводит к более активному оттоку респондентов, нежели, чем в исследованиях с одним лишь телефонным интервьюированием [5, с. 14]. При этом объём полученных в онлайн-опросах данных, которые, по мнению авторов, воспринимаются респондентами, как «личное», на порядок выше, чем в телефонных. Более того, в онлайн-опросах прослеживаются более низкие показатели намеренного ухода от ответа на неудобные вопросы.

Часто проводятся эксперименты, ставящие перед собой задачу сократить темпы осыпания выборки. Например, между волнами проведения опросов респондентам делается почтовая рассылка, в которую их просят прислать адрес их нынешнего места проживания. Подобные рассылки очень помогают при отслеживании перемещений членов выборки с целью последующего их опроса во время следующей волны исследования. Один из экспериментов заключался в разных способах и формулировках просьб исследователей. Результаты экспериментов показали, что почтовая рассылка, будучи одним из самых дешёвых и эффективных методов удержания респондентов в период между проведения волн опросов, оказалась самой действенной стратегией, поскольку именно после рассылки количество случаев, когда респондент теряется и пропадает из выборки, наименьшее среди всех других вариаций стратегий отслеживания.

При планировании исследования полезно выдвигать несколько гипотез касательно того, в чём могут заключаться причины осыпания выборки. Необходимо закреплять их непосредственно в исследовании, но гипотезы должны отражать потенциальные варианты ответа на вопросы о том,

когда и почему происходит осыпание выборки. Для этого необходимо тщательно изучить дизайн исследования, а также выборку.

Выдвигая гипотезы о возможных причинах ухода респондентов из исследования, исследователи решают сразу две важные задачи.

Во-первых, гипотеза сразу же обрисовывает примерный список мер, которые помогут снизить темпы сокращения выборки.

Во-вторых, подобные гипотезы позволяют выявить, какие элементы исследования необходимо проанализировать на предмет их влияния на отсев.

Среди мер, способных воспрепятствовать оттоку респондентов из выборки, также стоит обозначить следующее. Стоит подготовить список возможных причин осыпания выборки. К каждой из причин можно подготовить ту или иную процедуру противодействия, при этом выбор подобных процедур должен производиться на основе проведённых уже ранее исследований. При этом, однако, нужно учитывать и фактор соотношения эффективности и затрат. Возможно, получится использовать метод, который будет наиболее эффективен и при этом наиболее дешёв. Автор статьи отмечает, что обозначенные выше меры носят рекомендательный характер. Данная тема в рамках лонгитюдных исследований освещена в научных трудах недостаточно широко. Вместе с тем, открывается широкий простор для теоретизирования и проведения экспериментов с использованием современных информационных технологий, которые позволят открыть новые способы удержания респондентов в лонгитюдных исследованиях.

Литература:

1. *Couper M.P.* Keeping in contact with mobile sample members. In *Methodology of Longitudinal Surveys* (ed. P. Lynn) / M.P. Couper, M.B. Ofstedal. New-York : Wiley, 2009. P. 183–203.
2. *Berthoud R.* In Praise of Panel Surveys. ESRC Longitudinal Studies Centre, Institute for Social and Economic Research, Colchester / R. Berthoud, J. Burton. 2008.
3. *Fumagalli F.* Experiments with Methods to Reduce Attrition in Longitudinal Surveys Institute for Social and Economic Research University of Essex / F. Fumagalli, H. Laurie, P. Lynn. 2010. № 04.
4. *Kreuter F.* Social Desirability Bias in CATI, IVR, and Web Surveys: The Effects of Mode and Question Sensitivity, *Public Opinion Quarterly* / F. Kreuter, S. Presser, R. Tourangeau. 2008. № 72(5). P. 847–865.
5. *Lynn P.* Alternative Sequential Mixed-Mode Designs: Effects on Attrition Rates, Attrition Bias, and Costs / P. Lynn // *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2013. № 1(2). P. 183–205.

Literature:

1. *Couper M.P.* Keeping in contact with mobile sample members. In *Methodology of Longitudinal Surveys* (ed. P. Lynn) / M.P. Couper, M.B. Ofstedal. New-York : Wiley, 2009. P. 183–203.
2. *Berthoud R.* In Praise of Panel Surveys. ESRC Longitudinal Studies Centre, Institute for Social and Economic Research, Colchester / R. Berthoud, J. Burton. 2008.
3. *Fumagalli F.* Experiments with Methods to Reduce Attrition in Longitudinal Surveys Institute for Social and Economic Research University of Essex / F. Fumagalli, H. Laurie, P. Lynn. 2010. № 04.
4. *Kreuter F.* Social Desirability Bias in CATI, IVR, and Web Surveys: The Effects of Mode and Question Sensitivity, *Public Opinion Quarterly* / F. Kreuter, S. Presser, R. Tourangeau. 2008. № 72(5). P. 847–865.
5. *Lynn P.* Alternative Sequential Mixed-Mode Designs: Effects on Attrition Rates, Attrition Bias, and Costs / P. Lynn // *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2013. № 1(2). P. 183–205.

Кустова Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук,
директор,
Волгоградский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

Дмитриева Ирина Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
менеджмента и коммерции,
Волгоградский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

Копылов Сергей Иванович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
менеджмента и коммерции,
Волгоградский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

**НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
ИСКЛЮЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ
ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА
ИЗ ЖИЗНИ СОЦИУМА**

Аннотация. В статье обоснована актуальность ознакомления с опытом преодоления негативных последствий старения населения в западных странах, которые столкнулись с данной проблемой несколько десятилетий назад. Реализуемые модели сориентированы на использование потенциала людей преклонного возраста, в частности, посредством их сохранения в сфере общественного производства. Авторами осуществлен анализ преимуществ и недостатков разных путей предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума, которые сегодня переориентированы с исключительно теоретических исследований на возможности практической реализации.

Ключевые слова: люди преклонного возраста, старение населения, социальные ресурсы, социальный потенциал, теории старения, успешное старение, активное старение, ресурсный дефицит.

Введение.
Существенное смещение возрастной пирамиды почти во всех странах мира в сторону роста удельного веса старшего населения

Natalia A. Kustova

Candidate of Social Sciences,
Director,
Volgograd branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
milena.555@mail.ru

Irina S. Dmitrieva

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Commerce,
Volgograd branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
milena.555@mail.ru

Sergey I. Kopylov

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Commerce,
Volgograd branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
milena.555@mail.ru

**DIRECTIONS TO PREVENT
THE EXCLUSION OF ELDERLY PEOPLE
FROM THE LIFE OF SOCIETY**

Annotation. The article substantiates the relevance of familiarization with the experience of overcoming the negative consequences of population aging in Western countries that faced this problem several decades ago. The implemented models are focused on using the potential of elderly people, in particular, through their preservation in the sphere of social production. The authors analyzed the advantages and disadvantages of different ways to prevent the exclusion of elderly people from the life of society, which today are reoriented from exclusively theoretical research to the possibility of practical implementation.

Keywords: elderly people, population aging, social resources, social potential, theories of aging, successful aging, active aging, resource deficit.

не позволяет дальше игнорировать необходимость их финансового и социального обеспечения, а перспектива длительного профессионального использования людей преклонного возраста, хотя бы за счет отсрочки пенсионного возраста,

выглядит слишком привлекательной с многих позиций, чтобы ею пренебрегать.

В XXI веке использование социальных ресурсов превращается в приоритетное направление, что гарантирует не только повышение уровня жизни, но и открывает возможности для самореализации, и в этом процессе ведущую роль способно сыграть именно старшее поколение и социально-возрастная группа, которая способна благодаря приобретенному социальному потенциалу не только решать собственные внутригрупповые проблемы, но и выступать локомотивом для других возрастных групп.

В России проблема старения в последние годы также обострилась. Пока что среди активных форм противодействия негативным последствиям этого процесса является увеличение пенсионного возраста. Конечно, российскиереалии отличаются от западных, но, в то же время, игнорировать опыт и стратегии, выработанные в западных странах в течение последних десятилетий, нельзя. В современной погоне за ресурсами потеря активности значительной и все увеличивающейся доли населения, как с социальной, так и с экономической позиций, выступают недопустимым расточительством, тем более, что, прежде всего, пренебрежение социальным потенциалом старшей возрастной группы «ударяет» именно по этой группе как зависимой от экономического положения общества.

Целью статьи является анализ преимуществ и недостатков различных направлений предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума.

Изложение основного материала.

Научные теории, связанные с реализацией возможностей людей старшего возраста, носят название «успешного старения» в Соединенных Штатах [1] и «активного старения» в Европе [2], отражают оптимум использования возможностей старшего возраста и возникли в противовес теоретическим представлениям о необходимости и неизбежности исключения старшего поколения из активной общественной жизни. Ресурсный потенциал людей преклонного возраста в них понимается как качественные характеристики индивида, значимые для него лично и такие, что дают возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества [3].

Поднимая вопрос старения, мы оказываемся перед несколькими плоскостями рассмотрения: во-первых, это возможности для улучшения самочувствия самой старшей группы; во-вторых, это необходимость повышения ресурсности этой группы, ибо увеличение доли людей преклонного возраста создает дополнительную нагрузку для молодого экономически активного населения. Рассмотрим, каким образом эти вопросы решают теории успешного и активного старения.

Первое направление: создание модели успешного старения.

Отправной точкой модели успешного старения является деятельность. На этапах жизненного пути по достижению преклонного возраста люди должны так управлять жизнью, чтобы избежать инвалидности и заболеваний и, таким образом, накопить резерв, поддерживая психические и физические возможности, способствующие продуктивному и социальному участию в обществе. Ключ к «успешному старению» здесь изначально виделся как продолжение деятельности в пожилом возрасте и сохранение ценностей, характерных для людей среднего возраста. Ученые разработали первоначальную модель успешного старения, куда включили три компонента:

– низкую вероятность заболевания и инвалидизации, связанной с болезнями;

– высокий уровень когнитивных и физических возможностей;

– активное взаимодействие с окружающей средой, в частности, в социальной сфере [3].

В США успешное старение стало точкой отсчета в дискурсах по старению, что способствовало отказу от рассмотрения преклонного возраста как неразрывно связанного с неизбежной последовательностью потерь. Это изменило основной фокус исследований от тех, кто страдает от заболеваний и инвалидности, к тем, кто с возрастом сохранил высокие показатели жизнедеятельности. Это также привело к смещению точки рассмотрения от тех, «кто плохо работает, к тем, кто хорошо работает» [4].

Успешное старение, следовательно, определяет приоритетность достижения клинических и медицинских критериев, тогда как социальные аспекты (взаимодействие с жизнью) занимают самое низкое положение в иерархии успеха. Таким образом, модель успешного старения предполагает, что в стратегии политики по отношению к старению закладывалось создание установки в людях преклонного возраста относительно некоего идеала старения. В этой модели была переоценена распространенность пожилых людей, прошедших жизнь до старости без заболеваний, тогда как ряд исследований показательно свидетельствует, что достижение старости без плохого здоровья или инвалидности является как раз исключением [5].

Процессы определения и измерения успешного старения были довольно проблематичными, поскольку связывались, прежде всего, с тем, как люди старшего возраста должны стареть, а не с тем, с каких позиций они сами исходят, чтобы причислить себя к категории «стареющих успешно». В этом плане, по данным некоторых исследователей, даже, если люди преклонного возраста болеют или приобретают инвалидность, они не обязательно начинают причислять себя к тем, кто стареет «неуспешно», и, наоборот, могут продолжать заниматься разными видами деятельности и субъективно чувствовать себя хорошо [6]. В то же

время успешное старение является несколько индивидуалистической концепцией, поскольку не учитывает того, что изменения в жизни людей и в социальных структурах являются принципиально взаимозависимыми. Так, ряд ученых указывает на то, что различные способы улучшения жизни пожилых людей зависят от социальных вмешательств и мероприятий, включая обучение на протяжении всей жизни, политику противодействия дискриминации, досуга [7].

Второе направление: создание модели активного старения. Активное старение касается обеспечения прав пожилых людей по сохранению здоровья, продления сроков трудовой деятельности (в перспективе - уменьшение пенсионных расходов), а также, участия в общественной и политической жизни. Однако, несмотря на распространенность, понятие «активное старение» не имеет четкого общепризнанного определения, обычно, его употребляют в значении «все для всех людей» [8].

Концепция активного старения начала развиваться в Европе в 90-х гг. XX в. с акцентом на связь, существующую между деятельностью и здоровьем. Она появилась в то время, когда проблема глобального усиления тенденции к старению привела к демонтажу традиционной концепции жизни, которая приравнивала фазу старости к бездействию. Дискурс активного старения фокусируется на поощрении участия пожилых людей в обществе и подчеркивает компетентность и знания, которые имеют пожилые люди. Наиболее распространенным является определение ВОЗ: «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью повышения качества жизни». Важно, что «активный» определен специалистами ВОЗ как «постоянное участие в социальных, экономических, культурных, духовных и гражданских делах, а не только способность быть физически активным или участвовать в трудовой деятельности» [9]. Эта перспектива дополнительно ставит под сомнение стереотипы пожилого возраста, созданные на основе представлений о полной пассивности и зависимости старшего поколения, подчеркивая альтернативу автономии и участия.

Активное старение опровергает «парадигму упадка и потерь», которая обычно связана с последствиями физического ослабления и подчеркивает активную роль пожилых людей в обществе. Подобно успешному старению, понятие «активное старение» также подвергается критике. Например, существует опасность, что политики в процессе создания соответствующих программ, ориентированных на людей преклонного возраста, будут опираться на формальные признаки здоровья, переоценивая физическую активность, пренебрегая умственными способностями и творческой составляющей продуктивной модели активного старения [10].

Таким образом, необходимо оставлять место для альтернативного образа жизни и определения соответствующего образа жизнедеятельности. Даже наиболее ярые сторонники модели активного старения признают риск того, что подобный

подход может приобрести принудительный характер, поэтому необходимо избегать навязывания общих положений «сверху вниз», а обращать внимание на специфику различных позитивных и негативных реалий жизни людей преклонного возраста. Ожидания относительно активного старения обычно формируются политиками и исследователями, поэтому возникает потребность в том, чтобы сами люди пожилого возраста более активно привлекались к определению роли активного старения в своей жизни.

В общем, модели успешного и активного старения отталкиваются от позиции увеличения ресурсного дефицита в современном мире, ориентируются на то, что люди пожилого возраста не покинут рядов рабочей силы в фиксированном возрасте и не променяют заработную плату на получение пенсий. Считается, что отстранение от трудовой занятости создает ситуацию, когда пожилые люди больше не находятся в социально определенном «продуктивном» секторе общества, что приводит к общей девальвации значимости пожилых людей.

Третье направление: отход от жестких детерминант и создание современной европейской модели старения. Параллельно с чисто теоретическим поиском происходила попытка создания модели старения «от практики». Эти попытки возникли в результате превращения старения в центральную проблему европейской политики в начале 1990-х годов, когда Еврокомиссия приступила к изучению влияния национальной политики на старение. Первое провозглашение на этом уровне ключевых элементов нового активного дискурса по старению было обозначено провозглашением Европейского года пожилых людей в 1993 г.

В политическом документе «На пути в Европу для всех возрастов» (ЕС, 1999) было провозглашено существование четырех проблем: снижение численности населения трудоспособного возраста; расходы на пенсионные системы; рост потребности в уходе; разнообразие ресурсов и рисков пожилых людей. Эти вызовы, в свою очередь, привели Еврокомиссию к четырем политическим выводам:

- 1) повысить уровень занятости в Европе (путем содействия непрерывному обучению, гибким рабочим механизмам и улучшению стимулов к работе);
- 2) улучшить политику социальной защиты и изменить тенденции досрочного выхода на пенсию;
- 3) поддерживать исследования, связанные с политикой в области здравоохранения и ухода за пожилыми людьми;
- 4) разрабатывать политику против дискриминации на рабочих местах и социальной изоляции [11].

«Европейский год активного старения и солидарности между поколениями» (2012) стал отправной точкой для внедрения комплексного подхода к активному старению. Однако хотя был выявлен ряд

тем, самой важной оставалась занятость: целью было «способствовать созданию лучших условий труда для растущего числа пожилых людей в Европе, помочь им активно участвовать в общественной жизни и поощрять здоровое старение».

В целом, современное комплексное понимание «активного старения» базируется на трех компонентах: хорошее состояние здоровья пожилых, их занятость и активная жизненная позиция. Задача стратегии активного старения состоит в том, чтобы создавать богатые возможности, среду, максимально задействовать потенциал людей преклонного возраста и снизить их зависимость от семьи и государства. Активное старение затрагивает ряд сфер политики:

- содействие занятости и социальному обеспечению;
- снижение уровня бедности;
- улучшение состояния здоровья;
- повышение уровня благосостояния и тому подобное.

Актуализация внутреннего социального потенциала пожилых людей может происходить либо за счет институциональных усилий общества, либо за счет усилий самой группы. В оптимальном

Литература:

1. *Pruchno R.A.* Successful aging: early influences and contemporary characteristics / R.A. Pruchno, M. Wilson-Genderson, M. Rose, F. Cartwright // *Gerontologist*. 2010. Vol. 50(6). P. 821–833.
2. *Walker A.* Commentary: The emergence and application of active aging in Europe / A. Walker // *Journal of Aging and Social Policy*. 2009. Vol. 21(1). P. 75–93.
3. *Depp C.A.* Definitions and predictors of successful aging: a comprehensive review of larger quantitative studies / C.A. Depp, D.V. Jeste // *American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2006. Vol. 14(1). P. 6–20.
4. *McLaughlin S.J.* Successful aging in the United States: prevalence estimates from a national sample of older adults / S.J. McLaughlin, C.M. Connell, S.G. Heeringa, L.W. Li, J.S. Roberts // *Journals of Gerontology. Series B*. 2010. Vol. 65(2). P. 216–226.
5. *Lee P.L.* Aging successfully: a four-factor model / P.L. Lee, W. Lan, T.W. Yen // *Educational Gerontology*. 2011. Vol. 37(3). P. 210–227.
6. *Chapman S.* Theorizing about aging well: Constructing a narrative / S. Chapman // *Canadian Journal on Aging*. 2005. Vol. 24. P. 9–18.
7. *Stenner P.* Older People and «Active Ageing»: Subjective aspects of ageing actively and becoming old / P. Stenner, T. McFarquhar, A. Bowling // *Journal of Health Psychology*. 2011. Vol. 16(3). P. 467–477.
8. *Walker A.* Active Ageing: A strategic policy solution to demographic ageing in the European Union /

варианте эти два пути сочетаются. Однако это происходит только в случае изначальной довольно высокой ресурсности самой группы - соответствующего уровня здоровья, материального обеспечения и т.п., то есть, сохранения характеристик, присущих группе среднего возраста.

Выводы.

В России есть определенные предпосылки для увеличения удельного веса практик реализации социального потенциала старшей возрастной группы.

- Во-первых, существует доля социально активных пожилых людей, хотя она относительно невелика по сравнению с пассивным большинством.
- Во-вторых, есть наработки, которые могут стать зародышем развертывания массовых общесоциальных программ и движений.

Однако это не может опираться только на активность общественных организаций. Нужно участие государства, СМИ, и двигаясь по этому пути саморазвития, старшая социально-демографическая группа способна превратиться из «группы для себя» в «группу для общества», сочетая удовлетворение собственных интересов с магистральными задачами общественного развития.

Literature:

1. *Pruchno R.A.* Successful aging: early influences and contemporary characteristics / R.A. Pruchno, M. Wilson-Genderson, M. Rose, F. Cartwright // *Gerontologist*. 2010. Vol. 50(6). P. 821–833.
2. *Walker A.* Commentary: The emergence and application of active aging in Europe / A. Walker // *Journal of Aging and Social Policy*. 2009. Vol. 21(1). P. 75–93.
3. *Depp C.A.* Definitions and predictors of successful aging: a comprehensive review of larger quantitative studies / C.A. Depp, D.V. Jeste // *American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2006. Vol. 14(1). P. 6–20.
4. *McLaughlin S.J.* Successful aging in the United States: prevalence estimates from a national sample of older adults / S.J. McLaughlin, C.M. Connell, S.G. Heeringa, L.W. Li, J.S. Roberts // *Journals of Gerontology. Series B*. 2010. Vol. 65(2). P. 216–226.
5. *Lee P.L.* Aging successfully: a four-factor model / P.L. Lee, W. Lan, T.W. Yen // *Educational Gerontology*. 2011. Vol. 37(3). P. 210–227.
6. *Chapman S.* Theorizing about aging well: Constructing a narrative / S. Chapman // *Canadian Journal on Aging*. 2005. Vol. 24. P. 9–18.
7. *Stenner P.* Older People and «Active Ageing»: Subjective aspects of ageing actively and becoming old / P. Stenner, T. McFarquhar, A. Bowling // *Journal of Health Psychology*. 2011. Vol. 16(3). P. 467–477.
8. *Walker A.* Active Ageing: A strategic policy solution to demographic ageing in the European Union /

A. Walker, T. Maltby // International Journal of Social Welfare. 2012. Vol. 17. P. 117–130.

9. WHO, Active Aging: A Policy Framework, WHO, Geneva, Switzerland, 2002.

10. *Stenner P.* Older people and active ageing subjective aspects of ageing actively / P. Stenner, T. McFarquhar, A. Bowling // Journal of Health Psychology. 2011. Vol. 16(3). P. 467–477.

11. *Fries J.F.* The Theory and Practice of Active Aging / J.F. Fries // Current Gerontology and Geriatrics Research. 2012. P. 1–7. DOI:10.1155/2012/420637

A. Walker, T. Maltby // International Journal of Social Welfare. 2012. Vol. 17. P. 117–130.

9. WHO, Active Aging: A Policy Framework, WHO, Geneva, Switzerland, 2002.

10. *Stenner P.* Older people and active ageing subjective aspects of ageing actively / P. Stenner, T. McFarquhar, A. Bowling // Journal of Health Psychology. 2011. Vol. 16(3). P. 467–477.

11. *Fries J.F.* The Theory and Practice of Active Aging / J.F. Fries // Current Gerontology and Geriatrics Research. 2012. P. 1–7. DOI:10.1155/2012/420637

Лилухин Андрей Михайлович
кандидат социологических наук,
доцент,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Василенко Марина Александровна
кандидат экономических наук,
доцент,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Баблюян Наталия Валериевна
кандидат социологических наук,
доцент,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Лебедева Диана Семеновна
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСОБЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

■ ■ ■

Аннотация. В данной работе рассматривается социальное неравенство как специфическая форма социальной дифференциации, при которой касты, слои, социальные группы, классы, а также отдельные индивиды находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями для удовлетворения их базовых потребностей духовного и материального толка. Под неравенством понимается неодинаковый доступ социальных групп и общностей людей к экономическим ресурсам, социальным благам, власти и культурному досугу. В том или ином виде, неравенство присутствует всегда и в любом обществе.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, российское общество, социальная структура, социальные противоречия.

■ ■ ■

Социальное неравенство возникло с момента появления у первобытного человека различий в имеющихся правах и обязанностях и усугубилось после накопления прибавочного продукта.

Andrey M. Lilyukhin
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Marina A. Vasilenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Nataliya V. Babloyan
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Diana S. Lebedeva
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

SOCIAL INEQUALITY OF RUSSIAN SOCIETY AT THE PRESENT STAGE: FEATURES AND LIMITATIONS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

■ ■ ■

Annotation. The paper considers social inequality as a specific form of social differentiation, in which castes, strata, social groups, classes, as well as individual individuals are at different levels of the vertical social hierarchy, have unequal life chances and opportunities to meet their basic spiritual and material needs. Inequality refers to the unequal access of social groups and communities of people to economic resources, social benefits, power, and cultural leisure. In one form or another, inequality is always present in any society.

Keywords: social inequality, social differentiation, Russian society, social structure, social contradictions.

■ ■ ■

То есть, мы с уверенностью можем сказать, что данная проблема преследует человечество практически всю его историю. Всегда и везде, в социуме, включенные в него люди, дифференцирова-

лись по уровню дохода – на богатых и бедных, по уровню образования – на образованных и не образованных, по уровню доступа к властным полномочиям – на тех, кто является субъектом властных отношений и руководит другими людьми, и кто в качестве объекта власти подчиняется ей и т.д. То есть, мы видим, что оснований для выделения и классификаций весьма много.

Социальное неравенство в социологии является очень актуальной и важной прикладной темой социологического изучения. Достаточно большое количество социологов работают над данной проблематикой. Как правило, для определения уровня социального неравенства в обществе обычно используют стандартные методы измерения. В данном случае, они включают в себя, как правило, экономические показатели наподобие неравномерности налоговых доходов, уровень душевых инвестиций, доступности приобретения определенных экономических благ и другие показатели. «...Для получения результатов, адекватно отражающих реальность, необходимо подходить к изучению данного вопроса комплексно, составив группу «критериев-лидеров», использование которых в общей схеме позволит приблизиться к истине» [1, с. 11].

Как правило, самым популярным методом является корреляция по двум основным экономическим критериям – богатство (запас денежных средств и прочих финансовых активов, который имеется здесь и сейчас) и доход (количество получаемых индивидом денежных средств в единицу времени). Но, далеко не всегда, использование в анализе ситуации социального неравенства только этих критериев является достаточным для качественного анализа ситуации. Зачастую, многие вопросы остаются нераскрытыми, и для их полного освещения необходимо пользоваться уже другими критериями, более подходящими для актуальной ситуации.

Таких альтернативных критериев для определения существует несколько. Ученые, занимающиеся разработкой данной проблематики, в своих исследованиях выделяют следующее: М. Вебер выделял три критерия неравенства: власть, престиж, богатство; Б. Барбер выделял такие важные критерии как уровень образования, степень религиозной частоты и ранжирование по родственным и этническим группам.

То есть, согласно маститым ученым, работающим в данной парадигме можно было определить неравенства в доходах, по количеству подчинённых, а также разницу в почёте и уважении. Но при всем при этом нередки ситуации, когда человек может иметь высокий показатель в одном критерии и низкий в другом.

Мы можем сказать, что в реальной жизни на каждый из вышеперечисленных критериев давит ряд других условий и факторов. Допустим, на осуществление рабочих функций в процессе карьеры помимо образования влияет и определенное состояние индивида (в контексте «здесь и сейчас»), и бэкграунд в плане особенностей воспитания и семейных ценностей (какие

социальные и культурные нормы являются приемлемыми в семье, уровень образования родителей и/или супруга, их социальный статус и т.д.), а также, конечно, индивидуальные личностные способности индивида, его психотип, степень стрессоустойчивости, уровень коммуникации и др.

Как правило, для анализа фактического социального неравенства в социуме используют две геометрические фигуры неравенства – пирамиду и ромб. Условное расположение имеющихся в исследуемом обществе слоёв населения в соответствии с вышеописанными критериями (от бедных к богатым) показывают нам так называемую «лестницу», которая, в свою очередь, и образует вышеуказанные фигуры.

При более пристальном рассмотрении пирамидальной структуры мы видим доминирование бедного населения в основании пирамиды, численность людей, представляющих средний класс, удручающе мала, а сверхбогатые, сосредоточенные в верхней части пирамиды, насчитывают и вовсе небольшую часть населения.

В противовес пирамидальной структуры, рассмотрим структуру ромбовидную. Данная геометрическая структура социального неравенства характерна для западного общества, которое по итогам прошедшего века перешло от пирамидальной к ромбовидной структуре. В ее основе лежит следующее: подавляющее большинство населения данного общества составляет средний класс (класс собственников), а сверхбогатые и нуждающиеся люди составляют полярное меньшинство, сосредоточенное вверху и внизу геометрического ромба (верхнее и нижнее положения фигуры).

Как мы уже выяснили в своем исследовании, для России на современном этапе развития характерна пирамидальная структура социального неравенства. В последнее время было проведено достаточно много исследований этой проблематики. К примеру, по результатам исследования высшей школы экономики за 2019 год, который включал в себя комплексный анализ субъективного восприятия населения изменений уровня и качества жизни за последние 5 лет. Форма проведения – опрос населения. Данные исследования были дополнены после их корреляции с данными Росстата. Согласно полученной информации было зафиксировано падение доходов и товарооборота у значительной части населения, что вступает в определенный диссонанс с отсутствием субъективной оценки ухудшения материального положения населения нашей страны. То есть, говоря обобщенно, можно сказать, что россияне постепенно привыкают жить хуже. Граждане постепенно привыкали к снижению потребления [2].

Также, согласно данным исследования, около 40 % населения России имели трудности с приобретением таких жизненных категорий товаров, как: питание и одежда. Что касается удовлетворения своим материальным положением, то 22 % опрошенных не удовлетворены своим материальным положением. Отсюда можно сделать

вывод, что далеко не каждый человек, испытывающий затруднения с приобретением питания и одежды, недоволен своим материальным положением. Это может быть обусловлено тем фактором, что многие люди просто привыкли жить в условиях хронического недостатка жизненно необходимых компонентов.

В целом, в категорию бедных традиционно включены одинокие пенсионеры, лица без образования, физически или психически недееспособные люди. Как мы пояснили выше, разные социальные слои населения имеют разное субъективное понимание своего экономического положения и экономической ситуации в целом. Как правило, снижение уровня субъективной бедности наблюдается у тех, кто имеет высокий показатель человеческого капитала, и обратная ситуация наблюдается у категории людей, к которым относятся многодетные семьи, одинокие люди и пенсионеры. То есть мы можем утверждать, что снижение уровня субъективной бедности в странах с большой концентрацией высокого человеческого потенциала может сигнализировать о начале позитивных изменений в экономике, ее оживлению и подъему. В контексте приведенного исследования мы видим следующую динамику – можно сказать, что по сравнению с 2015 годом 40–45 % населения высказали субъективно мысли о том, что их экономическое положение ухудшилось. Логично, что более остро проблемы в экономической сфере будут по менее обеспеченным слоям населения, которые максимально подвержены риску. В частности, рост платы за ЖКУ и увеличение стоимости лекарств привели к тому, что в среднем 20 % имеют проблемы с оплатой счетов за коммунальные услуги и не всегда могут позволить себе приобрести дорогие медикаменты.

Также, стоит отметить несоответствие декларируемого официального уровня инфляции и реальным увеличением уровня цен на рынке. Здесь стоит заметить, что официальный уровень инфляции весьма невысок и имеет тенденцию к уменьшению (согласно по данным Росстата инфляция в 2016 году составила 5,4 %, то в 2017 году показатель уменьшился и составил 5,2 %). Но невзирая на весьма оптимистичные показатели, население в целом обеспокоено существующим ростом цен на товары и услуги.

При исследовании социального неравенства мы не можем обойти существующую проблему глобальной пандемии COVID-19. В данном контексте стоит отметить, что следует отметить многочисленные опасения многих крупных международных лидеров и организаций, а также многих простых обывателей касаясь чрезмерного ограничения прав и свобод граждан в условиях пандемии коронавируса. Естественно, это крайне негативно сказывается и на проблеме социального неравенства. В частности, о латентных негативных моментах данной пандемии для прав и экономических возможностей человека высказалась верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет. По мнению Бачелет, правительствам национальных государств следует действовать, руководствуясь принципами справедливости и гуманности в рамках введения тех или иных

ограничений прав и свобод граждан в целях сдерживания распространения коронавируса. Так М. Бачелет высказала обеспокоенность в связи с «принятием в некоторых странах чрезвычайных полномочий, являющихся неограниченными и не предусматривающими пересмотра». В ряде случаев, в соответствии с замечанием верховного комиссара по правам человека, «эпидемия используется для оправдания репрессивных перемен в обычном законодательстве» (в качестве примеров таких репрессивных мер Бачелет указала имеющиеся случаи наказания журналистов за сообщения о нехватке медицинских масок и иных средств защиты, а также арест жителей некоторых стран за сообщения о коронавирусе в социальных сетях) [3].

Некоторые аспекты международных правил, касающихся вспышек пандемии, – это меры по определенному ограничению экономической свободы, что соответственно вызывает и определенные социальные и экономические последствия [4].

Достаточно большое количество отечественных экспертов также высказывают мнение, не совсем согласное с официальной позицией. Среди них бытует мнение, связанные с возможными негативными социальными эффектами и последствиями ограничений прав и свобод российских граждан, вводящихся в Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19.

Так, в соответствии с выводами, сделанными участниками круглого стола «Пандемия коронавируса и соблюдение прав человека», в настоящее время в нашей стране существует угроза того, что некоторые меры по борьбе с новой инфекцией COVID-19 могут быть лишь имитацией активной борьбы с угрозой и иметь под собой основания, способные дестабилизировать социально-экономическую систему страны, что, соответственно, негативным образом отразится на степени социального расслоения населения и социального неравенства в целом. Многие полагают, что принимаемые меры не могут быть эффективными при борьбе с инфекцией.

В целом, изучая категорию социального неравенства населения с экономической точки зрения, мы можем утверждать, что около 40 % респондентов в 2020 году отметили резкое ухудшение своего экономического положения. Большинство из них полагают, что не сможет справиться с имеющимися проблемами без поддержки государства. Кроме этого, произошедшая в 2020 девальвация рубля по отношению к доллару и евро на 20 % и 30 % соответственно крайне негативно сказалась на покупательной способности большинства россиян и привела к увеличению уровня социального неравенства в целом [5]. Соответственно, необходима разработка комплексной программы помощи государства наиболее нуждающимся слоям и социальным группам населения. Кроме этого, в связи с экономическими процессами в условиях кризиса, безусловно, наблюдаются и обострение социальных противоречий и напряженности в поллярных социально-экономических странах.

Но, невзирая на целый пласт вышеуказанных проблем, социально-экономическая ситуация в стране остается на достаточно стабильном уровне. К методам, способным улучшить ситуацию в стране в данной сфере, авторы статьи относят следующее:

– увеличение налога на прибыль для обеспеченных слоев населения;

– поддержку социально слабозащищенных слоев населения (пенсионеры, многодетные семьи, лица с ограниченными возможностями и др.) государством;

– увеличение пособий, пенсий.

Как показывает реальность, правительство РФ не считает правильной стратегией прямую раздачу материальных средств всему населению (так называемые, «вертолетные деньги»), предпо-

Литература:

1. *Мкртычева К.Б.* Становление среднего класса и его восприятие в общественном сознании россиян : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. социол. наук / К.Б. Мкртычева; Юж-Рос. гос. техн. ун-т (Новочеркас.политехн. ин-т). Новочеркасск, 2008. 24 с.

2. *Камалов Э.А.* Мониторинг общественного мнения / Э.А. Камалов, Э.Д. Понарин // Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 177–205.

3. Комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет выразила обеспокоенность последствиями пандемии для прав человека //Европейский омбудсман. 09 апреля. 2020 г. URL : <https://www.euro-ombudsman.org> (дата обращения 12.03.2021).

4. Actualizing the Responsibility to Protect 43rd Conference on the United Nations of the Next Decade. URL : <http://www.stanleyfoundation.org/publications/report/UNND808.pdf>. (режим доступа 17.03.2021).

5. Коронакризис: начало. URL : <https://bankiros.ru/news/koronavirus-i-devalvacia-rubla-cem-nas-obradoval-2020-god-6446> (дата обращения 16.03.2021).

читая адресную помощь наиболее пострадавшим от пандемии отраслям и наиболее незащищенным социальным слоям (троекратное выделение по 5 тысяч рублей детям невзирая на доход и положение их родителей). Но делать эти шаги нужно постепенно и крайне осторожно, дабы не разогнать маховик инфляции.

Подводя итог, можно сказать, что неравенство населения по различным показателям, будто то это доходы, или образование всегда было, есть и будет. Часто данное расслоение бывает из-за индивидуальности каждого человека, но не стоит забывать и другие факторы. В России социальное неравенство имеет допустимое значение. Необходимо постоянно анализировать, изучать, и конечно, контролировать уровень и принимать меры со стороны государства по снижению резкого увеличения разрыва между полярными социальными слоями.

Literature:

1. *Mkrtychev K.B.* The formation of the middle class and its perception in the public consciousness of Russians : Abstract of dis. ... for the degree of candidate of sociological sciences / K.B. Mkrtychev; South Russian State Technical University (Novocherkassk.politehn. in-t). Novocherkassk, 2008. 24 p.

2. *Kamalov E.A.* Public Opinion Monitoring / E.A. Kamalov, E.D. Ponarin / Economic and social change. 2020. № 1. P. 177–205.

3. UN Commissioner for Human Rights Michelle Bachelet expressed concern about the human rights pandemic//European Ombudsman. April 09. 2020 г. URL : <https://www.euro-ombudsman.org> (circulation date 12.03.2021).

4. Actualizing the Responsibility to Protect 43rd Conference on the United Nations of the Next Decade. URL : <http://www.stanleyfoundation.org/publications/report/UNND808.pdf> (access mode 17.03.2021).

5. Coronacrisis: the beginning. URL : <https://bankiros.ru/news/koronavirus-i-devalvacia-rubla-cem-nas-obradoval-2020-god-6446> (date of application 16.03.2021).

Литвинова Виктория Юрьевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного
технического университета,
г. Таганрог
viking0001@mail.ru

Борисова Анна Анатольевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного
технического университета,
г. Таганрог
viking0001@mail.ru

Телеш Андрей Дмитриевич

кандидат химических наук,
доцент,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного
технического университета,
г. Таганрог
viking0001@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ МИФЫ
КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ
МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ**

■ ■ ■

Аннотация. Проблема «социальной мифологии» встала в XX веке, когда «в судьбе мифа произошли существенные перемены, и он стал использоваться как обозначение различного рода иллюзорных представлений, умышленно применяемых господствующими в обществе силами для воздействия на массы». В этом и заключается актуальность данной работы.

В статье автор анализирует процесс появления и развития социальных мифов, дает определение и историографию процесса сакрализации, табуирования и мифотворчества в обществе, приводит примеры манипуляций массовым сознанием. В ней также содержится анализ опроса общественного мнения студентов Политехнического института (филиала) ДГТУ о том, какие источники информации используют современные молодые люди, и какие вопросы их волнуют более всего.

Ключевые слова: миф, табу, массовое сознание, сакрализация, табуирование, аксиология, онтология, архетип, социальное сознание.

■ ■ ■

Victoria Yu. Litvinova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Natural Sciences,
Polytechnic Institute (branch)
Don State Technical University,
Taganrog
viking0001@mail.ru

Anna A. Borisova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Polytechnic Institute (branch)
Don State Technical University,
Taganrog
viking0001@mail.ru

Andrey D. Telesh

Candidate of Chemical Sciences,
Associate Professor,
Polytechnic Institute (branch)
Don State Technical University,
Taganrog
viking0001@mail.ru

**SOCIAL MYTHS
AS A MEANS OF MANIPULATING
MASS CONSCIOUSNESS**

■ ■ ■

Annotation. The problem of «social mythology» arose in the twentieth century, when «the fate of the myth undergone significant changes, and it began to be used as a designation of various illusory ideas, deliberately used by the dominant forces in society to influence the masses». This is the relevance of this work. The subject of this article is to analyze the process of appearance and development of social myths, to define and give a historiography of sacralizing process, taboo and mythmaking in society. Author gives examples of mass consciousness manipulating. The article contains the analysis of public opinion of students of the filial branch of Don State Politechnic University in Taganrog about the sources of information young people use today and the issues they more care about.

Keywords: myth, taboo, mass consciousness, sacralization, taboo, axiology, ontology, archetype, social consciousness.

■ ■ ■

В течение всего исторического процесса слово «миф» являлось фантастическим обоснованием действительности. Мифы формировались в соответствии с особенностями мышления людей того периода. Они существовали для познания окружающей действительности. Но сейчас слово «миф» часто употребляется в идеологических высказываниях, основывается на искаженном отражении действительности. Сами мифы выступают в качестве инструмента манипуляции массовым сознанием. Из-за этого у специалистов в области психологии, философии появился повышенный интерес к феномену мифа [1]. Проблема «социальной мифологии» встала в XX веке, когда «в судьбе мифа произошли существенные перемены, и он стал использоваться как обозначение различного рода иллюзорных представлений, умышленно применяемых господствующими в обществе силами для воздействия на массы». В этом и заключается актуальность данной работы.

В 19–20 века разные философы давали разные определения социальным мифам. Например, Ж. Сорель считал, что миф – это реализация надежд и воли через действие, т.е. посредник между действенным и идеей и что в «истинном» мифе невозможно усомниться, поскольку он не нуждается в обосновании [2]. Кассирер видел в современном мире идеологическую направленность: полностью рационализированный миф, созданный ловкими и умелыми мастерами, а не богатым воображением [3]. Полосин считал, что в мифе человек находит либо ответ, либо указание на ответ на жизненно важные вопросы, тревожащие его сознание. Философ видел исток возникновения социальных мифов в потребности общества в единстве восприятия своего исторического опыта через единую мифологическую память [4].

Манипулирование массовым сознанием встречается постоянно. Без него невозможно управлять большим количеством людей без применения насилия. Власть часто навязывает ценности, идеалы, цели, которые удобны ей. Благодаря правильному скрытому манипулированию большинство людей ведут себя предсказуемо и покорно. Рассмотрим тризффективных способа манипулирования массовым сознанием, которые встречаются чаще всего – табуирование, сакрализация, мифологизация.

Табуирование – это ограничение или абсолютный запрет чего-либо. При манипулировании таким способом устанавливается запрет без объяснения причины, либо придумывается легенда, достоверность которой невозможно проверить. Табуирование может быть как положительное, так и отрицательное. Полезное табуирование позволяет уберечь людей от опасности и помогает им стать миролюбивыми, терпимыми и т.п. Например, запрет на убийство, воровство. Самое сильное табу в нашей культуре – это набор матерных слов. В советское время был полный запрет на произношение матерных слов в публичном пространстве, но в советских деревнях эти слова регулярно употреблялись. Далее в 1990-е годы начался интенсивный процесс разрушения этого

табу. Выпускались газеты, передачи, сериалы, спектакли, наполненные этими словами осознано. В 2014 году снова стало накладываться табу, ненормативная лексика стала запрещена не только в кино, СМИ, передачах, но и в обычной жизни. Примером того, как вполне нейтральные слова впитывают отношение людей, хорошо отражает пример, связанный с культурой. Возьмем два русских слова: европеец и азиат. Слово «европеец» – абсолютно нейтральное слово, житель Европы. Более того, когда мы говорим: «Он настоящий европеец» это всегда положительная оценка. Но если мы возьмем слово «азиат», то в нем присутствует некоторая негативность. Она взяла из-за плохого отношения к Азии и ее жителям. Такое происходит не только с русскими словами. Например, в немецком языке запретили слово, которое означает «цыган», потому что слово «цыган» впитало в себя негативное отношение к цыганам, как к национальности [5].

Большинство людей верят в черное и белое, хорошее и плохое и не допускают даже мысли, что возможны и другие цвета. Поэтому для манипулирования массовым сознанием порой достаточно навешать ярлыков и дальше люди будут действовать, отталкиваясь от этих базовых понятий. Люди поддаются табуированию из-за того, что не любят менять свое мнение, им проще жить с теми убеждениями, к которым они привыкли.

Сакрализация – это приписывание чему-либо или кому-либо не свойственных ему качеств. Это объявление человека святым без должного на то основания. Любой предмет можно сакрализировать и превратить в предмет поклонения. Люди постоянно наделяют различные вещи сакральным смыслом. Ритуалы, которые люди сами себе придумали. Это делает людей управляемыми, покорными. Для власти сакрализация чего-либо или кого-либо, является одной из важнейших задач. Сакрализация – очень мощный инструмент манипулирования массовым сознанием. Она ввязывает в себя даже гениев, заставляет их следовать мнению большинства, а также запрещает людям критически мыслить [6]. Людям часто нужен сакральный герой, чтобы чувствовать себя комфортно, чтобы знать, кого слушать, кому верить, на кого положиться. Поэтому ими так легко манипулировать с помощью авторитетных личностей. Любые действия и любого человека можно объявить сакральными. Главное – заставить большинство людей поверить в сакральность чего-то или кого-то.

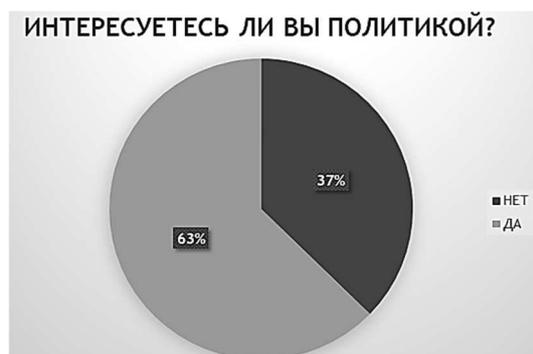
Мифологизация – это создание по большей части вымышленных историй. В этом типе манипуляции речь идет о прошлом, историю можно выдумать любую, проверить ее истинность не удастся. Например, можно сослаться на секретные документы спецслужб, где якобы хранится истина, проверить содержимое которых простому человеку не получится. Для манипулирования массовым сознанием с помощью мифологизации важно, чтобы большинство людей верило в одну и ту же историю. Например, если убедить народ в том, что усугубление алкоголя является его национальной традицией и даже его достоинством, то многие представители этого народа станут

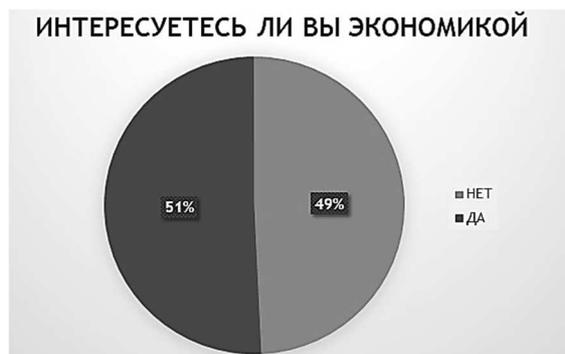
оправдывать этим свое пьянство и будут это культивировать. Так же к примерам мифологизации можно отнести любые теории заговора, например, заговор против России. По данным опроса ВЦИОМ более 60 % россиян верят, что существует некая группа людей, которая хочет разрушить традиционные духовные ценности русского народа, хотят переписать историю России, и вообще любые действия направлены против русского народа.

28 панфиловцев. Легендарный подвиг был включён в школьные и вузовские учебники по истории, а 28 героев упоминаются в гимне Москвы до сих пор, существуют памятники, где увековечены их имена. Но на деле это лишь простая мифологизация истории, участников было не 28, а целый полк. Министр образования России в интервью агентству Интерфакс заявила, что мифологизация истории необходима для воодушевления народа, что народу нужны герои.

С помощью социального мифа можно навязать обществу определенные стандарты жизни, определенное мировоззрение, поведение, традиции, ценности, ритуалы и т.д. Различные мифы – социальные, экономические, политические – производятся в огромных количествах. Несмотря на иллюзорный характер, они оказывают реальное воздействие на социальную жизнь людей, в том числе молодежи [7].

В Политехническом институте (филиале) ДГТУ проведен опрос среди студентов (120 респондентов) на тему, откуда берут информацию современные молодые люди. В результате опроса был выявлен ряд Интернет-порталов, которыми пользуются для просмотра новостей наибольшее количество респондентов: 30 % респондентов указали ВКонтакте, по 20 % у Яндекса и Youtube, 9 % Instagram, и замыкает этот список с 7 % Google и Telegramm. Остальные интернет порталы были указаны 1–2 % респондентами.

Подводя итоги опроса, можно сказать, что молодежь сегодня, формируя мнение об окружающем их мире, экономической и политической обстановке вокруг себя, опирается больше на независимые источники в интернете, чем на официальные СМИ. Несмотря на существующий социальный миф о негативном влиянии всемирной паутины на разум и душу молодого человека опрос свидетельствует о достаточном интересе молодежи к современной ситуации в России, и о понимании социальных и экономических проблем России. Молодые люди задают существенные вопросы: «Где и на что жить?», «Где работать?», «Где учиться?», «Где отдыхать?» Можно сказать, что сама жизнь диктует молодому человеку главные вызовы, на которые он должен отвечать, очень большое влияние на формирование взглядов молодежи оказывает семья.

Литература:

1. Рамазанова А.Х. Миф как средство управления и манипуляции / А.Х. Рамазанова // Вестник КазНУ. 2010.
2. Климова И.А. Теория социальных мифов Жоржа Сореля / И.А. Климова // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 129–151.
3. Шкурова М.В. Проблема мифа в «философии символических форм» Э. Кассирера / М.В. Шкурова // Гуманитарные исследования в восточной сибирей и на дальнем востоке. 2016. № 1. С. 124–128.

В современном обществе, в огромном потоке информации необходимо, чтобы человек обладал критическим мышлением, достаточным уровнем образованности, доступом к различным источникам информации, методами поиска и анализа достоверной информации по интересующей его теме. Человек должен обладать навыками самостоятельной работы с информацией, с библиотечными и интернет ресурсами, позитивным, конструктивным мышлением. Он должен использовать авторитетные издания, труды признанных ученых, результаты социологических и других гуманитарных наук. Главное – не поддаваться на различные экстремистские призывы, дестабилизирующие современную жизнь. Задача молодого человека получить достойное образование и занять свое место в социуме.

Literature:

1. Ramazanova A.H. Myth as a means of control and manipulation / A.H. Ramazanova // Bulletin of KazNU. 2010.
2. Klimova I.A. The theory of social myths of Georges Sorel / I.A. Klimova // Sociological journal. 2002. № 1. P. 129–151.
3. Shkurova M.V. The problem of myth in the «philosophy of symbolic forms» of E. Cassirer / M.V. Shkurov // Humanitarian research in eastern Siberia and the far east. 2016. № 1. P. 124–128.

4. *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М. : Ладомир, 1999. С. 40–94.

5. Как говорить о деньгах и политике. URL : <https://theoryandpractice.ru/posts/17945-kak-govorit-o-dengakh-i-politike-yazykovye-tabu> (дата обращения 15.11.20).

6. Манипуляция массовым сознанием. URL : <https://psichel.ru/manipulyatsiya-massovym-soznaniem> (дата обращения 15.11.20).

7. *Литвинова В.Ю.* Мифы, как средство манипуляции массовым сознанием / В.Ю. Литвинова, В.В. Литвинова, М.П. Олейник // Сборник трудов «Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых». 03 декабря 2020 г. Таганрог : ЭльДирект, 2020. С. 42–45.

4. *Polosin V.S.* Myth. Religion. State: a study of political mythology. M. : Ladamir, 1999. P. 40–94.

5. How to talk about money and politics. URL : <https://theoryandpractice.ru/posts/17945-kak-govorit-o-dengakh-i-politike-yazykovye-tabu> (date of application 15.11.20).

6. Manipulation of mass consciousness. URL : <https://psichel.ru/manipulyatsiya-massovym-soznaniem> (date of application 15.11.20).

7. *Litvinova V.Yu.* Myths, as a means of manipulating mass consciousness / V.Yu. Litvinova, V.V. Litvinova, M.P. Oleinik // Collection of works «All-Russian scientific and practical confession of students and young scientists». December 03, 2020 Taganrog : EIDirect, 2020. P. 42–45.

Магаррамов Магаррам Джабраилович

доктор философских наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
Региональный центр
этнополитических исследований,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
m.magarram@gmail.com

Magarram D. Magarramov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Lead Researcher,
Regional Centre
Ethnopolitical Studies,
Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Sciences
m.magarram@gmail.com

**ОБРАЗ ЖИЗНИ РОССИЯН
В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**THE WAY OF LIFE OF RUSSIANS
IN THE CONTEXT OF CHALLENGES AND
THREATS TO NATIONAL SECURITY**

Аннотация. Исследование посвящено социологическому анализу образа жизни различных слоёв населения современной России, в контексте предотвращения вызовов и угроз общенациональной безопасности.

Используя эмпирические данные, а также - теоретические обобщения, сформулированы выводы, имеющие аксиологическое и праксиологическое значение в направлении сознательного управления процессами, ориентированными на постоянную работу властно-политических институтов по улучшению жизни и быта россиян параллельно с деятельностью по обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: образ жизни россиян, социалистический образ жизни, разновидности общенациональной безопасности, объективные и субъективные условия, способствующие улучшению образа жизни россиян, безработица, инфляция, цифровая экономика, венчурные технологии и т.д.

Annotation. The study is devoted to the sociological analysis of the lifestyle of various segments of the population of modern Russia, in the context of preventing challenges and threats to national security.

Using empirical data, as well as theoretical generalizations, conclusions are formulated that have axiological and praxiological significance in the direction of conscious management of processes aimed at the constant work of power and political institutions to improve the life and everyday life of Russians in parallel with the activities to ensure the security of the individual, society and the state.

Keywords: the way of life of Russians, the socialist way of life, varieties of national security, objective and subjective conditions that contribute to improving the way of life of Russians, unemployment, inflation, the digital economy, venture technologies, etc.

В условиях развитого социализма среди представителей научно-социологической общест-венности активно и оправданно обсуждалась тема специфики и особенностей социалистического образа жизни как важной составляющей категории «общественное бытие».

Сегодня, когда мы, россияне, живём в условиях постсоветского этапа общественного развития, вышеуказанная категория не должна выбывать из научно-социологического оборота, поскольку как справедливо и глубоко заметил один из известных учёных-социологов XIX столетия «общественное бытие людей определяет их общественное сознание» и, наоборот. По сути, речь идёт о диалектическом взаимодействии элементов общественного бытия и общественного сознания.

Обращение к указанной проблеме обусловлено отсутствием сколько-нибудь значимых научных

исследований по проблеме современного российского образа жизни и его влиянии на процесс обеспечения общенациональной безопасности.

Было бы логически оправданным сформулировать определение российского образа жизни. Он представляет собой объективный процесс воспроизводства людей, детерминированный способом производства материальных благ, субъективными условиями, в числе которых индивидуальное и общественное сознание людей с уровнями, видами и формами такого сознания, культурой, взаимного их существования на основе личной свободы.

Таким образом, важнейшими детерминантами, предопределяющими, содержание и сущность образа жизни современного россиянина выступают бытие и сознание, объективное и субъективное, материальное и идеальное, в своей совокупности, имманентно соприкасающиеся с разными

гранями общенациональной безопасности российского общества и государства. Такими конкретными гранями выступает экономическая, политическая, социальная, духовно-нравственная, военная, экологическая, информационная и иные разновидности безопасности. Отсюда можно умозаключить: в какой степени диалектически взаимодействуют между собой общественное бытие и общественное сознание людей, в такой же степени они дихотомично, амбивалентно, синергично взаимодействуют с изложенными видами национальной безопасности [1], предопределяют их качественное состояние, решают конечную судьбу личности, общества и государства. Именно по этой причине, важно определить разные срезы образа жизни россиян, его содержание, институциональные основы, динамику, направление развития, качественное состояние, неуправляемое развитие и сознательное, разумное управление ими. Всё это, в конечном итоге, даст необходимый рабочий инструментарий представителям политико-правовых институтов снять изъятые и ненужные барьеры с пути обеспечения процветающего образа жизни россиян. А это есть нечто иное как – образ жизни людей в качестве гаранта общенациональной безопасности. В этом логика настоящего исследования и концепция в целом.

Как нам представляется, условно можно выделить следующие срезы образа жизни современных россиян:

- а) детей, обучающихся в дошкольных образовательных учреждениях (далее: ДОО);
- б) школьников, студентов и аспирантов;
- в) интеллигенции – деятелей науки, образования, культуры и искусства;
- г) младшего медицинского персонала и врачей;
- д) инженерно-технических работников;
- е) работников правоохранительных и правоприменительных органов;
- ж) предпринимателей;
- з) пенсионеров;
- и) священнослужителей.

Отметим, что в советское время при анализе образа жизни советских людей, обычно, говорили об образе жизни рабочего класса, колхозного крестьянства и незначительной социальной прослойки людей – интеллигенции. И сегодня, подвергая анализу образ жизни современных россиян, можно идти по этому пути, но ранее выстроенная и приведённая нами иерархия анализа разновидностей образа жизни представляется более емкой, содержательной и всеохватной.

Начнём с характеристики *образа жизни наших дошколят* – будущих политиков, педагогов, инженеров, врачей и людей самых разных профессий. Главным составляющим индикатором их положительной и предварительной социализации высту-

пает семья и психолого-педагогический коллектив детских дошкольных образовательных учреждений. Значит, морально-нравственный климат в каждой российской семье, степень морально-нравственного взросления воспитателей таких учреждений – есть те основные детерминанты, предопределяющие последующую социальную конституцию будущего школьника. Вместе с тем, важно состояние самих учреждений в плане обустройства жизни и быта наших с вами детей, величина заработной платы, получаемой педагогами в таких учреждениях, наличие материальных и социальных гарантий при осуществлении ими этой деятельности. Одним словом, образ жизни детей дошкольных образовательных учреждений обусловлен их возрастом, интересами, отношением к ним родителей и педагогов. В целом он ориентирован на их подготовку к успешной деятельности в школе.

Теперь коснемся *образа жизни российских школьников*. Опять-таки, он также, как и в условиях ДОО, детерминирован воспитанием и образованием, даваемыми педагогами и родителями, той социальной средой, атмосферой, формируемой в рамках общеобразовательных школ. Нам представляется, что эта атмосфера будет более созидательной, жизнеутверждающей, гуманной и радостной при условии социального патернализма государства в отношении педагогов в плане увеличения величины заработной платы и их социальной защищённости. Между тем, к ним такое отношение было в условиях советского периода развития нашего общества. Отсюда – низкая преступность среди школьной молодёжи того периода, тяга к обучению и образованию, массовый патриотизм и, в целом ряде случаев – героизм при осуществлении вчерашними школьниками своего интернационального долга в условиях демократической республики Афганистан. И тут возникает вопрос: Возможен ли такой героизм сегодня, в нынешних условиях развития России? Да, возможен! Вчерашние школьники, военнослужащие, проходившие и проходящие службу в Сирии, доказали состоятельность этого тезиса. Только уровень школьной преступности сегодня по сравнению с советским периодом, все-таки, остаётся высоким. В чём же причины? Они носят как объективный, так и субъективный характер. В советское время практически не было безработицы, а сегодня она есть. Наличие работы у родителей в условиях советского периода развития общества давало материальные и социальные гарантии полноценного существования, как им, так и их детям. А сегодня безработные родители сами являются потенциальными правонарушителями, и что тут скажешь относительно правонарушений, допускаемых их детьми? Поэтому, создание новых производственных мощностей в стране, новых рабочих мест – есть один из путей минимизации безработицы в нашей стране, снижения школьной и общей преступности.

Другой срез образа жизни современных школьников – их хроническая зависимость от всякого рода гаджетов, игромания и игровая аддикция (зависимость). К большому сожалению, Интернет-пространство многие из них используют не для повышения уровня знаний, умений и навыков, а для

пустого по сути времяпрепровождения. В итоге, на выходе из средней школы мы получаем функционально неграмотного выпускника, который посредством ЕГЭ (рудимент западной модели образования) становится таким же неграмотным студентом, а затем – и таким же специалистом.

Теперь, о тенденциях развития школьного образования. В стране сегодня учащиеся занимаются по ФГОС 2-го поколения. Его недостатки заключаются в значительном снижении количества аудиторных часов, ранее отводимых на постижение основ истории отечества, русской и национальной литературы, культуры и традиций народов России и других гуманитарных дисциплин. Это является недопустимым излишеством. Поэтому количество аудиторных часов, отводимых на постижение азов вышеуказанных школьных предметов, должно быть увеличено существенно. Более того, в школьную программу дополнительно должны быть включены основы этики и эстетики, отечественной и мировой культуры, правоведения, возможность читать спецкурсы по основам гуманизма и нравственности. Это тот неполный перечень шагов, необходимых предпринять для гуманизации и гуманитаризации отечественного школьного образования, вкрапления в юношеское сознание основ патриотизма, гуманизма, толерантности, индивидуальной и общечеловеческой культуры, нравственности и правосознания, достижения высокого уважения действующему в стране режиму законности и правопорядка.

Следует подчеркнуть положительные новации, происходящие в средней школе в отношении учеников младших классов. Так, по прямому указанию главы нашего государства В.В. Путина, этой категории учеников с первого сентября прошлого года (2020) начали давать полноценное бесплатное питание. Это является проявлением социального патернализма со стороны государства по отношению к нашим младшим согражданам и их родителям, поскольку последним, в данном случае, оказывается дополнительная материальная поддержка, ибо поддержка детей – есть поддержка их родителей. В этой связи, следует заметить, что в советское время ученикам старших классов из числа многодетных семей бесплатно выдавалась школьная форма. И сегодня можно было бы идти по этому пути и, как один из вариантов, замена выдачи школьной формы соответствующей денежной компенсацией. Во всяком случае, государство вряд ли от этого обеднело бы, но социальную заботу с его стороны граждане оценили бы положительно. И это повысило бы престиж, уважение институтов власти и управления в глазах людей, что, в конечном итоге, сыграло бы положительную роль в обеспечении социальной безопасности.

Образ жизни современного российского студента и аспиранта, опять-таки, детерминирован материальными условиями их жизни и деятельности. И студенты, и аспиранты сегодня в нашей стране получают не так уж и высокую стипендию. Ее, разве что, хватает на недельный срок их существования. А за оставшееся время они своим социальным бременем ложатся на плечи родителей. Без этого у них нет собственных

возможностей на полноценное питание и покупку необходимой одежды, приобретение книг, обретение доступа в Интернет для получения и закрепления знаний, навыков и умений. По этой причине, многие из них после занятий стараются, как у нас говорят в простонародье, подработать на стороне, а, между тем, то драгоценное время, необходимое для подготовки к теоретическим и практическим занятиям, утрачивается. Как логический итог – страдает качество получаемого высшего и послевузовского образования.

Государством в последние десятилетия поддерживается финансирование процесса подготовки специалистов с техническим образованием, видя в этом панацею для решения всех назревших проблем в области промышленности и сельского хозяйства. И это в известной степени оправдано. В то же самое время, сокращается количество бюджетных мест для специалистов-гуманитариев. В этой связи, хочется отметить, что как в природе не существует медали, с одной стороны, так и вряд ли может быть в стране полноценное высшее и послевузовское образование с только лишь технической канвой. К примеру, философия, как гуманитарная дисциплина, во все времена проведения научных исследований в области естественных наук, содержала в себе потенциал методов и методологии, использованный и потребляемый специалистами в области технических наук. В то же самое время, открытия ученых естествоведов, используемые в области промышленности и сельского хозяйства, дают материальные выгоды, обретаемые всей страной. Или специалисты-юристы, они же гуманитарии. Без них трудно себе представить государственное управление и гармоничное существование властно-политических институтов. Мы живём в обществе права и закона. Степень их развитости, цивилизованности – есть атрибут развитости, совершенства и цивилизованности государства и общества. А законодотворцы в идеальном государстве по своей специальности должны быть юристами, и государство по этой причине финансирует бюджетные места, ориентированные на подготовку будущих юристов. Они же, в последующем, и политики, и судьи, и прокурорские работники, и адвокаты, и нотариусы, и юрисконсульты – часть нашего общества, без которых вообще немислимо гармоничное существование всех людей на основе их личной свободы. Одним словом, при государственном финансировании бюджетных мест, вряд ли является оправданным явный перекос в сторону поддержки процесса подготовки специалистов естественнонаучных специальностей, ибо должен быть своеобразный баланс учёта интересов будущих гуманитариев и специалистов естественнонаучного направления.

Теперь обозначим некоторые контуры образа жизни российской интеллигенции – деятелей науки, образования, культуры и искусства. Начнём с того, что общество и государство обречены на погибель без поддержки науки, научных изысканий и научных исследований. Наука всегда выступала областью человеческой деятельности, где вырабатывается новое знание, имеющее практическое значение. Немного ранее мы говорили о науке и научных исследованиях,

применительно к описанию образа жизни российских аспирантов. Но есть, что сказать и сейчас. Баз науки нет ни Ноу-хау, ни НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок), а без них нет прорывных, венчурных, конкурентно способных технологий. Без всего этого страна может оказаться на задворках мирового прогресса, быть в роли, когда необходимо догнать поезд с высокоразвитыми и высокотехнологичными производствами, а поезд с ними может уйти далеко, и видны будут только его уходящие красные огоньки.

Благо, что высшее политическое руководство нашей страны делает многое для поддержки научных изысканий, воплощения их результатов в непосредственный технологический процесс.

Глава государства в марте 2021 года на встрече с министром науки и высшего образования науки В.Н. Фальковым справедливо не согласился с мыслью министра о поддержке государством исключительно только молодых учёных. Ведь значительное количество научных изысканий и открытий делается и учеными старших поколений. Наверно, следует говорить о социальной поддержке всех учёных России безотносительно их возраста. Это будет и справедливо, и оправдано.

Нам представляется, что существующие надбавки ученым России за учёную степень кандидата наук – три тысячи рублей и докторам – семь тысяч давно устарели, являются анахронизмом и у их коллег на Западе вызывает, разве что, только усмешку. В том числе, по этой причине в нашей стране год от года сокращается число людей, занимающихся научной деятельностью, и, таким образом, тормозится процесс омоложения научных кадров. Между тем, в бывшем СССР доктор наук, профессор получал заработную плату почти равную уровню заработной платы первого секретаря обкома КПСС, имел право на получение социального жилья с отдельным рабочим кабинетом и некоторые другие меры социальной поддержки. Вот так советское партия и правительство заботилось об учёных. У нас в стране сегодня очень далеко до этих мер социальной поддержки деятелей науки, хотя для этого необходимы не такие уж высокие материальные и денежные средства, а нужны политическая воля и запуск правового механизма для их реализации.

Существующая грантовая форма финансирования научных исследований, требует внедрения иных форм государственного патернализма научных исследований, проводимых АН России и его структурными подразделениями, где год от года идёт процесс сокращения фонда заработной платы сотрудников, проводящих научные исследования.

Предлагаемые варианты введения в стране прогрессивной шкалы налогообложения лидерами некоторых политических партий являются жизненно оправданными, востребованными и социально справедливыми. Деньги, полученные в результате этих новаций, в том числе, могли бы быть направлены на поддержку деятелей отечественной науки и образования.

Образ жизни деятелей культуры и искусства обусловлен их повседневной жизнью и профессиональной деятельностью. За постсоветский период развития нашего общества ими сделано достаточно много как в области культуры материальной, так и духовной, хотя в лихие 90-е годы прошлого столетия им, как и почти всем согражданам, было нелегко, но они сохранили профессиональное предназначение и выстояли под напором грабительских либеральных рыночных реформ.

Без высокой культуры и искусства нет духовности и духовной культуры, а без духовности – пустота и запустенье. Зная это, публичная власть нашей страны всячески старается материально поддерживать деятелей и учреждения культуры. А это – вложения в нашу с вами духовность, возвышенную, элитарную отечественную культуру и искусство.

Немного остановимся на характеристике современного образа жизни младшего медицинского персонала и врачей России. Гуманней, наверно, не бывает профессии, нежели профессии медицинского работника. Тысячи и тысячи спасённых жизней – вот главный итог их повседневной деятельности. А в условиях пандемии – двух, а то и трехкратный рост нагрузки на них. Все они выдержали. Государство не оставило их один на один с бедой. Оно осуществило достаточно емкий финансовый патронаж таких работников и, как результат, инфекция мало-помалу отступает. С ней будет покончено. Здесь ведь неоценимой оказалась роль сотрудников научных медицинских учреждений, изобретших три вакцины, им равных по эффективности действия нет во всём мире. И это особенность образа жизни одних российских людей, помогающая и могущая помочь миллионам и миллионам сограждан, гражданам других государств, всему человечеству.

Обозначим некоторые контуры *современного образа жизни инженерно-технических работников* нашей страны. Сегодня, как и в советские времена, трудно себе представить сколько-нибудь значимую отрасль материального производства, которая могла бы просуществовать без инженерно-технических работников. Да, сегодня производство цифровизируется и адекватно этому процессу меняются требования к этим работникам. Повседневный образ их жизни связан с непосредственной производственной деятельностью, а сторона быта и семьи, как всегда, зависит от материального достатка, то есть, величины той заработной платы, которую они получают. Скажем лаконично – уровень их заработной платы достаточно высокий, поскольку их специальность сегодня является востребованной в свете развития отраслей материального производства. Есть надежда, что этот уровень и далее будет повышаться с ростом общего благосостояния россиян.

Есть смысл остановиться на *образе жизни современных работников правоохранительных и правоприменительных органов* нашей страны. К их числу можно условно отнести работников властно-политических институтов, ФСБ, судов, прокуратуры, военнослужащих вооружённых сил

России, войск национальной гвардии, МВД, МЧС, таможенных органов, лесного и водного хозяйства, горгостехнадзора и др.

Общим, объединяющим их деятельность условием, является её строгая регламентация кодифицированными и иными нормативно-правовыми актами. К профессиональному образу жизни работников правоохранительных и правоприменительных органов у государства и общества имеются особые, жесткие требования, вытекающие из их обязанностей по защите общества и государства, прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций, выполняя которые они, порой, рискуют самым главным – жизнью и здоровьем. И по этой причине, совершенно справедливо они получают относительно высокие заработные платы, что позволяет им и членам их семей относительно безболезненно решать повседневные вопросы жизни и быта.

Одним словом, власть есть во всех государствах современного мира, она есть и в России. Легитимность её ни у кого не должна вызывать сомнений и, по этой причине, она заслуживает всемерной поддержки со стороны рядовых граждан.

Образ жизни работников правоохранительных и правоприменительных органов нацелен на обеспечение всех существующих разновидностей безопасности общества и государства и, в целом – на обеспечение общенациональной безопасности современной России.

Образ жизни представителей оппозиции в современной России. Он обусловлен их повседневной жизнью и осуществляемой деятельностью. В этой связи есть смысл обозначить несколько посылок. *Во-первых*, нужно выделить две разновидности российской оппозиции – системную и маргинальную. *Во-вторых*, системную оппозиционную деятельность осуществляют представители различных политических партий на федеральном, региональном и местном уровнях, и такая их работа направлена на улучшение жизни и быта россиян, на созидание, а не на разрушение.

В-третьих, оппозиционеры-маргиналы, зовущие Русь к топору, осуществляют зловредную и бесперспективную работу, направленную на разрушение деятельности устоявшихся властно-политических институтов, по злонамеренной дискредитации всенародно избранных лидеров современного российского государства. Им нужны великие потрясения, а нам – великая Россия. Если хотите честно, то оппозиционеры-маргиналы выступают в роли пятой колонны, получившей соответствующую грязную мзду от своих трансатлантических покровителей-киллеров и выполняют их политический заказ. Средства, полученные от указанных спонсоров, используют как на свои собственные меркантильные, грязные нужды, так и на подкуп российского обывателя, необразованной части российской молодёжи. Они не понимают или не хотят понять то, что нашей стране хватит потрясений, ибо они ни к чему хорошему в её истории не приводили. Только эволюционный путь развития нашей страны является имманентно присущим массовому общественному

сознанию современных россиян, только он приводит к великим преобразованиям и результатам, и только такая стратегия развития нашей страны не устраивает наших недругов, в том числе и горе-оппозиционеров. Оскорбление, допускаемое ими в адрес ветеранов Великой Отечественной войны, – это оскорбление всего российского народа, её истории, светлой памяти, пролитой за Родину крови, грядущих и будущих поколений сограждан. Такой образ жизни не приемлем для всех россиян, ибо все знают, что нельзя предавать свою Родину; предавший Родину, предаст и родную мать, а она, как и Родина – одна.

Следующий срез анализа – *образ жизни российских предпринимателей*. Предпринимательской является деятельность, осуществляемая на свой страх и риск, направленная на систематическое извлечение прибыли. Именно из этой деятельности следует определить содержание образа жизни российских бизнесменов.

Представляется, что необходимо отличить бизнес мелкий, средний и крупный. Отсюда, при сходстве основной цели деятельности образ жизни этой категории людей – систематическое извлечение прибыли, они отличаются уровнем жизни и быта, выполняемой работой, получаемой прибылью, реализуемыми задачами ради собственных, так и общественно значимых проектов.

В советское время такой прослойки людей легально вообще не существовало после 1929 года, то есть, со времени конца НЭП. Если они и находились далее, то государство их преследовало силой действия уголовного закона посредством статьи о спекуляции. В нынешние времена они – важная, составная часть экономического уклада людей. По нашему мнению, государству необходимо и далее предоставлять правовые и экономические гарантии свободного осуществления ими своей деятельности, и, в то же самое время, у предпринимателей должна быть ответственность перед государственными, прежде всего, налоговыми органами. Ведь негоже – получать прибыль и не платить при этом налоги.

К большому сожалению, у нас в стране тенденция такова, что недостаточно мобильно и быстро развивается предпринимательская деятельность в производящем секторе экономики – промышленности и сельском хозяйстве. Отсюда – безработица и социальная не устроенность части сограждан – социальная база для недовольства людей – источник социальной напряжённости и подрыв социальной безопасности общества и государства.

Сегодня, сентенции относительно того, что для эффективного развития хозяйственного механизма нам необходимы иностранные инвестиции являются ничем не подкреплёнными и неоправданными по той причине, что накопленные страной резервы должны быть использованы для создания новых и модернизации устаревших предприятий. Речь идёт об обеспечении экономической безопасности государства, как на макро-, так и на микро- уровнях. Это даст кумулятивный эффект росту валового внутреннего продукта,

диверсификации производства, переливу капиталов из одной отрасли в другую, снижению цен, уровня безработицы, инфляции и существующей социальной неустойчивости части людей, повышению покупательной способности рубля, уровня социальной и экономической безопасности общества и государства.

Обозначим некоторые контуры образа жизни российских пенсионеров.

Необходимо отметить, что пенсионеры – это часть населения страны, получающих денежные выплаты в форме пенсий в силу закона «О государственных пенсиях в РФ». Ст. 3 этого закона предусмотрены следующие разновидности пенсий:

- а) по старости (по возрасту);
- б) по инвалидности;
- в) по случаю потери кормильца;
- г) за выслугу лет.

Отсюда и различается образ жизни получателей пенсий. То есть, жизнь, быт, разного рода потребности этих людей во многом обусловлены теми денежными выплатами, которые они получают от государства в силу наличия, условий, указанных в приведённом законе. Такими выплатами государство обеспечивает справедливость и конкретное её проявление в форме социальной справедливости, в том числе, для обеспечения социальной безопасности, финансовыми мерами, снимая напряжённость в обществе и государстве.

Образ жизни пенсионеров, как, впрочем, и всех потребителей бюджета, может сильно измениться в лучшую сторону по мере улучшения экономической ситуации в стране. Для этого необходимо иметь терпение, выждать наступление указанного состояния в экономике и понимать, что власть держащие ничуть не желают платить пенсий поменьше. Они всегда исходят из реальных экономических показателей, позволяющих им поступать соответствующим образом. То есть, власти всегда хочется платить больше, но экономика и её состояние не могут позволить сделать это.

Справедливости ради отметим, что российское государство, по сравнению со многими государствами ближнего зарубежья, стабильно и систематически выплачивает пенсии, индексирует их, и вопрос их ежегодного повышения в недавнем прошлом стал одной из максим Основного закона страны.

Образ жизни российских священнослужителей предопределен существующими у нас в стране формами вероисповедания – христианством, мусульманством, буддизмом и иудаизмом. По своей сути, требования и каноны этих религий составляют квинтэссенцию духовности значительной части россиян, ориентируют их на нравственные, социально-ценностные и гуманные поступки. По этой причине вера людей остается вечной и неугасаемой, тяготеющей к себе всё новые и новые поколения людей, была неугасаемой в

разные эпохи богоборчества и духоборства, ориентирует россиян на мир, социальное спокойствие и благоденствие. Без этих религий трудно себе представить процесс формирования у части россиян религиозного мировоззрения и адекватной ему религиозной культуры. В этом смысле, религиозная культура ничуть не вступает в противоречие со светским мировоззрением и со светской культурой. Речь, скорее, идёт о синкретизме светского и религиозного мировоззрения и обусловленной ими светской и религиозной культуры, как неотъемлемой части общечеловеческой культуры. В том числе, по этой причине светская власть современной России материально поддерживает процесс строительства всё новых и новых храмов, мечетей, доцанов и синагог.

Воспитательная и, в целом, духовная деятельность, осуществляемая российскими священнослужителями, отвечает интересам общества и государства, является одним из гарантов достижения духовной безопасности нашей страны.

Образ жизни священнослужителя является для всех россиян примером нравственности, добропорядочности, гуманизма и самопожертвования. Именно священнослужители России сегодня справедливо и оправданно выступают против тлетворного влияния западного образа жизни на нашу молодежь, закрепляющего однополюсные браки, разврат, насилие, эгоизм и всё чуждое нравственным устоям, охраняемым светскими и духовными основами нашей страны.

Завершая это исследование, отметим, что оно было посвящено анализу взаимовлияния образа жизни современных российских людей на процесс обеспечения национальной безопасности. В процессе работы над исследованием стало очевидно следующее:

– нами обозначены лишь контуры проблемы образа жизни россиян в контексте вызовов и угроз национальной безопасности, поэтому анализ различных аспектов вопроса остаётся всё ещё актуальным и востребованным;

– состояние образа жизни современных российских людей, уровень его обеспеченности и самодостаточности имеет под собой объективные и субъективные основы, которые предопределяют его качество и, в то же самое время, такое качество служит основой, механизмом обеспечения общенациональной безопасности – такова диалектика этого процесса;

– экономической основой современного образа жизни россиян, его становым хребтом является социально-ориентированная рыночная экономика с многообразием форм собственности и хозяйствования. Цифровая экономика, современное высокотехнологичное производство в области промышленности и сельского хозяйства, работники, могущие осуществлять свою деятельность в рамках таких производств; возможность свободно осуществлять свои способности к труду и, получать адекватный уровень заработной платы, тяготение людей к самодостаточности и обеспеченности;

– уровни, виды и формы общественного сознания являются индикаторами, характеризующими степень их развитости в условиях современного российского общества, субъективными основами, предопределяющими высокий уровень нравственного, правового, эстетического, политического и философского сознания людей – идеальными основами их образа жизни и процесса обеспечения общенациональной безопасности современной России;

– демократический образ жизни современных россиян, в своей основе, покоится на традиционных представлениях людей о добре и зле, правде и кривде, героизме и трусости, патриотизме и космополитизме, интернационализме и национализме, дружбе народов и вражде между ними, альтруизме и скупости, благодарности и

Литература:

1. Юсупова Г.И. Этнокультурное измерение региональной безопасности / Г.И. Юсупова // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-5 (56). С. 378–380.

подлости, благородной возвышенности и низости, безопасной рачительности и разгильдяйстве и во многом другом;

– для обеспечения идеального образа жизни россиян необходимы совместные усилия отдельно взятой личности, групп людей, общества и государства в целом. Это требует совершенствования материальных и идеальных основ общества и государства, обеспечения их безопасности в условиях глобализации, противостояния нежелательным трансформациям, поддержки исторической, культурной самобытности народов, преемственности в процессе сохранения предназначения властно-политических институтов, начиная с момента образования русского централизованного государства до сегодняшних дней.

Literature:

1. Yusupova G.I. Ethno-cultural dimension of regional security / G.I. Yusupova // Eurasian Scientific Association. 2019. № 10-5(56). P. 378–380.

Мельникова Наталия Евгеньевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
melnikovane@yandex.ru

Третьякова Ирина Дмитриевна
студентка 4 курса
кафедры социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
itret_99@list.ru

СТРАТЕГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные со стратегиями потребления студентов вузов и факторов выбора товаров повседневного спроса в условиях до и после пандемии. По материалам эмпирико-прикладного социологического исследования определено соотношение между стратегиями потребления в период до и в период пандемии COVID-19, представлено место экологического фактора в стратегиях потребления студентов государственного университета «Дубна», отмечены составляющие экологического фактора, проанализирована готовность студентов учитывать экологичность в стратегиях потребления, проведен сравнительный анализ полученных данных с результатами исследования ВЦИОМ.

Ключевые слова: стратегии потребления, стратегии потребления студентов вузов, факторы, определяющие потребительские стратегии студентов, экологичность.

Одной из глобальных проблем современности, игнорировать которую сегодня невозможно, выступает загрязнение окружающей среды. В исследовании Р. Гейлера (R. Geyley), проведенного в 2017 г., отмечается, что в мире произведено около 8 млрд тонн пластика, 3/4 которого сегодня стало мусором, а на переработку отправляется только 9 % [9]. Издание Science Advances прогнозирует, что если мировая политика в области экологии не изменится, то уже к 2050 году на Земле будет около 12 млрд тонн пластикового мусора. Пандемия внесла свои дополнения в пул уже имеющихся проблем [7]. Появились тонны выброшенных масок, перчаток, упаковок из-под санитайзеров. В 2020 г. медленно, но уверенно развивавшаяся культура осознанного потребления столкнулась с кризисом приоритетов. Бум пластика в погоне за безопасностью отодвинул экологию на второй план. Его

Nataliia E. Melnikova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
Dubna State University
melnikovane@yandex.ru

Irina D. Tretyakova
4th year Student
Department of Sociology and Humanities,
Dubna State University
itret_99@list.ru

CONSUMPTION STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS DURING THE PANDEMIC: AN ENVIRONMENTAL FACTOR

Annotation. The article examines issues related to the consumption strategies of university students and factors in the choice of consumer goods in the conditions before and after the pandemic. Based on the materials of empirical-applied sociological research, the relationship between consumption strategies in the period before and during the COVID-19 pandemic was determined, the place of the ecological factor in the consumption strategies of students of Dubna State University was presented, comparative analysis of the data comparison with the results of the VTsIOM study.

Keywords: consumption strategies, consumption strategies of university students, factors determining consumer strategies of students, environmental friendliness.

производство выросло по разным подсчетам на 50–100 % [8].

Сведения о том, как относятся к экологическим проблемам современные студенты, насколько готовы учитывать экологический фактор в формировании стратегий потребления, могут свидетельствовать о том, каковы перспективы развития и природы, и общества, страны, условия жизни будущих поколений. Студенческая молодежь выступает сегодня как наиболее активный и перспективный участник рынка потребления. В большей степени, это относится к наукограду Дубна, в котором особенно тщательно наблюдают за экологической обстановкой, что обусловлено исследованиями в области ядерной физики, проводимыми на площадке Объединенного института ядерных исследований.

Изучением стратегий потребления, факторов выбора студентами товаров повседневного спроса, потребительских привычек студентов, а также, места экологического фактора среди них занимают как отечественные, так и зарубежные специалисты. В.А. Куренной выделяет шесть стратегий потребления: потребление ради выживания, функциональное потребление, демонстративное потребление, символическое потребление, идейное потребление и потребление, направленное на себя [6].

Среди особенностей студенческой молодежи как группы потребителей на примере воронежских студентов, Е.Ю. Красова выделяет самопрезентацию [1]. Автор делает акцент на том, что для молодежи потребление – это сфера социализации, поиск ценностных ориентиров. Согласно результатам исследования Е.Ю. Красовой, большинство молодых людей, в первую очередь, при покупке товаров обращает внимание на внешний вид, рекламу, советы друзей. Автор выделяет явный тренд потребительских практик современной молодежи - потребность в переживании эмоций в процессе потребления.

Опрос, проведенный Е.А. Орловой в 2020 г., был направлен на выявление экологических потребительских практик молодежи и отношение к экологии в целом [2]. Согласно полученным данным, всего 30 % опрошенных заинтересованы вопросами и проблемами экологии, за этой темой все время следят лишь 6 % респондентов. У молодых людей есть понимание индивидуальной ответственности за проблемы экологии, даже, несмотря на то, что не у всех студентов есть интерес к данному вопросу. Выделяется когорта молодежи (2 %), у которой отсутствует интерес к теме экологии вообще.

Среди зарубежных исследований, посвященных проблеме потребительских стратегий и практик студентов, можно выделить изучение маркетинговой направленности потребительского поведения, которое было проведено в Малайзии в 2014 году на базе Universiti Malaysia Kelantan [5]. Авторы отмечают, что студенческая молодежь является одной из самых важных групп потребителей для многих предприятий и маркетологов, от которых можно получить обратную связь. Студенты университетов – это те, кому часто приходится делать выбор того или иного товара в первый раз без участия и советов родителей, а именно, в период жизни молодого человека в родительской семье у него формируются определенные потребительские привычки, которые потом влияют на его дальнейший выбор товаров и услуг. Таким образом, одним из факторов выбора товаров повседневного спроса выделяют привычку/традицию.

Результаты исследований показали, что потребители ищут продукты, изображения которых соответствуют их восприятию себя. Для студентов в Малайзии продукты питания считаются второй по величине категорией расходов домохозяйства [5]. У воронежских студентов продукты питания стоят на первом месте по расходам [1]. Таким образом,

фокус внимания в исследовании потребительских практик студентов и места экологического фактора в их формировании целесообразно направить на товары повседневного спроса (продукты питания, бытовая химия, одежда).

В университете Томаша Бати (Чехия) было проведено исследование потребительских практик студентов вузов маркетинговой направленности [4]. М. Хораковой (M. Horáková) был выделен ряд факторов, влияющих на потребительские практики студентов: семейное происхождение и образование родителей, религия, акции, бонусы, мода, бренд.

Исследования, специально направленные на изучение экологических привычек студентов, довольно редки. В Румынии, согласно результатам опроса, проведенного Д.Б. Гратиела (D.B. Gratiela) показано, что основным препятствием к раздельному сбору мусора, по мнению студентов, является отсутствие центров его сбора вблизи от дома. Это характерно даже для студентов, обладающих экологическими знаниями и культурой в отношении окружающей среды [3]. При этом студенты готовы экономно использовать невозобновляемые ресурсы и переходить на альтернативы, информированы о том, какие товары являются экологичными и покупают экологические продукты, даже если цена выше.

В работах отечественных и зарубежных социологов прослеживается общее наблюдение – молодые люди склонны отдавать предпочтение модным, брендовым товарам и выражать свою личность через них. В работах отечественных ученых делается акцент на теоретическую сторону вопроса: факторы выбора, стратегии потребления, уже сформированные привычки, а в работах зарубежных авторов прослеживается прикладной характер исследований: маркетинговые исследования, поиск причин и пути изменений тех или иных потребительских привычек.

Анализ степени научной разработанности проблемы с учетом ее актуальности обуславливает необходимость социологического исследования стратегий потребления и места в них экологического фактора в период пандемии именно в среде студенческой молодежи государственного университета «Дубна», а сопоставление полученных данных с результатами опросов взрослого населения РФ, проводимых ВЦИОМ, позволит отметить общее и особенное, выявить некоторые тренды в современном состоянии проблемного поля.

Объектом эмпирико-прикладного исследования выступили студенты государственного университета «Дубна». В онлайн-опросе в форме электронного анкетирования с помощью Google – формы принимали участие 212 студентов очной формы обучения. Стоит отметить, что онлайн-опрос представляется единственно возможным вариантом метода сбора данных в январе 2021 года в условиях массового карантина. Как метод отбора участников применялась стихийная выборка. Она не является случайной и, хотя не может обеспечить репрезентативность результатов,

но позволяет выявить некоторые кейсы и обозначить устойчивые тренды в студенческой среде. Для расчета объема выборки была применена «формула Рукавишников-Паниотто»:

$$n = [30-50] * m_1,$$

где $m(1-6)$ – стратегии потребления студентов.

Среди 212 респондентов 48,6 % составляют юноши, 51,4 % девушки. Медианный возраст респондентов – 20 лет. Из числа опрошенных, 19 % считают свое материальное положение низким, 16 % высоким, 46,7 % средним.

Социологическое исследование места экологического фактора в стратегиях потребления студентов государственного университета «Дубна» показало, что во время пандемии COVID-19 стратегия потребления студентов изменилась со стратегии функционального потребления на стратегию выживания. До пандемии, чаще всего, студентами использовалась стратегия функционального потребления (63,7 %), реже – стратегия выживания (30,7 %). Стратегия потребления, направленного на себя (5,7 %) оказалась наименее популярной. Во время пандемии приоритеты в выборе стратегии потребления студентов несколько изменились – стратегии функционального потребления и стратегии выживания выбирались с близкой частотой (50,9 % и 46,7 %). Постепенно лидирующей становится стратегия выживания.

При выборе товаров повседневного спроса в 2020 году фактор экологичности учитывался студентами. Для 8,5 % респондентов он оказался на первом месте, а в 39,6 % случаев попадал в первую тройку факторов вместе с фактором привычка/традиция и фактором известный, проверенный бренд. Тем не менее, на первом месте оказался фактор цены. Его на первом месте указывали респонденты в 29,7 % случаев, в первой тройке в 61,6 % случаев. Фактор моды ушел на второй план, поскольку 29,7 % опрошенных его поставили на 7 место, что отличается от данных, представленных в исследованиях социологов, проведенных до 2020 года. Например, по результатам исследований, проведенных в воронежском университете и в Университете Томаса Бата (Чехия), студенты при покупке товаров в первую очередь обращают внимание на внешний вид, рекламу, моду, бренд [1, с. 38; 4, с. 75]. Результаты исследования в малазийском университете о факторе «привычка/традиция» [5, с. 20] позволяют отметить сходство с потребительскими практиками студентов государственного университета «Дубна». 56,6 % из них ставят фактор «привычка/традиция» на 1–3 место. В целом, экологичность товара не стала определяющим фактором выбора товаров повседневного спроса в стратегии функционального потребления, но и не была последней в стратегии выживания.

Основной составляющей экологического фактора, по мнению студентов государственного университета «Дубна», является сортировка и переработка мусора. На первое место по степени важности студенты поставили переработку мусора (20,3 %), сбор и сортировку мусора (11,6 %).

Использование вопроса из исследования, проведенного ВЦИОМ [10], дало возможность сравнить результаты, полученные в студенческой среде, с данными по России. Взгляды студентов университета и взрослого населения РФ (по данным ВЦИОМ) совпадают в вопросах сокращения/модернизации производств, сбора и утилизации мусора, очищении водоемов, охраны леса. Можно отметить, что такое направление политики в области экологии, как воспитание, образование / работа с населением нашли отклик лишь у 3 % по данным ВЦИОМ. В университете «Дубна» 15,7 % респондентов считают это направление одним из приоритетных.

Студенты государственного университета «Дубна» выразили готовность менять свои потребительские привычки в сторону экологичности – они согласны сортировать мусор (82,9 %) и делать все для сокращения своего экоследа (70 %). По этому вопросу наблюдается разделение по полу – девушки более склонны к изменению своих привычек. В качестве основного препятствия не только для сдачи, но и сортировки мусора студенты отмечают отсутствие пунктов сбора вторсырья и/или отсутствие информации о них. В исследовании, проведенном среди студентов в Румынии [3], наблюдается аналогичная картина. Относительно ситуации с вывозом мусора в Дубне четкой картины не сложилось, поскольку студенческая молодежь затруднилась в ее оценке. Хотя студенты университета склонны брать ответственность за экологическую ситуацию в своем городе на себя (30,7 %), тогда как по данным исследования ВЦИОМ, проведенного на общероссийской выборке, лишь 21 % опрошенных осознают свой вклад в экологию города. Результаты сравнительного анализа ответов респондентов об ответственности за состояние экологии в населенном пункте, полученных в исследовании на общероссийской выборке ВЦИОМ и исследования, проведенного в государственном университете «Дубна» представлены в таблице 1.

Блок экопросвещения нашел больший отклик в студенческой среде (15,7 %), чем у взрослого населения, согласно данным ВЦИОМ (3 %) [11].

Социологическое исследование, проведенное на площадке государственного университета «Дубна», позволяет предложить не только руководству вуза, а, поскольку студенты плотно интегрированы в жизнь города, то и администрации наукограда Дубна следующие рекомендации:

1. В области информационной политики. Для того чтобы найти информацию на сайте администрации о пунктах сбора вторсырья в Дубне, нужно пройти 3 уровня заглубления сайта. Посетители сайта, не знающие о сортировке мусора, не могут случайно узнать о пунктах сбора. Сейчас на сайте указано, что в городе есть синие сетчатые баки, в которые необходимо складывать вторсырье, идущее на переработку, но узнать эти баки можно только по наклейке на них. Таким образом, представляется необходимым разместить на главной странице сайта информацию о пунктах сбора, об особенностях сбора вторсырья и сделать более наглядной информацию о предназначении синих баков.

2. В области экопросвещения. На сайте администрации города указано, что обучение основам экологии предусмотрено на всех уровнях образования, начиная с детских садов и школ, заканчивая университетом на всех направлениях подготовки. Опрос студентов показал, что большинство из них не информировано о пунктах сбора вторсырья (71,7 %) и о мероприятиях экологической направленности (60,8 %), но при этом 82,9 % осознают свою ответственность и готовы сортировать мусор. Таким образом, нужно обратить внимание на необходимость корректировок образовательных программ в области экопросвещения.

3. В части пунктов сбора вторсырья. По информации на сайте администрации города Дубна, можно сказать, что в городе отсутствует пункт сбора вторсырья для физических лиц, где приняли бы большинство видов пластика, алюминий. Нет информация о том, как подготовить вторсырье к сдаче. Во многих городах существуют такие пункты сбора, где можно быть уверенным в том, что то, что сдано действительно пойдет на переработку, а не на мусорный полигон. Вероятно, подобный пункт сбора был бы востребован, так как согласно полученным данным, в студенческой среде наблюдается высокая степень ответственности за экологию в своем городе (30,7 %) и высокий уровень готовности сдавать вторсырье (82,9 %).

Таблица 1

Ответственность за состояние экологии в населенном пункте

	ВЦИОМ 2019 г.	государственный университет «Дубна» 2021 г.
Местная власть (города, района)	30 %	29,7 %
Региональная власть (губернатор, глава администрации и региона)	23 %	5,7 %
Сами люди	21 %	30,7 %
Специальные правительственные службы (Минприроды, экологическая полиция, МЧС и др.)	8 %	7,1 %
Федеральная власть, Правительство в целом	7 %	11,3 %
Общественные организации, в том числе экологические	3 %	3,3 %
Предприятия	3 %	1,4 %
Затрудняюсь ответить	5 %	10,8 %

Проблему экологии уже невозможно игнорировать. Студенческая молодежь всегда выступает одной из ведущих групп на рынке потребления товаров и услуг и от ее выбора будет зависеть будущее экологии не только в нашей стране, но и в мире. Стратегии потребления – важные маркеры, характеризующие общество. Вес в них

экологического фактора выступает как показатель готовности людей к экологизации своих привычек. Кроме того, нельзя не дооценивать роль экопросвещения, являющегося одним из важных направлений работы с молодежью, начиная с детского сада, закрепляясь в школе и вузе.

Литература:

1. Красова Е.Ю. Потребительские практики воронежских студентов (социологическая зарисовка) / Е.Ю. Красова // Образование. 2012. № 14. С. 36–44.
2. Орлова Е.А. Особенности экологического сознания учащейся молодежи. Формирование новой экологической культуры / Е.А. Орлова // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 14–41.
3. Gratiela D.B. Environmental Education and Student's Perception, for Sustainability / D.B. Gratiela // Education for Sustainability. 2019. Vol. 11. P. 21–216.
4. Horáková M. Consumer Behavior of College Students in the Czech Republic / M. Horáková // Journal of Competitiveness. 2015. Vol. 7. P. 68–85.
5. Rajennd M. Factors Influencing Consumer Behavior: A Study among University Students in Malaysia / M. Rajennd // Asian Social Science. 2018. Vol. 10. P. 18–25.

Literature:

1. Krasova E.U. Consumer practices of Voronezh students (sociological sketch) / E.U. Krasova // Education. 2012. № 14. P. 36–44.
2. Orlova E.A. Features of the ecological consciousness of student youth. Formation of a new ecological culture / E.A. Orlova // Social and humanitarian knowledge. 2020. № 1. P. 14–41.
3. Gratiela D.B. Environmental Education and Student's Perception, for Sustainability / D.B. Gratiela // Education for Sustainability. 2019. Vol. 11. P. 21–216.
4. Horáková M. Consumer Behavior of College Students in the Czech Republic / M. Horáková // Journal of Competitiveness. 2015. Vol. 7. P. 68–85.
5. Rajennd M. Factors Influencing Consumer Behavior: A Study among University Students in Malaysia / M. Rajennd // Asian Social Science. 2018. Vol. 10. P. 18–25.

6. Куренной В.А. Стратегии потребления. URL : <https://postnauka.ru/video/103846>

7. Как правильно утилизировать одноразовые маски и почему они вредят экологии. URL : <https://style.rbc.ru/items/5ef48c879a7947b73f22e83e>

8. *Leslie Kaufman*. «Plastic Is the Hero of Coronavirus, Says the Plastics Industry». URL : <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-06-08/is-plastic-the-coronavirus-hero-the-plastics-industry-thinks-so?srnd=green-culture-design>

9. *Roland Geyler*. «Production, use, and fate of all plastics ever made». URL : https://www.researchgate.net/publication/318567844_Production_use_and_fate_of_all_plastics_ever_made

10. ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ 29.09.2019. Представьте, что Вы – советник Президента. URL : https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=218&q_id=17064

11. Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9544>

6. *Kurennoy V.A.* Consumption strategies. URL : <https://postnauka.ru/video/103846>

7. How to properly dispose of disposable masks and why they harm the environment. URL : <https://style.rbc.ru/items/5ef48c879a7947b73f22e83e>

8. *Leslie Kaufman*. «Plastic Is the Hero of Coronavirus, Says the Plastics Industry». URL : <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-06-08/is-plastic-the-coronavirus-hero-the-plastics-industry-thinks-so?srnd=green-culture-design>

9. *Roland Geyler*. «Production, use, and fate of all plastics ever made». URL : https://www.researchgate.net/publication/318567844_Production_use_and_fate_of_all_plastics_ever_made

10. VTsIOM-SPUTNIK – a daily all-Russian telephone survey of VTsIOM 09/29/2019. Imagine that you are an advisor to the President. URL : https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=218&q_id=17064

11. Environmental situation in Russia: monitoring. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9544>

Пустько Виталий Станиславович
Заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор философских наук,
профессор
pusko.vitaly@yandex.ru

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Аннотация. В статье рассматриваются генезис и характерные черты специфической социальной группы современного общества – научно-технической интеллигенции, выявляются критерии выделения научно-технической интеллигенции в социуме как социокультурного образования, раскрывается роль научно-технической интеллигенции в формировании и развитии информационно-технологического общества, анализируются особенности и проблемы ее самоопределения и воспроизводства в современном российском обществе.

Ключевые слова: интеллигенция, наука, техника, научно-технический прогресс, научно-техническая интеллигенция.

Прежде чем рассуждать об относительно своеобразном слое современного общества – научно-технической интеллигенции, целесообразно оттолкнуться от интересной мысли американского социолога П.Л. Бергера. Он считал, что любая организация общества предполагает наличие совокупности отличающихся друг от друга социальных ролей. Кроме того, в любом обществе формируется социальный статус личности, группы, коллектива. Полученный статус – это статус, приобретенный в обществе, благодаря собственным усилиям и заслугам, которые признало и оценило как региональное, так и мировое сообщество [4].

Генезис научно-технической интеллигенции обусловлен объективным процессом развития науки, техники и промышленного производства. Эти процессы достаточно полно исследованы философами, социологами, занимающимися проблемами научно-технического прогресса. Особая роль в этом плане принадлежит Д. Беллу. В своей книге «Грядущее индустриальное общество» он рассматривает развитие цивилизации как стремительное появление таких наукоемких отраслей как химическая промышленность, вычислительная техника, электроника, оптика. Одно из центральных мест в этих производствах будут занимать высокообразованные профессионалы [3].

Vitaly S. Pusko
Distinguished Worker
of the Higher School of Russia,
Doctor of Philosophy,
Professor
pusko.vitaly@yandex.ru

SCIENTIFIC AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF RUSSIA IN THE STRUCTURE OF MODERN SOCIETY

Annotation. The article examines the genesis and characteristic features of a specific social group of modern society – the scientific and technical intelligentsia, identifies the criteria for distinguishing the scientific and technical intelligentsia in society as a socio-cultural education, reveals the role of the scientific and technical intelligentsia in the formation and development of information and technological society, analyzes its features and problems self-determination and reproduction in modern Russian society.

Keywords: intelligentsia, science, technology, scientific and technological progress, scientific and technical intelligentsia.

Возникновение в сфере науки и техники собственного, специфического, высокоразвитого производства, постоянное возрастание доли материальных, финансовых и людских затрат для ускорения научно-технического прогресса объективно вызвали выделение в обществе особой группы специалистов, повышение статуса и авторитета труда изобретателей, конструкторов, инженеров, технологов и мастеров.

Немаловажное значение приобретает и развитие мировых связей в области науки и техники, перенесение центра тяжести в международных отношениях на важнейшие направления научно-технического сотрудничества (освоение космоса, мирное использование атомной энергии, исследования в области медицины, создание новейших технологий и др.).

Научно-техническая интеллигенция – это относительно самостоятельный слой общества, профессионально занимающийся в основном умственным и сложным технологическим трудом и имеющим, как правило, высшее техническое образование (вузовское + аспирантура, докторантура). На базе накопленных знаний она способна выдвигать научно-технические идеи, генерировать научно-техническое знание и воплощать их в технике и новейших технологиях.

Этот слой как особый субъект научно-технического творчества особенно быстро увеличивался

количественно и качественно, начиная с 30-х годов XX века. За прошедший с этого времени период численность научно-технической интеллигенции выросла в 40 раз. В общей структуре населения нашей страны количество научно-технической интеллигенции составляет примерно 1,07 %.

В настоящее время в современном промышленном производстве (электроника, вычислительная техника, оптика, космонавтика, химическая промышленность, оборонно-промышленный комплекс, приборостроение) в развитых странах занято 50–60 % научно-технических работников, из них 23–28 % – это ученые-исследователи, конструкторы, испытатели, эксперты, а 18–25 % – это инженеры, обслуживающие производство. В менее сложных производственных процессах доля научно-технических работников составляет 12–16 % (2).

На основе социально-профессионального подхода условно выделяют два типа профессий научно-технических работников. Первый тип профессии – инженер-ученый (например, С.П. Королев), который использует новейшие достижения технических и естественных наук для создания передовых образцов техники и разработки нетрадиционных технологий. Второй тип профессии – ученый-инженер (например, И.В. Курчатов, П.Л. Капица), который обеспечивает развитие фундаментальной и прикладной науки на основе использования современных технических средств.

Научно-техническая интеллигенция обладает как общими качествами (интеллигенция), которые достаточно широко рассмотрены философами, социологами (эти признаки часто называют «родовыми»: образованность, профессионализм, кругозор, высокая культура, духовность, воспитанность, порядочность, толерантность, способность к критически-рефлексивному восприятию окружающего мира), так и специфическими чертами. Среди них выделяют следующие:

1. Специальное, как правило, высшее образование, в структуре которого преобладают фундаментальные, технические и специальные дисциплины (например, ядерная физика для инженеров-ядерщиков).

2. Организация творческого труда по законам «свободного времени». По приказу, по принуждению ученый вряд ли что-то значимое создаст. Здесь важное место занимает интерес, увлеченность наукой. Хотя, как известно, И.В. Сталин фактически заключил под стражу ряд наших ученых, которые в этих условиях создавали ракетно-ядерный щит страны.

3. Особая социально-профессиональная дифференциация научно-технических работников:

– по характеру труда;

– по сферам деятельности (отраслям науки);

– по структурной организации (НИИ, НТО, конструкторские бюро, лаборатории, технопарки, испытательные полигоны, специальные кафедры в вузах).

4. Высокая социальная ответственность за внедряемые изобретения, технологии, конструкторские решения. Здесь действует принцип «не навреди», почти как в медицине. Хотя там, как известно, имеет место эксперимент индивидуальный, а в технике и технологии, как правило, массовый. Что стоило человечеству открытие спонтанного деления тяжелых ядер урана? С одной стороны – строительство атомных электростанций, с другой – создание ядерного оружия, которое может привести к гибели всего живого на земле.

5. Относительно «агрессивное» господство собственного технического разума: убежденность в собственной позиции, элементы всезнайства, технологическое упрямство, самоуверенность. Особенно хорошо это можно проиллюстрировать на концепции создания «искусственного интеллекта». Ведь, «пионеры модерна» утверждали, что естественный человеческий разум вскоре будет заменен искусственным и наступит эра эволюционного снятия человеческого интеллекта. По этому поводу гениально высказался Н.А. Бердяев, хотя тогда еще не шла речь об «искусственном интеллекте». Он считал, что приход индустриального общества может быть предпосылкой истребления духовности. Еще более резко по этому поводу сказал А. Эйнштейн: «Когда технологии заменят живое общение, мы получим поколение идиотов».

6. Формирование идеи технократии, в основе которой лежит представление о технической цивилизации как автономном, саморазвивающемся, прогрессивном обществе. Т. Веблен назвал этот процесс как «создание совета технических специалистов». П. Бернштейн, Й. Шумпетер как «революция менеджеров». Д. Гелбрейт как «создание техноструктур, не имеющих никакой политической ориентации». Несколько позже он выделяет в этих структурах и роль гуманитарных ученых, которые обладают большей независимостью и широтой мышления.

7. Безусловно, цвет, элиту научно-технической интеллигенции составляют ее представители, имеющие ученые степени и звания. Статистика здесь примерно такова. В общем составе ученых высшей квалификации 46 % составляют доктора и кандидаты технических наук, 10 % – ученые в области физико-математических наук, 4,7 % – представители химической отрасли, 4,0 % – ученые в сфере биологии, 5,2 % – в области медицинских и фармацевтических наук, особенно активно развиваются сегодня биомедицинские технологии [7].

Особенности научно-технической интеллигенции в определенной мере характеризуются и теми функциями, которые она выполняет. К ним относятся:

– планирование важнейших, перспективных научно-технических направлений; статистический учет научно-технического потенциала страны;

– сбор, обработка и распространение научно-технической информации; организация внедрения научно-технических достижений в производство;

– работы по стандартизации и унификации современной техники; лицензирование научно-технических достижений;

– выработка предложений по финансированию научно-технических разработок; организации научно-технического сотрудничества внутри страны и вне ее.

Как показывает практика, сегодня приток молодежи в ряды научно-технической интеллигенции не очень стремителен. Причин тут несколько:

– пока не очень высок престиж инженерного труда. Все еще пользуются популярностью специальности юристов, экономистов, менеджеров, логистов, и даже выпускники технических вузов не редко выбирают работу в подобных структурах;

– сравнительно низкая оплата труда инженерно-технических работников как их зарплата, так и вознаграждения за крупные разработки, изобретения. Руководители НИИ, предприятий в десятки, а то в сотни раз имеют большее материальное стимулирование. Вот небольшой пример. В июне 1998 года принят указ Президента РФ «О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуального труда». В этом документе определен и список лиц по материальному стимулированию за новейшие разработки. В него включены: руководство НИИ, КБ, разработчики технической документации, изготовители опытных образцов, экономисты, рассчитавшие экономический эффект от внедрения изобретения, лица патентно-правовой защиты, распространители рекламы, авторы изобретений. Как видно, главному действующему лицу, последнему в списке, если и перепадает, то небольшие крохи. По опросам социологов сегодня около 5,0 миллионов человек с высшим образованием не удовлетворены своим заработком;

– недостаточное финансирование научно-технической деятельности. В нашей стране в законе о бюджете на «фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» выделяется около 4 процентов от расходной части бюджета. В развитых странах мира на эти цели выделяется 10–12 %.

– разрушение существовавшей многие десятилетия лучшей в мире системы высшего технического образования. Выпускники вузов получают диплом бакалавра и немногие магистра. Никому не понятно, куда исчезла номенклатура специалиста;

– слабая оснащенность НИИ, вузов, лабораторий новейшей исследовательской техникой. Ведь, в подготовке инженеров на одно из первых мест выдвигается технических эксперимент. По этой причине, как показывает практика, не велика доля и аспирантов, которые могут успешно подготовить кандидатские диссертации. В большинстве

технических вузов лишь 25-26% аспирантов завершают обучение в аспирантуре защитой диссертации;

– не высокая востребованность специалистов с высшим техническим образованием современным производством в силу его кризисного состояния. У нас нет достоверной статистики о том, сколько заводов, фабрик, производств было построено за последние 10 лет. Средства массовой информации много шумели по поводу ввода в строй завода по сжижению природного газа на Востоке. А стоило ли? Ведь построили не завод по производству конкурентно способных товаров, а установку по выкачиванию естественных энергоносителей за рубеж.

Исследования показывают, что существует ряд объективных причин, которые, так или иначе, препятствуют как темпам научно-технического прогресса, так и формированию слоя научно-технической интеллигенции. Среди них можно выделить несколько противоречивых тенденций.

8. Противоречие между революционностью науки («возмутитель спокойствия») и относительным консерватизмом производства. Не требует доказательства то, что любая перестройка производства, особенно технологического цикла, всегда связана с определенными экономическими издержками, а это в известной мере тормозит внедрение новейших достижений.

9. Противоречие между позицией ученого, инженера, изобретателя и позицией руководителя производства. Последний не всегда уверен в положительном успехе от внедрения нового в производство и зачастую притормаживает этот процесс, так как опирается только на результаты лабораторных испытаний. А как это воспримет массовое производство? Сказать сложно.

10. Противоречие между высокими темпами роста научно-технической информации и возможностью человека в ее освоении. Сегодня в мире издается около 100 тысяч научно-технических журналов, Только в нашем перечне ВАК их 166. В этих журналах ежегодно публикуется более четырех миллионов статей, за год регистрируется более 400 тысяч патентов, пишется около 220 тысяч диссертаций, отчетов, технических обзоров. Чтобы ознакомиться бегло в самой узкой технической области со всем напечатанным, ученому потребуется более 20 лет.

11. Существенной проблемой для страны является утечка научно-технических идей и научно-технических кадров за рубеж. Сегодня – это научный и промышленный шпионаж, воровство изобретений, переманивание лучших специалистов. Десятки тысяч наших высококвалифицированных специалистов развивают экономику Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Австралии, Южной Кореи, Японии, Китая. Опрос студентов технических вузов показывает, что около 25–30 процентов готовы уехать работать в другую страну.

Сегодня государством перед структурными организациями научно-технической интеллигенции поставлено ряд стратегических задач. Среди них особое место занимают:

– создание современных конкурентно-способных производств;

– поиск и разработка новых альтернативных углю, нефти и газу источников энергии (геоцентрических, гелиоцентрических, приливно-отливных, ветряных, термоядерных, использование водорода в качестве экологически чистого энергоносителя));

– создание искусственных материалов; активизация работ по обеспечению обороноспособности страны; широкое использование космических экспериментов по выращиванию монокристаллов. Практика показывает, что в космосе можно

Литература:

1. *Алексеев И.Н.* Становление профессиональной субъектности личности в образовательном пространстве. Ростов-н-Д., 2018.
2. *Анисимова Л.В.* Трансформация системы инженерного образования как условие эффективного развития региональной экономики / Л.В. Анисимова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 4.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: 1999.
4. *Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации / П.Л. Бергер; Пер. с англ. М., 2004.
5. *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
6. *Павельева Т.Ю.* Научно-образовательные школы и их роль в современной науке. М., 2011.
7. *Пусько В.С.* Роль технических наук в становлении общества знания / В.С. Пусько // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2.
8. *Пусько В.С.* Особенности инженерного образования в современных условиях / В.С. Пусько // Доклад на Международной научно-практической конференции «Образование в XXI веке: цели, методы, проблемы. М., 2019.
9. Стратегия научно-технологического развития России. Утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 г.

создать около 400 новых сплавов с особыми физическими свойствами [9].

Важнейшим направлением развития научно-технического потенциала страны должно стать выявление и поддержка технологий, которые обеспечат российским предприятиям конкурентные преимущества на мировом рынке, стимулирование производств, внедряющих отечественные научно-технические разработки путем предоставления льгот по налогообложению, развитие территорий с высокой концентрацией научно-технического потенциала (технополисы, наукограды, технопарки), стимулирование процессов по передаче технологий из военного в гражданское производство [9].

Все эти процессы значительно повышают профессиональную роль научно-технической интеллигенции и определяют ее место в социальной структуре современного общества.

Literature:

1. *Alekseenko I.N.* The formation of professional subjectivity of the educational space. Rostov-on/D., 2018.
2. *Anisimova L.V.* Transformation of the engineering education system as a condition for the effective development of the regional economy / L.V. Anisimova // News of higher education institutions. Sociology, economy, politics. 2012. № 4.
3. *Bell D.* Fogging post-industrial society: Social forecasting experience. M., 1999.
4. *Berger P.L.* Cultural dynamics of globalization / P.L. Berger; Transl. from english. M., 2004.
5. *Berdyaev N.A.* The spiritual crisis of the intelligentsia. SPb., 1910.
6. *Pavelyeva T.Yu.* The scientific education schools and their role in modern science. M., 2011.
7. *Pusko V.S.* The role of technical sciences in the formation of a society of knowledge / V.S. Pusko // Humanitarian Southern Russia. 2017. № 2.
8. *Pusko V.S.* Features of engineering education in modern conditions / V.S. Pusko // Report an the International Scientific and Practical Conference «Education in the Twentieth Century: Goals, Methods, Problems». M., 2019.
9. Strategy of the scientific and technological development of Russia. Applied Decree of the President of the Russian Federation of 01.12.2016.

Романенко Владислав Дмитриевич
аспирант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Romanenkorostov@yandex.ru

Осипов Олег Георгиевич
аспирант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
osipov.og@mail.ru

Омельченко Игорь Владимирович
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

Максимов Максим Вячеславович
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
maximovmax94@mail.ru

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются механизмы взаимодействия государства и бизнеса в рамках реализации муниципально-частного партнерства и производится анализ проблем и перспектив взаимодействия бизнес-структур с органами местного самоуправления. Это особенно актуально по причине того, что на сегодняшний день перед государством стоит большое число задач, особенно в рамках реализации социальной политики, большинство которых государство не решает по различным причинам. Муниципально-частное партнерство может стать эффективным механизмом быстрого и качественного разрешения вопросов местного значения за счет привлечения капиталов коммерческих предприятий в слиянии с местными бюджетами, которые часто бывают недостаточными для эффективного решения инфраструктурных, социальных и иных проблем.

Vladislav D. Romanenko
Graduate Student
of the Faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
Romanenkorostov@yandex.ru

Oleg G. Osipov
Graduate Student
of the Faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
osipov.og@mail.ru

Maxim V. Maximov
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
maximovmax94@mail.ru

Igor V. Omelchenko
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIP DEVELOPMENT IN RUSSIA

Annotation. This article examines the mechanisms of interaction between the state and business in the framework of the implementation of municipal-private partnership and analyzes the problems and prospects of interaction between business structures and local governments. This is especially important because today the state faces a large number of tasks, especially in the implementation of social policy, most of which the state does not solve for various reasons. Municipal-private partnership can become an effective mechanism for quick and high-quality resolution of local issues by attracting the capital of commercial enterprises in conjunction with local budgets, which are often insufficient to effectively solve infrastructure, social and other problems.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципально-частное партнёрство, государство, бизнес.

Keywords: local self-government, municipal-private partnership, state, business.

Институт публично-частного партнерства на данном этапе развития РФ реализуется при решении множества вопросов местного значения, часто, в отраслях благоустройства, инфраструктуры, строительства сооружений и автомобильных дорог, транспорта, водо-, тепло- и электро-снабжения, туризма, культуры и т.п. Такой род взаимодействия, по мнению Е.Н. Кабановой, позволяет увеличить уровень объемов внебюджетных средств, направляемых на развитие объектов публичной инфраструктуры, а также балансирует интересы органов власти и коммерческих субъектов, сохраняя при этом функциональное назначение объектов инфраструктуры [1]. При этом также сохраняется контроль со стороны публичных субъектов за использованием объектов инфраструктуры частными партнерами.

Закон, регулирующий отношения в данном институте был принят лишь в 2015 году, и получил название «О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ.

Данный закон определил муниципально-частное партнерство как юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашениях о муниципально-частном партнерстве, заключенных в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ и услуг и повышения их качества [2].

В Зеленой книге Европейского Союза «Государственно-частное партнерство и законодательство сообщества по государственным контрактам и концессиям», опубликованной в 2004 г., говорится: «Муниципально- партнерство – формы кооперации между местными властями и бизнесом, которые служат цели обеспечения финансирования, строительства, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры или оказания услуг» [3].

Также, в документах Всемирного банка можно встретить определение «municipal public-private partnership (PPP)». Переводится оно так: это публично-частное партнерство, где правительственным субъектом выступают местные органы власти, а предметом – муниципальные активы или услуги.

Основной целью муниципального частного партнерства является разрешение вопросов местного значения путем привлечения капитала из коммерческого сектора экономики.

По сути, муниципально-частное партнерство (далее, МЧП) является дополнительным инструментом, отчасти совершенствующим уже устоявшиеся формы публично-частного партнерства. Проекты, реализуемые через МЧП, могли бы быть реализованы и через соглашения о коммерческой концессии. Однако муниципально-частное партнерство следует рассматривать не только как соглашение о реализации договоров типа подряда. Это нечто большее, так как МЧП открывает возможности для поддержки малого и среднего бизнеса и улучшения взаимодействия власти и бизнеса посредством создания совместных проектных команд, консультативных центров и в иных формах.

Институт публично-частного партнерства, и, в частности, муниципально-частного партнерства неразрывно связан с деятельностью публичных субъектов, а именно – органов местного самоуправления, деятельность которых подлежит относительно строгой законодательной регламентации. В связи с этим чрезвычайно важно охарактеризовать особенности нормативно-правового регулирования муниципально-частного партнерства.

В целом, довольно длительное отсутствие федерального закона, посвященного ГЧП и МЧП, может объясняться уже устоявшимся набором форм публично-частного партнерства, таких как концессия, аренда и иные формы. Но такой закон был необходим, и его принятие можно назвать запоздалым, особенно учитывая, что законодательство о МЧП начало появляться на местном и региональном уровне значительно раньше. Принятие этого нормативного акта закрепило понятие «государственно- и муниципально-частное партнерство» и позволило сократить различия и пробелы в региональных и местных законах, подведя такую форму взаимодействия власти и бизнеса под единую сущность.

Многие муниципалитеты разрабатывали нормативно-правовые акты, которые регулировали отношения между публичным и частным партнером, а также различные методики и критерии оценки эффективности использования местных бюджетов. Однако из-за принятия нормативно-правового акта на федеральном уровне, они должны были соответствовать федеральному закону, в силу чего, многие из них утрачивали свою силу. Необходимо отметить, что не все акты, не соответствовавшие федеральному законодательству, были признаны недействительными, что порождает некую «рассогласованность». В коллизию вступают те муниципальные акты, в которых отношения МЧП регулировались Гражданским, Градостроительным, Земельным и иными кодексами, либо же ФЗ «О концессионных соглашениях». Это противоречит ФЗ об МЧП, так как концессия не является соглашением о

муниципально-частном партнерстве. Законодатель отвел местным органам власти 10 лет на приведение своих актов в соответствие с ФЗ № 224, а с наступлением 2025 года, такие акты будут действительны лишь в той части, которая не будет противоречить федеральному законодательству.

Прежде чем перейти к анализу проблем применения муниципально- частного партнерства в России, стоит выделить некоторые положительные и отрицательные аспекты такой модели взаимодействия между местными властями и бизнесом.

К положительным аспектам, по нашему мнению, относятся:

- Повышенное финансовое и ресурсное обеспечение проектов за счет слияния активов.
- Проекты МЧП реализуются чаще.
- Государственные затраты сокращаются и растет качество товаров, работ, услуг.
- Растет качество и срок реализации проектов.
- Эффективнее используются государственные ресурсы.
- Проекты МЧП реализуются последовательно.
- Государственным активам придается коммерческая ценность.

Этот «джентельменский набор», несомненно, отражает удобство и необходимость в институте муниципально-частного партнерства, однако, есть и отрицательные аспекты, такие как:

- Возможные противоречия между финансовой составляющей проекта и социальной значимостью.
- Проблема изначального завышения стоимости проекта.
- Медлительность процедуры муниципально-частного партнерства.

Несмотря на наличие недостатков такой модели, публично-частное партнерство с течением времени вносит внушительный вклад в социально-экономическое развитие России, а также, в политическое, выстраивая механизм конструктивного диалога с бизнес-сообществом по реализации функций друг друга. И для поддержания развития института публично-частного партнерства необходимо пристально изучать те барьеры, которые препятствуют его прогрессу в сегодняшних условиях. Также, нельзя забывать о возможностях, решая проблемы, необходимо не погрязать в них, забывая перспективах, но и делать шаги по превращению этих возможностей в жизнь.

Современная реализация публично-частного партнерства в России характеризуется несовершенством, несмотря на большие шаги в его развитии. Принятие рамочного федерального закона

не исключило слабые места правовом регулировании отношений между ГЧП и МЧП.

Проведя анализ нормативно-правовой базы МЧП, можно отметить следующие пробелы и проблемы:

1. В законодательстве отсутствуют какие-либо нормы, которые регулировали бы процесс правопреемства обязательств органов власти муниципальных образований, в случае потери им правосубъектности. Данная проблема несет в себе дискриминационный характер и нарушает принцип равенства сторон соглашения о муниципально-частном партнерстве. В случае реорганизации субъекта предпринимательской деятельности посредством слияния и поглощения или ликвидации существует процедура правопреемства обязательств ликвидируемого лица, либо же погашения обязательств за счет имущества и капитала, в зависимости от организационно-правовой формы. Касательно МЧП, вновь созданное юридическое лицо принимает обязательства по реализации проекта на себя. В случае ликвидации муниципального образования, частный партнер остается незащищенным. Внесение в Федеральный Закон № 224 поправок, устраняющих такой пробел, позволит исключить имущественные последствия прекращения правосубъектности муниципальных образований и определить правопреемника и исполнителя тех обязательств, которые муниципальное образование должно было исполнить согласно договору об МЧП [1].

2. Серьезным барьером на пути развития МЧП является наличие положений, касающихся передачи отдельных объектов в определенных отраслях – водоснабжения, теплоснабжения, только по концессионным соглашениям [1]. Сегодня, зачастую, у местных органов власти нет зарегистрированного права собственности на такие объекты, а значит, концессия исключается. Изменение норм отраслевого законодательства могло бы исправить такой недочет. Это позволит расширить применение соглашений о муниципально-частном партнерстве на уровне муниципалитетов и количество проектов МЧП.

3. Высокий уровень бюрократизма и громоздкость процедуры заключения соглашения о муниципально-частном партнерстве. По этой причине большинство муниципальных образований задействуют форму концессии, так как процедура согласования проекта муниципально-частного партнерства с органом государственной власти субъекта РФ занимает не менее полугода. Решением такой проблемы может быть дифференцирование процедур по масштабам проекта и уровнем власти по иерархии уровней власти в сторону упрощения процедуры согласования и заключения соглашения о публично-частном партнерстве. Это может положительно сказаться на динамике заключения соглашений и расширении взаимодействия власти и бизнеса в решении социально-значимых проблем и развитии инфраструктуры.

4. Еще одним барьером можно назвать запрет на передачу муниципальных предприятий,

имеющих непогашенные обязательства в качестве объектов муниципально-частного партнерства частным партнерам. Долги по обязательствам МУПов должны быть погашены самими муниципалитетами, однако, на практике бюджет на это может быть недостаточен для покрытия таких издержек. Если исключить данный запрет из законодательства и передавать муниципальные предприятия коммерческим субъектам с долгами, то уже частный партнер может выполнить обязательства путем применения различных источников погашения долгов, к примеру, путем увеличения цены.

5. К проблемам законодательства также относится, названная ранее, дискриминация по части заключения соглашений ГЧП в отношении ИТ-объектов и невозможность заключения таких муниципальных образований посредством соглашений о муниципально-частном партнерстве. Решение данной проблемы просматривается посредством наделения местных властей такими же правами, как и государственных. Это позволит расширить практику применения соглашений об МЧП и эффективнее развивать ИТ-инфраструктуру в муниципальных образованиях.

6. Последней выделенной нами проблемой будет отсутствие квалифицированных частных партнеров, которые владеют МЧП инструментарием и охотно вкладывают средства в инфраструктурные проекты. В рамках решения этой проблемы рекомендуется сформировать систему подготовки кадров, в которых нуждается институт МЧП, а также, создать образовательные

Литература:

1. *Кабанова И.Е.* Проблемы реализации проектов муниципально-частного партнерства / И.Е. Кабанова // Гражданское право. 2017. № 6. С. 38–42.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 3.
3. *Дятлова Н.А.* Соглашение о государственно-частном партнерстве: гражданско-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дятлова Наталья Александровна. СПб., 2017. 376 с.

программы и информационные центры, которые могли бы выстроить эффективную коммуникацию с коммерческим сектором и повысить привлекательность инвестирования в инфраструктуру.

Государство видит в публично-частном партнерстве эффективный механизм взаимодействия органов власти и бизнеса в развитии муниципальных образований. Для поддержки института муниципально-частного партнерства был создан информационный портал поддержки инфраструктурных проектов РОСИИФРА. Эта платформа ведет учет всех проектов ГЧП и МЧП, классифицирует их и информирует потенциальных инвесторов о возможных проектах.

Перспективной мерой является формирование лучших практик от АНО «Центр государственно-частного партнерства». Это агентство выстраивает эффективное взаимодействие с негосударственным сектором в части практического применения механизма публично-частного партнерства. И на основе этого, с 2018 года они формируют лучшие практики ГЧП и МЧП в качестве рекомендаций.

Таким образом, можно отметить, что институт публично-частного партнерства в России далек от совершенства, однако, он является молодым и довольно перспективным, набирая обороты. Проблемы и барьеры, препятствующие развитию муниципально-частного партнерства, решаемы; и это обстоятельство создает впечатление, что этот институт ждет хорошее будущее.

Literature:

1. *Kabanova I.E.* Problems of implementation of municipal-private partnership projects / I.E. Kabanova // Civil law. 2017. № 6. P. 38-42.
2. Federal Law № 224-FZ of 13.07.2015 (as amended on 29.12.2020) «On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Art. 3.
3. *Dyatlova N.A.* Agreement on public-private partnership: civil-legal aspects : dis. ... candidate of law sciences: 12.00.03 / Dyatlova Natalia Aleksandrovna. SPb., 2017. 376 p.

Ситникова Виктория Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
социальной работы,
Амурский государственный университет
elena.nyukhtik@mail.ru

Нюхтик Елена Сергеевна
магистрант кафедры
социальной работы,
Амурский государственный университет
elena.nyukhtik@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Аннотация. Изучение историко-теоретических основ возникновения и развития инклюзивного образования в России имеет большую актуальность, обусловленную необходимостью совершенствования сложившейся системы образования, разработки методов и форм обучения, распространения знаний среди обучающихся. Цель данной работы – раскрыть историко-теоретические основы развития инклюзивного образования в России, сформулировать предпосылки возникновения и развития новой образовательной системы, охарактеризовать современную инклюзивную ситуацию в Российской Федерации.

Ключевые слова: инклюзивное образование, инклюзивное обучение, дети с особыми образовательными потребностями, инвалиды, история возникновения, предпосылки развития.

Вопрос, связанный с совместным обучением детей с особыми образовательными потребностями и детей без проблем со здоровьем, в последние годы приобретает все большее внимание и получил название инклюзивного образования. Оно признано мировым сообществом наиболее гуманным и эффективным, поскольку предоставляет право на образование каждому независимо от соответствия или несоответствия критериям школьной системы; кроме того, способствует расширению личностных возможностей всех детей; способствует развитию таких качеств, как гуманность, толерантность, готовность помочь [2].

Инклюзивное образование – это такая организация процесса обучения, когда все дети, независимо от их физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических, языковых и иных особенностей включены в общую систему образования и обучение в той же локальной окрестности общеобразовательных школ с их здоровыми

Victoria V. Sitnikova
Candidate of Social Sciences
Associate Professor
of the Department of Social Work
Amur State University
elena.nyukhtik@mail.ru

Elena S. Nyukhtik
Master Student
of the Department of Social Work,
Amur State University
elena.nyukhtik@mail.ru

DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA: HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS

Annotation. The study of the historical and theoretical foundations of the emergence and development of inclusive education in Russia is of great relevance, due to the need to improve the existing education system, develop methods and forms of education, and disseminate knowledge among students. The purpose of this work is to reveal the historical and theoretical foundations of the development of inclusive education in Russia, to formulate the prerequisites for the emergence and development of a new educational system, to describe the modern inclusive situation in the Russian Federation.

Keywords: inclusive education, inclusive training, children with special educational needs, disabled people, the history of emergence, a development prerequisite.

сверстниками; в данных условиях образовательная организация обязана учитывать особые образовательные потребности своих учеников и оказывать необходимую поддержку [3].

Целью инклюзивного образования является устранение социальной изоляции, которая является следствием негативного, недоброжелательного отношения и отсутствия должной реакции на различия по признаку расы, экономического положения, социального происхождения, этнического происхождения, языка, религии, индивидуальных способностей. Процесс образования во многих странах осуществляется как в контексте формального, так и неформального образования, как в семьях, так и в более широких общинах. Следовательно, инклюзивное образование не должно рассматриваться как второстепенный вопрос; оно должно играть решающую роль в обеспечении качественного образования для всех учащихся, быть направлено на достижение социального равенства.

В России инклюзивное образование – это новая система, где учащиеся и учителя работают над общей целью – доступным и качественным образованием для всех детей без исключения. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» понятие «инклюзивное образование» трактуется как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом многообразия их особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»; понятие «обучающийся с проблемами здоровья» подразумевает «человека, имеющего физическое и (или) психологическое развитие», а «проблемы», как «подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие образованию без создания конкретных условий».

Внедрение инклюзивного образования стало одним из приоритетов государственной социальной политики России, его целью является создание таких условий для полноценного образования и воспитания детей-инвалидов, которые должны быть адекватны их состоянию и здоровью. Данная цель является приоритетной в образовательной политике в настоящее время.

Распространение инклюзивного процесса в нашей стране – включение детей с проблемами психического и/или физического здоровья в образовательные учреждения совместно со сверстниками – не только отвечает требованиям времени, но и реализует права детей на образование в соответствии с законодательством Российской Федерации. Все дети, несмотря на их физические, интеллектуальные, этнические, социальные и другие особенности, должны быть включены в систему общего образования, должны воспитываться вместе со сверстниками в районе их проживания [4]. Инклюзивное образование повышает статус детей с особыми образовательными потребностями и их семей в обществе, способствует развитию толерантности, взаимоуважения, взаимопомощи, поддержки, ответственности, социального равенства.

История становления новой системы образования в Российской Федерации достаточно коротка, так как инклюзивное образование стало феноменом последних лет, процесс его развития в нашей стране еще не завершен, напротив, он находится на начальных этапах формирования, внедрения и распространения. Поэтому становится актуальным следующий вопрос: Что стало основой возникновения и развития инклюзивного образования в нашей стране, каково его происхождение?

Теоретическими основами формирования и развития идей инклюзивного образования в России послужили:

– концепция экзистенциализма, в которой человек выступает как единственная, уникальная и свободная личность;

– теория социокультурного конструктивизма;

– концепция индивидуализации в обучении в контексте философско-этических учений Зеньковского (1996), Толстого (1989) и других;

– педагогические концепции;

– концепции гуманистической педагогики; культурное понятие личностно-ориентированного образования; концепция адаптивной школы и многие другие.

Концептуальные идеи инклюзивного образования основаны на недопустимости дискриминации детей с проблемами здоровья и на необходимости включения каждого ребенка с проблемами здоровья в образовательное пространство (Конвенция о правах ребенка 1989 г.).

История возникновения инклюзивного образования восходит к XVII веку, когда в математике появился термин «интеграл». К XX веку термин «интеграция» постепенно проникает в философию, психологию, социологию, а затем и в педагогику. Затем, в педагогике появился термин «социальная интеграция». В словаре иностранных слов «интеграция» [фр. *Intégration* – лат. *integratio* завершение, реституция – целое «целое»] означает:

1. Объединение двух или более вещей вместе так, чтобы они эффективно работали вместе.

2. Когда люди становятся частью группы или общества и принимаются ими.

Первоначально, этот термин использовался в США для обозначения расовых, этнических меньшинств; позже он был применен к детям иммигрантов, и только в последние десятилетия (с 60-х годов XX века) термин был включен в речь на европейском континенте и применялся в контексте проблем, касающихся людей с проблемами здоровья (инвалидов) [6].

Россия в этот период отстала от исследований. Когда весь мир обсуждал интегрированное образование детей с проблемами здоровья (60-е годы XX века), российские педагоги практиковали изолированное обучение детей с особыми образовательными потребностями, то есть, применялась медицинская модель их обучения, которая приводила к полной изоляции таких детей. В форме эксперимента идея интегрированного образования стала предметом исследований в НИИ дефектологии АПН СССР (70-е годы).

В 80-е годы XX века уже в США появилась новая терминология «инклюзии», а для России того времени стала характерна «модель нормализации», интегрирующая людей с проблемами здоровья в общественную жизнь [5].

Термин «инклюзия» вошел в педагогическую практику России только в 90-е годы XX века после того, как были разработаны новые международные документы, ставшие руководством к действию для ряда развитых стран. Поэтому разработку и распространение нормативно-правовых документов и актов в западном мире следует рассматривать как одну из предпосылок возникновения инклюзивного образования в России: Декларация прав человека (ООН, 1948) в статье 26 провозглашает право каждого на бесплатное обязательное начальное образование, «доступное

всем на основе заслуг»; Декларация прав ребенка (ООН, 1959) где принцип 7 провозглашает: «Ребенок имеет право на получение образования... Ему должно быть дано образование, которое будет способствовать развитию его общей культуры и разрешить ему, на основе равенства возможностей, развить его способности, его индивидуальные решения, и его чувство моральной и социальной ответственности и стать полезным членом общества».

В связи с этим:

– в 1990 году в СССР была подписана Конвенция о правах ребенка;

– в 1992 году появился Закон «Об образовании в Российской Федерации»;

– в 2008 году Россия подписала Конвенцию о правах инвалидов.

Кроме того, в 2008 году были утверждены Рекомендации Министерства образования и науки Российской Федерации по созданию условий для обучения детей с особыми потребностями здоровья в Российской Федерации. В декабре 2010 года Государственная Дума Российской Федерации приступила к практической работе по изменению российского законодательства в соответствии с Конвенцией о правах инвалидов. В 2012 году были внесены изменения в Закон «Об образовании в Российской Федерации», связанные с инклюзивным образованием детей с проблемами здоровья.

Таким образом, правовое развитие и правовая зрелость зарубежных стран не могли не сказаться на развитии образовательной и социальной политики России. Но появление такой законодательной базы было невозможно без внутренних изменений, происшедших в обществе и государстве, без осознания необходимости изменения отношения к инвалидам и людям с особыми образовательными потребностями, признания их права на полноценную жизнь. Все это составляет гуманистическую предпосылку становления инклюзивного образования, как в России, так и в мире.

Идеи инклюзивного образования в России активно поддерживаются в силу следующих социальных причин: в России, как и во всем мире, наблюдается увеличение числа детей, рожденных с отклонениями в развитии: нарушением слуха и зрения, нарушением психического развития, нарушениями опорно-двигательного аппарата, тяжелыми нарушениями речевых навыков вследствие анатомо-физиологических особенностей органов артикуляции или поражением головного мозга. Обучение и воспитание таких детей осуществлялось в специализированных (коррекционных) детских садах и школах. Многие родители детей с проблемами со здоровьем выступают против такого образования, против изоляции детей от общества, активно поддерживают инклюзивное образование, потому что в инклюзивной школе никто не будет клеймить своего ребенка как инвалида, как человека, отличающегося от других. В образовательной инклюзии все

дети, независимо от того, инвалиды или нет, имеют равные права, и приоритет отдается личности, их человеческим качествам: доброте, взаимопомощи, дружбе, открытости, честности и многим другим чертам. Такое желание родителей можно объяснить тем, что инклюзивное образование – это возможность посещать близлежащую школу, не разлучаясь надолго с родственниками, учиться с друзьями – это возможность общаться со сверстниками, участвовать в общих праздниках и мероприятиях, это возможность вести полноценную жизнь [7].

В России первое инклюзивное образовательное учреждение появляется в начале 90-х годов XX века. Так, в Москве в 1990 году по инициативе Московского центра медицинской педагогики и родительской общественной организации появляется первая школа инклюзивного образования «Ковчег». Свое название школа получила от европейской общественной организации «Ковчег», оказывающей помощь людям с ограниченными физическими возможностями. Первоначально, в классе было десять учеников, среди которых был один ребенок с проблемами развития. Позднее, данную школу стали посещать дети с более серьезными заболеваниями, такими как аутизм, шизофрения, синдром Дауна, детский церебральный паралич, расстройство слуха. Целью такой школы является воспитание и социальная адаптация детей независимо от уровня их психофизического развития, воспитание гуманности и толерантности друг к другу. С 2006 года в Санкт-Петербурге началась реализация программы инклюзивного образования [1].

Сейчас в России существует множество образовательных учреждений, работающих по программе инклюзивного образования. Она вводится в качестве эксперимента в образовательных учреждениях различного типа в ряде субъектов Федерации: Архангельской, Владимирской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Самарской, Томской и других областях. Реализация проекта инклюзивного образования началась в Татарстане, Чувашии, Марий Эл, Удмуртия, Башкортостан и других республиках.

Таким образом, инклюзивное образование получает все большую поддержку в нашей стране и стало приоритетным направлением образовательной политики каждого субъекта Российской Федерации, потому что современное общество нуждается в такой системе образования, которая основана на уважении, толерантности, гуманности. Она приобрела такой приоритет, потому что данная система образования адаптируется к потребностям ребенка, а не наоборот. Преимущества доступны для всех детей, а не только для некоторых специальных групп; часто используются новые подходы к образованию, вариативные формы и методы воспитания, дети с особыми потребностями могут находиться в группе все время или некоторое время, они учатся с поддержкой и по своему индивидуальному учебному плану. Обучение ведется так, как это наиболее удобно для каждого конкретного ребенка.

Образование всегда было неотъемлемой частью сложных исторических процессов, связанных с функционированием и развитием культуры, в целом. История образования людей с особыми образовательными потребностями прошла в России долгий путь: от изоляции к инклюзии. Разработаны различные формы и методы обучения таких людей. Наконец, общество создало идеальную модель образования.

Инклюзия – это возможность для всех учащихся участвовать в жизни детского сада, школы, института, в дошкольной и школьной жизни. Цель инклюзивной школы – дать всем учащимся возможность полноценной социальной жизни, участия в коллективе, местном сообществе, обеспечивая, тем самым, взаимодействие и заботу друг о друге как о членах сообщества [4].

Главное требование к современному образованию – оно должно стать гуманистически ориентированным, рассматривать человека как главную ценность, быть нацеленным на развитие личности. Такой подход рассматривает любые формы, методы, технологии обучения в контексте одной из основных задач образования – обеспечения наиболее благоприятных условий для саморазвития и адаптации.

В настоящее время инклюзивное образование в нашей стране получает все большее распространение. Это подкрепляется законодательством, соответствующим международными требованиями и процессами мировой интеграции. Зарубежный опыт показывает, что этот проект потребует много времени и участия всех желающих

Его главная цель – организовать образовательный процесс таким образом, чтобы все дети имели возможность учиться, развиваться, общаться все вместе, быть счастливыми и довольными, а качество образования должно быть на высоком уровне.

Инклюзивное образование в России призвано решать следующие задачи:

– создание в образовательных учреждениях специфических условий образовательной среды, не ограничивающих физический доступ обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (подъездные пути, широкие выходы, лифты,

приспособленные санузлы, соответствующее оборудование в учебных классах);

– развитие специализированных служб для детей; подготовка и квалификация соответствующих кадров (психолого-педагогические, логопедические, социальные службы);

– организацию психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, соответствующая помощь детям, родителям и учителям;

– разработку специализированных программ и методик обучения в инклюзивном образовательном учреждении;

– повышение профессиональной компетентности педагогов;

– вовлечение родителей в образовательный процесс;

– взаимодействие специалистов различного профиля;

– формирование толерантности участников образовательного процесса к людям (детям) с особыми образовательными потребностями;

– совершенствование законодательной базы;

– обеспечение индивидуального педагогического подхода к ребенку с проблемами здоровья.

Инклюзивное образование – это новый этап культурного, нравственного, социального, политического развития российского общества, вызванный правовыми, гуманистическими, социальными причинами.

Развитие инклюзивного образования в России – длительный и трудоемкий процесс, требующий от всех его участников большого терпения, интеллектуальных и духовных усилий, направленных на достижение высшего результата всей инклюзивной образовательной системы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское инклюзивное образование, несмотря на свое недавнее появление, уже имеет свою историю и теоретические основы, дальнейшее становление и развитие которых будет зависеть от всех участников образовательного процесса

Литература:

1. *Алехина С.В.* Инклюзивный подход в образовании в контексте проектной инициативы «Наша новая школа» / С.В. Алехина, В.К. Зарецкий // Психолого-педагогическое обеспечение национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». М., 2010. С. 104–116.

2. *Батыгина Т.И.* Интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика : учебно-методическое пособие / Т.И. Батыгина. Петрозаводск, Изд-во КГПА, 2009. 63 с.

3. *Безюлёва Г.В.* Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации

Literature:

1. *Alekhina S.V.* Inclusive approach to education in the context of the project initiative «Our new school» / S.V. Alekhina, V.K. Zaretsky // Psychological and pedagogical support of the national educational initiative «Our new school». M., 2010. P. 104–116.

2. *Batygina T.I.* Integration of children with disabilities: theory and practice : educational and methodological manual / T.I. Batygina. Petrozavodsk, KSPA Publishing House, 2009. 63 p.

3. *Bezyuleva G.V.* Psychological and pedagogical support of professional adaptation of students and

учащихся и студентов : монография. М. : НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. С. 24–26.

4. *Жаворонков Р.Н.* Развитие инклюзивного образования в России на современном этапе: социально-правовые аспекты / Р.Н. Жаворонков // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2011. № 4. URL : [http// www.psyedu.ru](http://www.psyedu.ru)

5. *Малофеев Н.Н.* Интегрированное обучение в России: задачи, проблемы и перспективы / Н.Н. Малофеев // технологическая школа № 1299. URL : http://school.msk.ort.ru/integration/index.php?p=teor_iovrzpip

6. *Мельник Ю.В.* Инклюзивное образование в России и за рубежом: теория и практика : монография / Ю.В. Мельник, Н.А. Одинокова, А.А. Смирнова. Новосибирск : Сибпринт, 2013. 205 с.

7. *Твардовская А.А.* Инклюзивное образование инвалидов: состояние и перспективы развития / А.А. Твардовская, Н.А. Федорова // Инклюзивное профессиональное образование. Челябинск : Изд-во Челябинского университета, 2015. С. 245–250.

students : monograph. М. : NOU VPO Moscow Psychological and Social Institute, 2008. P. 24–26.

4. *Zhavoronkov R.N.* Razvitie inclusivnogo obrazovaniya v Rossii na sovremennom stage: sotsialno pravovye aspekty / R.N. Zhavoronkov // The development of inclusive education in Russia at the present stage: socio-legal aspects. 2011. № 4. URL : [http// www.psyedu.ru](http://www.psyedu.ru)

5. *Malofeev N.N.* Integrated education in Russia: tasks, problems and prospects / N.N. Malofeev / Internet resource technological school № 1299. URL : http://school.msk.ort.ru/integration/index.php?p=teor_iovrzpip

6. *Mel'nik Yu.V.* Inclusive education in Russia and abroad: theory and practice : monograph / Yu.V. Mel'nik, N.A. Odinkova, A. A. Smirnova. Novosibirsk : Sibprint, 2013. 205 p.

7. *Tvardovskaya A.A.* Inclusive education of disabled people: the state and prospects of development / A.A.Tvardovskaya, N.A. Fedorova // Inclusive professional education. Chelyabinsk : Publishing House of the Chelyabinsk University, 2015. P. 245–250.

Слесарев Александр Валерьевич

доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
alekssles@yandex.ru

Alexander V. Slesarev

Associate Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
Far Eastern State
University of Railways
alekssles@yandex.ru

**ОЦЕНКА
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ
ПРОГРАММ НАРКОЗАВИСИМЫХ
НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS
OF PERFORMANCE ASSESSMENT
OF SOCIAL REHABILITATION
PROGRAMS FOR DRUG-ADDICTED
(REGIONAL RESEARCH EXPERIENCE)**

Аннотация. В статье дается характеристика социальной реабилитации наркозависимых. Анализируются факторы, способствующие или затрудняющие процесс социальной реабилитации и ресоциализации лиц с наркотической зависимостью. Представлена оценка эффективности региональных социально-реабилитационных программ наркозависимых. На основе анализа результатов эмпирического исследования констатируется необходимость совершенствования социально-реабилитационных программ и практик, усиления доли государственного участия в данном секторе не формального, а реального характера, формирования положительного общественного мнения в отношении реабилитантов, создание доброжелательной социальной среды.

Annotation. The article describes the characteristics of the social rehabilitation of drug-addicted. The factors that facilitate or hinder the process of social rehabilitation and resocialization of people with drug addiction are analyzed. A performance assessment of regional social rehabilitation programs for drug-addicted is presented. Based on the analysis of the results of empirical research, the need to improve social rehabilitation programs and practices, to increase the share of state participation in this sector not of a formal but of a real nature, the formation of a positive public opinion in relation to rehabilitants, and the creation of a friendly social environment are stated in the article.

Ключевые слова: социальная реабилитация, наркозависимые, ресоциализация, региональное исследование, анкетирование, интервью, экспертный опрос, реабилитант.

Keywords: social rehabilitation, drug-addicted, resocialization, regional research, questionnaires, interviews, expert survey, rehabilitant.

Термин «реабилитация» используется в различных науках. Так, например, в медицине под процессом реабилитации традиционно понимается восстановление общего здоровья человека после болезни или восстановление его отдельных утраченных способностей после травмы. В психологии реабилитация рассматривается как восстановление (или коррекция) нарушенных психических функций. В юридических науках под реабилитацией понимается восстановление человека в его прежних формально закреплённых правах. В этике реабилитация определяется как восстановление чести и достоинства человека, восстановление его доброго имени, репутации. В социологии реабилитация (в широком значении данного термина) рассматривается как восстановление социального статуса субъекта социальных отношений. В данных определениях выражена сущность процесса реабилитации – возвращение или восстановление тех или иных качеств (признаков, способностей, свойств) человека после того, как данные качества были

утрачены. Необходимо отметить, что реабилитационный процесс с любой научной точки зрения характеризуется как комплексный по своей структуре, сложный по механизму реализации, динамичный по стадиям и этапам своего осуществления, полифункциональный по своему назначению и весьма вариативный по своим результатам.

Кроме этого, реабилитационный процесс включает разные по своему содержанию мероприятия (медицинские, медико-психологические, психосоциальные, социально-адаптационные и пр.), которые и образуют единый комплекс. Основная трудность заключается здесь в том, что данные мероприятия осуществляются, как правило, в различных по своей структуре и ведомственной принадлежности организациях и учреждениях.

Социальная реабилитация в официальных документах определяется как совокупность мероприятий социального и психологического характера, осуществляемых в соответствии с законо-

дательством Российской Федерации о наркотических средствах и психотропных веществах, о профилактике правонарушений и о социальной помощи и направленных на полное или частичное восстановление социальных связей и функций, утраченных вследствие потребления наркотиков (ст. 4) [1].

Можно согласиться с мнением доктора социологических наук В.Н. Лазарева, который утверждает, что «целостный механизм социально-реабилитационного процесса призван воссоздать утраченные и нарушенные социальные связи и отношения реабилитантов, сформировать новые, устранить социальные ограничения, вызванные наркозависимостью» [2].

Опираясь на анализ теоретических источников и легальное определение, закрепленное в антинаркотической Стратегии, под социальной реабилитацией мы будем понимать процесс восстановления, а также, формирования у наркозависимого реабилитанта новых социальных качеств, необходимых для полноценного существования и приобретения социального иммунитета, обеспечивающего дальнейшее творческое развитие личности.

Специалисты отмечают, что «лечение больного наркологического профиля нельзя считать полноценным, если оно не завершается курсом комплексной реабилитации, обеспечивающим реконструкцию функционирования больного на четырёх уровнях – биологическом, психологическом, социальном и духовном» [3, с. 46].

Согласно Национальному стандарту Российской Федерации (ГОСТ Р 54990-2012; утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 сентября 2012 г. № 327-ст), реабилитационные социальные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя включают в себя: «Действия реабилитационных учреждений, предусматривающие проведение совокупности медицинских, психологических, воспитательных, педагогических, социально-психотерапевтических, правовых и социальных мер, направленных на восстановление физического, психического, духовного и социального здоровья, способности функционирования в обществе (реинтеграцию) без употребления психоактивных веществ, и направленные на избавление вышеуказанных лиц от патологической зависимости от психоактивных веществ, восстановление их личности и социального статуса, преобразование и восстановление мировоззрения этих лиц, направленного на соблюдение здорового образа жизни» [4].

Исследователи выделяют различные модели реабилитации, получившие к настоящему времени наибольшее распространение в России [5, с. 70]. Есть мнение о целесообразности использования виртуального пространства в качестве инструмента социальной реабилитации. Вместе с тем, чрезмерное увлечение виртуальными инструментами может спровоцировать новые формы зависимости (например, интернет-

зависимость). Кроме того, интернет выступает весьма «эффективной» площадкой для увеличения масштабов наркотизации [6]. Поэтому данный инструмент следует использовать в социально-реабилитационных практиках весьма осторожно и дозировано.

Особое внимание следует обратить на совокупность факторов, способствующих или затрудняющих процесс социальной реабилитации и ресоциализации лиц с наркотической зависимостью.

Результаты социологических исследований показывают, что позитивно влияют на процесс социальной реабилитации следующие факторы:

- а) наличие у реабилитанта осознанного и стойкого желания изменить свою жизнь в направлении преодоления наркотической зависимости;
- б) определённая активность и последовательность в осуществлении необходимых действий по актуализации реабилитационной программы;
- в) положительная адекватная реакция и поддержка со стороны семьи, родственников, друзей;
- г) непосредственное общение с человеком, преодолевшим зависимость, который на своём личном примере наглядно показывает возможность стойкой ремиссии и позитивной ресоциализации [7].

Анализ качества и эффективности официальных социально-реабилитационных практик для наркозависимых можно осуществить, обратившись к изучению мнения самих реабилитантов и экспертов в данной сфере.

На уровне региона (Хабаровский край) нами было проведено следующее социологическое исследование.

Цель исследования – на основе анализа мнений наркозависимых реабилитантов, а также экспертов в области социальной реабилитации определить содержание, выявить проблемы и определить тенденции развития процесса социальной реабилитации наркозависимых.

Исследовательские задачи:

- рассмотреть специфику процесса социальной реабилитации наркозависимых;
- выявить основные проблемы, связанные с существующими программами социальной реабилитации наркозависимых и их реализацией;
- проанализировать отношение наркозависимых к традиционным ценностям и проследить динамику изменения отношения к ним в связи с прохождением реабилитации;
- определить перспективы профилактических антинаркотических мероприятий на уровне государства, региона, социальной группы;
- актуализировать проблему формирования доверия в процессе социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых.

Объект исследования – процесс социальной реабилитации наркозависимых.

Предмет исследования - представления, оценки, суждения наркозависимых, бывших наркопотребителей, а также экспертов в области социальной реабилитации наркозависимых по различным вопросам, характеризующим содержание процесса социальной реабилитации и эффективность реабилитационных программ, как в Хабаровском крае, так и в целом в России.

Методика исследования включала два эмпирических метода – анкетирование и интервьюирование. Инструментарием социологического исследования наркозависимых реабилитантов Хабаровского края стала разработанная анкета, включающая 20 вопросов. Эти же вопросы задавались в ходе интервьюирования бывших наркопотребителей. Экспертный опрос (№ = 7) проводился в форме неформализованных бесед с представителями правоохранительных органов, медицинских (наркологических) учреждений, сотрудников специализированных реабилитационных центров.

Выборка исследования. Анкетирование проводилось среди реабилитантов центров социальной реабилитации Хабаровского края. Всего в крае на момент проведения исследования функционировали 4 официально зарегистрированных специализированных реабилитационных центра, в которых проходили реабилитацию 156 человек. Опрос был сплошным, то есть охватывал всю генеральную совокупность. Поскольку сплошной опрос охватывает всю совокупность респондентов, принадлежащих к какой-либо общности или группе, мы можем с полной уверенностью утверждать, что выводы, полученные на основе исследования, обладают большой степенью репрезентативности.

Интервью с бывшими наркопотребителями было полужформализованным. Интервью проводил автор настоящей статьи. В связи с распространением коронавирусной инфекции, интервью проводилось с помощью онлайн-технологий на платформе ZOOM (без видео). Всего было проведено 11 полужформализованных интервью в период с ноября 2020 по январь 2021 года.

Описание результатов анкетирования наркозависимых реабилитантов.

Всего было опрошено 156 реабилитантов, из них женщин – 22,4 %, мужчин – 77,6 %. Возрастное распределение респондентов: 18–25 лет – 26,3 %; 26–35 лет – 39,7 %; 36–45 лет – 25,6 %; старше 45 – 7,7 %.

Более 70 % респондентов имеют среднее специальное, неоконченное высшее или высшее образование. Более 80 % опрошенных не состоят в браке (либо разведены). Эти результаты вполне коррелируют с социальным портретом наркозависимого, который был сконструирован нами в первой главе настоящей диссертации на основе анализа теоретических и практических исследований других авторов.

Особо следует отметить указание респондентов на отношение к религии: 61,5 % опрошенных считают себя христианами, 1,3 % – буддистами, 10,9 – атеистами, 21,2 % затруднились отнести себя к предложенным конфессиям или назваться атеистами, 5,8 % выбрали «другое». Выбор наиболее характерной для России конфессии большинством опрошенных подчеркивает общую тенденцию российского общества к христианизации.

1. *Ценности и ценностные ориентации наркозависимых-реабилитантов.* Социокультурные ценности всегда оказывали и оказывают определяющее влияние на поведение человека, на его мироотношение. Важнейшими ценностями для реабилитантов-наркозависимых выступают, прежде всего, здоровье (75 %), счастливая семейная жизнь (57,1 %), любовь (44,9 %), материально-обеспеченная жизнь (49,4 %), наличие хороших и верных друзей (30,1 %).

Анализ результатов опроса показывает, что в большей степени в среде реабилитантов доминируют ценности личной жизни (здоровье, семья, друзья, любовь), нежели ценности социальной коммуникации (развлечения, общественное признание, продуктивная жизнь и др.). Примечательно, что в число наиболее значимых ценностей респонденты включили свободу (47,4 %), уверенность в себе (35,3 %) и уверенность в завтрашнем дне (29,5 %). Это демонстрирует высокую степень озабоченности реабилитантов о своем будущем, желание освободиться от бремени, связанного с вынужденными ограничениями, обусловленными спецификой реабилитационных программ. Кроме того, желание приобрести уверенность в себе показывает надежду зависимых на освобождение от различного рода социально-психологических комплексов.

2. *Оценка реабилитантами степени доверия и доверительных отношений.* Как отмечалось в первом параграфе данной работы, для процесса социальной реабилитации вопрос доверия является ключевым. Доброжелательная среда, основанная на доверии, создает благоприятный социальный фон для успешности реабилитационных программ и практик. Мнение опрошенных явно показывает отсутствие на сегодняшний день доверительного отношения к им со стороны общества. Так, при ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете степень доверия по отношению к Вам (укажите по 10-балльной шкале, где 1 полное недоверие, 10 – абсолютно доверительное отношение)?» основная масса респондентов оценила наибольшую степень доверия:

– со стороны родных и близких в 5 баллов (20,5 %);

– со стороны друзей в 8 баллов (16,7 %);

– со стороны медперсонала в 5 баллов (16,7 %);

– со стороны коллег в 5 баллов (21,2 %);

– со стороны представителей власти в 5 баллов (19,2 %);

– со стороны окружающих в целом в 5 баллов (32,7 %).

Результаты показывают, что реабилитанты объективно оценивают степень недоверия к ним общества, в целом, и отдельных его представителей (5 баллов из 10 – это весьма низкий показатель доверия). В то же время, отвечая на вопрос о своем отношении к окружающим, большая часть опрошенных (66 %) оценила его как нормальное (нейтральное) (33,3 %) или доброжелательное (доверительное) (32,7 %). Только 17,3 % респондентов указали на недоверчивое (настороженное) отношение к окружающим, 6,4 % – равнодушное. Причем, по отношению к тем, кто проходит реабилитацию (лечение) вместе с ними, больше 50 % опрошенных отметили ровные отношения или заинтересованное общение. Вместе с тем, 38,5 % респондентов указали на то, что среди реабилитантов иногда случаются разногласия, а 5,8 % ответили, что окружающие их раздражают.

Интересно, что реабилитанты осознают тот факт, что после начала прохождения ими реабилитации отношение к ним со стороны близких и друзей существенно меняется. 49,4 % опрошенных указали в ответе на вопрос: «Изменилось ли к Вам отношение со стороны близких и друзей после начала реабилитации (лечения)?», что отношение стало лучше, 16,7 % посчитали, что отношение не изменилось, 3,8 % убеждены, что их стали игнорировать. Здесь следует отметить, что 31,4 % респондентов выбрали «другое».

3. *Ожидания реабилитантов от реализации реабилитационных программ.* Большое значение для успешности социально-реабилитационных программ и практик имеет соответствие ожиданий реабилитантов и полученных результатов. Оценивая свои ожидания, большинство реабилитантов (52,6 %) достаточно оптимистично ответили, что «смогут преодолеть жизненные трудности», 7,1 % опрошенных надеются найти хорошую работу, 1,9 % – продолжить учебу, 21,2 % – восстановить утраченное доверие, 6,4 % – думают, что ничего в их жизни не изменится, 9 % затруднились ответить на этот вопрос, а 5,8 % выбрали «другое». Оптимизм реабилитантов, проявляющийся, в том числе, и в доверии к содержанию и эффективности реабилитационных программ и специалистам, осуществляющим необходимые процедуры, является залогом их успешной реабилитации и в целом ресоциализации.

4. *Планы реабилитантов на будущее.* Очевидно, что наличие планов на будущее позволяет говорить о надеждах, которые питают реабилитанты в ходе прохождения реабилитационных процедур. Опрос показал, что большинство респондентов (64,1 %) имеют четкие жизненные планы на ближайшие 3–5 лет; 18,6 % опрошенных указали на то, что скорее не имеют четких планов, 10,3 % – не строят никаких планов и 7,7 % затруднились ответить на данный вопрос. Вместе с тем, около половины опрошенных связывают свое будущее с родным регионом (48,7 %), 22,4 % – скорее, не связывают с ним будущее, 8,3 % – однозначно не связывают. Более 20 % затруднились ответить на вопрос.

Оценивая перспективы региона, респонденты указали, что «регион интенсивно развивается и будет развиваться дальше» (36,5 %), «край имеет нереализованный потенциал для развития» (29,5 %). Пессимисты ответили, что «вряд ли что-то изменится к лучшему» (17,9 %) и, «скорее всего, жизнь станет тяжелее» (11,5 %). Вариант «другое» выбрали 3,8 % опрошенных.

Очевидно, что выработка жизненной стратегии является, скорее, мечтой, чем действительностью для проходящих курс реабилитации наркозависимых. Вместе с тем, их вера в перспективы региона проживания позволяет надеяться на постепенную трансформацию мечты в реальность.

5. *Оценка наркозависимых-реабилитантов эффективности профилактических антинаркотических мероприятий.* С позиции «экспертов» реабилитанты оценивали эффективность социальной антинаркотической политики. Из предложенных вариантов были выбраны следующие:

- антинаркотическая реклама в средствах массовой информации – 37,8 %;
- лекции и беседы в учебных заведениях – 66,7 %;
- публикации в Интернете, специализированные сайты – 28,2 %;
- буклеты и брошюры о наркотиках – 14,7 %;
- выступления в СМИ специалистов-медиков – 34,6 %;
- беседы в семье – 58,3 %;
- выступления в СМИ бывших наркоманов – 59 %;
- специальные концерты, фестивали – 27,6 %;
- тематические программы и фильмы на телевидении – 48,7 %;
- вариант «другое» выбрали 10,3 % опрошенных.

Анализ ответов показывает, что наиболее эффективными антинаркотическими профилактическими мероприятиями являются те, что проводятся в учебных заведениях, поскольку обучение в различных образовательных учреждениях проходят все без исключения. Кроме того, опыт бывших наркопотребителей, распространяемый в СМИ, имеет большое значение для тех, кто еще не приобрел соответствующую зависимость.

Вместе с тем, одной из самых успешных профилактических практик является семейное воспитание: беседы, внимание, участие, контроль со стороны родителей, других членов семьи. Именно этот уровень социальной реабилитации – межличностного доверительного общения – способен выполнить задачи не только первичной социализации индивида, но и в последующем (при необходимости) способствовать успешной адаптации и ресоциализации лиц, получивших зависимость и желающих от нее избавиться.

6. *Восприятие виртуальной среды как способа социальной реабилитации.* В связи с повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий современная социальная реальность приобрела новую форму – виртуальную. Виртуальный мир для многих людей (особенно, для молодежи) становится средой, где они чувствуют себя комфортнее и свободней, чем в процессе реальных социальных взаимодействий. Очевидно, что и в ходе осуществления социально-реабилитационных программ необходимо учитывать потенциал виртуальной социализации. В ходе анкетирования респондентам были заданы вопросы, касающиеся восприятия виртуальной среды.

Отвечая на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вы используете Интернет (социальные сети, игры, просмотр контентов, общение)?» 59,6 % респондентов указали «использую постоянно», 14,1 % – «обращаюсь несколько раз в течение дня»; 10,9 % – только в свободное время; 7,1 % – только при необходимости; 7,1 % – очень редко. Эти ответы подтверждают общую тенденцию массового использования интернета в повседневной жизни.

Для выяснения того, какую роль играет виртуальная среда для реабилитантов, был задан вопрос: «Помогает ли Вам использование виртуальной среды в самовыражении?». Ответы распределились следующим образом: да, я могу быть там, кем хочу – 16,7 %; да, только там я нахожу понимание – 3,2 %; скорее да – 18,6 %; скорее, нет, виртуальный мир не заменит реального – 44,2 %; не помогает, это просто потеря времени – 12,8 %; затрудняюсь ответить – 3,8 %. Примечательно, что реабилитанты высказались в пользу реального, а не виртуального общения, тем более, что социальный портрет наркозависимого отличается такими чертами, как разрыв/ограничение коммуникативных социальных связей и замкнутость. Это позволяет говорить о положительной динамике и успешности социально-реабилитационных мероприятий.

Оценивая возможности использования виртуального пространства, реабилитанты указали:

– считаю, что интернет-общение дает свободу самовыражения – 40,4 %;

– интернет хорош тем, что можно, не раскрывая себя, выражать свое мнение – 30,1 %;

– компьютерные игры дают возможность отвлечься от реальных проблем – 24,4 %;

– с помощью интернета можно получить новую профессию и навыки – 59 %;

– интернет-магазины упрощают жизнь человека – 50 %;

– в интернете легче найти друзей – 14,1 %;

– с помощью интернета можно найти себе занятие «по душе» – 29,5 %;

– Интернет – это источник оперативной и свободной информации – 62,8 %;

– Интернет – это «свалка» разнородных, непроверенных данных – 17,9 %;

– в виртуальном пространстве можно нарваться на агрессию и оскорбления – 10,9 %;

– посредством интернета нередко совершаются преступления – 19,9 %.

Ответы на этот заключительный вопрос анкеты показывают, что самовыражение для наркозависимого является важным элементом его личностного существования и что посредством интернета осуществить самовыражение ему легче, поскольку имеется возможность не раскрывать себя. В силу объективных социальных ограничений интернет становится удобным способом приобретения вещей и продуктов (интернет-магазины), важным каналом информации для наркозависимого реабилитанта, хотя следует оговориться, что на первых этапах реабилитационного курса, как правило, возможности пользоваться средствами связи, в том числе, интернет-связи, у реабилитируемых нет.

Проведенный корреляционный анализ показал, что среди наркозависимых реабилитантов является приоритет таких важных ценностей как уверенность в завтрашнем дне, уверенность в себе, свобода. Весьма важно для них доверие со стороны окружающих. Несмотря на общую тенденцию наркозависимых к замкнутости, скрытности, реабилитанты выбирают приоритет живого общения в ущерб виртуальному. Эти факты следует учитывать при разработке социально-реабилитационных программ, социально-психологических и иных методик.

Интервью с бывшими наркопотребителями (№ = 11) позволили выявить следующие субъективные аспекты мнения реабилитантов, прошедших официально установленный курс социальной реабилитации:

а) в отличие от находящихся на реабилитации, они в большей степени оценивают свое отношение к окружающим как доброжелательное и доверительное; отмечают, что такое отношение стало возможным после того, как они поняли, что многие готовы им помочь и поддержать;

б) отношение с теми, с кем они вместе проходили реабилитацию, как правило, складываются хорошие, нередко перерастают в последующее тесное общение и даже в дружбу; никто из бывших реабилитантов не высказался негативно в отношении тех, с кем общался в период реабилитации;

в) практически всеми интервьюируемыми констатируется качественное улучшение отношения к ним со стороны окружающих после прохождения курса реабилитации; причем в отличие от действующих реабилитантов, «бывшие» говорят не только о близких родственниках и друзьях, они

отмечают улучшение в отношениях с коллегами по работе, по учебе, просто незнакомых людей в ходе общения. Это вполне объяснимо тем, что даже внешность человека, прошедшего курс реабилитации, сильно меняется в лучшую сторону;

г) наряду с оптимистичными ответами, показывающими в целом хорошие результаты социально-реабилитационных мероприятий, бывшие реабилитанты отмечали, что хоть и надеются на возможность преодолеть жизненные трудности и верят в способность восстановить утраченное доверие, тем не менее, никто из них не надеется найти хорошую работу. Здесь сказывается уже отмеченная в данной работе стигматизирующая политика государства, которое если включило человека в специализированную базу данных, то, значит, поставило на нем «несмываемое клеймо»;

д) видимо, именно по этой причине, в отличие от наркозависимых реабилитантов, «бывшие» в большей степени высказались «за» использование возможностей виртуального пространства, прежде всего, в сфере получения новой профессии и навыков. Они рассчитывают, что приобретенные таким образом знания, новая профессия изменят негативный вектор их деловой карьеры.

Результаты экспертного опроса.

Проведенные беседы с экспертами (в числе которых выступили сотрудники правоохранительных органов, реабилитационных центров, наркологических учреждений) позволили систематизировать профессиональные оценки содержания, качества, эффективности и перспектив социально-реабилитационных программ и практик, реализуемых как в стране, в целом, так и в регионе (на примере Хабаровского края).

Сгруппировав ответы участников бесед, можно дать следующую развернутую характеристику состояния наркотизации и социальной реабилитации наркозависимых в современных условиях.

Причинами наркотизации в современной России являются, по мнению экспертов, прежде всего:

– *неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие;*

– *моральная деградация общества, вседозволенность;*

– *излишняя свобода, незанятость молодежи;*

– *влияние наркобизнеса, доступность наркотиков;*

– *безработица, экономические проблемы;*

– *влияние массовой культуры и СМИ;*

– *низкий уровень профилактической работы;*

– *влияние «западных» ценностей.*

Определяя тенденции наркотизации среди молодежи, эксперты указали, что *наркотизация*

растет быстрыми темпами; появляются новые виды доступных наркотиков; наркотизация омолаживается.

Описывая наиболее типичный образ современного наркозависимого, одни эксперты указали:

– *молодой человек, обучающийся в учебном заведении, живущий на средства родителей, не имеющий стабильной системы ценностей;*

– *другие настаивали на том, что это – человек с трудностями социальной адаптации, без образования, не имеющий постоянного источника дохода, с девальвированной системой социальных ориентиров.*

Оценивая наркотическую ситуацию в России, в целом, эксперты отметили, что: *ситуация значительно страшнее, чем большинство людей себе представляет; наркотизация нарастает с каждым днем.* И, несмотря на достаточно оптимистичные официальные статистические данные, было отмечено, что ситуация в стране критическая.

Эксперты весьма остро обсуждали вопрос о возможности принудительного лечения наркомании. Здесь тоже мнения разделились практически поровну: часть из них утверждала, что только так и можно преодолеть последствия наркотизации, другие отстаивали свободу выбора наркозависимого в решении вопроса о необходимости прохождения лечения и реабилитации, ссылаясь на то, что только самостоятельное ответственное решение наркозависимого обеспечит положительные результаты реабилитационных процедур.

Оценка эффективности государственных реабилитационных программ наркозависимых была в целом дана неудовлетворительная, отмечалась их низкая эффективность, высокая степень рецидивов. К числу показателей профессионализма и высокого уровня оказания услуг при лечении наркомании в наркологическом реабилитационном центре были отнесены:

– *количество клиентов, прошедших курс лечения и реабилитации и имеющих стабильную ремиссию более трех лет;*

– *наличие сертифицированных специалистов и уровень профессионализма персонала наркологического реабилитационного центра;*

– *наличие программ психологической поддержки для членов семьи клиента;*

– *стаж работы наркологического реабилитационного центра, подтвержденный документально.*

Участники бесед, обсуждая вопросы зависимости эффективности реабилитации от стоимости оказываемых услуг, отмечали, что:

– *бесплатные и низкобюджетные учреждения не менее эффективны, чем платные с объективной стоимостью профессионального лечения;*

– чем объективней стоимость услуг, тем выше эффективность реабилитации;

– квалифицированная помощь не может быть низкобюджетной.

Эксперты высказались о том, что лечение и реабилитация наркозависимого должны проводиться, прежде всего, за счет средств, вырученных от конфискации имущества наркоторговцев. Звучали и иные предложения: за счет бюджетных средств или за счет средств семьи наркозависимого. Только два эксперта высказались за то, чтобы реабилитация осуществлялась исключительно за счет средств самого наркозависимого, аргументируя это тем, что оказаться в столь трудной жизненной ситуации – это был его собственный (пусть и неосознанный, но безответственный) выбор.

В ходе обсуждения проблем социальной реабилитации затрагивались вопросы, связанные с участием в социально-реабилитационных программах религиозных организаций. Эксперты поразному оценили потенциал религиозных реабилитационных центров:

– одни отметили, что *это одна из возможностей для получения помощи в трудной жизненной ситуации; что они необходимы, так как показывают успешный опыт реабилитации;*

– другие высказались против них, утверждая, что *эти центры существуют только для привлечения людей в церковь, что вполне достаточно светских реабилитационных институтов.*

Отвечая на вопросы о возможных профилактических мерах для решения проблем наркомании, эксперты предложили:

– *принудительное лечение наркоманов;*

– *разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов;*

– *ужесточение мер наказания за наркопреступления;*

– *повышение доступности психологической помощи; расширение сети анонимных наркологических центров, кабинетов;*

– *совершенствование работы с молодежью, помощь в социализации; расширение сети реабилитационных центров для наркозависимых;*

– *увеличение финансирования социальных реабилитационных программ.* Из 14 экспертов

Литература:

1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 года № 733 // СПС «КонсультантПлюс» (последнее обновление 25.01.2020).

2. Лазарев В.Н. Социологическая оценка социальной реабилитации наркозависимых в

только 2 человека предложили легализовать так называемые легкие виды наркотиков. Остальные высказались против этой меры. Отвечая на вопрос о нужности социальной рекламы как средства антинаркотической профилактики, большинство экспертов отметили, что такая реклама очень нужна или что хуже, по крайней мере, от нее не будет. Только 3 человека указали на то, что пользы от социальной рекламы нет и что это – только лишняя трата бюджетных денег.

Оценивая современное состояние и перспективы государственной политики в отношении реабилитации наркозависимых в современной России, эксперты указали на то, что государство слишком формально относится к проблеме и не вкладывает в ее решение необходимых средств, что государство ограничивается созданием нормативно-правовой базы процесса реабилитации.

Отметим конкретные предложения по совершенствованию социально-реабилитационных программ и практик, сформулированные экспертами:

– создание доброжелательной социальной среды для наркозависимых-реабилитантов (СМИ, просветительская работа в образовательных организациях);

– развитие сети некоммерческих организаций, спортивных, творческих клубов, кружков и других институтов гражданского общества для помощи в реализации социально-реабилитационных программ;

– формирование на государственном уровне антистигматизационной политики в отношении бывших наркозависимых, создание и поддержка центров по социальному сопровождению реабилитантов в целях их обучения и/или переобучения, трудоустройства, при необходимости – помощи в смене места жительства;

– повышение качества и доступности медицинской и социальной помощи на уровне региона.

Таким образом, по итогам проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что и эксперты, и наркозависимые реабилитанты констатируют необходимость совершенствования социально-реабилитационных программ и практик, усиления доли государственного участия в данном секторе не формального, а реального характера, формирования положительного общественного мнения в отношении реабилитантов, создание доброжелательной социальной среды.

Literature:

1. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2030, approved. By the Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 № 733 // SPS «ConsultantPlus» (last update 25/01/2020).

2. Lazarev V.N. Sociological assessment of the social rehabilitation of drug addicts in non-state

негосударственных реабилитационных центрах. URL : <https://textarchive.ru/c-1461374.html> (дата обращения 21.01.2021).

3. Брюн Е.А. Опыт реабилитационной работы в системе помощи лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами / Е.А. Брюн, Л.М. Савченко, Е.А. Соборникова // Российский медицинский журнал. 2013. № 4. С. 45–49.

4. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. М. : Стандартинформ, 2012.

5. Колот З.И. Программы реабилитации, реализуемые в государственных реабилитационных центрах / З.И. Колот // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2. С. 68–73.

6. Слесарев А.В. Вопросы профилактики интернет-наркотизации несовершеннолетних в РФ / А.В. Слесарев, В.А. Мальцева // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 9(74). С. 85–90.

7. Гайнуллина Э.Н. Социологический анализ реабилитационных программ и факторов, способствующих процессу реабилитации и ресоциализации лиц с наркотической зависимостью / Э.Н. Гайнуллина, З.А. Янгуразова, Р.А. Хисамутдинов // Вестник Башкирского университета. Философия, социология, культурология и политология. 2013. № 4. С. 1244–1250.

rehabilitation centers. URL : <https://textarchive.ru/c-1461374.html> (date of application 01/21/2021).

3. Brune E.A. Experience of rehabilitation work in the system of assistance to persons who abuse psychoactive substances / E.A. Brune, L.M. Savchenko, E.A. Sobornikova // Russian medical journal. 2013. № 4. P. 45–49.

4. National standard of the Russian Federation. Social services for the population. M. : Standartinform, 2012.

5. Kolot Z.I. Rehabilitation programs implemented in state rehabilitation centers / Z.I. Kolot // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2016. № 2. P. 68–73.

6. Slesarev A.V. Issues of prevention of Internet drug addiction of minors in the Russian Federation / A.V. Slesarev, V.A. Maltseva // Society: politics, economics, law. 2019. № 9(74). P. 85–90.

7. Gainullina E.N. Sociological analysis of rehabilitation programs and factors contributing to the process of rehabilitation and resocialization of persons with drug addiction / E.N. Gainullina, Z.A. Yangurazova, R.A. Khisamutdinov // Bulletin of the Bashkir University. Philosophy, sociology, cultural studies and political science. 2013. № 4. P. 1244–1250.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
8583605@gmail.com

Кушу Арсен Моссович

аспирант 4 курса заочного обучения,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kam-2011@bk.ru

Цыганкова Марина Михайловна

аспирантка 4 курса заочного обучения,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
8583605@gmail.com

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается проблематика классового антагонизма, а также – корпоративизма применительно к малым и средним предприятиям города Краснодара. Эмпирической базой послужили данные анкетного опроса хозяев предприятий и наемного персонала. В плане общего вывода исследования авторами констатируется, что характер динамики трудовых отношений определяется в первую очередь внутренним социальным контекстом. При наличии традиционных противоречий работников и предпринимателями имеют место заметные тенденции корпоративизма, стимулируемые двумя факторами. Во-первых, обширное поле неформальных взаимодействий, во многом предопределяющих специфику российского корпоративизма, и придающих ему отпечаток традиционной культуры. Во-вторых, согласие субъектов межклассовых взаимодействий зачастую оказывается замешанным на почве враждебности к структурам государства и высшего бизнеса, что может иметь более долгосрочные и в целом негативные последствия. То есть, имеются предпосылки восприятия обеими группами официальных государственных институтов в качестве главного классового оппонента.

■ ■ ■

Ключевые слова: трудовые отношения, марксизм, тэйлоризм, классовый антагонизм, корпоративизм, предприниматели, рабочие.

Yulian G. Tambiyants

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
8583605@gmail.com

Arsen M. Kushu

Postgraduate Student of 4 courses
of Correspondence Training,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
kam-2011@bk.ru

Marina M. Tsygankova

Postgraduate Student of 4 courses
of Correspondence Training,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
8583605@gmail.com

**SOCIO-ECONOMIC ASPECTS
OF LABOR RELATIONS
AT MODERN RUSSIAN ENTERPRISES**

■ ■ ■

Annotation. The empirical base was the data of a questionnaire survey of enterprise owners and hired personnel. In terms of the general conclusion of the study, the authors state that the nature of the dynamics of labor relations is determined primarily by the internal social context. In the presence of traditional contradictions between workers and entrepreneurs, there are noticeable corporatism tendencies, stimulated by two factors. First, there is a vast field of informal interactions that largely predetermine the specificity of Russian corporatism and give it an imprint of traditional culture. Secondly, the consent of the subjects of interclass interactions often turns out to be mixed up on the basis of hostility to the structures of the state and higher business, which can have more long-term and generally negative consequences. That is, there are prerequisites for the perception by both groups of official state institutions as the main class opponent.

■ ■ ■

Keywords: labor relations, Marxism, Taylorism, class antagonism, corporatism, entrepreneurs, workers.

Классический период развития науки социологии (конец XIX – первая половина XX вв.) совпал по времени со стадией окончательного торжества индустриализма и новой вехи в развитии капитализма. Эпоха первоначального накопления сменилась периодом доминирования организованных производственных структур. Неслучайно, именно социально-экономическая проблематика выступала одной из важнейших составляющих в теоретических разработках социологов-классиков – Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера и др. При этом ей придавалось разнообразное функциональное содержание. Например, Э. Дюркгейм полагал, что производственный процесс носил все более взаимодополняющий смысл, и данный тезис выступал базисом в его концепте «органическая солидарность», объединяющей как рабочих, так и предпринимателей. А вот К. Маркс делал ставку на внутренние противоречия, неизбежные в ходе реализации экономических задач во многом в силу различного отношения к средствам производства и распределения продуктов труда. Нельзя отрицать, что тенденции раскола и единения существовали всегда, как правило, жестко оппонируя друг другу. Признавая неизбежным и объективно обусловленным антагонизм интересов рабочих и капиталистов, тем не менее, нельзя не упомянуть исторические случаи, когда это противостояние решалось конструктивно посредством взаимовыгодного компромисса. Речь идет о фордистской системе, а также, о корпоративистском принципе, реализованном в некоторых государствах правого авторитаризма. Например, в Португалии периода диктатуры А. Салазара местных предприятиях жесткие рамки были наложены на обе стороны – рабочие не имели права бастовать, тогда как хозяева предприятий обязаны были держать уровень зарплат, предоставлять ежегодный оплачиваемый отпуск и т.п. [10, с. 258].

В современном весьма сложном глобальном мире жизненно важной задачей для России является сохранение социального единства. Естественно, что на первом плане находится политико-национальная целостность, проблематика которой особенно актуализируется за последние годы. Эффект Крымского консенсуса, к сожалению, заметно ослабел, не в последнюю очередь в виду ухудшения социально-экономической ситуации. Последнее происходит как в связи с внешними санкциями, так и по причине непопулярных шагов правительства, среди которых вне конкуренции Пенсионная реформа. Но помимо национального уровня, особого единения не наблюдается и в более приземленных масштабах, о чем свидетельствуют тенденции индивидуализации и социальной атомизации [12, с. 152]. В нынешних условиях деформаций государственных суверенитетов, типичный для капиталистических предприятий классовый раскол несет последствия с довольно расплывчатыми результатами. Представляется актуальным рассмотреть предпосылки солидаризма (корпоративизма) и раскола в рамках производственных институтов, где люди объединены на базе выполнения трудовых функций.

Целью данной статьи является выявление социально-экономической составляющей трудовых

процессов на краснодарских предприятиях. Выбор именно предприятий «южной столицы» обусловлен прежде всего нашими объективными возможностями. На достижение данной цели работает последовательное выполнение следующих задач.

1) теоретико-методологическое уточнение сущности как корпоративизма, так и классового антагонизма, что планируется реализовать посредством обобщения имеющихся подходов к подобной проблематике.

2) выявление основных тенденций динамики современной трудовой сферы в условиях утверждения и распространения постиндустриализма, а также усиления глобализационного фактора.

3) определение социально-экономических аспектов ситуации на предприятиях г. Краснодара посредством анализа результатов эмпирического исследования.

Труд в качестве феномена имеет не только экономическое, но и социологическое содержание. Е. Молевич считает трудовую деятельность, во-первых, осмысленно-рациональной; во-вторых, субъектом этой деятельности всегда выступает социальный индивид, наделенный опытом и производственными технологиями; в-третьих, собственно труд предполагает в качестве выраженных результатов «продукты труда»; наконец, в-четвертых, трудовая деятельность имеет исключительно утилитарный смысл [6, с. 39]. Одновременно труд всегда предполагает между своими субъектами определенный комплекс взаимодействий (трудовые отношения). Чтобы осмыслить последние, необходимо разработать расширенную методологию, поскольку экономические задачи зачастую имеют политическую обусловленность, а также нередко предполагают выходящие за рамки хозяйственной сферы следствия. Именно политической властью обеспечивается эффективное разделение труда, а также определяется вектор трудовых взаимодействий в системных интересах [7, с. 274].

Российский экономист В. Верховин конкретизирует содержательную сторону трудовых отношений, выделяя ключевую проблему как отношения между работником и работодателем. По его мнению, здесь изначально закладывается дисбаланс интересов, что каждая сторона трактует как дисфункцию обмена. Если работниками эта дисфункция интерпретируется в форме эксплуатации, а работодатели склонны трактовать это в терминах рестрикционизма, то есть, как «использование ресурсов предприятия с целью максимизации своей личной выгоды» [2, с. 428]. В реальности же, работодатель больше влияет на процессы производственной организации и оптимизации, поскольку он выступает и как более сильный, и как более заинтересованный субъект, а, формально, свободные наемные работники включаются в управленческую систему на его условиях. Тем самым закономерно складывается асимметричный баланс.

Преодолеть указанную асимметрию возможно двумя способами. Первый вариант предполагает

внешний источник, находящийся за пределами предприятия. Речь идет об институтах «распределительной справедливости» или государственных структурах. Второй вариант реализуется исключительно внутренними усилиями, предполагая определенную систему регуляции трудовых отношений, корректировку механизмов вертикальной мобильности, оплаты труда, сглаживания противоречий и пр. Здесь работают два видимых фактора – давление работников, требующих более благоприятных условий; а также усилия самих работодателей, заинтересованных в оптимизации трудовых отношений [2, с. 428–429].

С нашей точки зрения, исследование классовых противоречий на современных предприятиях целесообразно проводить, опираясь на теоретико-методологическую основу марксизма, который вовсе не является устаревшим особенно в плане анализа обозначенной проблематики.

Напомним, что марксизм отталкивается от категории «интерес», которая неразрывно связана с групповыми (классовыми) стремлениями, исходящими из соответствующего социально-экономического положения. Основным классовым признаком здесь считается отношение к собственности. Обладание последней предопределяет стремление предпринимателей к максимизации прибыли, которая создается уже наемными рабочими. В рамках подобной логики, закономерны попытки работодателей усилить по возможности эксплуатацию рабочих, которые сопротивляются этому как могут. Подобный классовый антагонизм является объективно обусловленным. Причем, данные противоречия особенно на ранних этапах могут принимать неосознанный характер, но впоследствии обычно приобретают сознательную форму, что зачастую придает экономическим требованиям политический окрас.

Со временем, ускорение социальной динамики значительным образом изменило расклад в области трудовых отношений на капиталистических предприятиях. В эпоху организованного капитализма, сменившую ранний капитализм первоначального накопления, была осуществлена попытка преодоления вскрытого марксистами классового антагонизма.

В рамках подобных стремлений следует рассматривать реализацию принципов научного менеджмента на капиталистических предприятиях. Их теоретическая разработка обычно приписывается Ф. Тэйлору, тогда как практическая реализация имела место, прежде всего, на предприятиях Г. Форда. Впрочем, последний сочетал в себе достоинство не только практика, но и теоретика, обобщив собственный опыт в ряде научно-публицистических работ.

Ф. Тэйлор признает наличие антагонизма интересов работодателей и наемных работников, что весьма затрудняет формирование здоровых производственных отношений. Подобное чувство может проявляться, «во многих случаях, со стороны рабочих с такой силой, что любое предложение, исходящее от предпринимателя, как бы оно ни было разумно, встречает с их стороны

подозрительное отношение, и работа «с прохладцей» превращается в закоренелую привычку...». Однако патриарх научной организации труда, в отличие от марксизма, не считает непреодолимым упомянутое социальное противоречие. Если соответствующим образом организовать систему внутреннего управления, то привести к общему знаменателю интересы работодателей и наемных работников вполне реально. Ф. Тэйлор убежден, что истинные интересы той и другой стороны вполне совпадают; а «благополучие для предпринимателя не может иметь места в течение долгого ряда лет, если оно не сопровождается благополучием для занятых в его предприятии рабочих, и обратно» [11]. В пике развития данных идей, Г. Форд в своих работах советует хозяевам предприятий и высшему управленческому звену популяризировать дух товарищества, исходя из представления о персонале как о трудовых соратниках, а не финансово зависимых людях. По его словам, «шеф является компаньоном своего рабочего, а рабочий товарищем своего шефа; поэтому как о том, так и о другом, бессмысленно утверждать, что он является единственно необходимым. Оба необходимы» [13, с. 100].

Таким образом, Ф. Тэйлора и Г. Форда вполне уместно рассматривать в качестве разработчиков идеи корпоративного единства (корпоративизма). Корпоративизм понимается нами как идеология, главным акцентом которой выступает достижение единства работодателей и рабочих конкретного предприятия на базе продвижения его интересов. Тем самым, корпоративизм оппонирует классовому антагонизму, стремясь сгладить его острые углы. Однако вскрытое К. Марксом противоречие все же существует в тех или иных формах и в той или иной степени. С нашей точки зрения, в рамках производственных отношений обязательно сосуществуют обе названные составляющие, но в различных пропорциях и комбинациях.

Надо отметить, что исторические аспекты трудовых отношений довольно неоднозначны. Так, сторонники классического марксизма настаивают на общем тренде усиления эксплуатации и социального неравенства, доходящего до поляризации. Ревизионистское направление социал-демократии, напротив, придерживается точки зрения, что пролетариату, все же, удастся добиться уступок, тем самым, сокращая социально-экономический разрыв. С ними, обычно, солидарны приверженцы либерализма (Ф. Хайек, К. Поппер), указывающие на рост жизненного уровня масштабов среднего класса, при этом, предпочитая «не замечать» неудобный для себя расклад на уровне анализа глобальной экономической системы. В настоящий момент расхожей точкой зрения является тезис об успешном наступлении капитала на труд, что констатируют историки экономики, стоящие на позициях социал-демократии (Б. Кагарлицкий), социального либерализма (К. Крауч), социологии постмодернизма (З. Бауман).

В период доминирования индустриализма имелся, своего рода, паритет капитала и труда, а вот в период распространения постиндустриального типа социальных отношений ситуация стала очевидно меняться в пользу первого.

Информационная революция повсеместно внедрила новые модели организации и управления, при этом, внося существенные разнообразия экономических структуры. По мысли Б. Кагарлицкого, чем более трудовые отношения приобретают сложный, двусмысленный и нестабильный характер, тем больше трудностей в их законодательном регулировании. «Далеко не всегда законы, охраняющие индивидуальные и коллективные права рабочих, отменялись официально: во многих случаях бизнес просто создавал новую организационную и технологическую практику, которая этими законами не могла регулироваться» [4. с. 45, 256].

Заметные изменения происходят в структуре труда. Технологическое развитие способствует сокращению промышленных рабочих, порождая, так называемую, «информационную безработицу». Значительная доля пролетариата переходит в «третий сектор» услуг. Кроме того, наличествует массовый наплыв дешевого труда из «Третьего мира», при одновременном переносе индустриальных объектов в страны, где капитал может рассчитывать на меньшие издержки. Все это, несомненно, ослабляет протестный потенциал рабочего класса.

Как считает З. Бауман, современный «легкий» и «подвижный» капитал ориентирован, прежде всего, на потребителей, а вот, собственно, рабочей силой он интересуется куда в меньшей степени, так как «сдерживающее влияние» труда на капитал заметно сократилось [1. с. 84]. В подобных условиях работодатели закономерно воспользовались появившимися новыми возможностями варьирования трудовыми ресурсами в собственных интересах. В мировой практике пользуются популярностью ряд способов повышения гибкости и снижения социально-экономических издержек. Прежде всего, это использование различных форм лизингового труда:

– набор рабочих групп сотрудников только для временных работ;

– варианты аутсорсинга – выведения за штат сотрудников непрофильных подразделений и т.п.

Довольно типичным способом является адхократия – дробление предприятий, после чего образуются ситуативные децентрализованные организации, направленные на реализацию конкретной задачи [8. с. 291–292].

Руководящий слой крупных компаний одной из своих главных задач закономерно видит вытеснение классового духа корпоративным. С этой целью активно транслируются установки единства интересов фирмы, интеграции на этой основе всех групп, участвующих в трудовом процессе – собственников, менеджеров, представителей рядового персонала. Реализации подобной задачи благоприятствуют как ослабление рабочей солидарности в силу уже упомянутых обстоятельств, так и деформация роли профсоюзных институтов. Действия последних уже трудно отождествлять с интересами пролетариата. Профсоюзы фактически переориентировались на посреднические

функции, стремясь примирить рабочих и работодателей [3, с. 394]. Отсюда можно смело предполагать, что профсоюзы из средства классовой борьбы трансформировались в орудие корпоративизма.

Тем самым, можно констатировать, что в глобальную эпоху явно наметился тренд успешной капиталистической экспансии на позиции труда. Причем в национальном выражении данные процессы имеют различный характер преломления. Например, В. Соловей склонен считать свершившимся фактом реставрации России классовой власти, тогда как на Западе это – только намечающаяся тенденция [9. с. 488, 542]. Так это или нет, однако, следует принимать в расчет, что отечественный социум за три постсоветских десятилетия находился и продолжает находиться под прицелом противоположных внешних и внутренних импульсов. С одной стороны, имеет место деиндустриализация, а также разрушение экономики, культуры, социальной системы. В то же время, Россия погружена в пространство мирового развития, где активно, хотя и неравномерно, идет распространение новых преимущественно информационных и компьютерных технологий.

На выявление возможных классовых оппозиций вкуче с корпоративистскими тенденциями было нацелено исследование персонала краснодарских средних предприятий. В качестве респондентов выступили хозяева данных предприятий, а также рядовые работники. Основным инструментарием послужила анкета, разработанная для каждой группы респондентов отдельно. Три блока вопросов составили структуры анкеты:

- 1) оценка на предприятии внутренней обстановки;
- 2) оценка внешних влияющих на предприятие факторов;
- 3) выявление представлений касательно социальной проблематики в целом, где нашли отражение определенные идеологические установки.

В ходе опроса выяснилось, что положительные оценки трудовой отдачи рядовых работников значительно более выражены у респондентов-работников, чем предпринимателей, что неудивительно (табл. 1). Показательно, что доли опрошенных, отметивших позицию «работают с минимальными усилиями», отличаются у обеих групп не в той степени, что ожидалась (12 % предпринимателей и 8 % работников). Возможно, что здесь имеет место различная мотивация, побуждающая к одинаковым ответам. Так, не исключено, что точка зрения респондентов-работников формируется под воздействием некой групповой солидарности, а вот признание наличия значительного числа работников-лодырей предпринимателями где-то ставит под вопрос их хозяйственную компетентность.

На вопрос предпринимателей о мотивах начисления заработной платы тем или иным работникам, около двух третей (67 %) назвали приносящим конкретным работником пользу предприя-

тию. Чуть менее четверти 22 % отметили мотив рыночной стоимости, и только 11 % заявили, что руководствуются степенью проявления прилежания и старательности. Полученные данные наталкивают на вывод о том, что современные

предприниматели руководствуются в первую очередь прагматичными деловыми установками, что отличает капиталистическую рациональность. Весьма немногие допускают при начислении заработной платы некий моральный элемент.

Таблица 1

Степень трудовой отдачи работников предприятия

оценки группы	Все трудятся с полной выкладкой	Кое-кто не прочь «схалюпать»	Работают с минимальными усилиями
Предприниматели	20 %	68 %	12 %
Работники	35 %	57 %	8 %

А вот вопрос: Насколько получаемая заработная плата соответствует квалификации и трудовым усилиям? был адресован только рядовым работникам. Заметное большинство (58 %) считает, что им недоплачивают, а вот, в целом, удовлетворенны заработной платой 37 %. Причем, из последней категории 20 % отметили позицию «полностью соответствует», тогда как остальные 17 % – «скорее, соответствует». Вопрос по поводу удовлетворенности размерами зарплат предприятия в целом, адресовался обеим группам респондентов (табл. 2). Здесь ожидаемо сложилась

противоположная во многом картина. Почти половина руководителей предприятий склонны считать, что работников, в целом, устраивает оплата труда, в то время, как поддержали такой ответ из другой группы в три раза меньше респондентов. Обратное соотношение вызвал противоположный ответ, на который указали в три раза меньше (в процентном соотношении) Это демонстрирует принципиально различающиеся групповые точки зрения касательно ситуации с удовлетворенностью оплатой труда.

Таблица 2

Устраивает ли заработная плата работников предприятия (в %)

оценки группы	В целом устраивает	Некоторых не устраивает	В целом не устраивает	Трудно сказать
Предприниматели	48 %	36 %	11 %	5 %
Работники	16,5 %	34 %	33 %	17 %

Любопытные ответы были получены по поводу оценок респондентами степени сплоченности трудовых коллективов. Неожиданно, чуть более половины респондентов-работников оптимистично охарактеризовали уровень взаимопонимания с руководством предприятия: 28 % отметили «высокий» уровень и 23 % – «выше среднего». Позиции «низкий» и «ниже среднего» собрали 16 %, в то время как наибольшая количественно группа опрошенных 33 % указала на средний уровень.

Более соответствовали ожиданиям полученные ответы, касающиеся наличия или отсутствия гармоничного коллектива. Закономерно, что хозяева производственных институтов подавляющим большинством склонны констатировать наличие спаянного коллектива: 36 % – «безусловно, да»; 52 % – «скорее, да» и только 4 % предпочли ответ «скорее, нет», тогда как 8 % затруднились с ответом.

А вот динамику отношений на предприятии те же респонденты характеризуют куда более неоднозначно. Так, 53 % предпринимателей указали на уменьшающуюся дистанцию между ними и наемными работниками, а вот противоположную тенденцию фиксирует около 43 % опрошенных при 4 % не определившихся.

Интересный аспект трудовых отношений на предприятии освещал вопрос: «При возникновении проблемы на предприятии, как правило, каким образом она решается?» Более четверти (28 %) опрошенных работников указали, что данное

решение переводится в правовую плоскость с привлечением Трудового законодательства. Почти пятая часть респондентов этой же группы (19 %) заявляет, что в этом случае на первый план выходят принципы справедливости. Однако больше всего сторонников (53 %) собрал ответ «как скажет начальство, так и будет», который фактически констатирует наличие определенного управленческого произвола.

Тем самым, в отношении внутренней ситуации на предприятиях г. Краснодара, следует отметить, что полученные результаты иллюстрируют наличие противоположных тенденций: углубляющиеся противоречия (прежде всего в отношении заработной платы), а также, предпосылки почвы для согласия. Так, большинство респондентов обеих групп сходятся в том, что отнюдь не все наемные работники выкладываются по максимуму.

Категория вопросов о средовом контексте функционирования предприятия была нацелена на выяснение одной стороны благоприятствующих и мешающих деятельности предприятия обстоятельств, а также практики использования всего этого во внутренней политике.

Вопрос, касающийся административных расходов предприятия, затрагивал довольно-таки щекотливую проблематику. Здесь ответы респондентов – работодателей оказались серьезно дифференцированы.

Так, 35,5 % опрошенных полагают именно административные отчисления (формального и неформального плана) главной причиной невыплаты заработной платы работникам предприятия; 42 % видят здесь лишь косвенную причину и, примерно 21 % отрицают здесь какое-либо влияние на размеры окладов. Тем самым, более трех четвертей респондентов-предпринимателей склонны утверждать вынужденные административные расходы в качестве фактора, влияющего на зарплаты наемного персонала. Между тем сами наемные работники, судя по их ответам, оказываются менее осведомленными в этом плане. 37 % из опрошенных этой категории соглашаются с большей частью предпринимателей о влиянии внешних расходов на размеры зарплат, но более четверти (26,5 %) затрудняются с ответом, тогда как среди опрошенных предпринимателей таких нет. Следует думать, что владельцы производств более осведомлены в финансовых делах предприятия, что помогает им четко определяться по данному вопросу.

А вот оценочные различия респондентами обеих указанных групп правовых условий экономических процессоваказались вполне предсказуемыми. Как видно из таблицы 3, самая большая доля опрошенных и предпринимателей, и работников склонны считать, что содержание законов имеет уклон в сторону интересов их классовых оппонентов. В то же время довольно большой процент из обеих групп (примерно четверть) придерживаются наиболее взвешенной точки зрения, полагая учет трудовым законодательством интересов всех групп. Теоретически, правовая система должна выстраиваться как бы «над схваткой», делая уклон в сторону более слабой стороны классового противостояния – наемных работников. Проблема однако заключается в том, что реальные практики особенно отечественной реальности этому соответствуют далеко не всегда.

Таблица 3

Оценка российского трудового законодательства (в %)

оценки группы	Больше в интересах работодателя	Больше в интересах работника	В равной степени обоюдные интересы	Трудно сказать
Предприниматели	17 %	47,5 %	24,5 %	11 %
Работники	38 %	10 %	27 %	25 %

Чтобы определить отношение респондентов к условиям деятельности трудовой организации в целом, им были предложены вопросы общего, а также адресного характера. Так, работники должны были назвать обстоятельства (не более двух), препятствующие работе и эффективности предприятия, для чего им предлагалась выборка ответов. Больше всего отмечался вариант «низких зарплатах и отсутствии взаимопонимания с начальством» (44 %). Далее по числу упоминаний (28,5 %) следует ответ «отсутствие нормальной рыночной конкуренции». Около четверти опрошенных указывают на фактор давления официальных администраций и правоохранительных структур (25,5 %). Наконец, почти пятая часть опрошенных (18 %) отметила ответ, что эффективности предприятия мешают невысокая трудовая отдача и в целом низкая квалификация наемного персонала.

Что касается адресных вопросов для респондентов-предпринимателей, то они относились к оценке собственно правил рыночной конкуренции, находящейся под сильным, если не определяющим воздействием официальной политики. Показательно, что на вопрос о том: Насколько в России имеются условия для честной конкуренции? почти три четверти респондентов в основном владельцев средних и небольших фирм (74 %) склонны полагать, что в режиме наибольшего благоприятствования функционирует только крупный бизнес, что, кстати, полностью совпадает с мнением отечественных исследователей. Только 8,5 % респондентов-предпринимателей отметили, что обеспечиваются благоприятные условия для среднего и малого бизнеса, 7,5 % выбрали несколько неопределенный ответ «вполне обеспечиваются», в то время как 10 %

затруднились с определением.

Во многом, логически вытекал из предыдущего вопрос к хозяевам предприятий о государственной поддержке их бизнеса. Здесь очевидное большинство (59 %) отмечает отсутствие какого-либо содействия со стороны вышестоящей власти, 36,5 % признают «слабую поддержку» и только 4,5 % отмечают умеренную степень поддержки. Можно сделать заключение, что бизнесмены в целом не склонны рассматривать государственные структуры в качестве партнера. С подобной точкой зрения согласуются мнения опрошенных предпринимателей по поводу определения характера динамики в сфере отечественного среднего и малого бизнеса. Лишь 9 % ждёт в будущем улучшения ситуации, а вот придерживающихся противоположной позиции в 7,5 раз больше (68 %); 13 % склонны считать, что ситуация неизменится, при 10% не определившихся с ответом.

Интересно, что в отношении социальных проблем российского общества у обеих групп респондентов обнаружилось немало общих позиций.

Из данных таблицы 4 следует, что первые места и у предпринимателей, и у наемных работников занимают позиции, касающиеся имущественного неравенства и административного произвола. В этом основную проблематику видят две трети и более респондентов обеих групп. Проблематика цивилизационного характера (упадок российской культуры и одновременно навязывание западной культуры) расценивается не так остро, но твердо находится на третьем месте, вместе с позицией «духовное вырождение» собрав мнения четверти и более респондентов. В целом, как неслишком проблематичная интерпретируется сфера

межнациональных отношений, в то время как геополитические проблемы оказались наименее актуальными, видимо в силу ослабления политикокультурного влияния Крымского консенсуса, который во многом был замешан на геополитической основе. Отсюда, можно отметить заметное

единство наемных работников и предпринимателей в плане определения степени остроты той или иной социальной составляющей, несмотря на то, что объективно это антагонистичные по отношению друг к другу социальные группы.

Таблица 4

Главные проблемы российского общества в % (не более двух позиций)

Виды групп	Виды проблем	Рост административных структур и их произвол	Имущественное неравенство	Напряженность в межнациональных отношениях	Упадок российского международного авторитета
Предприниматели		68 %	72 %	16 %	9,5 %
Работники		62 %	69 %	13 %	5 %

С обобщающей точки зрения мы намерены сделать акцент как на имеющихся потенциалах внутреннего конфликта классового характера, так и на противоположных объединительных тенденциях предпринимателей и работников на почве корпоративных интересов.

По поводу первого полученные результаты не дают основания полагать исчезновение традиционных противоречий, касающихся размеров заработной платы. Опрошенные работники, в целом, не являются удовлетворенными получаемым вознаграждением за труд, хотя работодателем ситуация, обычно, представляется в другом свете. Возможно, что многие из респондентов – предпринимателей искренне полагают, что размеры заработной платы устраивают наемный персонал. Однако тогда это указывает либо на слабую осведомленность, либо на очевидный субъективизм. Характер внутреннего взаимопонимания мы склонны оценивать неоднозначно, при том, что в ответах предпринимателей и работников много схожего, здесь вполне возможно предположить различные мотивы. Так, по всей видимости, первые объективно заинтересованы в распространении у персонала принципов корпоративизма, тогда как вторые в основном предполагают неформальную плоскость отношений по схеме: «ты – мне, я – тебе». Наданное предположение работает то обстоятельство, что большая часть респондентов-работников видят в управленческом волюнтаризме начальства вполне типичный феномен. Уместно напомнить, что самая большая группа из опрошенных наемных работников именно в низких зарплатах и недопонимании с начальством видит главную причину снижения эффективности работы предприятия.

Бесспорный классовый отпечаток наложил на высказанные респондентами оценки трудовых прав. В каждой из групп явно доминирует позиция (естественным образом противоположная позиции другой группы), что правовая система благоволит их классовым оппонентам. Лишь около четверти опрошенных склонны придерживаться более объективной точки зрения о том, что трудовой кодекс старается учесть интересы и предпринимателей и работников.

Можно отметить отражение классовых тенденций в определении степени трудовых усилий. Вполне понятно стремление предпринимателей акцентировать внимание на том, что часть работников требуется постоянно подгонять. А вот как можно

объяснить то, что более половины опрошенных работников признают в своих рядах немало количество лодырей и «халявщиков»? Мы полагаем, что здесь имеется влияние элементарного чувства справедливости. Кроме того, некоторые работники, которые считают свой труд недостаточно оплачиваемым, объективно могут и не стремиться к максимальной трудовой отдаче.

Что касается составляющей корпоративизма, то этому не в последнюю очередь оказывают содействие внешние обстоятельства. Прежде всего, речь идет о влиянии официальных структур, которое большинство респондентов из той и другой группы определяют, как давление и фактический произвол. Интересно, что данное обстоятельство, вкупе с углублением имущественного неравенства, абсолютное большинство опрошенных работников и работодателей считают основными проблемами отечественного социума. Можно полагать, что верхним полюсом социально-экономической иерархии обе группы респондентов считают представителей олигархов и высшее чиновничество. Дополнительное основание для нахождения «общего языка» между работниками и работодателями может заключаться в их схожих политико-культурных предпочтениях. Ведь четверть и более опрошенных обеих групп реально озабочены вытеснением русской культурной «почвы» культурными стандартами Запада, а также – духовной деградацией соотечественников. В то же время, межнациональная проблематика актуализирована в сознании относительно небольшой доли респондентов, хотя для этого вроде как имеются объективные основания. Отсюда, можно предположить, что в качестве основной респонденты видят именно социальную проблематику, степень важности которой намного опережает межэтническую и геополитическую.

В плане общего вывода мы намерены утверждать, что характер динамики трудовых отношений определяется в первую очередь внутренним социальным контекстом. На средних и малых предприятиях города Краснодара никуда не деваются традиционные противоречия предпринимателей и наемного персонала. Однако следует констатировать очевидные тенденции корпоративизма, стимулируемые, на наш взгляд, двумя не очень то и позитивными факторами. Во-первых, обширное поле неформальных взаимодействий, во многом предопределяющих специфику российского корпоративизма, и придающих ему

отпечаток традиционной культуры. Во-вторых, согласно субъектов межклассовых взаимодействий зачастую оказывается замешанным на почве враждебности к структурам государства и высшего бизнеса, что, с нашей точки зрения, может иметь более долгосрочные и в целом негативные последствия. То есть, мы склонны предположить

Литература:

1. Бауман З. Возвышение и упадок труда / З. Бауман // Социологические исследования. 2004. № 1.
2. Верховин В.И. Производственное и трудовое поведение / В.И. Верховин; Под ред. В.И. Верховина // Экономическая социология. М. : Фонд «Мир», 2006.
3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М. : АСТ, 2004. – 608с.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Неoliberalизм и революция. СПб. : ООО «Полиграф», 2013.
5. Козина И.М. Корпорации и профсоюзы – вариант России / И.М. Козина // Мир России. 2009. № 1.
6. Молевич Е.Ф. Труд как объект и предмет исследований общей социологии / Е.Ф. Молевич // Социологические исследования. 2001. № 7.
7. Никитенко П.Г. Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. Мн. : Белорусская экономика, 2010.
8. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М. : Логос, 2004.
9. Соловей Т.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма / Т.Д. Соловей, В.Д. Соловей. М. : АСТ Астрель, 2011.
10. Тамбиянц Ю.Г. Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии / Ю.Г. Тамбиянц. Ростов-н/Д. : АПСН СКНЦ ВШ, 2006.
11. Тэйлор Ф. Принципы научного менеджмента. URL : <http://www.improvement.ru/bibliot/taylor/tail009.shtml>.
12. Устойчивое развитие сельских территорий. Ч. 1. Стабильная социально-экономическая структура села как предпосылка устойчивого развития сельских территорий. М.-Краснодар, 2019.
13. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М. : Финансы и статистика, 1989.
14. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Высшая школа экономики, 2012.

предпосылки восприятия обеими группами в качестве главного классового оппонента официальных государственных институтов. Данное обстоятельство носит угрожающий смысл и его обязательно следует учитывать современным государственным политикам и управленцам.

Literature:

1. Bauman Z. The rise and decline of labor / Z. Bauman // Sociological research. 2004. № 1.
2. Verkhovin V.I. Industrial and labor behavior / V.I. Verkhovin; Ed. V.I. Verkhovina // Economic sociology. M. : Fund «Mir», 2006.
3. Galbraith J. The new industrial society. M. : AST, 2004. 608 p.
4. Kagarlitskiy B.Yu. Neoliberalism and Revolution. SPb. : LLC «Polygraph», 2013.
5. Kozina I.M. Corporations and trade unions – a variant of Russia / I.M. Kozina // World of Russia. 2009. № 1.
6. Molevich E.F. Labor as an object and subject of research in general sociology / E.F. Molevich // Sociological research. 2001. № 7.
7. Nikitenko P.G. Sociodynamics of Belarus, Russia and Ukraine: political and economic aspect / P.G. Nikitenko, S.Yu. Solodovnikov. Mn. : Belarusian Economy, 2010.
8. Polyakova N.L. XX century in sociological theories of society. M. : Logos, 2004.
9. Nightingale T.D. The Failed Revolution: The Historical Meanings of Russian Nationalism / T.D. Nightingale, V.D. Nightingale. M. : AST Astrel, 2011.
10. Tambiyants Yu.G. Why liberalism wins: understanding the mechanisms of interaction between ideology and social hierarchy / Yu.G. Tambiyants. Rostov-on/D. : APSN SKNTs VSh, 2006.
11. Taylor F. Principles of Scientific Management. URL : <http://www.improvement.ru/bibliot/taylor/tail009.shtml>.
12. Sustainable development of rural areas. Part 1. Stable socio-economic structure of the village as a prerequisite for sustainable development of rural areas. M.-Krasnodar, 2019.
13. Ford G. My life, my achievements. M. : Finance and Statistics, 1989.
14. Shkaratan O.I. Sociology of inequality. Theory and reality. M. : Higher School of Economics, 2012.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Jurisprudence and Work with Personnel,
Kuban State
University of Technology
emirtu@yandex.ru

**СЕКСУАЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И НОВОГО ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПЦИИ
М. ФУКО: ЧАСТЬ 2**

**SEXUALITY OF THE MIDDLE
AGES AND MODERN TIMES
IN THE CONCEPT OF M. FOUCAULT:
PART 2**

Аннотация. Возникновение новых технологий в конце XVIII века, связанных не с церковью, а медициной, педагогикой и экономикой, возвели секс на уровень государственной проблемы, требующей наблюдения и контроля. Сексуальные отношения стали рассматриваться сквозь призму нормы и нормальности, что привело к трансформации медицины секса, которая оформилась в самостоятельную сферу и предприняла попытку определения собственного объекта исследования. Показано, что регулировавшая супружеские отношения церковь, утратив свое влияние отдала все на откуп медицине, которая стала диктовать правила брачного поведения.

Ключевые слова: однополюе отношения, сексуальность, мораль, супружеские отношения, медицина секса, брак.

Annotation. The emergence of new technologies at the end of the 18th century, connected not with the church, but with medicine, pedagogy and economics, raised sex to the level of a state problem that requires observation and control. Sexual relations began to be viewed through the prism of norm and normality, which led to the transformation of sex medicine, which took shape in an independent sphere and made an attempt to define its own object of research. It is shown that the church that regulated marital relations lost its influence and gave everything to medicine, which began to dictate the rules of marital behavior.

Keywords: same-sex relationships, sexuality, morality, marital relations, sex medicine, marriage.

Переходя к проблемам периодизации в истории сексуальности, Фуко отбрасывает «гипотезу подавления», соответственно отказавшись от двух рубежей: XVII век эпоха утверждения сексуальных запретов, предполагающих любые допустимые формы секса только в рамках супружеских отношений; XX век – период ослабления репрессивных механизмов¹.

Возникновение новых технологий в конце XVIII века, связанных не с церковью, а медициной, педагогикой и экономикой, возводит секс к государственной проблеме, требующей наблюдения и контроля. Сексуальные отношения стали рассматриваться сквозь призму нормы и нормальности, что привело к трансформации медицины секса, которая оформилась в самостоятельную сферу и предприняла попытку определения собственного объекта исследования. Медицина секса нашла целое поле «извращений», которые заменили устаревшие категории «излишество и

разврат», возложив на секс «ответственность» за развитие человечества в качестве биологического вида... Отсюда, возникает медицинский или государственный контроль над рождением, браками и выживанием общности. Евгенические программы и медицинский контроль, Фуко называет двумя крупными инновациями в технологии управления сексом во второй половине XIX века [1, с. 156].

Они дополняли друг друга благодаря теории «вырождения» объявившей большое количество болезней – функциональных, органических, психических – наследственными. Потомки-извращенцы больше всего беспокоили борцов за наследственность. Более того, считалось, что и сами сексуальные извращения ведут к вырождению, бесплодию и рахитичному потомству [1, с. 157].

Эти медицинские теории и представления, которые Фуко считает необоснованными, оказались

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае.

включенными в обширную сеть социальных практик. Психиатрия, отвергнувший подходы к сексу в контексте проблем вырождения и наследственности, ушедший от медикализации секса, расизма и евгеники, связавший сексуальность с психикой, значим для Фуко.

Опровергая собственную «гипотезу подавления» Фуко утверждает, что если бы она была верна, то следовало бы ожидать, что технологии и механизмы власти по отношению к сексуальным отношениям просматривались бы в применении к низшим слоям и группам. Но наблюдается противоположная тенденция: сексуальный контроль распространялся на элиту, правящий класс.

Именно в семьях элиты общества более всего проявлялась озабоченность возможными сексуальными патологиями и признавалась необходимость контроля [1, с. 159]. Сексуализация явилась средством самоутверждения буржуазии, которая берегла и защищала собственное тело от всяких опасностей, посредством технологий контроля над сексуальными отношениями.

Этот способ утверждения собственного тела, отличался от аристократического опиравшегося на понятие «крови» [1, с. 164]. Аристократическое семейство беспокоилось о чистоте своей крови, буржуазное же – чистотой своего секса и наследственности. Брак в семействе буржуа предполагал не только социально-экономический аспект, но и наследственность, крепость своего тела [1, с. 165].

Буржуазия противопоставила «голубой» крови аристократии свою здоровую сексуальность и свой здоровый организм [1, с. 166–167]. Чуть позже, за пролетариатом были также признаны секс и тело, но этому предшествовали социальные потрясения и конфликты, а сексуальность низших классов стала объектом вмешательства и контроля. Хотя, для низших классов сексуальность уже не могла быть инструментом их самоутверждения перед лицом буржуазии, она осталась инструментом навязывания гегемонии буржуазии.

Таким образом, сексуальность, по мнению автора, имеет классовый характер, так как следует признать существование классовых различий между интенсивностью и характером сексуального подавления.

Итак, Фуко пишет: «В течение веков особенной чертой права суверена было право на жизнь и смерть своих подданных, и экспроприацию имущества. Но в классическую эпоху отбирание собственности подданных перестало быть главной формой. Зато возникли другие формы: управление и организация, поддержка, контроль и надзор, побуждение... Отсюда, если раньше право на смерть подданного защищало жизнь суверена, то теперь оно стало выступать как оборотная сторона права социального тела на защиту своей жизни. Войны же никогда ранее (до XIX века) не были такими кровавыми, и никакие режимы не устраивали таких масштабных истреблений своего населения. Цинизм состоит в том,

что власть решительно раздвинула свои пределы распоряжения жизнью подданных... Теперь целые популяции отправляют истреблять друг друга во имя необходимости выживания власти [1, с. 179–180]. А принцип «чтобы выжить, необходимо убить», стал основным в отношениях государств. Власть теперь располагается на уровне жизни расы, биологического вида, популяции» [1, с. 180].

В качестве обоснования своего утверждения, Фуко ссылается на отношение к смертной казни. В течение значительного периода времени, она была одной из основных форм реализации права суверена. По мере того как войны становились все более кровавыми и массовыми, смертной казни подвергалось минимальное количество людей... Внутренняя логика существования власти, а не проявление гуманных чувств, все более затрудняла применение смертной казни... Для власти смертная казнь была одновременно скандалом, противоречием и пределом. Соответственно, основанием для вынесения смертной казни становится не ужас самого преступления, а монструозность преступника, его общественная опасность и неисправимость. Уничтожают посредством закона только того, кто для других представляет опасность биологического характера [1, с. 181].

Власть, контролирующая жизнь, нуждается в механизмах регулирующих и корректирующих непрерывное действие. Механизм законов и наказаний уже не работает. Власть управляет, распределяя живое в пространстве полезности и ценности. Ее не интересует разграничение между враждебными и законопослушными, она работает с нормой [1, с. 190].

Так как власть обращается к норме, к норме обращается и оппозиция. В этом аспекте становится определенным место, которое занял секс как момент политической борьбы, так как он находится на пересечении обеих осей, вокруг которых вращаются технологии всей политики управления [1, с. 191]. В современном обществе, символика крови сменилась дискуссией секса. Однако, тема крови вновь с большой силой зазвучала во второй половине XIX в. в связи с расизмом, который тесно связан с формой власти формируемой вокруг сексуальных отношений. Вся система власти ориентирована на мифическую необходимость защиты чистоты крови и обеспечение триумфа собственной расы [1, с. 197]. Происходит возвращение к символике крови – высшей крови.

Итак, античность более терпима к свободным отношениям к сексу, чем европейская культура Средневековья и Нового времени. Моральная рефлексия античности, это тип морали, в которой не моральный кодекс, а форма конструирования себя в качестве морального субъекта и практика самоусовершенствования выступают основополагающими. Мораль древних греков о сексе – это мораль, созданная мужчинами для мужчин, а двумя главными формами неморального поведения признаются излишество и пассивность. В христианской же культуре эта роль отведена женщине, защищающей свою честь от посягательств

лица, облеченного властью. Античная сексуальная добродетель, носит ярко выраженный «мужественный», христианская же «женственный» характер.

Анализ отношения к сексу с XVII века, показывает усиление интереса к дискурсам посвященным сексу. Дискурс о сексе приобрел существенное значение, так как отвечал общественному запросу в условиях политико-экономических и технических трансформаций. Секс становится фактором администрирования, возникает потребность его рационализации, классификации, количественно-причинного анализа. Западное общество в кратчайший период породило огромное количество разнообразных дискурсов (политические, психиатрические, биологические, демогра-

Литература:

1. *Сокулер З.А.* История сексуальности М. Фуко. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (дата обращения 23.01.2021).

фические, медицинские, психологические, моральные, педагогические и т.д.) о сексуальности, превратив секс в объект постоянных разговоров, объект анализа. Регулировавшая супружеские отношения церковь, утратила свое влияние отдала все на откуп медицине, которая стала диктовать правила брачного поведения. Медицина придумала психическую патологию, классифицировала формы дополнительных наслаждений, определив их как расстройство, или развитие инстинкта и взяла на себя миссию заведования этими процессами. Психиатрическое исследование, медицинский осмотр, педагогический и родительский контроль – формы осуществления этой власти. Следствием этого явилась сексуализация социального пространства и всех социальных отношений в XIX веке.

Literature:

1. *Sokuler Z.A.* The history of sexuality M. Foucault. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (date of treatment 01/23/2021).

Фокина Елена Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
136golden_lena@mail.ru

Влияние СМИ НА УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ БЫСТРО МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Средства массовой информации за свое огромное воздействие на сознание каждого человека, формирование общественного мнения и интересов населения получило название «четвертой власти». Общественное мнение формируется во всех областях и сферах жизнедеятельности населения, но интерес населения в основном вызывают злободневные темы, на которые наиболее актуально проводить обсуждения. Влияние СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности происходит посредством информационного потока о социальной, культурной и политической жизни страны. В статье автором рассмотрены некоторые аспекты влияния СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности.

Ключевые слова: общественное мнение, СМИ, реальность, общество, «четвертая власть».

Средства массовой информации за свое огромное воздействие на сознание каждого человека, формирование общественного мнения и интересов населения получило название «четвертой власти». По мнению, Г. Поченцова, СМИ в первую очередь должно стать в одном лице общественным наблюдателем, представителем потребителя и источником правдивой информации [1]. Развитие в XXI в. различных психологических методик и способов воздействия на человека, его сознание получило непосредственное отражение в средствах массовой информации. Если раньше информация, доносимая с помощью СМИ, была более полезной и познавательной чем вредной, то сейчас больше именно опасного воздействия. Доводы, объяснения, аргументы сменились такими методами воздействия на сознание человека и общественное мнение, как повторение информации, подтасовка фактов, частая смена кадра через малое количество времени и т.д. По мнению, Л.П. Погореловой, СМИ сейчас находится на четвертой стадии своего эволюционного развития – стадии глобализации (СМИ представлено радио, печатными изданиями, Интернет и телевидение). Любой активный пользователь

Elena S. Fokina
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Work and Psychology,
Pacific State University
136golden_lena@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE MANAGEMENT OF PUBLIC OPINION IN A RAPIDLY CHANGING REALITY

Annotation. The mass media, for its enormous impact on the consciousness of every person, the formation of public opinion and the interests of the population, has been called the «fourth power». Public opinion is formed in all areas and spheres of life of the population, but the interest of the population is mainly caused by topical topics on which it is most relevant to hold discussions. The influence of the media on the management of public opinion in a rapidly changing reality occurs through the information flow about the social, cultural and political life of the country. In the article, the author considers some aspects of the influence of the media on the management of public opinion in a rapidly changing reality.

Keywords: public opinion, mass media, reality, society, «the fourth power».

может получить альтернативные знания и в свою очередь публиковать их в Интернете. Таким образом, мейнстрим медиа перестает быть монополистом в интерпретации происходящих событий в мире, блокировка выходящей в Интернет информации стала практически невозможной. В условиях быстро меняющейся реальности в потоке огромного количества предоставленной людям информации чаще всего усваивается легче всего та, которая подается легко, убедительно и красочно [4]. Общественное мнение в условиях быстро меняющейся реальности формируется во всех областях и сферах жизнедеятельности населения, но оглашается лишь по немногим отдельно взятым популярным темам. Интерес населения в основном вызывают злободневные темы, на которые наиболее актуально проводить обсуждения [2]. В настоящее время на каждого отдельно взятого гражданина воздействует радио, журналы, газеты, телевидение и Интернет. Бывает сложно отличить фальсификат от подлинных фактов, так как в черед многочисленных событий у человека просто нет времени и возможности перепроверять полученные сведения. Часто бывает ситуация, что услышав информацию

из одного источника, человек принимает ее за единственно верную, помогая, тем самым, формирования ложных представлений о реальности. В любом демократическом обществе СМИ должно быть свободным и независимым от политики, стать для государства помощником, открыть для населения платформу для диалога и обсуждений [3].

Рассмотрим некоторые способы влияния СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности.

1. СМИ является главным источником свежих и актуальных новостей не только своей страны, но со всего мира. Достоверность полученных сведений проверить самостоятельно не представляется возможным, поэтому чаще всего принимается на веру. В итоге, предоставленная СМИ информация, оценки и суждения, преподнесенные журналистами, принимается гражданами как истинно правдивые, не многие граждане стараются изучать несколько источников информации и строить свое собственное оценочное суждение. В виду того, что большой процент граждан принимают полученную информацию на веру, некоторые недобросовестные журналисты и лица, заинтересованные в той или иной подаче информации, используют СМИ в качестве манипулятора общественного мнения и как следствие движения народа. Телевидение разных стран одну и ту же информацию преподносят по-разному, чаще всего, согласно политической окраски действующего правительства той или иной страны. Такими спорными моментами на данный момент можно назвать вопрос присоединения Крыма к России, новости о создании вакцины от ковида разными странами, последствия пандемии коронавирусной инфекции и т.д.

2. Средства массовой информации довольно часто являются посредником между гражданами и политическими партиями, способствуя формирования у населения определенного политического сознания. Лидеры политических партий, посредством правильно выстроенного пиар-хода, связям с общественностью, способны значительно влиять на формирование общественного мнения

Литература:

1. *Почепцов Г.Г.* Информационно-политические технологии. М. : Центр, 2003. С. 282.
2. *Салемгареева Л.С.* СМИ и общественное сознание: влияние, проблемы, технологии манипулирования / Л.С. Салемгареева // Наука. Вестник электронных и печатных СМИ. 2013. № 2.
3. *СМИ как четвертая власть: миф и реальность.* URL : <http://eeas.europa.eu> (дата обращения 20.04.2021).
4. *Погорелая Л.П.* Негосударственные средства массовой информации как институт гражданского общества (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2015. С. 10.

и, как следствие, влиять на ход и результат голосования. Основным элементом воздействия СМИ на общественное мнение служит отвлечение человека от важных новостей посредством насыщения информационного пространства новостями низкой значимости. Средства массовой информации сами способствуют созданию некой проблемы или ситуации, провоцируя граждан на определенную реакцию, требование неких мер от правительства, по итогу полученная реакция и ожидаемые меры были необходимы каким-то правящая кругам или отдельным субъектам [5]. СМИ часто манипулирует сознанием человека, внедряя в общественное сознание мифы, формирующие определённые ценности без их критического осмысления, создающие «воображаемую реальность». Преподнося какие-то новости и события, чаще всего СМИ окрашивают их в негатив, сознательно раздувая отрицательные стороны и их масштаб, не учитывая, что объективно надо сообщать и о положительной стороне произошедшего события. В настоящее время в условиях быстро меняющейся реальности СМИ занимают лидирующую позицию на формирование и управление сознанием человека, общественным мнением. Современные технологии позволяют каждому гражданину превратиться из пассивного объекта в активного субъекта формирования общественного мнения. Стоит отметить, что добиться объективности СМИ можно только при условии их независимости и свободы от политического влияния. Влияние СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности происходит посредством информационного потока о социальной, культурной и политической жизни страны. В жизни современного общества средства массовой информации часто, к сожалению, влияют на общественное мнение негативно, когда подаваемая информация подменяет свою главную функцию, заключающуюся в информировании граждан, взамен на формирование определенных мнений, взглядов и представлений. Россия, позиционируя себя как демократическое, патриотически настроенное государство, должна уделять большое внимание общественному мнению, учитывать его при принятии важных для общества решений.

Literature:

1. *Почепцов D.D.* Информационно-политические технологии. М. : Центр, 2003. P. 282.
2. *Salemgareeva L.S.* Mass media and public consciousness: influence, problems, technologies of manipulation / L.S. Salemgareeva // Nauka. Bulletin of Electronic and Print Media. 2013. № 2.
3. *Mass media as the Fourth Power: Myth and Reality.* URL : <http://eeas.europa.eu> (date of application 20.04.2021).
4. *Pogorelaya L.P.* Non-state mass media as an institution of civil society (theoretical and legal aspect) : autoreferat dis. ... cand. of law and sciences. K., 2015. P. 10.

5. *Терлибовка А.М.* Роль средств массовой информации в манипулировании общественным мнением. URL : <http://istfak.org.ua/tendentsii-rozvytku-suchasnoi-systemy-mizhnarodnykh-vidnosyn-ta-svitovoho-politychnoho-protsestu/188-transformatsiia-politychnykh-system-derzhav-svitu-v-konteksti-hlobalizatsii/378> (дата обращения 20.04.2021).

5. *Terlibovka A.M.* The role of mass media in manipulating public opinion. URL : <http://istfak.org.ua/tendentsii-rozvytku-suchasnoi-systemy-mizhnarodnykh-vidnosyn-ta-svitovoho-politychnoho-protsestu/188-transformatsiia-politychnykh-system-derzhav-svitu-v-konteksti-hlobalizatsii/378> (date of application 20.04.2021).

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

**ОЦЕНКА РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОРТАЛЕ**

Аннотация. Статья посвящена анализу оценки работы студентов медицинского вуза в системе дистанционного обучения, в образовательном портале Moodle в Астраханском государственном медицинском университете. Оценка была произведена методом анкетирования. В анкетировании анонимно приняли участие 647 студентов 1, 2, 3, 4, 5 курсов лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России. Были проанализированы показатели, влияющие на эффективность обучения студентов. В ходе анализа было установлено, что студенты испытывают напряжение от самостоятельной работы, отмечают снижение работоспособности от дистанционного обучения, испытывают напряжение зрения.

Ключевые слова: медицинский вуз, дистанционное обучение, дистанционное образование, дистанционные образовательные технологии, образовательный портал, самостоятельная работа, удовлетворенность студентов.

Введение. Основные требования образования закреплены в таких документах как: Закон РФ «Об образовании Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция)),

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Alia S. Kubekova

Senior Lecturer
of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**EVALUATION
OF THE WORK OF STUDENTS
OF A MEDICAL UNIVERSITY
IN THE EDUCATIONAL PORTAL**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the assessment of the work of students of a medical university in the distance learning system, in the educational portal Moodle at the Astrakhan State Medical University. The assessment was made using a questionnaire method. 647 students of 1, 2, 3, 4, 5 courses of the medical, pediatric, dental and pharmaceutical faculties of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Medical University» of the Ministry of Health of Russia took part in the survey. The indicators that affect the effectiveness of student learning were analyzed. In the course of the analysis, it was found that students experience stress from independent work, notice a decrease in working capacity from distance learning, and experience eye strain.

Keywords: medical school, distance learning, Remote education, distance learning technologies, educational portal, independent work, student satisfaction.

«Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.», и др., где утверждено понятие «электронное обучение» [9; 10]. В условиях пандемии коронавируса электронное или

дистанционное обучение распространилось на все сферы образования, в том числе, на медицинское образование [4; 6; 7]. Процесс обучения в российских образовательных учреждениях реализуется посредством современной компьютерной техники и электронно-цифровых ресурсов. В ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России было внедрено электронное обучение на платформе образовательного портала Moodle, с помощью которого реализовалась организация самостоятельной работы для каждого студента, а также возможность оценки преподавателями полученных знаний студентов. Образовательный портал Moodle в Астраханском ГМУ оснащен инструментами для создания и размещения учебно-методических материалов и расположен на сайте URL : <http://portal.astgmu.ru/>. В связи с подготовкой учебных материалов для портала и создания тестов, на преподавателей медицинского университета и вспомогательный персонал университета легла значительная нагрузка. Е.Р. Зинкевич [5] отмечает, что преподаватели медицинских вузов выделили тенденцию переоценки значения самостоятельной работы студентов, что, по их мнению, может отрицательно влиять на качество медицинского образования. Т.Г. Авачева, Э.А. Кадырова [1; 2] отмечают перспективность развития модели смешанного обучения (blended learning model), которая в современных условиях рассматривается как оптимальная для эффективной передачи знаний. Таким образом, становится актуальным исследование и оценка работы студентов, анализ факторов, в том числе, психологических, влияющих на процесс обучения и выделению направления работы с целью оптимизации обучения.

Цель исследования заключалась в оценке работы студентов медицинского вуза в системе дистанционного обучения, в образовательном

портале Moodle, в Астраханском государственном медицинском университете в период пандемии коронавируса.

Материалы и методы исследования. В анкетировании анонимно приняли участие 647 студентов 1, 2, 3, 4, 5 курсов лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России в период с мая по июнь 2020 года. Средний возраст студентов составил 22,1 лет. Оценка была произведена методом анкетирования. Все респонденты получили адекватное разъяснение о целях исследования, а также, их юридические права при условии добровольного участия в этой работе. Медико-статистический анализ позволил обобщить полученные данные диагностической работы. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы Statistica 20.1, программа вычисления точного критерия Фишера (Fisher's Exact Test) [8]. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Результаты и обсуждение. По результатам анкетирования у первого года обучения отмечаю снижение работоспособности (71,0 %), рассеянность внимания (62,0 %) (табл. 1). Показателем, влияющим на работоспособность студентов, является самостоятельная работа (56,0 %). Электронной почтой пользуются 52,0 % опрошенных студентов. 78,0 % опрошенных студентов-медиков второго года обучения отмечают увеличенный учебный день в условиях дистанционного обучения. Среди показателей удаленного обучения студенты также выделяют самостоятельную работу (76,0 %), нерациональность времени (74,0 %) и некачественную связь (72,0 %), что, в свою очередь, отражается на их самочувствии и эффективности образовательного процесса.

Таблица № 1

Показатели, влияющие на эффективность обучения в системе дистанционного образования (%)

Режим работы в условиях дистанционного обучения		Курс обучения студентов-медиков %					
		1	2	3	4	5	6*
1	Увеличенный учебный день	26	78	82	35	89	
2	Перегруженность заданиями	32	64	79	54	81	
3	Отсутствие диалогов	23	58	89	84	72	
4	Некачественная связь	27	72	84	91	88	
5	Самостоятельная работа	56	76	91	67	83	
6	Перегрузка телефонией	34	47	78	74	92	
7	Ограниченность общения	41	56	87	90	87	
8	Электронная почта	52	45	76	72	95	
9	Утомляемость от гаджетов	31	61	88	89	91	
10	Нерациональность времени	49	74	90	87	84	
11	Высокая раздражительность	22	59	94	88	25	
12	Напряжение зрения	38	70	85	86	52	
13	Рассеянность внимания	62	43	58	61	46	
14	Снижение работоспособности	71	67	69	73	84	

* Основная масса студентов 6 курса была мобилизована для работы в госпиталях.

Студенты третьего года обучения при работе в образовательном портале Moodle выделили у себя высокую раздражительность (94,0 %) при выполнении практических заданий и прохождении тестов. Среди раздражающих факторов они

отмечают увеличенную нагрузку на самостоятельную работу, респонденты отмечают это как фактор, снижающий эффективность их обучения, и предпочитают «живое» общение и аудиторные занятия. Они также отмечают нерациональное

использование времени (90,0 %) и отсутствие диалогов (89,0 %). Студенты медицинского вуза четвертого года обучения также выделяют ограниченность общения (90,0 %) между диадой преподаватель-студент и некачественную связь со своими гаджетами (91,0 %). Студенты-медики пятого года обучения высказали перегрузку телефонией (92,0 %) и увеличение учебного дня (89,0 %) в период дистанционного обучения.

Литература:

1. *Авачева Т.Г.* Развитие дистанционных образовательных технологий для формирования информационно-образовательной среды в медицинском вузе / Т.Г. Авачева, Э.А. Кадырова; Под общ. ред. О.В. Миловзорова // *Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2018* : сб. тр. междунар. науч.-техн. форума : в 10 т. Рязань : Рязан. гос. радиотехн. ун-т, 2018. Т. 9. С. 18–22.
2. *Авачева Т.Г.* Формирование информационных компетенций студентов медицинского университета с применением технологий электронного обучения // Т.Г. Авачева, Э.А. Кадырова // *Медицинское образование и профессиональное развитие*. 2018. № 2(32). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-informatsionnyh-kompetentsiy-studentov-meditsinskogo-universiteta-s-primeneniem-tehnologiy-elektronnogo-obucheniya> (дата обращения 29.03.2021).
3. *Андреев А.А.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии / А.А. Андреев // *Открытое образование*. 2013. № 5. С. 40–46.
4. *Богданова А.В.* Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов / А.В. Богданова, Е.Ю. Коновалова // *АНИ: педагогика и психология*. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (дата обращения 30.01.2021).
5. *Зинкевич Е.Р.* Оценка качества образования студентов медицинских вузов / Е.Р. Зинкевич // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2012. № 26. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-obrazovaniyastudentov-meditsinskih-vuzov> (дата обращения 29.03.2021).
6. *Колесникова А.А.* Оценка удовлетворенности студентов в условиях дистанционного образования / А.А. Колесникова [и др.] // *Современные проблемы науки и образования*. 2020. № 4. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=30068> (дата обращения 29.03.2021).
7. *Никulichева Н.В.* Какими компетенциями должен обладать преподаватель дистанционного обучения и как их сформировать / Н.В. Никulichева // *e-Learning PRO*. 2009. № 11. URL : <http://api.ning.com/files/1sis>

В анкетном опросе не принимали участие студенты 6 года обучения, так как они были мобилизованы для работы в ковидных госпиталях.

Заключение. Таким образом, на основании анкетного опроса, было установлено, что подавляющее число студентов медицинского вуза считают, дистанционное образование значительнее ниже качеством, чем классическое и относятся к удаленному обучению крайне негативно.

Literature:

1. *Avacheva T.G.* Development of distance educational technologies for the formation of an information and educational environment in a medical university / T.G. Avacheva, E.A. Kadyrova; under total. ed. O.V. Milovzorov // *Modern technologies in science and education – STNO-2018* : collection of works of the international scientific and technical forum : in 10 vol. Ryazan : Ryazan State Radio Engineering University, 2018. Vol. 9. P. 18–22.
2. *Avacheva T.G.* Formation of information competencies of students of a medical university using e-learning technologies / T.G. Avacheva, E.A. Kadyrova // *Medical education and professional development*. 2018. № 2(32). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-informatsionnyh-kompetentsiy-studentov-meditsinskogo-universiteta-s-primeneniem-tehnologiy-elektronnogo-obucheniya> (date of application 03/29/2021).
3. *Andreev A.A.* Distance learning and distance educational technologies / A.A. Andreev // *Open education*. 2013. № 5. P. 40–46.
4. *Bogdanova A.V.* Topical issues of assessing the quality of distance learning courses / A.V. Bogdanova, E.Yu. Konovalova // *ANI: pedagogy and psychology*. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (date of application 30.01.2021).
5. *Zinkevich E.R.* Assessment of the quality of education of students of medical universities / E.R. Zinkevich // *Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical sciences*. 2012. № 26. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-obrazovaniya-studentov-meditsinskih-vuzov> (date of application 03/29/2021).
6. *Kolesnikova A.A.* Assessment of student satisfaction in the context of distance education / A.A. Kolesnikova [et al.] // *Modern problems of science and education*. 2020. № 4. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=30068> (date of application 03/29/2021).
7. *Nikulicheva N.V.* What competencies should a distance learning teacher have and how to form them / N.V. Nikulicheva // *e-Learning PRO*. 2009. № 11. URL : <http://api.ning.com/files/1sis>

8. Программа вычисления точного критерия Фишера (Fisher's Exact Test) // Биометрика. URL : http://www.biometrica.tomsk.ru/programm_stat.htm (дата обращения 01.03.2021).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» № 242-ФЗ. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221184&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8481858128693005#09120512782981511>

10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429>

8. Program for calculating the exact Fisher's criterion (Fisher's Exact Test) // Biometrics URL : http://www.biometrica.tomsk.ru/programm_stat.htm (date of application 01.03.2021).

9. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Application of Information Technologies in the Sphere of Health Protection № 242-FZ. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221184&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8481858128693005#09120512782981511>

10. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429>

Шамаева Кристина Михайловна
аспирантка кафедры
социологии коммуникативных систем,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
anikeewa.kristina@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. В развитии современного общества России особую роль играет современная молодежь. Данный стратегический ресурс является необычайно важным, так как молодые люди определяют будущее любой страны. Создание правового государства и гражданского общества будет невозможным без участия молодого поколения. В рамках данной статьи автором проводится сравнительный анализ тенденций трансформации ценностных ориентаций советского и постсоветского поколений молодежи. В результате исследования автором сделаны выводы о важности современной молодежи как неотъемлемой части социальной системы, которая выполняет особую роль в процессе развития человечества.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, советское время, современная Россия, жизненные цели.

Содержание и характер будущего будут определены за счет молодого поколения. Однако с каждым годом вопросы проблем современной молодежи становятся все более актуальнее. При этом стоит обратить внимание на то, что приоритеты молодежи, как в России, так и во всем мире изменяются. Воспитание в подростках человечности и доброты для дальнейшего избежания проблем молодежи – это та нелегкая задача, которая стоит перед взрослым населением сегодня [1, с. 121].

Противоречивость – это то, как можно охарактеризовать положение молодежи в современном российском обществе. Здесь стоит обратить внимание на то, что данная часть общества считается одной из самых мобильных, для которой характерны быстрые темпы подъема профессионального уровня и служебной карьеры. При этом стоит обратить внимание на то, что по положению молодежи сильно ударили трудности переходного периода, что обусловило тот факт, что только небольшая часть молодежи смогла найти свое место в рыночной системе. Адаптироваться к изменившейся ситуации не смогла именно основная часть, у которой и наблюдается понижение социального статуса, сужение возможности доступа к образованию и культурным ценностям.

Kristina M. Shamaeva
Postgraduate Student of the Department
Sociology of Communication Systems,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
anikeewa.kristina@yandex.ru

TRANSFORMATION OF YOUTH VALUE ORIENTATIONS: INTERGENERATIONAL DIFFERENCES

Annotation. Modern youth plays a special role in the development of modern society in Russia. This strategic resource is extremely important, as young people determine the future of any country. The creation of a State governed by the rule of law and a civil society will be impossible without the participation of the younger generation. Within the framework of this article, the author conducts a comparative analysis of the trends in the transformation of the value orientations of the Soviet and post-Soviet generations of young people. As a result of the research, the author draws conclusions about the importance of modern youth as an integral part of the social system, which plays a special role in the process of human development.

Keywords: youth, value orientations, Soviet times, modern Russia, life goals.

Все это и приводит к росту преступности, девятилетнего поведения и безработицы [3, с.14].

Сравнение ценностей молодежи разных поколений всегда интересовало, как отдельных исследователей, так и целые институты.

Наглядно разницу между поколениями, по нашему мнению, удалось отобразить Центру научной политической мысли и идеологии, который путем электронной рассылки провел опрос 144 экспертов Экспертного сообщества «Российский сетевой интеллект».

Ориентирами были выбраны четыре периода – 80-е и 90-е годы XX столетия и два первых десятилетия XXI века. Эксперты данного Центра считали, что именно эти периоды были наиболее знаковыми по причине исторических событий и повлияли на социокультурные характеристики молодежи [2, с. 47].

Интеллектуальный потенциал, гражданская активность, уровень нравственности – это те характеристики, по которым проводилась оценка по одиннадцатибальной шкале.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о явной деградации.

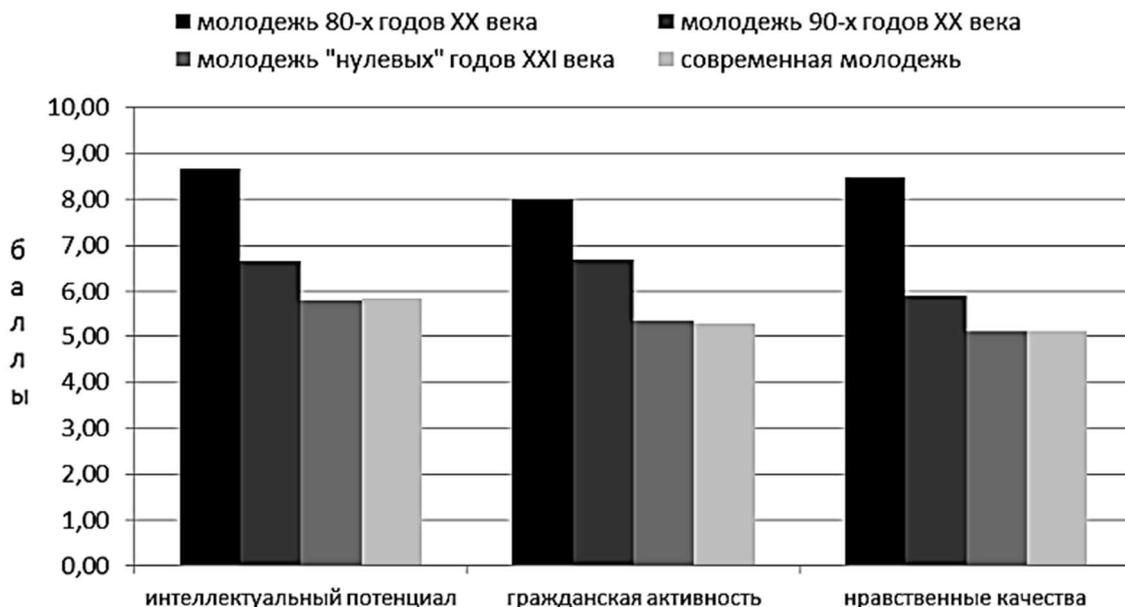

Рисунок 1 – Динамика характеристик молодежи разных поколений

В сфере нравственности были отображены наибольшие изменения. У современной молодежи данная оценка в полтора раза ниже оценки молодежи советского периода.

Выводы данного исследования подтверждают и результаты исследования самого автора, целью которого было сравнение ценности молодежи того времени и поколения сегодняшнего дня. В качестве метода сбора необходимой информации выступили – метод анкетирования.

В качестве опрошенных были выбраны молодые люди в возрасте 16–18 лет и люди 55–60 лет. В первом случае получилось оценить ценности современной молодежи, а во втором случае – ценности молодежи 80-х гг. Анкетирование проходило во всех административных округах города Москвы. Общее число опрошенных составило 200 человек.

На рисунке 2 представлены результаты основных ценностей двух поколений.

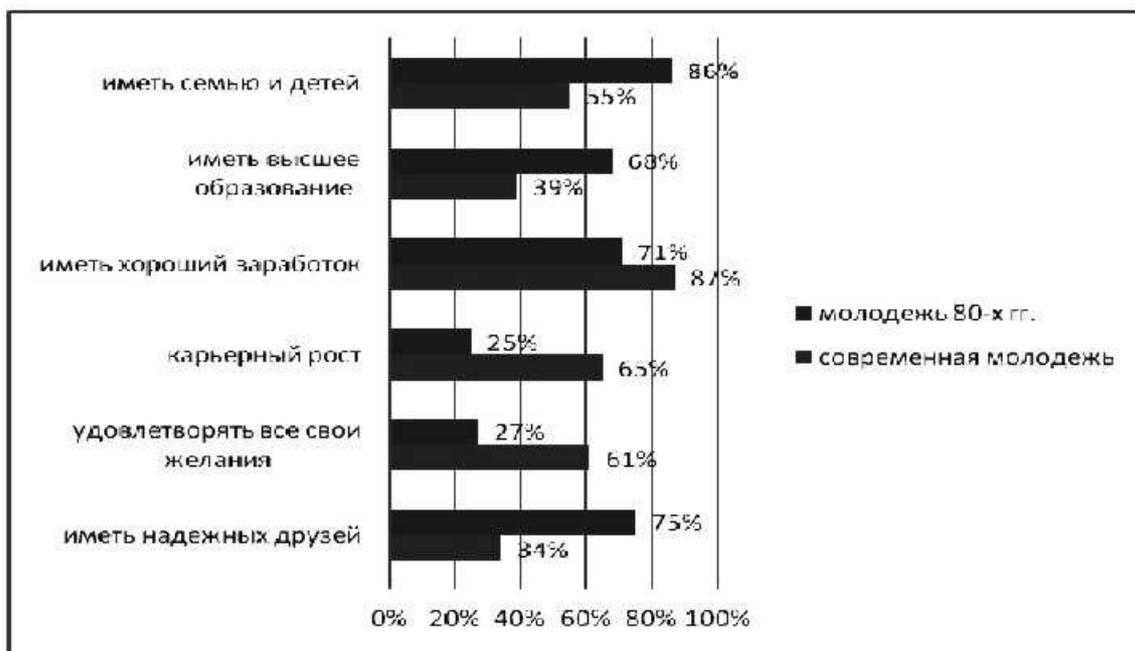

Рисунок 2 – Основные ценности молодежи

На основании ответов можем сделать вывод о том, что материальное благополучие, жажда обогащения и удовлетворение именно своих

потребностей стали доминантами в системе жизненных целей современной молодежи, все остальные ценности ушли на второй план.

Наличие семьи и детей является ценностью всего лишь у 55 % опрошенных, при этом не всегда семейные ценности молодежи соответствуют общественно установленным нормам. Современная молодежь ориентирована, прежде всего, на профессионально-карьерный рост, который преобладает над желанием создания семьи и ведет, по их мнению, к благополучию и материальному достатку, в связи с чем, в современном обществе распространены такие формы брака как: временный, фиктивный, гостевой и так называемый «гражданский».

Таким образом, сходство поколений разных времен определяются за счет возрастных,

Литература:

1. Дедюхина Ю.А. Современная молодежная культура / Ю.А. Дедюхина // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 121–124.
2. Кагитина С.Ю. Эволюция системы ценностей современной российской молодежи / С.Ю. Кагитина // Гуманизация образования. 2017. № 1. С. 46–51.
3. Чижевич Т.А. Молодежная культура как элемент социокультурной динамики / Т.А. Чижевич // В сборнике: Научные труды магистрантов и аспирантов Нижневартковского государственного университета Нижневартковский государственный университет. 2016. С. 13–15.
4. Центр Сулакшина (Центр научной политическо мысли и идеологии). URL : <https://rusrand.ru> (дата обращения 16.08.2020).

психофизических качеств молодежи. Однако для каждой из эпох характерны социально-экономические, культурные, исторические факторы, которые оказывают влияние на молодое поколение.

В процессе развития человечества современная молодежь играет значительную роль за счет того, что для нее характерна постоянная трансформация. При этом стоит обратить внимание на то, что сегодня крайне необходимо сформировать систему воспитания и социализации современной молодежи, которая помогла бы понять им истинные ценности, необходимые для развития здорового общества.

Literature:

1. Dedyukhina Yu. A. Modern youth culture / Yu.A. Dedyukhina // The value system of modern society. 2014. № 33. P. 121–124.
2. Kagitina S.Yu. Evolution of the value system of modern Russian youth / S.Yu. Kagitina // Humanization of education. 2017. № 1. P. 46–51.
3. Chizhevich T.A. Youth culture as an element of socio-cultural dynamics / T.A. Chizhevich // In the collection: Scientific works of undergraduates and postgraduates of Nizhnevartovsk State University Nizhnevartovsk State University. 2016. P. 13–15.
4. Center of Sulakshin (Center of Scientific Political Thought and Ideology). URL : <https://rusrand.ru> (date of application 16.08.2020).

Шмарион Юрий Васильевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры философии,
социологии и теологии,
Липецкий государственный
педагогический институт
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
профессор кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский
Государственный национальный
исследовательский университет
jbshmarion@mail.ru

Ваш Юрий Федорович

аспирант кафедры
социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
vash-yra@mail.ru

Yuri V. Shmarion

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Sociology and Theology,
Lipetsk State Pedagogical Institute
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
Professor of the Department
of Social Technologies and Public Service,
National Research University BelSU
jbshmarion@mail.ru

Yuri F. Vash

Postgraduate Student
of the Department
Social Technologies and Public Service,
Belgorod State National
Research University
vash-yra@mail.ru

**УПРАВЛЕНИЕ МАЛЫМ БИЗНЕСОМ
В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СРЕДЫ**

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов и проблем развития малого бизнеса в условия нестабильной социально-экономической среды. Нестабильная среда характеризуется неопределенностью социальных и экономических процессов, колебаниями рыночной активности, низкой степенью прогнозируемости. Сегодня в качестве основной задачи стоит не совершенствование и развитие сферы малого и среднего бизнеса, а, в первую очередь сохранение его на том уровне, на котором он находится в данный момент и не допустить банкротства.

Ключевые слова: малый бизнес, управление, нестабильная среда, пандемия.

События 2020 года вызвали затруднения во множестве сфер жизни и отраслях экономики, но, едва ли, не в самом тяжелом положении оказался малый и средний бизнес. В 2020 году многие предприятия малого бизнеса были вынуждены приостановить свою деятельность в соответствии с Указами Президента РФ от 25.03.2020 № 206 [1] и 02.04.2020 № 239 [2]. Сегодня, даже в условиях ослабления или снятия ограничений, сфера малого бизнеса сталкивается с множеством рисков, которые видоизменяются под

**SMALL BUSINESS MANAGEMENT
IN AN UNSTABLE SOCIO-ECONOMIC
ENVIRONMENT**

Annotation. The article is enlightened in the study of issues and problems of small business development in an unstable socio-economic environment. An unstable environment is characterized by the uncertainty of social and economic processes, fluctuations in market activity, and a low degree of predictability. Today, the main task is not to improve and develop the sphere of small and medium-sized businesses, but primarily to maintain it at the level at which it is at the moment and prevent bankruptcy.

Keywords: small business, management, unstable environment, pandemic.

воздействием социально-экономических и политических условий.

Е.А. Ядрихинский, исследуя перспективы развития малого бизнеса в нестабильной среде вызванной пандемией COVID-19, отмечает, что: «На сегодняшний день создание и развитие малого бизнеса является крайне непростой задачей, что связано с абсолютно новыми экономическими условиями, которые диктует пандемия COVID-19, начавшаяся в начале 2020 года... В связи с

изоляции, введенной правительствами разных стран, в условиях пандемии наблюдалось за относительно короткий период банкротство беспрецедентно большого количества предприятий малого и среднего бизнеса. В таких сложных экономических условиях представляется мало возможным создание новых бизнес-структур и развитие существующих, так как основной задачей предприятий становится выживание на рынке» [3, с. 129].

Анализируя среду, в которой функционирует малый бизнес сегодня, мы представляем возможным охарактеризовать ее как нестабильную. Нестабильная среда характеризуется неопределенностью социальных и экономических процессов, колебаниями рыночной активности, низкой степенью прогнозируемости. В нестабильной среде специфика и характер неопределенности социальных процессов определяются, прежде всего, огромной ролью субъективного фактора в протекании этих процессов [4].

Данные опроса предпринимателей России в рамках специального проекта «Бизнес-барометр страны» на 16 апреля 2020 г. [5], показывают, что основными проблемами, с которыми столкнулся малый бизнес в условиях пандемии, являются: нечем платить арендные платежи (58 %), нет возможности воспользоваться мерами поддержки для бизнеса со стороны государства (55 %), нет возможности работать удаленно, нет технических возможностей (47 %), спад объемов работ, отсутствие продаж и спроса, потеря клиентов (47 %), отсутствуют средства для основных платежей – зарплата, налоги, кредиты, обязательства по договорам перед поставщиками, пополнение оборотных средств (39 %), нет возможности получить разрешение на работу (39 %), низкая покупательная способность населения (36 %). В работе [6] в анализе проблем малого бизнеса в 2020 году выделяют внешние проблемы, которые рассмотрены выше [5] и внутренние проблемы, которые начинаются, в первую очередь, с самого предприятия и включают в себя решение следующих задач:

- как получить и заработать деньги, что в условиях пандемии становится все труднее. Как распорядится с накопленными средствами? Для этого нужна свежая идея, грамотное планирование, постоянное совершенствование товаров и услуг. Необходимо постоянно сканировать состояние клиентов, с которыми работает малый бизнес на предмет их платежеспособности;
- важным фактором становится планирование деятельности своего предприятия, в котором предусматривается рациональное расходование финансов в условиях быстро меняющихся условий экономики.
- в условиях неопределенности, зачастую, лидер компании, не обладающий социально-технологической культурой, забывает о своих основных обязанностях руководителя и переключается на функции обычного менеджера;

Следует отметить, что малый бизнес и до пандемии находился в достаточно сложном состоянии. Обратимся к результатам нашего исследования «Диагностика социальных технологий управления организационным развитием предприятий малого бизнеса в нестабильной среде», проведенного в 2018 году.

Основной целью исследования являлась социальная диагностика практики управления предприятиями малого бизнеса, определение и анализ проблем и направлений реализации социальных технологий управления предприятиями малого бизнеса в условиях нестабильной среды. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом анкетирования. В качестве выборочной совокупности, с учетом данных официальной статистики о численности и структуре малых предприятий Белгородской области в 2018 году (с учетом микропредприятий), использовалась многоступенчатая производственная выборка с применением на последней ступени квотной выборки с независимыми параметрами (10 % руководителей, 90 % сотрудников – от общего числа работающих). В рамках исследования были опрошены работники предприятий малого бизнеса Белгородской области (N = 500); руководители предприятий малого бизнеса Белгородской области (N = 56); эксперты (N = 30). В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, государственные и муниципальные служащие, курирующие малый и средний бизнес, руководители бизнес-инкубаторов и фондов поддержки предпринимательства.

Анализируя результаты исследования, отметим, что в 2018 году большинство опрошенных экспертов оценили условия развития малого бизнеса в России как неблагоприятные (58,0 %), а 26,0 % выбрали вариант «скорее неблагоприятные» и только, по мнению 7,0 % экспертов, среда для развития бизнеса является благоприятной.

Три четверти опрошенных экспертов согласились с утверждением, что современный малый бизнес в России функционирует в нестабильной среде. По мнению экспертов, (предоставлялся множественный выбор), основными причинами такого положения малого бизнеса, являются: нестабильность проявляется в сфере экономики (52,0 %), в правовом обеспечении и защите малого бизнеса (35,0 %), в государственном управлении сферой малого бизнеса (21,0 %).

Отметим, что с экспертами солидарны и сами представители малого бизнеса. По мнению руководителей малых предприятий, сегодня, малый бизнес сталкивается с множеством экономических и административных барьеров и если экономические барьеры вполне понятны: экономический кризис (67,0 %), высокие налоги (58,0 %), коррупция (52,0 %) и т.п., то административные барьеры, отмеченные респондентами, требуют уточнения и конкретизации.

В первую очередь, вопросы вызывает тот факт, что при внешнем декларировании со стороны власти лозунгов относительно поддержки малого бизнеса и его значимости для экономики, в реальности, данная поддержка осуществляется

достаточно слабо. О негативных тенденциях в развитии малого бизнеса свидетельствуют данные, фиксируемые органами Федеральной службы государственной статистики [7], аналитическими центрами [8], и подтверждаются ответами респондентов.

Так, в качестве основных административных барьеров, которые являются наиболее существенными для ведения текущей деятельности или открытия нового бизнеса на рынке, респонденты определили:

– ограничение органами власти инициатив по организации совместной деятельности малых предприятий (например, в части создания совместных предприятий, кооперативов и др.) (42,5 %);

– ограничение и сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий (41,0 %);

– необходимость установления партнерских отношений с органами власти (25,0 %).

К основным факторам, препятствующим развитию малого предпринимательства, респонденты также отнесли: сложность в получении консультационной поддержки, недостаток актуальной экономической, правовой и нормативной информации и сложность ее получения (71,4 %); трудности в получении государственной поддержки со стороны региональных властей (57,1 %); затрудненный доступ к объектам инфраструктуры (52,1 %).

Таким образом, помимо сложной экономической конъюнктуры, характеризующейся кризисными явлениями, которые приходится преодолевать малому бизнесу, добавляются не менее существенные барьеры, обусловленные трудностями, с которыми сталкиваются представители бизнеса и при взаимодействии с властными структурами. Однако, несмотря на негативную оценку деятельности власти, опрошенные руководители малых предприятий (47,0 %), все же, осознают необходимость участия властных структур в регулировании и поддержке малого бизнеса (рис. 1.)

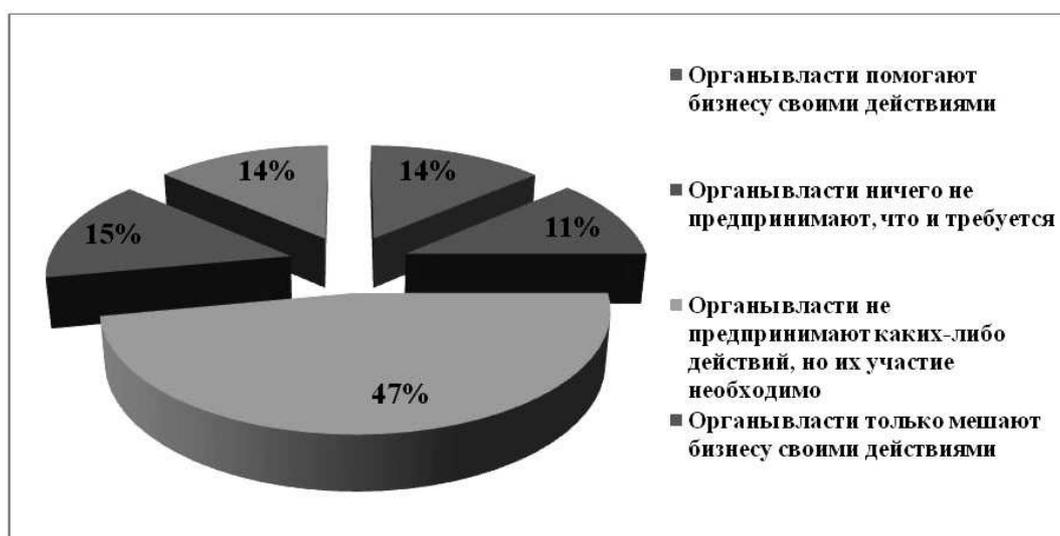

Рисунок 1 – Оценка руководителями малого бизнеса деятельности властных структур в регулировании и поддержке малого бизнеса

Таким образом, представители малого бизнеса четко осознают, что без государственной поддержки развитие и выживание малого бизнеса в современных условиях невозможно. Напомним, что исследование проводилось в ноябре-декабре 2018 года и на сегодняшний день ситуация значительно изменилась не в лучшую сторону.

В 2019 году для того, чтобы оказать поддержку малому и среднему бизнесу государство разработало специальный национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [9]. Данный проект рассчитан на долгосрочную перспективу и должен реализовываться до 2024 года.

Согласно проекту, в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП) должен произойти рост занятости до 25 млн чел. Также, согласно данному документу, на конец 2024 г. в сфере

малого и среднего бизнеса должен произойти такой прирост, чтобы ВВП от данной сферы составил 32,5 % [9].

В 2019 году на реализацию данного проекта государство выделило порядка 481,5 млрд руб. [9]. Однако ситуация, в связи с ухудшающейся пандемией корона вируса, заставила государство пересмотреть поставленные приоритеты. Сегодня в качестве основной задачи стоит не совершенствование и развитие сферы малого и среднего бизнеса, а, в первую очередь, сохранение его на том уровне, на котором он находится в данный момент и не допустить банкротства.

Для предотвращения глобального сокращения субъектов малого и среднего предпринимательства были разработаны и внедрены меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Так, с апреля 2020 года для МСП увеличен срок уплаты административных штрафов;

отсрочены платежи при выкупе арендуемой государственной или муниципальной недвижимости. Для предприятий малого и среднего бизнеса, также, как и для любых других организаций, были введены общие меры государственной поддержки:

– экономия на авансовых платежах по налогу на прибыль;

– продление аренды государственной и муниципальной недвижимости, увеличение авансов по государственным контрактам;

– сокращение проверок;

– освобождение и отсрочки по штрафам.

На наш взгляд, только внешней поддержки для развития малого бизнеса недостаточно, потому что, с целью выживания на рынке, представители малого бизнеса должны существенно трансформировать процессы управления малым бизнесом, и адаптировать их к современным условиям.

А.Ш. Шевлякова и Д.Д. Михайлова справедливо отмечают, что в период пандемии у малого бизнеса, в отличие от остальных, есть преимущество, так как «такие организации более гибкие, они могут быстро реагировать на изменения рынка и адаптироваться к новым реалиям, перестраивать структуру своей бизнес-модели, тем самым оптимизировать свои расходы» [10, с. 893].

Подводя итог, выделим некоторые технологии управления развитием предприятий малого бизнеса, обеспечивающие эффективные трансформации в условиях пандемии:

1) формирование технологий онлайн-продаж, развитие интернет-маркетинга и переход на

Литература:

1. Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.03. 2021 года).

2. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217 (дата обращения 19.03. 2021).

3. *Ядрихинский Е.А.* Перспективы развития малого бизнеса в условиях пандемии COVID-19 / Е.А. Ядрихинский // Разработка и перспективы применения инновационных технологий в контексте мирового и регионального развития. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 129–133.

новые бизнес-планы с учетом развития бизнеса в интернете, с помощью дистанционных технологий;

2) анализ изменения потребительского спроса вследствие изменения социально-экономических условий повседневной жизни;

3) внедрение цифровых технологий в управлении финансами малых предприятий.

Кроме того, целесообразно обратить внимание на следующие меры поддержания деятельности бизнеса: корректировка цен и тарифов, оптимизация логистики, сокращение бюджетов на определенные нужды, репрофилирование бизнеса или расширение спектра услуг, либо сужение спектра услуг и фокусировка на его основных направлениях.

Таим образом, подводя итоги исследованию, согласимся с мнением Е.А. Ядрихинского, и отметим, что предприятия малого бизнеса более гибки по сравнению с большими предприятиями; они быстрее реагируют на изменения рынка и адаптируются в нем, создавая новый проект управления бизнесом и оптимизируя расходы. В период кризисов экономика не стабильна, но малые и средние предприятия обязаны, чтобы выжить, применять социально-технологическую гибкость в принятии решений, основанных не только на антикризисном управлении, но и на новых проектных решениях бизнеса, новых подходах к получению прибыли, использованию новых технологических приемов работы, оптимизации и модернизации [3, с. 133]. В то же время, отметим, что все это невозможно без должной финансовой, экономической, правовой и консультационной поддержки со стороны государства. Только совместные усилия органов государственной власти и бизнес-структур позволят сохранить малый бизнес.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 25.03.2020 № 206 «On the declaration of non-working days in the Russian Federation» URL:<http://www.consultant.ru> (date of application 19.03.2021).

2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 № 239 «On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217 (date of application 19.03.2021).

3. *Yadrikhinsky E.A.* Prospects for the development of small business in the context of the covid-19 pandemic / E.A. Yadrikhinsky // Development and prospects for the application of innovative technologies in the context of world and regional development. Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference. SPb., 2020. P. 129–133.

4. Павлов К.В. Неопределенность в социально-экономической сфере / К.В. Павлов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 29. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-v-sotsialno-ekonomicheskoy-sfere> (дата обращения 19.03.2021).
5. Петровская А.В. Малый бизнес в условиях пандемии: проблемы и пути решения / А.В. Петровская, Ю.С. Ермакова // Экономика: теория и практика. 2020. № 2(58). С. 133–139.
6. Ключевые проблемы малого бизнеса в России 2020. URL : <https://vseproip.com/biznes-ip/maluy/problemy-malogo-biznesa.html> (дата обращения 19.03.2021).
7. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Росстат. М., 2019; Исследование: 1 млн российских предприятий малого и среднего бизнеса закрылись за год. URL : <https://tass.ru/ekonomika/9197739> (дата обращения 09.02.2021).
8. Исследование ФОМ. Итоги масштабного исследования малого бизнеса. URL : <https://fom.ru/Ekonomika/14441> (дата обращения 09.02.2021).
9. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».
10. Шевлякова А.Н. Адаптация малого и среднего бизнеса в условиях пандемии и финансово-экономического кризиса: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / А.Н. Шевлякова, Д.Д. Михайлова; Под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск, 2020. С. 892–899.
4. Pavlov K.V. Uncertainty in the socio-economic sphere / K.V. Pavlov // National interests: priorities and security. 2011. № 29. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-v-sotsialno-ekonomicheskoy-sfere> (date of application 19.03. 2021)
5. Petrovskaya A.V. Small business in the context of a pandemic: problems and solutions / A.V. Petrovskaya, Yu.S. Ermakova // Economics: Theory and Practice. 2020. № 2(58). P. 133–139.
6. Key problems of small business in Russia 2020. URL : <https://vseproip.com/biznes-ip/maluy/problemy-malogo-biznesa.html> (date of application 19.03. 2021)
7. Small and medium-sized enterprises in Russia. 2019. Rosstat. M., 2019; Research: 1 million Russian small and medium-sized businesses closed for the year. URL : <https://tass.ru/ekonomika/9197739> (date of application 09.02.2021).
8. FOM research. The results of a large-scale study of small businesses. URL : <https://fom.ru/Ekonomika/14441>. (date of application 09.02.2021).
9. Passport of the national project «Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative»: approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of 24.12.2018. № 16 // Reference legal system «ConsultantPlus». Sec. «Legislation». Inform. Bank «Russian Legislation (Prof Version)».
10. Shevlyakova A.N. Adaptation of small and medium-sized businesses in the context of the pandemic and the financial and economic crisis: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference / A.N. Shevlyakova, D.D. Mikhailova; Under general revision of A.I. Vostretsov. Neftekamsk, 2020. P. 892–899.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.04.2021
Подписано в печать 26.04.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 62

e-mail: id.yug2016@gmail.com